

Эта серия бесед, которую я назвал "Ливень без туч", будет совершенно новым путешествием. До сих пор я говорил о просветленных мужчинах; теперь впервые я буду говорить о просветленной женщине.

Для мужчины естественна борьба, соревнование. Мужчина знает только один способ побеждать: в борьбе. Женщина знает другой способ побеждать: в капитуляции. Мужчина может потерпеть поражение, даже когда побеждает, а женщина побеждает даже в поражении. Такова разница между ними - и это красиво. Они движутся в противоположных направлениях".

Но не думайте, что вся эта книга посвящена просветленной женщине или различию в Пути мужчины и женщины. Просто Ошо использует сутры Сахаджо, чтобы, как обычно, своими словами, самым своим присутствием, которое так сильно и ярко чувствуется в этой прекрасной книге, сказать, что:

"Бог не был потерян, я только забыл его. И вспомнить его - достаточно. Медитации достаточно". Поэтому в видении медитирующего Божественное переживается не потому, что он его достоин, - потому что оно уже с тобой. Каким бы ты ни был недостойным, оно уже пульсирует у тебя внутри. Поэтому нет речи о том, чтобы быть достойным его. Не может оно быть достигнуто и милостью, потому что нет другого, чтобы давать из милости. Есть только ты. Ты и получающий, и дающий. Ты и искатель, и искомое - ты оба. Ты и путь, и цель, ты и то, и другое.

Ошо.

Ливень без туч

Эта серия бесед, которую я назвал "Ливень без туч", будет совершенно новым путешествием. До сих пор я говорил о просветленных мужчинах; теперь впервые я буду говорить о просветленной женщине.

Для мужчины естественна борьба, соревнование. Мужчина знает только один способ побеждать: в борьбе. Женщина знает другой способ побеждать: в капитуляции. Мужчина может потерпеть поражение, даже когда побеждает, а женщина побеждает даже в поражении. Такова разница между ними - и это красиво. Они движутся в противоположных направлениях".

Но не думайте, что вся эта книга посвящена просветленной женщине или различию в Пути мужчины и женщины. Просто Ошо использует сутры Сахаджо, чтобы, как обычно, своими словами, самым своим присутствием, которое так сильно и ярко чувствуется в этой прекрасной книге, сказать, что:

"Бог не был потерян, я только забыл его. И вспомнить его - достаточно. Медитации достаточно". Поэтому в видении медитирующего Божественное переживается не потому, что он его достоин, - потому что оно уже с тобой. Каким бы ты ни был недостойным, оно уже пульсирует у тебя внутри. Поэтому нет речи о том, чтобы быть достойным его. Не может оно быть достигнуто и милостью, потому что нет другого, чтобы давать из милости. Есть только ты. Ты и получающий, и дающий. Ты и искатель, и искомое - ты оба. Ты и путь, и цель, ты и то, и другое.

1. Просветленные женщины

*Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера.
Бог - не ровня моему мастеру.
Бог дал мне рождение в мир;
мастер - освободил из цикла рождения и смерти.
Бог приставил ко мне пятерых воров;
мастер - вызволил, когда я была беспомощна.
Бог бросил меня в сети семьи;
мастер - обрубил цепи привязанности.
Бог запутал в желаниии и болезни;
мастер - освободил от всего этого посвящением.
Бог заставил блуждать в иллюзии действия;
мастер - показал мое существо.
Бог скрылся от меня;
мастер - дал огонь, чтобы его осветить.
И главное, Бог создал эту двойственность рабства и свободы;
мастер разрушил все эти иллюзии.
Я приношу себя, тело, ум и душу к ногам моего мастера Чарандаса.
Я могу покинуть Бога, но мастера - никогда.*

Эта серия бесед, которую я назвал "Ливень без туч", будет совершенно новым путешествием. До сих пор я говорил о просветленных мужчинах; теперь впервые я буду говорить о просветленной женщине. Легко было говорить о просветленном - я могу его понять, мы относимся к одному и тому же типу. О просветленной говорить немного труднее. Это малознакомая тропа.

В святая святых своего существа мужчины и женщины одинаковы, но их проявления очень различны. Их образ бытия, способ смотреть на вещи, стиль мышления и утверждения не только различны - противоположны. До сих пор я не говорил ни об одной просветленной женщине. Но если у вас есть немного понимания просветленных мужчин, может быть, вы поймете и просветленную женщину.

Так, луч света - белый, но, пройдя через призму, он расщепляется на семь цветов. Зеленое не красно, и красное не зелено, хотя оба эти цвета возникли в результате расщепления одного и того же луча. И в конце концов они встретятся и снова станут одним лучом. Но пока между ними большая разница, и эта разница - очаровательна. Между ними огромная разница, и эту разницу не следует разрушать. Разделение должно сохраняться всегда, потому что в этих различиях сам сок жизни. Пусть красное будет красным, а зеленое - зеленым. Именно поэтому красные цветы цветут на зеленых деревьях. Зеленые цветы на зеленых деревьях не были бы красивы; красные цветы на красных деревьях не смотрелись бы как цветы.

В предельной реальности мужчины и женщины - одно. Там луч становится белым. Но в существовании, в проявленном, их выражения рознятся. И эта разница очень красива. Не нужно стирать эту разницу; ее нужно усиливать! Нам следует не стереть различия между мужчиной и женщиной, но увидеть скрытое в них внутреннее единство. Когда ты начинаешь воспринимать в них одну и ту же ноту, не разрушая различий, - лишь тогда у тебя есть глаза.

Играющий на *вине* перебирает струны, и возникает множество нот. Пальцы одни и те же, струны одни и те же, но небольшие вариации движения пальца рождает разные звуки. Как удачно, что нот много, иначе не было бы никакой возможности музыки! Если бы существовала лишь одна нота, это было бы очень немusыкально и вызывало бы ужасную скуку.

Мир красив из-за этого единства и гармонии в разнообразии. Музыкант один, музыкальный инструмент один; одни и те же струны создают звук, одни и те же пальцы касаются струн - но может возникнуть такое множество тонов.

Мужчина один из этих тонов, женщина другой; они не только различны, но, говорю я, противоположны. Именно поэтому они так привлекательны друг для друга. Они очень отличаются, и потому столь интенсивно стремление узнать, открыть, исследовать тайну друг друга.

Я говорил о Кабире, я говорил о Фариде, я говорил о Мастере Да Хуэе, Будде, Махавире и сотнях других просветленных мужчин. Это несколько монотонно. Сегодня я представляю другой тон. Первый тон нужен был для того, чтобы вы могли слышать второй... потому что, во-первых, происходит редкое явление: когда мужчина достигает последнего уровня просветления, он становится как женщина, он становится женственным. Вот что сказал Даду: "Влюбленный стал возлюбленной". Человек, который был влюбленным, теперь стал возлюбленной. А Фарид, другой мистик, обращается к самому себе: "Сестра, если в тебе осталась лишь жажда истинного, влюбленный близко".

Если вы поймете жизнь Будды, то найдете такую женственность, которая встречается лишь изредка. Лишь в редкой, высокоразвитой женщине вы увидите то же тонкое изящество и нежность чувств. Можете назвать это состраданием, но, если заглянуть глубоко, можно увидеть, что это сострадание - которое Махавира назвал не-насилием - является тенью нового, тенью женщины, рожденной у Будды внутри. Когда мужчина становится просветленным, внезапно на него нисходит очень женственная мягкость.

Все качества, о которых говорил Фарид, - терпение, скромность и так далее, - женственные качества. Скромность - женственное качество; оно очень тонко. Терпение и выносливость - это женственные качества. У мужчины нет терпения. Мужчина очень нетерпелив и всегда торопится. Если бы мужчине пришлось растить детей, они не выжили бы в мире; у мужчин нет такого терпения. Если бы мужчинам приходилось вынашивать детей в утробе, в мире были бы только аборт; ни один мужчина не согласился бы вынашивать ребенка в своем чреве. Кто сможет ждать девять месяцев? Мужчина торопится, подгоняет и остро осознает время. Женщина живет в вечности, мужчина живет во времени.

Однажды я гостил в доме Муллы Насреддина. Мы сидели и болтали после сесты, сидя на кровати, и тут вошла его жена и сказала:

- Послушай, дорогой, присмотри за детьми. Я иду к зубному врачу. Мне нужно вырвать зуб; я тут же вернусь.

Мулла вскочил, надел пальто и сказал:

- Обожди, дорогая! Давай ты присмотришь за детьми - пусть лучше зуб вырвут мне!

Присматривать за детьми - такое мучение! У нас нет такого терпения. Вырастить ребенка очень трудно; пока ребенок встанет на ноги, пройдет двадцать лет. Терпение легко для женщин; для мужчин это дисциплина. Именно поэтому Фарид советует *практиковать* терпение. Но женственный ум подумает: "Что же здесь практиковать?"

Я разъясню вам это различие. Женственный ум думает: "Зачем практиковать терпение? Мы и так терпеливы!" Фарид предлагает *практиковать* скромность. А женщина чувствует, что, если

в ней нет скромности, все потеряно. Скромность - это ее природа. Если женщина и должна что-то практиковать, то это нескромность. Скромность для нее естественна. Скромность для женщины - как листья для дерева.

Трудно найти скромного мужчину. Столь же трудно найти нескромную женщину. А если женщины теряют скромность, то только под влиянием мужчин. Если мужчины и становятся скромными, то под влиянием женщин. То, чего мужчина достигает с помощью великих практик, женщина получает от рождения. Есть и некоторые прирожденные качества мужчины, которых лишена женщина.

Если женщина хочет стать солдатом, она должна пройти через тяжкую тренировку, но, чтобы стать монахиней, ей не требуется никаких усилий. Если женщина должна идти на войну, ей приходится долго готовиться, долго тренироваться, но, если она идет в храм играть, поклоняться и предлагать подношение, ей не нужно ни у кого учиться. Приведи маленькую девочку в храм, и ты увидишь: она будто бы от рождения умеет кланяться. Но если ты приведешь маленького мальчика, то увидишь, что он не поклонится, даже если его заставить. Ему не нравится кланяться. Ему хочется заставить других кланяться себе, но он не хочет никому кланяться сам.

Для мужчины естественна борьба, соревнование. Мужчина знает только один способ побеждать: в борьбе. Женщина знает другой способ побеждать: в капитуляции. Мужчина может потерпеть поражение, даже когда побеждает, а женщина побеждает даже в поражении. Такова разница между ними - и это красиво. Они движутся в противоположных направлениях, и все же между ними царит великая гармония. Противоположности встречаются и дополняют друг друга.

Цветы женственных качеств расцветают в мужчине, когда он подходит к просветлению очень близко. А когда женщина приближается к просветлению, в ней расцветают цветы мужественности.

Будет хорошо, если вы это поймете.

Я говорил раньше и скажу снова: среди двадцати четырех джайнских *тирханкар* была одна женщина. Ее звали Маллибай, но *дигамбары* переделали ее имя в "Малинатх", потому что просто не могли принять, что женщина может стать просветленной; они говорят, что просветления нельзя достичь из женского тела. Поэтому они не согласны, что Маллибай звали Маллибай - они называют ее Маллинатхом.

В этом есть и более глубокое значение. Дело в том, что, когда женщина приближается к просветлению, в ней расцветают мужественные качества. А когда мужчина приближается к просветлению, в нем расцветают женственные качества. Почему это происходит? Чтобы это понять, нам придется понять нечто о человеческом уме.

И те, и другие качества присутствуют к каждому человеку: женщина скрыта внутри мужчины, мужчина скрыт внутри женщины. Так и должно быть, потому что мы рождаемся от двоих: половину вносит мать, половину - отец. Ты не можешь быть только женщиной или только мужчиной; ты - союз мужчины и женщины. Они встретились, слились воедино, и из этой встречи производишь ты; поэтому ты наполовину женщина, наполовину мужчина.

В чем тогда разница между мужчиной и женщиной? Лишь в том, что в мужчине мужчина на поверхности, а женщина остается скрытой; женщина глубоко внутри, а мужчина - на периферии. В женщине же женщина на поверхности, а мужчина остается скрытым. А когда ты просветлен, когда твое сознание возвращается в свой молчаливый центр, тогда то, что до сих пор было скрыто, становится проявленным. То, что до сих пор было непроявленным, что до тех пор было скрытым, тоже проявится. Именно это говорит мистик Даду, мужчина: "Влюбленный становится возлюбленной". В этот последний момент внезапно ты обнаружишь, что ты по-прежнему мужчина, но происходит нечто новое - внутри открывается новая дверь, которая до

сих пор была закрыта.

И естественно, когда непроявленное становится проявленным, это приносит огромную свежесть. На уже проявленном собралось столько пыли - ты это прожил, это стало частью твоего опыта; новизна утрачена. Когда внезапно проявляется скрытое, когда женщина проявляет себя в мужчине, который близок к моменту просветления, близок к центру своего существа, она совершенно скрывает мужчину. И мужчины-будды становятся женственными, потому что женское закрывает мужское. В просветленной женщине возникает великое мужество, внезапно проявляется скрытый мужчина.

Это происходит вблизи центра, когда до просветления остается только шаг. Это происходит не в самом центре; остается еще шаг, некоторое расстояние. Теперь ты больше не на периферии, но не достиг еще и центра; ты приблизился к центру. Ты ушел с периферии, и то, что раньше было скрытым, стало проявленным.

В предельном состоянии ты не будешь ни мужчиной, ни женщиной. В центре оба они исчезают. Тогда ты будешь только одним цветом - сияющим белым. Ты не будешь ни красным, ни зеленым; тогда радуга цветов исчезнет. Когда радуга исчезает, исчезает и мир. Тогда остается лишь одно.

Это "одно" мы не называем даже *одним*, потому что "одно" дает идею о "двух". Мы назвали это *адвайтой*, не-двойственностью - мы только сказали, что это *не два*. Тогда нет ни женщины, ни мужчины. Индуисты поступили очень смело. Они отнесли *брахман*, вечную реальность, к среднему роду - ни мужскому, ни женскому, - потому что там исчезают они оба.

Иисус сказал очень странные слова; у христиан с ними было много трудностей. Он снова и снова говорит своим ученикам: "Хотели бы вы стать евнухами ради Бога?" У христиан с этим трудности - "Как можно такое говорить?" Но Иисус прав. Именно это происходит в последнее мгновение: ты не будешь обоими, но выйдешь за пределы обоих. Ты будешь свободен от них обоих.

Вчера вечером я читал еврейское священное писание, "Miderase". В каком-то месте там говорится: "В *Торе* есть два пути". В религии есть два пути: путь солнечного света и путь снега. Следуя первому, ты умираешь от солнца, от жара. Следуя второму, ты умираешь от снега, от холода. Что делать? "Miderase" говорит: Балансируй между ними. Между ними ты - ни мужчина, ни женщина. Идя путем мужчины, ты умрешь от жара, идя путем женщины - от холода. Что же тогда делать? - балансируй между ними.

Но это происходит - когда человек освобождается от них обоих - в самом конце, когда луч света снова становится лучом света. Радуга возникла и исчезла, мир проявился и исчез; ты снова вернулся к корням, достиг источника.

Поймите некоторые вещи о женском уме, и тогда легко будет понять слова Сахаджо.

Первое: выражение женственного ума принадлежит не медитации, но любви. Женщина достигает не в медитации, но в любви. Она познала медитацию лишь через посредство любви. Она насыщена любовью. Для нее название медитации - любовь, молитва.

Мужчина может жить один. Фактически, мужчина хочет жить один. Эго не хочет общаться, потому что в общении придется в чем-то уступить, несколько поступиться своим упрямством. Ты должен подстроиться под уровень другого. В этом смысл дружбы - мы считаем друга равным себе.

Но значение любви в том, что мы считаем другого высшим. Поэтому борющийся ум мужчины не готов к дружбе. Любовь для него очень трудна, а молитва - невозможна. Молитва означает, что ты кладешь свою голову к ногам другого. Даже если мужчина склоняет голову, он делает это не от всего сердца, но по принуждению. Он склоняется, когда нет другого выхода, когда чувствует себя беспомощным. Он склоняется не из силы, но из слабости. Он склоняется не

когда побеждает, но когда проигрывает. Он не чувствует никакого блаженства, склоняя голову; вместо этого он чувствует дискомфорт.

На Западе слову *самарпан* эквивалентно слово "капитуляция" [*Surrender* - капитулировать, сдаться, уступить, отдать], но оно не передает того ощущения, что *самарпан*. Слово "капитуляция" указывает на то, что ты побежден. На Западе "капитуляция" означает, что ты побежден кем-то, кто заставил тебя склониться. На Востоке *самарпан* означает, что ты признал поражение и склонился сам, никто тебе этого не навязывал. Западные языки несут следы сильного мужского влияния, на восточные языки влияли женщины. Поэтому вы найдете, что все, что значительно в восточных языках, женственно. Все слова, выражающие преданность, ненасилие, доброту, молитву, поклонение, женственны. Все, что тонко и грациозно, мы называли женственными словами; они содержат некое женственное качество.

Мужчина агрессивен, воинствен; женщина восприимчива; она сдается. Для мужчины легка медитация, йога и аскетические практики; для женщины - любовь, молитва, поклонение, жертвенность. Мужчина придает большое значение абстрактным, несущественным, туманным словам, а не реальным вещам, которые можно "потрогать". Нет, он говорит об отдаленном, он говорит о небе.

Женщина более реалистична, она говорит о близком, она говорит об окружающем. Послушайте разговоры женщин: они обсуждают, что происходит по соседству. Послушайте разговоры мужчин - что происходит во Вьетнаме, что происходит в Израиле? Для женщин это непривлекательно: "Зачем говорить о таких отдаленных вещах? Мы не имеем к ним никакого отношения". Мужчине не интересно, что жена соседа сбежала с кем-то другим. "Ну и что? - говорит он. - В этом нет ничего особенного. Так обычно и бывает. Важные вещи происходят в Израиле, в Америке, во Вьетнаме".

Мир такой большой, Земля такая большая - но мужской ум не удовлетворен даже этим. Он говорит о Луне, о Марсе. Женщина в недоумении: "А что ты будешь делать, когда доберешься до Луны, до Марса? Лучше пойдти и поработай в саду. Лужайка заросла, пойдти и подстриги ее. В доме грязно, наведи порядок. Что тебе делать на Луне?" Женщину не интересует отдаленное, абстрактное. Она хочет то, что видит, - она мать, она жена, она земля. Ее интересуют близкие, осязаемые, практичные вещи.

Между человеческими существами много различий, между мужчинами и женщинами много различий. Мужчина говорит "родина", женщина говорит "наш дом". Мужчина говорит "человечество"; женщина говорит "мой сын, мой муж, мой брат".

Границы женщины определяет семья. Женщина подобна маленькой свече, которая освещает пространство вокруг. Она светит семье. Мужчина как прожектор: он не светит вокруг себя, его лучи светят вдаль, и ему не терпится увидеть то, что далеко.

Мужчина смотрит в даль, женщина смотрит только вокруг себя. Это значит, что, когда мужчина говорит о Боге, женщина говорит о мастере - потому что Бог очень далек, а мастер очень близок. Может быть, Бог - это только гипотеза, концепция, слово. Знает ли Его кто-нибудь? Видел ли Его кто-нибудь? Но мастер очень реален - его ног можно коснуться руками. Как коснуться ног Бога? Для женщины мастер становится важнее даже Бога.

Слова Сахаджо кажутся очень атеистическими:

Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера.

"Я могу покинуть Бога, - это нетрудно, - но оставить мастера невозможно". Мужчина сказал бы это не без некоторых колебаний. Он сказал бы, что ради познания Божественного в конце концов придется отбросить мастера: однажды придется отбросить мастера и встретить Бога.

Женщина говорит: "Если Бог хочет встретиться со мной, пусть придет ко мне в форме мастера - я не могу оставить мастера. Бога находят, не отбрасывая мастера, но в самом мастере".

Это реалистичная точка зрения, потому что мастер так близок и реален. У него такое же тело, что и у тебя, у него такие же глаза. Он - гораздо большее, чем ты, но все же он такой же. Он - нечто большее; в нем есть некое сокровище. Он - нечто большее, чем ты, но, несомненно, он все же точно такой же.

Бог совершенно не такой, как ты. Не важно, насколько он больше, его нельзя воспринять, невозможно прикоснуться к его реальности. Если послушать слова мужчин, они говорят о непроявленном, бесформенном, бессвойственном. Никто никогда Его не видел, никто никогда Его не слышал, никто никогда Его не касался. Даже слова Его не достигают, не говоря уже о том, чтобы коснуться Его рукой! Его нельзя увидеть глазами, потому что Он не объект, не материя и не имеет формы. Он - бесформенное, без-свойственное существование. Не спрашивай, где Он; Он везде.

Для женщины это просто пустые слова. Всего лишь слова, великие слова, но, кажется, в них нет никакой истины. Женщина говорит: "Богу стоит доверять, только если у него есть форма. Если у него есть форма, лишь тогда мы можем верить", - потому что женщина хочет любить, а не медитировать.

Поймите эту разницу. Если ты медитируешь на что-то, подойдет даже бесформенное. Фактически, любая форма будет препятствием для медитации. Но если ты хочешь любить, как можно любить того, у кого нет формы? Как его обнять? Как прижать его к сердцу? Он бесформен. Слово "бесформенное" просто пусто. Оно не вызовет в тебе никакой любви, никакой преданности. Оно так велико, что невозможно его воспринять. Ты можешь в нем утонуть, но как тебе его любить? Ты можешь в нем исчезнуть, умереть, но как в нем жить?

Преданный скажет: "Нет, Бог обладает свойствами. Все свойства - Его". Преданный скажет: "У Бога есть форма; все формы - Его. Именно Бог принял формы цветов, деревьев, гор, водопадов". Женственный ум не решится идти за пределы форм - нет и такой необходимости. Мужской ум чувствует, что форма его ограничивает.

Попытайся понять одно: мужчина чувствует рабство даже в любви, женщина в любви чувствует освобождение. Даже влюбившись, мужчина думает: "Зачем мне это рабство?" Когда женщина влюбляется, она говорит: "Эти цепи прекрасны, потому что именно они освобождают меня". Этот язык... эти два языка принадлежат разным мирам: для женщины любовь несет освобождение, для мужчины - рабство.

Наверное, многие слова создали мужчины... Я получаю много приглашений. От одного отца пришло приглашение на свадьбу: "Мой сын будет связан любовными узами". Почему "связан любовными узами"? "Он женится. Мы хотим получить твои благословения". Какие благословения? - он же надевает цепи! Он садится в тюрьму; было бы лучше, если бы он этого не делал.

Но в мужском языке женитьба - это оковы. Он всегда думает: "Беги, оставь этот дом, уйди в Гималаи! Оставь эту семью..." Даже если он остается, то неохотно, как будто по принуждению: "Что мне остается? Мне некуда деваться - у меня дети, у меня жена. Это такая ответственность - узы".

Женщины никогда не говорили о такого рода *санньясе*: бежать, скитаться, идти в Гималаи. Женщина пытается найти божественное вокруг себя, где бы она ни была. Она пытается найти божественное рядом.

Упанишады говорят: "Бог дальше самого дальнего, ближе самого близкого". Я хотел бы добавить к этому: для мужчины Бог дальше самого дальнего; для женщины Бог ближе самого близкого.

Именно поэтому мужчина смеется над женщиной, которая держит у себя статую Кришны. Она ее наряжает, надевает украшения и корону из павлиньих перьев. Слезы катятся у нее из глаз, и она танцует в экстазе - а мужчина смеется над ней, когда она танцует в экстазе. Мужчина идет в лес, убегает и отрекается от всего. Он сидит под деревом перед священным огнем, гордый и прямой. Женщина чувствует, что он сошел с ума! Но чувства обоих естественны, потому что их образ жизни и измерения различны.

Именно поэтому я говорю, что это будет новое путешествие.

Сахаджо - не единственная женщина, о которой я собираюсь говорить, но я начну с нее, потому что в ней женственность проявляется в самой кристаллизованной форме. Прежде чем вникнуть в ее слова, позвольте мне сказать, что, даже если мужчина, полный женственности после просветления, говорит о женственности, все равно это пустые разговоры. Сколько бы он ни называл себя "сестрой", Фарид остается Фаридом. Даже называя себя "сестрой", внутри он остается прежним; он знает, что он мужчина. Если ему неожиданно сказать: "Эй, сестра, как дела?", он разозлится. Он скажет: "У тебя что, глаз нет?" Он может говорить это о себе сам, но ты этого сказать не можешь.

Как бы Фарид ни лез из кожи, мужчина останется мужчиной. Когда он чувствует женственность, она покрывает его снаружи. Кажется, будто его окружают облака. Он это принимает, но все же глубоко внутри мужчина есть мужчина. Даже в этом приятии видна определенного рода гордость. Когда веревка сгорает, она сохраняет прежнюю форму. Она превращается в пепел, но пепел по-прежнему показывает форму веревки. Это естественно, так и должно быть.

Будда достиг истины - и все же не хочет посвящать женщин. Он испытал опыт истины полностью, без изъяна, он познал, что мы не мужчины и не женщины, - и все же различие сохранилось. Во внешнем по-прежнему осталось различие. Когда женщины просили его о посвящении, он колебался. Это колебание сгоревшей веревки: ее больше нет, но старая форма сохраняется.

Он колебался мгновение: "Если я буду посвящать женщин, начнутся проблемы". Мысль о проблемах пришла ему в голову, потому что у него сохранилась память о том, что он был мужчиной. Веревка сгорела, но следы ее формы сохранились. Он знал, что, если он будет посвящать женщин, мужчины и женщины окажутся вместе и возникнут проблемы. Между ними будет больше и больше притяжения; мужчины будут влюбляться в женщин. Даже если мужчины попытаются держаться поодаль, это трудно, потому что женщины не могут жить без любви. Даже если мужчины попытаются избегать женщин, это мало поможет. У женщин есть способы побеждать мужчин... они так искусны, что умеют побеждать без всякого шума, не используя никакого оружия. Это все осложняло...

Если монах болен и монахиня массирует ему голову, ноги... в этом массаже - ног, головы - возникнет чувство любви к женщине. Может быть, она даже не будет осознавать, что провоцирует это чувство. Она может даже не думать об этом, это может не входить в ее намерения, но вопрос не в этом - возникнет чувство любви. Монах почувствует нежность к этой женщине, и женщина начнет появляться в его снах. Иногда монах будет притворяться - даже если у него не болит голова, просто чтобы почувствовать прикосновение этих мягких рук. Мало-помалу это притяжение будет становиться глубже и глубже.

И Будда испугался. Кто в нем испугался? - испугался мужчина, мужчина, который вышел за пределы формы, но от которого остался пепел. Но в конце концов он согласился, потому что его просили столько женщин. Он согласился, но очень неохотно. Он сказал: "Моя религия могла бы существовать пять тысяч лет, но теперь она проживет не больше пятисот, потому что мужчины и женщины будут жить вместе и это создаст семью".

А санньяса Будды чисто мужская: она против семьи. Эта санньяса для того, кто уходит в лес. Будда сказал, что, если появится и женщина, вскоре она начнет создавать семью. Ученые говорят, что, если бы мир слушался мужчин, в нем не было бы домов - в лучшем случае, палатки. Люди путешествовали бы с палатками как цыгане, кочевники. Мужчины совершенно не любят строить дома. Они не любят сидеть на одном месте. Мужской ум очень непоседливый, он говорит: "Посмотри мир - езжай туда-то и туда-то".

Женщины просто не могут понять этой непоседливости и бродяжничества. Почему бы мужчине не сидеть дома тихо, в мире и покое? Но он не может расслабиться. Он идет в Ротари-клуб, в Клуб Львов, в Клуб Пуны. Даже возвращаясь домой после целого дня работы, совершенно усталый, он говорит: "А теперь я пойду в клуб и расслаблюсь". Как только закрывается лавка, он должен идти в клуб. После клуба он должен идти на вечеринку. После вечеринки он должен разобраться в политике. После политики идет что-то еще, ему еще что-то нужно. Женщина в растерянности и не понимает, почему мужчина не может спокойно сидеть дома. Но это не входит в свойства мужчины.

Дома создаются женщинами. Именно поэтому на языке хинди жена, женщина, которая живет дома, называется *гхарвали*. Никто не называет женатого мужчину, у которого есть дом, "гхарвалой" [*Гхар* (хинди) - дом; *вала* (*вали*) - водитель (-ница), устроитель (-ница)] - потому что это не так. Это слово ему не подходит. Женщина *есть* дом, и мужчина привязан к этому столбику. Он остается из-за любви, иначе он просто бродил бы повсюду.

Вся цивилизация основана на женщине, потому что, если бы не было домов, не было бы и городов. А без городов нет и цивилизации. Мужчина может быть цыганом, самое большее, *балучи*; он может быть кочевником, как *балучи*. Именно поэтому заметно, что женщины *балучи* приобрели мужские качества, женщины *балучи* сильнее наших мужчин. Если такая женщина возьмет тебя за руку, ты не сможешь вырваться! Они естественно приобрели мужские черты, потому что жили наравне с мужчинами, как цыгане. Они перемещаются каждый день: сегодня здесь, завтра там, послезавтра где-то еще. Из-за этих тягот женщины *балучи* стали очень сильными. Наши мужчины ослабели, потому что, привязанные к дому, они стали как женщины. А женщины *балучи* стали как мужчины. Образ жизни оказывает эффект: он обуславливает.

Мужчина и женщина - это два разных измерения. И, глубоко поняв их различия, ты найдешь, что слова Сахаджо становятся яснее. Не пытайся понять их с мужской точки зрения. Просто забудь, кто ты, иначе на пути встанут твои верования.

Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера.

Это может сказать только женщина, потому что для нее Бог - это отдаленная гипотеза; кто знает, существует ли он? Видел ли ты когда-нибудь, есть ли Бог на небе? Поэтому мы можем оставить бесформенное, но не можем оставить мастера. Мастер в форме и присутствует здесь - его можно коснуться, его можно увидеть; можно почувствовать запах его тела, посмотреть ему в глаза, взять его руки в свои, коснуться его ног; между ним и нами есть мост, он реален.

Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера.

В этих словах огромная храбрость. Только женщина может такое сказать. Даже Фарид бы дрогнул, даже Кабир бы поколебался. Они бы сказали: "Отречься от Бога?.." Если бы даже они это и сказали, то косвенно; они не смогли бы сказать прямо. Женщина более прямодушна. Она не блуждает в длинных и двусмысленных сентенциях. Она все говорит прямо; ее не опутывают сети логики. Это прямое выражение сердца; понравится это Богу или нет, для нее не важно.

*Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера.
Бог - не ровня моему мастеру.*

"Нет, я не вижу, чтобы Бог был равен моему мастеру..." Очень сильное выражение. Сахаджо говорит: "Я не смогла бы поставить Бога на равной ноге с моим мастером, я не могу усадить его на тот же трон. Может быть, он хороший и красивый, может быть, он сам создал мир - но я не могу поместить его так же высоко. Мой мастер выше Бога".

Мужчины тоже дерзали обожествлять своих мастеров, но, самое большее, они помещали мастера на один уровень с Богом; они не могли поставить его над Богом. Кабир сказал: "Мастер и Бог стоят передо мной - чьих ног мне коснуться?" Возник вопрос: чьих ног коснуться? Оба стоят перед ним... "Я кланяюсь мастеру: ты показал мне Бога", - я касаюсь ног мастера. Но по какой причине? "Ты показал мне Бога, поэтому я тебе кланяюсь". Все дело в Боге. Он касается ног мастера, но причина... Зачем касаться ног мастера? Вот в чем причина: "Ты показал мне Бога. Без тебя я не знал бы Бога, поэтому я касаюсь твоих ног - ты только средство, Бог - цель". Хотя Кабир коснулся ног мастера, он ясно указал, что Бог выше мастера. Кабир поступил умно, очень дипломатично, попытавшись ублажить обоих. Он коснулся ног мастера и сказал: "Я касаюсь твоих ног, потому что ты показал мне Бога". Касаясь ног мастера, он доставил ему радость - не прогневав и Бога. Скорее, Богу тоже приятно - "В конце концов, он касается ног мастера только из-за меня".

Кабир не смог сказать так, как Сахаджо.

Бог - не ровня моему мастеру.

"Нет, я могу тебе поклоняться, но не могу поставить так же высоко, что и своего мастера. Я не могу посадить тебя на такой же трон". Когда с женщиной происходит любовь, в ней есть и Бог. Тогда она не может поставить выше нее никакого Бога, это невозможно, потому что ничто нельзя поставить выше любви. Она приводит обоснования, и эти обоснования красивы: "Бог дал мне рождение в мир". Поймите, Кабир тоже объясняет, почему он коснулся ног мастера: "... потому что ты показал мне Бога". У Сахаджо свои причины. Она не может признать Бога равным своему мастеру и ясно указывает причину:

Бог дал мне рождение в мир...

Бог послал ее в мир, но в этом смысле его не за что благодарить.

... Мастер - освободил из цикла рождения и смерти.

Сахаджо говорит: "Мастер освободил меня от мира. Кого же я должна благодарить, Бога или мастера? Что сделал для меня Бог? Послал совершенно одну в этот путь, полный тьмы, бросил в неизвестный, трудный поход - вот что сделал Бог. А что сделал мастер? Вернул меня на путь света. Поддержал, взяв за руку. Не бросил меня, когда я заблудилась. Бог оставил меня в одиночестве в лесу; мастер снова вывел на тропу. По какому праву Бог думает, что я должна поставить его над мастером?"

Нет, я скорее оставлю Бога, чем покину мастера. Бог - не ровня моему мастеру. Бог дал мне рождение в мир. "Ладно, я признаю, что он создатель, но что я выиграла от этого рождения? Что я получила в этой жизни? Ничего, кроме страдания, боли, тоски. Должна ли я благодарить

Бога за это бремя страданий?"

... Мастер - освободил из цикла рождения и смерти.

Эта женщина выражается ясно; мужчина говорит обиняками.

*Бог приставил ко мне пятерых воров;
мастер - вызволил, когда я была беспомощна.*

Она говорит: "Ты приставил ко мне пять воров, вот как ты меня благословил - если можно назвать это благословением. Ты дал мне пять чувств, чтобы они преследовали меня. Ты дал мне сеть желаний; трудно было вырваться из этой сети. Ты заковал меня в оковы, не освободил. И оставил беспомощной сиротой. Ты исчез где-то вдалеке, и у меня не осталось ни малейшего намека на то, кто мой хозяин, - я поверила, что подчиняюсь органам чувств, и стала им следовать. Ты оставил меня в этом мираже. Ты оставил меня блуждать в бесконечной пустыне. Почему же, Бог, ты считаешь, что я должна поставить тебя над мастером? Мастер освободил меня - освободил от беспомощности и дал приют.

*Бог бросил меня в сети семьи;
мастер - обрубил цепи привязанности.*

"Ты бросил меня в сети", - говорит она. Это очень любящие жалобы! Это прямолинейный диалог с Богом, в нем нет никаких уловок. Вот в чем трудность: когда возникает диалог между мужчиной и женщиной, настоящего диалога не получается, потому что мужчина говорит дипломатично, а женщина - прямо. Общенья не происходит, потому что мужчина не понимает, как можно что-то говорить прямо, а женщина не понимает, зачем ходить кругами, - "Скажи прямо!"

Женщина говорит определенно, по существу. Мужчина тысячей способов прячет то, что хочет сказать, и скрывает то, что не хочет сказать.

... Мастер - обрубил цепи привязанности.

Это не великая поэзия. Поэзия Кабира - вот это поэзия. Песни Фарида - действительно песни. Но в словах Сахаджо нет великой поэзии, они дают прямой толчок. В них нет большой выразительности, они безыскусны, но прямы - слова простой женщины с ясным сердцем. *Бог бросил меня в сети семьи.* "Ты создал сети семьи, вот как ты привел меня в этот мир. Ты утопил меня в нем, я в нем страдала. Нигде не было приюта. Нигде не было тени, лишь жаркое солнце, лишь страдание".

... Мастер - обрубил цепи привязанности.

"Мастер расчистил целые джунгли привязанностей, которые ты создал. Нет, не говори мне, что я должна поставить тебя над мастером!"

Бог - не ровня моему мастеру.

"Этого я не могу сделать. Невозможно. Я вижу, что ты ему не равен. Не обижайся - нет

причин обижаться, - потому что это просто факт жизни".

*Бог запутал в желани и болезни;
мастер - освободил от всего этого посвящением.*

Мастер обрубил цепи привязанности - хорошо понять, что такое привязанность. Именно так вы понемногу начнете понимать различия между мужчиной и женщиной. Мужчина, даже в молитве Богу, скажет: "Освободи меня от эго" - потому что для мужчины страдание в эго. Женщина скажет: "Освободи меня от привязанности". Страдание женщины не в эго, страдание в привязанности - *мой сын, мой муж, мой дом, моя одежда, мои украшения* - это чувство "моего". Настоящая болезнь женщины не эго, но привязанность, "мое". Для мужчины - "я", для женщины - "мое".

Если у женщины отнять "мое", "я" отпадет; если отпадает "я" мужчины, это удаляет и его "мое". Пока мужчина не свободен от эго, он не может быть освобожден от привязанности. Пока женщина не свободна от привязанности, она не может освободиться от эго. И эти слова очень ясны и просты: "Мастер обрубил цепи привязанности". Мастер шаг за шагом дал понимание. Он постепенно пробудил понимание того, что никто не "мой". "Мой" это ложь, "мой" это сон, "мой" это просто волны, возникающие в мозгу, не реальность. Мы рождаемся одни - нас не сопровождают никакие "наши". Сама идея "моего" порождает мир.

*... Мастер - обрубил цепи привязанности.
Бог запутал в желани и болезни...*

Вы должны понять три слова: *рога*, болезнь, *бхога*, желание, и *йога*, единство с божественным. *Рогой*, страданием, называется состояние, духовное состояние полной отсоединенности человека от божественного. Именно поэтому *рога* иногда называется также *асвастхья*, дисбаланс. Если ты правильно понимаешь слово *асвастхья*, будет ясно и значение слова *рога*. *Асвастхья* значит, что ты не центрирован, твой центр тяжести не находится в тебе самом. Быть здоровым - значит иметь центр тяжести в самом себе, в собственной природе. В то мгновение, когда ты отдаляешься от своей природы, ты погружаешься в болезнь. Этот недуг, *асвастхья*, и есть *рога*, болезнь. *Рога* - это величайшая возможная отдаленность от божественного.

Три слова измеряют расстояние до божественного: *рога*, бесконечное расстояние, и *йога*, отсутствие расстояния, союз. *Бхога*, желание, находится между ними. Путь от состояния болезни к единению лежит через желание.

Иногда на долю секунды ты встречаешь божественное - короткая встреча, за которой следуют годы разлуки. Именно это называется *бхогой*, желанием. *Бхога* значит: ты ешь какую-то пищу, на мгновение получаешь проблеск вкуса, и этот вкус приносит глубокую удовлетворенность: в это мгновение удовлетворенности ты ближе всего к своей природе. В этом проблеске ты приближаешься к божественному.

Вот почему Упанишады говорят: *аннам брахман* - пища есть Бог. Когда мудрец, пророк, чувствует вкус, в еде он приближается к Богу, не к еде. В еде он переживает божественное - *аннам брахман*.

Тантра говорит: секс близок к *самадхи*, сверхсознанию. Тантрические писания говорят: *вишайананд брахмананд саходар*, блаженство секса и блаженство Бога - братья. Физический секс сродни божественному блаженству; они рождаются из одной утробы. В некоем глубоком оргазмическом состоянии секса, в то мгновение, когда теряются все мысли, весь контроль -

когда тебя поймали руки божественного, и ты дрожишь и извиваешься в его руках, как листья деревьев под порывами урагана; когда ты не владеешь, не контролируешь, не делаешь - на это мгновение блаженство секса сродни божественному блаженству. Но это происходит лишь на мгновение, и снова на много дней возникнет расстояние. Поэтому желание иногда приближается к единству с божественным, затем снова соскальзывает в болезнь. *Бхога*, желание, может на мгновение привести к йоге, а затем снова к *роге*, болезни, - навсегда.

Сахаджо говорит: *Бог запутал меня в желании и болезни*. "Ты дал мне болезнь или, самое большее, желание. Не могу сказать, чтобы ты дал мне что-то еще. Да, изредка ты давал мне проблеск. Но даже с этим проблеском я не могла найти покоя, он лишь делал мое страдание еще интенсивнее. Я испытывала покой на одно мгновение, но затем - много, много мгновений страдания. Ты дал мне желание, ты дал мне болезнь - не слишком щедрые дары". *Мастер - освободил от всего этого посвящением*. "Мастер дал мне йогу, единение; он дал мне свободу от желания и болезни".

Когда ты испытываешь единение с божественным, телесное желание исчезает из ума само по себе, потому что, если достигнуто высшее, кто захочет держаться за низшее? Найдя бриллианты и изумруды, кто станет держаться за обычные камни? Когда ты переживаешь единение с божественным, желание исчезает. А когда желание исчезает, у тебя нет способа уйти от божественного. Желание было путем, ведущим лишь к болезни: желание было транспортом, приводящим тебя к умственному и физическому нездоровью. Когда исчезает желание, исчезает и нездоровье.

Это не значит, что у святого, пробужденного, никогда не бывает болезней. Болезнь может случиться и с пробужденными, но *они сами* никогда не болеют. Рамакришна умер от рака. В умах многих возникают сомнения... Рамана Махарши тоже умер от рака. Смерть Махавиры была вызвана болезнью живота, дизентерией. Будда умер от пищевого отравления. Прежде чем умереть, Махавира болел дизентерией шесть месяцев.

Вопрос в том, случаются ли болезни с теми, кто познал единение? С *ними* ничего не случается, но тело - это другой вопрос. Махавира отделен от тела, тело отдельно от Махавиры. Ты совершенно отождествлен со своим телом. Махавира отделен и от тела, и от болезни, потому что с телом связывает желание. В тот день, когда он переживает единение, *йогу*, эта связь кончается. Теперь тело отдельно, душа отдельно - все мосты между ними исчезли.

И из-за исчезновения этих мостов иногда тела тех, кто достиг *йоги*, болят больше, чем тела искателей удовольствий. Это происходит потому, что тело перестает быть фокусом жизненной энергии. Приток жизненной энергии перекрывается, и это беспокоит тело. Поэтому мастера часто страдают серьезными болезнями. Но это то, что видишь *ты*, - они страдают болезнями. Там, где находятся они, они свободны от болезней.

У Раманы был рак. Врачи говорили, что он должен причинять ему огромную боль, но никто никогда не видел его печальным или больным - он всегда оставался счастливым. Этот человеческий цветок оставался прежним; в нем не было никаких ощутимых перемен. Его аромат оставался прежним, как будто ничего не случилось. Великие врачи приходили к нему и говорили: "Обычно с этой болезнью связаны огромная боль и страдания. Такую боль может человек пережить, только если ему сделать инъекцию морфина. Но что происходит с Раманой? Он в полном сознании, но в нем не заметно никаких перемен. Как будто рак происходит где-то в другом месте, как будто он не имеет к нему никакого отношения, как будто рак у кого-то другого".

У Рамакришны был рак горла. Он не мог принимать пищу; он не мог даже пить воду. Однажды Вивекананда коснулся его ног и сказал: "О *парамахансадева*, нам так больно видеть твою боль. Мы знаем, что ты далеко от этой боли, но мы не можем этого терпеть. Мы

невежественные люди, поэтому, пожалуйста, сделай нам одолжение: помолись Матери Кали и попроси ее снять боль. Мы просим не ради тебя, но ради нас самих, чтобы мы не страдали".

Рамакришна согласился. Он закрыл глаза и внезапно рассмеялся. Он сказал: "Я сказал Матери Кали, но она ответила: "Ты выпил этим телом столько воды, съел столько еды. Теперь пей другими телами, ешь другими телами!" Поэтому, Вивекананда, когда ты ешь, теперь я буду есть посредством твоего тела, а когда ты пьешь, я буду пить посредством твоего тела".

Для того, кто прервал связь с телом, есть связь с каждой душой - он становится единым с бесконечным. Это единство называется *йогой*. Йога означает связанность, единство. Если двойственность исчезла и возникла недвойственность, болезнь невозможна - внутренняя болезнь. Болезни тела по-прежнему очень вероятны. Фактически, они более вероятны, чем раньше, потому что тело осталось без поддержки. Страсть к жизни прекратилась; теперь нет желания ни жить, ни умереть.

Йоги безразличен к жизни: он живет, потому что жив. Он живет, пока живется. Если остановится дыхание, он готов. Он прекратил дышать со своей стороны, и теперь, если Бог хочет дышать через него, пусть дышит. Теперь тело - это не более чем машина. Вся поддержка тела прекратилась, и внутри воцарилось своего рода отрешенное равнодушие; создана пустота, привязанность разрушена. Иногда с такими людьми случаются физические болезни, но внутренние болезни невозможны. Внутренняя болезнь возможна, лишь пока возможно желание. Болезнь - это тень желания, побочное следствие желания, болезнь приходит, прячась за спиной желания.

Сахаджо говорит:

*Бог запутал в желаниях и болезнях;
мастер - освободил от всего этого посвящением.*

"Нет, я не смогу поставить тебя наравне с мастером".

Бог заставил блуждать в иллюзии действия...

"Ты дал мне сны; ты дал мне иллюзию, что я что-то делаю. Ты дал мне страсть к действию, безумие действия. Ты заставил меня блуждать в бесчисленных иллюзиях неисчислимы жизни".

*Бог заставил блуждать в иллюзии действия;
мастер - показал мое существо.*

"Мастер пробудил меня и сказал: "Ты не делаешь, ты не деятель; ты чистое существование". Мастер разбудил меня для самой себя. Ты наполнил меня желаниями вещей - иногда я хотела денег, иногда власти, иногда престижа. Ты заставил меня гнаться за многими целями, но мастер обрубил все цели и повернул стрелу вовнутрь. Мастер сказал: "Проснись и познай себя". Мастер показал мне мое существо". И Сахаджо говорит: *Бог - не ровня моему мастеру. Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера.*

Бог скрылся от меня...

"И ты ушел слишком далеко! - заставив меня блуждать в этом мире, ты спрятался от меня".

Бог скрылся от меня;

мастер - дал огонь, чтобы его осветить.

"Мастер дал мне лампу медитации, молитвы, самадхи. Мастер сдернул завесу между нами". Сахаджо говорит Богу: "Ты спрятался во тьме, а он дал мне свет. Мастер тебя разоблачил; благодаря мастеру я столкнулась с тобой".

И главное, Бог создал эту двойственность рабства и свободы.

"Ты создал двойственность мирских желаний и свободы. Ты создал все эти проблемы; ты дал жизнь и смерть".

... Мастер разрушил все эти иллюзии.

Это очень революционное утверждение. Попытайся глубоко его понять. Обычно люди думают, что, когда с рабством желания покончено, человек становится свободным. Но когда с рабством желаний покончено, на самом деле покончено и со свободой, потому что свобода тоже была частью рабства. Когда цепи желания отпадают, отпадает и свобода. Идея свободы возникает благодаря существованию рабства.

Человек, находящийся в тюрьме, думает: "Когда я буду свободным?" Ты не в тюрьме, но приходило ли тебе когда-нибудь в голову благодарить Бога за эту свободу? Ты никогда не думаешь о свободе; только узник думает о свободе. Когда он не был в тюрьме, он не думал, какое блаженство быть свободным. Рабство создается стремлением к свободе, поэтому рабство и свобода - это две стороны одной монеты.

И главное, Бог создал эту двойственность рабства и свободы.

Сахаджо говорит Богу: "Ты создал и рабство, и свободу". *Мастер разрушил все эти иллюзии.* "Мастер не только разорвал цепи, но и разрушил саму идею свободы. Это была иллюзия. Мастер освободил меня не только от этого мира, но и от идеи освобождения. Он дал мне предельное освобождение: теперь нет даже идеи освобождения".

Обычно человеческий ум мыслит в терминах противоположностей. Ты думаешь: "Мир - это рабство, значит, где-то еще должно быть освобождение". Ты думаешь, что, оставив мир желаний, найдешь освобождение - но в тот день, когда мир будет трансцендирован, будет трансцендировано и освобождение. И пока не трансцендирована эта идея освобождения, ты никогда не достигнешь настоящего освобождения. Ты никогда не замечал? - лишь когда ты болен, возникает желание быть здоровым. Когда ты здоров, то не чувствуешь ни болезни, ни здоровья. Можешь ли ты чувствовать здоровье? Ты ощущаешь голову, только когда она болит; когда голова не болит, ощущаешь ли ты ее? Бывает ли у тебя когда-нибудь чувство, что голова совершенно здорова? Когда голова совершенно здорова, ты ее не чувствуешь, поэтому как ты можешь узнать, что она здорова?

Санскритский эквивалент боли - *ведана*. Это слово "ведана" очень важно. У него есть два значения: первое значение "боль", второе - "знание". Слово *веда* тоже происходит от этого корня; слова *вид*, *видман*, ученый, эрудит, тоже происходят от этого корня. Первое значение - знание, второе - боль. Ты осознаешь только боль, но замечаешь ли ты когда-нибудь счастье? Вот почему это слово так ценно. Когда голова болит, ты ощущаешь голову; если в ногу втыкается колючка, ты ощущаешь ногу. Когда в жизни есть страдание, ты ощущаешь жизнь. Если вся боль исчезает и нет никакого страдания, что тогда ты будешь ощущать?

Это совершенно здоровое состояние тела называется *видея*, без-телесность. Тогда ты совершенно не чувствуешь тела. Маленькие дети не чувствуют тела, не знают, что тело вообще есть. Постепенно начинают возникать проблемы, и появляется осознание тела. Старик осознает тело. Он осознает *только* тело - вставая, он его чувствует, садясь, он его чувствует, в дыхании он его чувствует. Когда кто-то с ним разговаривает, он его чувствует, потому что его уши недостаточно хорошо слышат. Когда кто-то стоит перед ним, он его чувствует, потому что его глаза недостаточно хорошо видят. Старик чувствует только тело. Ребенок вообще не осознает тела; нет и осознания здоровья. Это восприятие тела, знание тела, тоже своего рода болезнь. Это восприятие - часть болезни, потому что боль и знание - это две стороны одной монеты.

"Бог дал рабство и свободу; мирские желания и освобождение". *Мастер разрушил все эти иллюзии* - "... освободил меня не только из мирского рабства, но и из рабства освобождения".

Я приношу себя, тело, ум и душу к ногам моего мастера Чарандаса.

Сахаджо была преданной Чарандаса. Чарандас был великим мистиком; в свое время мы поговорим о нем. *Я приношу себя, тело, ум и душу к ногам моего мастера Чарандаса.*

Я могу покинуть Бога, но мастера - никогда.

Она уже нашла Бога у ног мастера. *Я приношу себя, тело, ум и душу к ногам моего мастера Чарандаса.* Она отдает себя полностью. *Я могу покинуть Бога, но мастера - никогда...* Для Сахаджо божественное во всей его полноте выразилось в Чарандасе. И если Бог не проявлен полностью в мастере, твое ученичество еще не случилось. До тех пор ты не сможешь в истинном свете увидеть мастера. Если ты не видишь Бога в своем мастере, тебе не хватит доверия. Но невозможно, почти невозможно, чтобы это увидел мужчина; ему потребуются огромные духовные усилия. Женщине это очень легко.

Именно поэтому в истории человечества величайшими мастерами были мужчины, а величайшими учениками - женщины. Трудно найти таких мастеров, как Махавира, Будда, Чарандас, Фарид или Кабир, среди женщин. Среди мужчин трудно найти таких учеников, как Сахаджо, Мира, Дайа, Рабия, Тереза... Люди много раз спрашивали меня: "В мире было столько мастеров; почему нет известных мастеров среди женщин? Столько мужчин стало основателями религий, но ни одна женщина не основала религии. Есть столько священных писаний - Коран, Библия, Гита - и все они написаны мужчинами, ни одна женщина никогда не говорила ничего подобного". Вопрос дельный; действительно интересно, почему так произошло. Но поскольку *так и было*, в этом должна быть какая-то глубокая причина.

Мужчине легко быть мастером, но быть учеником трудно, потому что для ученичества он должен быть скромным. Мужчине очень трудно быть скромным. Он может медитировать, но ему очень трудно молиться. Он медитирует и медитирует, но в этой медитации он не *сдает* эго, он *уничтожает* эго.

Поймите разницу: мужчине трудно сдать эго, но нетрудно его убить. Мужчина говорит: "Я убью эго". Именно поэтому мужчина говорит: "Я умру, но не сдамся. Я сломаюсь, но не согнусь". Он убивает эго. Он разжигает огонь медитации и сжигает эго, но не склоняется скромно к чьим-то ногам. Махавира или Будда - они убили, выжгли эго и таким образом избавились от эго.

У отсутствия эго есть две формы: один путь сжечь эго - это без-эго-вость Будды, Махавиры, мужская без-эго-вость; и другой способ сдать эго - без-эго-вость Сахаджо, Дайи, Миры. И помните, мужская без-эго-вость - это тотальная пустота; женская без-эго-вость очень

наполнена. Когда мужчина лишится эго, его емкость будет пуста; емкость женщины же будет полна до краев, потому что она ничего не разрушает. Она использовала эго, сдала эго, не разрушила его. Она использовала, сделала его средством.

Женщина в самоотдаче чувствует себя как дома: именно поэтому женщины великие ученики, великие преданные. Высоты ученичества достигаются женщинами, но высочайшая вершина мастерства для них невозможна. Об этом говорит тот факт, что из сорока тысяч учеников Махавиры тридцать тысяч были женщины. И пропорция была такой всегда. Когда ко мне приходят четыре человека, это три женщины и один мужчина. Пропорция была такой всегда. Когда ко мне приходят женщины, я тут же чувствую, что они попадают со мной в резонанс - тут же! В случае мужчин для этого требуется некоторое время. Проходит немало времени, пока не устанавливается гармония. Происходит некоторое перетягивание каната - он пытается немного недо-сдаться, сохранить немного гордости, не открывает сердце полностью, пытаюсь защитить эго.

Когда ко мне приходят мужчины, даже если они хотят задать вопрос, они говорят: "У меня есть друг. Его ум напряжен, беспокоен, он не может спать по ночам. Есть ли для него лекарство?"

Я им говорю: "Тогда ты должен был прислать ко мне этого друга, и если бы он спросил о друге с беспокойным и напряженным умом, который не может спать по ночам, в этом было бы больше правды". Мужчина боится даже обнажить свою болезнь, потому что для этого нужно быть скромным - чтобы сказать, что не можешь уснуть, нужно признать, что ты должен чему-то научиться, - даже это им трудно.

Когда приходят женщины, они не говорят о своих проблемах и беспокойствах; слезы катятся у них из глаз, и все их тело дрожит. Им не нужно говорить, что они страдают, это очевидно.

Когда на Мухаммеда снизошло откровение Корана, он был один в горах. Он услышал голос, который сказал:

- Читай!

Он испугался. Он сказал:

- Я не умею читать.

- Не беспокойся, просто читай!

- Что ты такое говоришь? И кто ты? Не пугай меня так. Кроме всего прочего, я не умею читать.

- Если я это говорю, ты сможешь читать, - снова сказал голос. - Просто читай.

Значение слова *коран* - чтение. И Мухаммед стал читать. Он закрыл глаза и стал читать. У него перед глазами была невидимая книга, и он ее читал. Именно так на него низошли первые *айаты* Корана. Он так испугался, что не мог понять, что происходит. Он не мог это воспринять. Он не мог сам себе поверить. Он не мог поверить, что есть Бог - кто-то, открывающий истины жизни. Он прибежал домой и слег больной. Он лег в постель и укрылся одеялами. Его жена Айеша спросила:

- Что случилось?

И он рассказал, что произошло. Его жена стала его первым учеником - она немедленно склонилась к его ногам.

Она сказала: "Не может быть речи о том, чтобы в чем-то сомневаться. Это великое свершение! Не бойся". Ее доверие придало доверия Мухаммеду. Она коснулась его ног и в это самое мгновение стала учеником.

Первым учеником Мухаммеда была женщина, не мужчина. И сам Мухаммед не доверял тому, что произошло. Но женщина доверилась, и с ее поддержкой он тоже набрался доверия и

храбрости. Его жена постепенно убедила его не бояться и рассказать об этом людям. Случившееся было уникально, и скрывать его было нельзя: "Бог избрал тебя посланцем, *пайгамбарой*". Мухаммед не был первым мусульманином; первой мусульманкой была его жена. То же самое случилось с Иисусом. Когда Иисус был распят, все мужчины убежали - потому что в момент смерти с тобой может остаться только любовь, знание не выдержит испытания. Когда приходит смерть, лишь те, кто связан через сердце, могут оставаться с тобой. Те, кто связан через голову, скажут: "Какой теперь в этом смысл? Беги и спасай свою жизнь!" Они были с Иисусом ради собственной выгоды. Теперь, когда их собственные жизни оказались в опасности, какой смысл оставаться с ним? Все мужчины сбежали, женщины остались.

Если вы видели картины, на которых Иисуса снимают с креста - его снимают три женщины; нет ни одного мужчины. Одна из них, Мария Магдалина, была проституткой. Ученые мужи убежали, а проститутка осталась. Именно поэтому я говорю, что иногда даже грешники могут достичь, а высокоученые святые не могут. Высокоученым святым было что терять; проститутке терять было нечего. Чего бояться?

Когда Иисус снова явился через три дня, воскрес, восстал и могила осталась пустой, мужчины, ученики Иисуса, подумали, что его тело унесло какое-то дикое животное. Но Мария Магдалина решила: "Иисус сказал, что через три дня вернется из мертвых. Конечно, он вернулся". Она стала искать его темной ночью. Она стала искать его в горах и лесах. Она была первой, кто увидел Иисуса.

Только если достигнуто ученичество, можно узнать мастера. Тогда можно увидеть его новую форму, бессмертную форму за пределами смерти, его воскрешенную реальность.

Увидев Иисуса, она исполнилась радости. Она побежала в деревню, чтобы рассказать другим ученикам. Они сидели и соображали, как распространить его слова, как собрать его учения, как нести их в массы, как создать монастыри и храмы. Все они были заняты этими расчетами. Иисуса не стало, и теперь ответственность легла на их плечи. Они раздумывали, как расширить лавку... построить церкви.

Эта женщина прибежала со словами:

- Почему вы здесь сидите? Иисус воскрес, я видела его собственными глазами, касалась его вот этими руками! Я не ошибаюсь. Идемте со мной!

Они сказали:

- Сумасшедшая! Держи свое безумие при себе. Мы не можем впустую тратить время. Кто умер, тот мертв. Если бы должно было случиться чудо, оно случилось бы в тот же день. Ничего не случилось, стало быть, дело закрыто - Иисуса больше нет. Теперь нужно решить, что делать дальше. Не мешай нам.

Никто ее не послушал.

Эта история прекрасна. Видя, что ей никто не верит, Иисус стал сам разыскивать их. Он встретил двух учеников на дороге и присоединился к ним. Он спросил:

- Куда вы идете?

- В ближайшую деревню, - сказали они. - Мы ученики Иисуса. Он умер - его распяли - и мы идем распространять его послание.

А Иисус был с ними... и ни один из них не смог его узнать. И Иисус сказал:

- Расскажите мне всю эту историю. Что произошло?

Они рассказали ему всю историю. Но все же, даже оставаясь с ним так долго, они его не узнали.

Они пришли в деревню, и друзья зашли поесть на постоялый двор, пригласив Иисуса с собой. Иисус присоединился к ним, и, разломив хлеб - у него была привычка делить хлеб между всеми друзьями, - когда он отломил кусок хлеба, в них возникло небольшое сомнение: "Этот

человек ломает и делит хлеб, точно как Иисус". И все же они не поверили. Они скрыли эти чувства. И Иисус сказал:

- Дураки! Даже если в вас возникает доверие, вы его подавляете. Вы не поверили даже тогда, когда в вас возникло чувство узнавания. Мария Магдалина выше вас - она узнала меня и поверила.

Не было ни мгновения промежутка между видением и доверием - это случилось одновременно. Просто видя его, она поверила.

Джайнские писания не пользуются словом "доверие"; вместо этого они употребляют слово "правильное видение". И они правы, потому какое может быть доверие, если оно не возникает просто в видении? Это доверие, только когда оно возникает в видении. Если ты видишь, и возникают сомнения, находишь доказательства, и лишь тогда приходит доверие, это логическое заключение, а не доверие. Если, увидев, ты должен подумать, и лишь потом приходит доверие... Именно это происходит с мужчинами, потому что их связь проходит через интеллект. Женщина видит, у нее в сердце возникает волна, по ней проходит волна - и этой волны достаточно для доверия. Эта волна сама себе доказательство.

Я приношу себя, тело, ум и душу к ногам моего мастера Чарандаса.

Теперь у Сахаджо нет другого Бога. Она говорит: "Теперь я встретила мастера; ради него я пожертвую всем". *Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера.* "Я могу покинуть Бога, но мастера - никогда".

Женщины становятся преданными, учениками предельных высот; им это легко. Не думайте, что у мужчин есть какое-то особенное качество и благодаря ему они становятся мастерами. Ученик настолько же велик, как и мастер. Тотально быть учеником - значит достичь тех же высот. Те, кто достигает путем медитации, становятся мастерами; те, кто путешествует по пути любви, могут стать учениками, преданными. Мастер - это тот, кто может показать путь другим, кто может обучить пути.

Поймите это: любви нельзя научить, медитации - можно. Поэтому тот, кто достиг в медитации, может показать этот путь другим: обрубите это таким-то и таким-то способом - вот так - и постепенно оно отпадет, и вы будете свободны. Из медитации можно создать священное писание; медитация - это техника. В любви не может быть священных писаний, потому что любовь - это не техника. Если любовь происходит, она происходит; если она не происходит, ее нет. Чего можно добиться, пытаясь любить?

И если в тебе возникает луч любви, не подавляй его. Тогда тебе не нужно никакой медитации, любовь позаботится обо всем. Если луча любви не возникает и ты - сухая пустыня, где не прорасти ни одному побегу любви, где ничто не может прорасти, выбери медитацию - тогда для тебя нет другого пути к освобождению, кроме медитации.

Те, кто прошел через медитацию, могут стать мастерами; те, кто прошел через любовь, могут достичь вершин ученичества. А те, кто достиг путем любви, не могут учить других. Это не дело учения - это не то, чему можно научить. Любовь - это искусство, святая святых аромата жизни. Храбрые однажды прибывают туда, потому что здесь дело не в учении, но в том, чтобы *утонуть*.

Так, если кто-то плавает в реке: плавание можно научить - но можно ли научить кого-то тонуть? Зачем учить тонуть? Если кто-то хочет утонуть, он может утонуть сам, прямо сейчас. Скажешь ли ты, что сначала нужно год учиться тонуть, потом один раз утонуть? Если ты будешь учиться тонуть, через год ты никогда не сможешь утонуть, потому что, научившись тонуть, ты научился плавать. Утонуть можно прямо сейчас, а чтобы научиться плавать, нужен год.

Медитация подобна плаванию - ей нужно учиться. Любить - значит утонуть. Чтобы растворить эго, требуется время. Чтобы сдать эго... его можно сдать прямо сейчас. Эго есть: дело просто в том, чтобы его сдать. Женственный ум легко сдается. Женщины как плющ, обвивающий деревья: для них гибкость легка и естественна. Дереву трудно согнуться, но что значит согнуться для плюща?

Поэтому внимательно поймите первую сутру Сахаджо. Это сутра любви. И не думайте, что она против Бога; это было бы ошибкой, это было бы заблуждением. Она говорит с великой любовью. Она говорит: "В любом случае, что ты мне дал? Забудь о том, чтобы сидеть на самом высоком троне" - это упрек, сделанный с великой любовью. "Теперь тебе придется сесть немного ниже моего мастера" - это утверждение сделано с великой любовью.

В уме Кабира возник бы некоторый страх: можно ли говорить такие вещи? Но боится ли любовь! Вот почему Сахаджо может храбро сказать: *Я скорее оставлю Бога, чем покину мастера. Бог - не ровня, моему мастеру.* Не считайте ее атеисткой. Трудно было бы найти более теистического человека, чем Сахаджо. Только теист может так сказать. Никакой атеист не смог бы этого сказать; где ему взять такую храбрость? Это может сказать лишь та, что знает в глубинах сердца: Божественное было найдено, когда она нашла мастера. Лишь та, кто знает, что предельная реальность уже достигнута, может говорить с такой нежностью и любовью.

Это игра преданного и божественного. Она говорит: "Брось, не притворяйся. Ты не дал мне ничего стоящего. Ты дал мне мир, ты дал мне рабство, желания; ты сделал меня беспомощной, ты бросил меня во тьму. Мой мастер возвысил меня. Теперь я не могу поставить тебя над ним. Пожалуйста, займи низший трон".

И, в моем понимании, если бы Бог предстал перед Сахаджо, он воздал бы ей уважение и сел бы ниже ее мастера. Не потому, что он *ниже*, но потому, что он знает, что никак не может быть ниже; не потому, что разозлился, но потому, что знает, что все это сказано с великой любовью - любящий упрек, полная любви жалоба. И Сахаджо на самом деле не просит его сесть ниже. Только подумай - как она может поставить его ниже? Возможно ли, чтобы человек, который не может поставить своего мастера ниже Бога, поставил самого Бога ниже мастера? Невозможно! Но не оценивайте слова влюбленной логически. Любовники говорят одно, а хотят сказать совсем другое. Диалоги любовников очень тонки.

Если мы подведем итог сутре Сахаджо, она говорит Богу: "Ты уже живешь в моем мастере; теперь я не могу видеть тебя отдельным от мастера. Для меня либо Бог стал мастером, либо мастер стал Богом".

На сегодня хватит...

2. Путь любви и путь медитации

Первый вопрос:

Ты сказал, что человек на пути преданности не отвергает в жизни ничего. Тело, его чувства, семья - приемлемо все. Божественное отражается во всем. Тогда почему Сахаджо считает тело, органы чувств и семью рабством, сетями и противопоставляет их поиску божественного?

Этот вопрос несколько сложен. Это можно понять, только если ты очень хочешь понять. Тотальное приятие означает, что принимается и отрицание. В эту тотальность включено и приятие. Включена семья наравне с *санньясой*; включено ведение дома наравне с уединением и одиночеством.

Не думай, что тотальное приятие касается только мирского человека и неприемлемо для *санньясина*. Просто в своей игре Божественное принимает разные формы. Кого-то оно делает домовладельцем, кого-то - *брахмачари*, безбрачным. Если бы не принималось безбрачие, было бы это приятием? Это не было бы полным, тотальным приятием. Тогда это было бы просто уловкой, игрой ума.

Сахаджо была санньясинкой, монахиней, безбрачной. У нее не было опыта семейной жизни, семья ее не привлекала. Она отбросила все у ног своего мастера. Ее дом был у его ног, ее семья была у его ног. Это тоже включает в себя тотальное приятие.

Когда я говорю тебе, что не нужно бежать от мира, не подразумевай под этим, что должен цепляться за мир. Не нужно бежать, если ты можешь испытать опыт Бога, оставаясь с семьей. Если ты не видишь никакой возможности испытать опыт Бога, оставаясь с семьей, - самым важным должно быть переживание Бога, не цепляние за мир. Тогда покинь семью. Ищи там, где вибрируют внутренние струны твоего сердца. Ищи там, где в твоей внутренней *вине* возникает музыка.

Если поместить санньясина в лавку, это его потревожит. Если поместить торговца в храм, это его потревожит - или он откроет лавку и там.

Именно поэтому в "Гите" Кришна говорит Арджуне: "Не беги. Это не твой путь, не твоя природа, не природа твоего существа. Война присуща каждой твоей клетке. Вся твоя кровь до последней капли - кровь *киатрии*, война. Даже если ты убежишь в леса, все равно не сможешь стать отшельником. Без лука, без своего *гандива* ты потеряешь душу - из этого соткана вся твоя личность. Путь твоего существа - на лезвии твоего меча. Бросив меч, ты покроешься пылью. Ты потеряешь не только меч, ты потеряешь самого себя. Будет утрачена индивидуальность твоего существа. Поэтому не беги от своей природы.

Сначала правильно распознай свою природу. Тогда, в этом узнавании, позволь этой природе сделать все, что захочет пропустить через нее Бог. Тогда стань просто пустым проходом".

Если бы Кришна видел в Арджуне малейший потенциал санньясина, он сказал бы ему: "Оставь это - война не для тебя". Тогда Кришна не смог бы убеждать его идти на войну. Не было бы причины останавливать его на пути к санньясе. Если бы у Арджуны был потенциал санньясина, тогда если бы Кришна и пытался остановить его, то не смог бы. Он не послушал бы ничего, что говорил ему Кришна, он поблагодарил бы его и сказал: "Ты ради меня приложил столько усилий, но все же я чувствую, что моя природа ведет меня к санньясе. Я прекрасно слышу, что ты говоришь - умереть ради собственной природы красиво, - но моя природа ведет меня в леса, и я ухожу".

Не пытайся установить себе образец, иначе он потревожит тебя. В каком бы направлении ни нес тебя естественный поток, сделай это направлением своей жизни. Есть многие, кто не может достичь божественного, оставаясь на рыночной площади, это не подходит их истинной природе.

У меня в семье был старший дядя. Он не бизнесмен, он прирожденный поэт. Но поскольку поэзией нельзя зарабатывать деньги, как нельзя наполнить поэзией желудок, и, так как вся семья занималась бизнесом, когда он вернулся из университета, завершив свое образование, естественно, его попросили присоединиться к бизнесу. У него не было интереса ни к какой другой работе, так что другого выхода не оставалось. На него возложили ответственность за магазин. Я наблюдал за ним с самого детства. Если вокруг не было никаких других членов семьи и подходил покупатель, он просто жестом предлагал ему идти своей дорогой.

Такой человек не может заведовать магазином. Покупатель не нищий - от него нельзя отмахиваться, чтобы он шел своей дорогой! И мой дядя делал это молча, чтобы никто не услышал, потому что, если бы об этом узнали другие, они рассердились бы на него. Они бы сказали: "Тебя поставили во главе магазина, чтобы ты им управлял или чтобы ты его разрушил?" И покупатель, от которого он отмахивался, никогда больше не приходил. Пойдешь ли ты снова в магазин, в котором с тобой обращаются как с нищим? Мой дядя смотрел на покупателей с такой грустью и с таким неудовольствием... Нельзя таким образом управлять магазином.

Если не было покупателей, он был очень доволен. Если целый день проходил без покупателей, его счастьем не было пределов. Он писал несколько строк стихотворения или сочинял песню. Он писал стихи даже на чеках магазина! Его принудили стать торговцем, что не соответствовало его природе. Естественно, это душило его существо.

Точно так же, если принудить бизнесмена писать стихи, это тоже создаст проблемы. Он откроет лавку даже в своей поэзии. Даже образы его поэзии станут продолжением этой лавки.

Лавка - это не хорошо и не плохо. Писать стихи - это не хорошо и не плохо. Ничто не хорошо и не плохо - вопрос в том, подходит ли тебе это, попадает ли это в резонанс с твоей истинной природой. Тогда, даже если тебе придется ради этого все бросить, делай это, но не отклоняйся от истинной природы. Даже если ты можешь получить весь мир ценой потери истинной природы, не бери его. Потому что в конце ты увидишь, что ничего не приобрел, это был обман.

В конце концов, только истинная природа останется с тобой. Все остальное останется позади. Мы приходим в этот мир с истинной природой и покидаем его с истинной природой. Все остальное в промежутке только история - она формируется, разбивается и исчезает.

Поэтому, когда я говорю о "тотальном приятии", помни, я не подразумеваю, что санньясин, который отрекается от мира и живет в пещерах Гималаев, неприемлем. Нет, он тоже приемлем. Если чья-то песня возникает только в Гималаях и только там в его жизнь приходит танец, тогда ни у меня, ни у кого-либо другого нет никакого права просить его оставаться на рыночной площади. Он должен быть в Гималаях. Но не думай, что песня возникает из-за Гималаев, иначе там по ошибке окажется владелец магазина, думая, что песня или танец могут случиться только в Гималаях: "Я отрекусь от всего и уйду в Гималаи". Тогда он будет лишь грустным и несчастным, он будет страдать.

Эта песня не находится ни в Гималаях, ни на рыночной площади. Эта песня у тебя внутри, в твоей истинной природе. Если между тобой и твоей истинной природой есть гармония, тогда рождается песня. Песня не снаружи тебя.

Поэтому создай такой образ жизни, чтобы в нем могла быть гармония между твоей внутренней природой и внешней жизнью, чтобы не было противоречия между твоим образом жизни и внутренним потоком, чтобы было причастие, созвучие, гармония, ритм; чтобы твоя

внутренняя и внешняя жизнь двигались в ногу. Если внутри ты движешься на запад, а снаружи на восток, в твоей жизни будет напряжение: будут проблемы, беспокойство и тоска. И в конце концов, в тебе не останется ничего, кроме страдания. Ты, несомненно, не сможешь испытать опыт медитации.

Медитация - это такое состояние души, когда твоя внутренняя природа и внешняя жизнь в такой гармонии, что внешнее больше не внешнее, а внутреннее не кажется внутренним - когда внешнее становится внутренним, а внутреннее - внешним. Когда есть такая гармония, что трудно понять, где кончается внешнее и начинается внутреннее, как раз в это мгновение, в само это мгновение единения, причастия на тебя нисходит божественная гармония. Чем больше напряжения, тем труднее низойти божественному. Чем больше гармонии, тем больше вероятности, что двери откроются.

Поэтому я бы не говорил Сахаджо, чтобы она создала семью и стала женой, домохозяйкой, матерью; ей бы я этого не сказал. Если бы она пришла ко мне и спросила, что ей делать, я сказал бы: "Делай все, что ты ощущаешь как правильное. Не принуждай себя - твое безбрачие не должно быть навязанным". И оно не было навязанным, потому что никто никогда не видел Сахаджо несчастной. Она всегда была весела, она всегда была в блаженстве, как цветок. Никто никогда не мог найти причин, чтобы сказать, что есть лучший образ жизни, чем избранный ею. Это был ее образ жизни. Кто тогда может что-то решать за нее?

Говорят, что дерево познается по плодам, и показательны лишь свершения твоей жизни. Если Сахаджо познала в жизни предельное блаженство, тогда, как бы она ни жила, все было правильно. Если она наслаждалась, если она смогла расцвести, если лотос ее сознания раскрылся, само это доказывает, что она жила правильно; иначе цветок не расцвел бы.

То, как заканчивается твоя жизнь, показывает, правильно ли ты жил. Если ты достиг просветления хотя бы в момент смерти, если ты достиг предельного осуществления хотя бы перед самой смертью, тогда я не скажу, что ты должен был что-либо изменить в жизни. Избранный тобою способ жизни оказался правильным. Если бы была малейшая ошибка, ты не достиг бы состояния просветления. Если ты достиг цели, тогда путь был правильным. Что еще может быть доказательством правильности пути? Ни один путь сам по себе не может претендовать на правильность; он правилен, если ведет к цели. Можешь ли ты сказать, что идешь по правильному пути, хотя никогда не достигаешь цели? Путь абсолютно правилен, но цель никогда не достигается? Я сказал бы, что, даже если ты шел по неправильному пути и на этом пути достиг цели, тогда неправильный путь больше не неправильный - он стал правильным путем. Правильный путь - это путь, приводящий тебя к цели. Конец пути есть единственное определение, единственный решающий фактор.

И на самом деле ты не должен ждать конца, каждое твое мгновение может быть доказательством. Если в тебе есть гармония внешнего и внутреннего, каждое мгновение у тебя внутри будет звенеть сладкая мелодия, как колокола в храме. Точно так, как, подходя к реке, ты чувствуешь прохладный ветерок, точно так же прохлада овеивает тебя в то мгновение, когда наступает гармония между внешним и внутренним. Точно так, как аромат цветов окружает тебя, когда тыходишь к саду, так и когда в тебе есть гармония, аромат, неопиcуемый аромат возникает у тебя внутри. Не нужно никуда ходить и никого ни о чем спрашивать. Критерий того, движется ли твоя жизнь в правильном направлении, у тебя внутри. Кто другой может решить это за тебя? Никто не может решать.

Подумай об этом: Кришна жил определенным образом, жизнь Махавиры была совсем другой, жизнь Будды отличалась по-своему. Можно ли найти сходство между жизнью Мухаммеда и жизнью Махавиры? Жизни Иисуса и Кришны были совершенно разными - но все они достигли. Их пути были разными, но одно определенно: каким бы путем они ни шли, их

внутренняя природа была созвучна этому пути. Это единственное, что есть между ними общего. Махавира на своем пути был созвучен со своей внутренней природой, Мухаммед на своем пути был созвучен со своей внутренней природой. Это объединяет их всех. Пути были разными, личности были разными, образы жизни были разными. Кришна играет на флейте... невозможно представить флейту у губ Махавиры, это выглядит неправильно. Даже если бы ты увидел Махавиру с флейтой, то подумал бы, что кто-то забыл у него свою флейту, она не его. Что будет Махавира делать с флейтой? И смог ли бы ты это принять, если бы увидел Кришну, сидящего голым под деревом с закрытыми глазами, без короны из павлиньих перьев? Ты даже не узнал бы его. Ты смог бы его узнать, лишь увидев, как он танцует. Танец Кришны созвучен его внутреннему существу, абсолютное молчание Махавиры созвучно его внутреннему существу. Из-за этого созвучия оба они просветленные.

Вопрос не в том, как ты живешь. Образы жизни бесконечно различны, потому что бесконечно многообразие душ. У каждой души собственная природа, собственная индивидуальность, собственная уникальность. Эту уникальность не нужно стирать, этой уникальности нужно предоставить правильную атмосферу.

То, что говорит Сахаджо, для нее правильно, это ей подходит. Но я не предлагаю тебе принять идеи кого-то другого о том, что подходит тебе. Просветление случилось с Джанакой, когда он был домовладельцем, сидел на троне, был королем.

В Упанишадах есть очень древняя история, история торговца Туладхара.

Один аскет годами практиковал аскезу. Его звали Джаджали. Он занимался такими экстремальными практиками, что его тело почти высохло, и он стал похож на мертвое, засохшее дерево. Он не двигался. Говорят, что он стоял так неподвижно, что птицы вили у него на голове гнезда и откладывали яйца. Джаджали сдвигался с места, лишь когда птенцы вылуплялись из яиц и улетали.

Думая, что яйца могут пострадать, а птенцы - упасть, он продолжал стоять в том же положении. Он не двигался, даже не ходил просить еду, и месяцами оставался голодным. Лишь когда птицы улетали, он мог шевельнуться. Но однажды в нем возникла огромная гордость и эго: "Есть ли другой такой великий аскет? Есть ли другой такой ненасильственный человек?" Возникло великое эго.

Пока он говорил сам с собой, он услышал в безлюдном лесу чей-то смех. Затем голос невидимого человека сказал:

- Джаджали, не наполняйся таким самомнением! Если хочешь увидеть человека, который знает, пойди и сядь у ног торговца Туладхара.

Он не мог понять: "Туладхар, торговец? - и такой великий аскет, как Джаджали, должен сидеть у его ног? Великий аскет Джаджали, в волосах которого птицы свивают гнезда, и он остается неподвижным, потому что так велики его не-насильственность и сострадание? Но все равно, придется пойти и посмотреть, кто такой этот Туладхар". Он пошел его искать.

Торговец Туладхар жил в Каши, и он пришел к нему. Джаджали не мог поверить своим глазам - Туладхар был просто обычным торговцем! Днем и ночью он продавал товары с весами в руках. Именно поэтому его звали Туладхаром, "тем, кто держит равновесие". Он все время все взвешивал. Когда прибыл Джаджали, он отвечивал и продавал, окруженный толпой покупателей. Туладхар даже не взглянул на Джаджали. Он сказал:

- Садись, Джаджали. Не будь таким гордым оттого, что птицы вьют гнезда у тебя в волосах и ты остаешься неподвижным, пока птицы не вырастут и не улетят. Сядь, сиди в молчании; позволь мне сначала покончить с покупателями".

Услышав слова Туладхара, Джаджали был изумлен. Он подумал:

- Теперь у меня большие проблемы. Этот человек, несомненно, что-то знает, несомненно, он обогнал меня. Теперь он все испортил. И еще я хочу увидеть, каково его искусство, какова его духовная дисциплина.

Он сел, но его это было разбито. Он стал наблюдать. Приходили хорошие люди, приходили плохие; все говорили с Туладхаром по-разному; кто-то говорил любезно, кто-то оскорблял его - ведь это была лавка и торговое ремесло! Но Туладхар отвечал на все ровно и спокойно, не выказывая ни гнева, ни эмоций, не становясь ни на чью сторону. Джаджали продолжал наблюдать. В его равновесии не было ни малейшего отклонения: приходили родственники, приходили незнакомые люди, но его рука отвечивала одинаково для всех.

Когда наступил вечер и лавка закрылась, Джаджали спросил:

- Что ты мне посоветуешь?

- Я только обычный торговец, лавочник - ответил Туладхар. - Я не знающий человек. Я знаю только одно: как раз когда обе чаши весов на одном уровне, есть равновесие, и точно так же, когда есть равновесие между обеими сторонами ума, гневом и не-гневом, любовью и ненавистью, симпатией и антипатией, достигается внутреннее равновесие. И в это мгновение происходит самадхи.

Наблюдая весы, я сам пришел к равновесию. Я не делал больше ничего. Птицы не вили гнезда у меня в волосах, я не был аскетом. Джаджали, я обычный лавочник, я не аскет. Весь мой секрет в том, что, уравнивая весы, я научился искусству уравнивать себя. Я понял, что, когда внутри царит совершенное равновесие, это исчезает. Равновесие создает пустоту, и в эту пустоту нисходит целое.

Но я только лавочник. Ты великий ученый. Ты много знаешь, ты аскет. Может быть, тебе это поможет, может быть, нет. Я знаю только это, и вот что я тебе могу сказать: если даже в лесу тебя захватывает эго, ты опять в миру. А если ты остаешься в миру и даже там твои весы уравнишены, тогда ты в лесу, ты в Гималаях, даже оставаясь на рыночной площади. Вопрос в том, что ты собой представляешь.

Поэтому, когда я говорю, что на пути к предельной реальности приемлемо все - дом, семья, родственники, - помни, что Гималаи, уединение и санньяса тоже приемлемы. Ничто не отвергается.

Теки с жизнью. Куда бы поток жизни ни тек, где бы ты ни чувствовал радость и блаженство, продолжай течь в этом направлении. Блаженство - это критерий.

Ганг течет на восток, Нармада течет на запад. Если бы они встретились на полпути, это было бы огромной проблемой, потому что Ганг сказал бы:

- Я теку к океану.

А Нармада бы сказала:

- Это я теку к океану.

Ты бы сказал, что один из них ошибается. Могут ошибаться оба, но как оба могут быть правы? Это вызвало бы большие споры. И нет способа разрешить этот спор, стоя на перекрестке. Человек должен пойти к океану и посмотреть. Но если ты пойдешь, то увидишь, что Ганг, текущий на восток, достигает океана, и Нармада, текущая на запад, достигает океана. Океан один - как он может быть на западе или на востоке? Ты можешь давать ему разные имена; ты можешь называть его Арабским морем или Бенгальским заливом, но это ничего не меняет, океан по-прежнему один, и его достигают все реки.

Каким бы путем ты ни тек, там, где ты чувствуешь радость, где в твоей жизни возникает поэзия, где продолжается песня, где ты можешь танцевать, - это твой путь. Тогда никого не слушай. Чей-то Ганг может течь на восток. Скажи ему: "Желаю тебе всего самого лучшего, иди,

но моя Нармада течет на запад, и я счастлив. Я нашел свое направление течения, я нашел свой путь. Из того, что я блажен на каждом шагу, я могу заключить, что в конце его меня ждет предельное блаженство".

Этот критерий справедлив на каждом шагу твоего пути. Где бы ни возникало напряжение, неловкость, страдание, боль, осознавай. Течет ли музыка жизни? Если нет, может быть, ты идешь не в ту сторону; в чем-то, наверное, ты идешь против истинной природы.

В Бхагавад-Гите Кришна говорит: "Лучше умереть за свою истинную природу, но следовать природе, свойственной кому-то другому, разрушительно". Может быть, ты запутался в природе, свойственной кому-то другому, - чья-то природа тебя привлекает и создает в тебе жадность. Если при виде Ганга, текущего на восток, у Нармады тоже появится желание отправиться на восток, она будет страдать. Она попадет в беду и не сможет добраться до океана.

У каждого свой путь течения. Всегда фокусируй внутреннее видение на собственном внутреннем критерии. Твоя внутренняя гармония всегда подскажет правильный путь. А если на тебя слишком влияет внутренний критерий кого-то другого, ты приходишь в замешательство. Начав подражать кому-то другому, ты заблуждаешься и уходишь прочь от собственной души. Пока ты продолжаешь следовать собственной внутренней гармонии, собственному сердцу и слушать собственный внутренний голос, ты никогда не заблудишься.

И тогда ты узнаешь, что твой путь не должен обязательно совпадать с путем кого-то другого. Тогда ты отбросишь необходимость судить чужие пути. Тогда ты будешь обращать внимание только на это - если Ганг течет танцуя, наверное, он движется к океану. Может быть, его океан на востоке, а мой на западе, но я тоже теку танцуя, и Ганг течет танцуя, значит, наверное, мы оба течем к океану. Потому что, если река не течет к океану, она не может танцевать. Именно приближение океана становится в тебе танцем. Именно приближение Бога становится внутренним блаженством. Блаженство - это критерий.

Второй вопрос:

Разве страсть и привязанность - не составляющие любви?

Если в любви есть страсть, такая любовь станет адом.

Если в любви есть привязанность, такая любовь станет тюрьмой.

Если в любви нет страсти, она станет раем.

Если в любви нет привязанности, тогда - сама любовь есть Божественное!

В любви есть обе возможности. В твоей любви может быть страсть и привязанность: тем самым ты вешаешь камень на шею птице любви, чтобы она не могла летать... Или сажаешь птицу любви в золотую клетку. Как бы драгоценна ни была клетка - даже инкрустированная бриллиантами и изумрудами, она остается клеткой и разрушает способность птицы к полету.

Когда твоя любовь лишена страсти и привязанности;

когда твоя любовь чиста, невинна, бесформенна;

когда в любви ты отдаешь и ничего не требуешь;

когда любовь только делится;

когда любовь император, а не нищий;

когда ты счастлив тем, что кто-то принял твою любовь;

когда ты не торгуешь любовью и ничего не просишь взамен - тогда ты выпускаешь эту птицу любви в открытое небо.

Тогда ты укрепляешь ее крылья.

Теперь эта птица может отправиться в путешествие Бесконечного.

Любовь заставляла людей пасть; любовь возносила людей высоко. Все зависит от того, что ты делаешь с любовью. Любовь - это очень таинственное явление.

Это двери -

по одну сторону страдание, по другую - блаженство;

по одну сторону ад, по другую - рай;

по одну сторону сансара, колесо жизни и смерти,

по другую - освобождение.

Любовь это двери.

Зная лишь ту любовь, которая полна страсти и привязанности, ты не сможешь понять слов Иисуса - "Бог есть любовь". И когда Сахаджо запоет песни любви, это приведет тебя в замешательство: "Это вздор! Я тоже любил, но получил в ответ только страдание. Под именем любви я пожал урожай шипов, и для меня никогда не цвели никакие цветы". Другая любовь кажется воображаемой. Любовь, которая становится преданностью, которая становится молитвой, которая становится освобождением, для тебя будет выглядеть пустой игрой словами.

Ты тоже знал любовь - но каждый раз эта любовь, которую ты знал, была любовью, полной страсти и привязанности. Твоя любовь не была настоящей любовью. Твоя любовь была лишь завесой, скрывающей страсть, привязанность и секс. Снаружи это называлось любовью, внутри это было что-то другое. Чего ты жаждешь, когда влюблен или влюблена? - эта жажда сексуальна, а любовь - только надпись на фасаде.

Заглянув глубоко вовнутрь, ты увидишь, что любовь - это только слово, а внутри этой любви пылает огонь сексуального желания. Но выражать это пламя прямо неприемлемо; нужно немного дипломатии. Поэтому ты говоришь женщине, телом которой хочешь наслаждаться, что любишь ее душу. Не зная даже собственной души, как ты можешь любить душу другого? Но люди, полные телесной похоти, говорят о душе. Желание в том, чтобы наслаждаться телом другого, но они говорят о внутренней красоте.

И слыша, как Сахаджо, Дайа, Рабия говорят, что пережили Бога в любви, как ты можешь в это поверить? Для тебя любовь была лишь западней. Но сама любовь за это не ответственна, ответствен ты. Если врач искусен, он может создать лекарство даже из яда. Но если он ничего не знает, даже нектар может стать ядом. Яд - это не просто яд, а нектар не просто нектар - все зависит от того, как ты их используешь. Иногда яд может спасти, иногда нектар может убить.

Слово "любовь" мало что значит. Любовь может стать и нектаром, и ядом - все зависит от тебя. Любовь станет ядом, если в ней есть желание и привязанность. Если ты делаешь любовь средством для исполнения своих сексуальных желаний, если в любви ты ищешь только удовлетворение тела, тогда ты найдешь, что любовь приносит конфликт и тоску. Она приносит боль и страдание. Она приносит цепи. У тебя было много мечтаний, но эти мечтания никогда не сбывались. У тебя было много иллюзий, много миражей, ты видел великие радуги, но, когда подходил ближе, все исчезало. Радуги рассыпались в грязь, и мечты оказались ложью. Золотой дворец, сияющий на солнце вдалеке, оказался тюрьмой, когда ты подошел поближе. Это произошло не по вине любви; под именем любви ты испытал что-то другое. Это была фальшивая монета.

Поэтому любовь должна быть освобождена от привязанности. Любовь не должна быть оковами, любовь должна быть свободой. Освободи человека, которого любишь. Если ты освободишь человека, которого любишь, тогда ты и сам не можешь быть порабощен; тогда никто не может тебя поработить. Но ты хочешь порабощать людей, которых любишь, ты хочешь огораживать их стенами. Ты хочешь сковать им руки цепями. Но если ты скуешь им руки цепями, тем самым ты скуешь и собственные руки.

Никогда не забывай этой истины: то, что ты получаешь от жизни, - это то, что ты жизни

даешь. Вот и вся теория кармы, прошлых действий: что ты даешь, то и получаешь. Если ты получаешь от любви оковы, это доказывает тот факт, что в любви ты хотел поработить кого-то другого.

*Если ты освобождаешь другого своей любовью и отдаешь любовь без ожиданий;
отдаешь и ничего не просишь в ответ;
отдаешь без всяких условий, без всякой торговли;
отдаешь и благодарен за то, что кто-то принимает твою любовь;
разве этого недостаточно?*

Ведь твою любовь могли отвергнуть. Тогда, мало-помалу, ты найдешь, что твоя любовь начала подниматься вверх; сексуальное желание осталось далеко внизу. Тогда, выйдя из клетки сексуального желания, птица любви может воспарить вверх. Тогда ты можешь расти в совершенно другом измерении. Тогда твое сознание входит в новый мир.

Ты спрашиваешь: "Разве страсть и привязанность - не составляющие любви?"

Они могут быть ее составляющими - но необязательно. Обычно так и бывает. В девяносто девяти случаях из ста так и есть, но это не имеет значения: если это не так хотя бы однажды, это достаточное доказательство того, что остальные девяносто девять случаев не неизбежны. Если одно семя может раскрыться и стать деревом, все семена могут раскрыться и стать деревьями. Если они этого не делают, это другое дело - может быть, они в неправильной почве.

Иисус сказал: "Брось горсть семян... Некоторые семена упадут на дорогу, по которой ходят люди. Люди будут ходить туда-сюда, и у этих семян не будет возможности прорасти. Какое-то семя упадет рядом с дорогой. Там оно сможет прорасти, вырасти немного, но его съедят животные или вырвут дети. Какое-то семя упадет на камни, скалы. Оно никогда не прорастет. Какое-то семя упадет на плодородную почву. Это семя прорастет, вырастет и станет деревом; на нем расцветут цветы и созреют плоды".

Изредка семя прорастает в Будду, Фарида, Сахаджо. Они приходят к цветению. Если этого не произошло с твоим семенем, удели ему немного внимания - может быть, ты упал в неправильном месте, где вокруг только скалы или, если нет скал, постоянно ходят люди. Или, может быть, в этом месте нет людей, но нет и никакой защиты, ограды. Ты должен найти правильную почву - тогда в тебе может родиться то же самое, что родилось в Будде, Кришне.

Это твой потенциал.

Это потенциал каждого.

Существование никому не дает меньшего потенциала. Само существование создает тебя, и оно не может создать ничего меньшего, чем оно само. Божественное создало тебя и скрывается у тебя внутри как источник твоей жизни, твой потенциал.

Любовь может стать освобождением; это возможность каждой любви, это возможность каждого сердца. Но ты должен осознавать - ты должен обрубить привязанности. Вместо этого ты продолжаешь расширять сеть привязанностей. Ты забыл, что такое любовь, ты стал называть любовью страсть.

Есть древняя суфийская история:

У подножия горы, окруженной лесом, была деревня. И люди этой деревни выработали только один навык: они рубили в лесу деревья и делали из них статуи, мебель и другие предметы обихода. Все жители деревни стали плотниками, потому что дерево было единственным доступным материалом. И единственным ремеслом жителей этой деревни была продажа своих изделий из дерева путешественникам, проезжающим по их долине.

Однажды приехала группа путешественников. Они сказали людям, что в той же долине, где и жили они, но на вершине горы, была еще одна деревня. "Вы когда-нибудь ходили туда

продавать свои товары? - сказали они. - Эти люди очень богаты, и вы сможете продать их выгоднее".

Жители деревни об этом не слышали, потому что живущие в долине никогда не думают о вершинах. Они были счастливы в своей долине, они были удовлетворены своей бедностью. Карабкаться на гору... подниматься так трудно! Возможно, человек, живущий на вершине, когда-нибудь по ошибке и спустится в долину, но человек, живущий в долине, никогда не поднимется наверх. Спускаться легко, подниматься трудно.

Они получали эти сведения от путешественников несколько раз. В конце концов некоторые молодые люди решили, что возьмут несколько деревянных изделий и сходят туда: "Если они богаты, мы продадим им свои товары". Молодые люди стали подниматься; это было трудно. Это было тем более трудно, что у них не было предыдущего опыта. В долине они жили легкой жизнью. И вот с огромными трудностями они поднялись на гору.

Они не очень-то верили в то, что им сказали: "Зачем кому-то здесь жить? Как может кто-то здесь жить, если даже подняться сюда так трудно?" Наконец они добрались до вершины, усталые и изнуренные. Проведя в пути несколько дней, они оказались на вершине.

То, что говорили люди, было правдой - город был поразительным! Храмы города блистали золотом шпилей. В лучах солнца эти храмы сияли так красиво, что молодым людям это не могло и присниться. Они открыли лавки на рынке и пригласили людей. Они стали показывать свои товары, но люди смеялись над ними. Никто ничего не хотел покупать. В конце концов они спросили, в чем же дело. Люди сказали: "Что мы будем делать с этими деревяшками? Здесь у нас есть золотые и серебряные копи, мы делаем статуи из золота. Что мы будем делать с этими деревянными статуями?"

Молодые люди не могли поверить, что в мире может быть что-то более ценное, чем дерево, и более ценные статуи, чем их деревянные. Их это очень обеспокоило. Они уже были не в духе, а теперь и вовсе расстроились. Их рассердило поведение этих людей. Люди этого города сказали: "Войдите в наши храмы, и мы покажем вам свои статуи". Но они были так расстроены и раздражены, что не захотели идти в храмы. Они забрали товары и вернулись к себе в долину.

Когда их спросили, что случилось, они сказали:

- Там действительно живут люди, но очень злого нрава. Берегитесь и избегайте одной вещи - она называется золотом. Кажется, золото - наш величайший враг, - хотя мы не видели его, - потому что эти люди обошлись с нами плохо, и мы не смогли продать ни одной статуи!

И говорят, люди этой долины никогда больше не подходили к той горе. А в долине говорили, что те, кто живет на горе, не друзья, а враги: "Они нам не друзья".

"Всегда берегитесь вещи под названием золото, потому что она угрожает всей нашей культуре".

В той или иной мере все люди в такой же ситуации, живя в долинах любви и все же не зная ее вершин. На вершинах любви есть золото. В долинах любви есть лишь продолжение твоих желаний, обычные деревянные предметы. Но человек, живущий в желаниях и страстях, боится даже слышать об этом золоте. Он говорит:

- Оно принадлежит нашим врагам. Мы счастливы с нашими сексуальными желаниями - не говорите нам об этих высших вещах. Не тревожьте наш сон, не нарушайте наших снов.

Но я говорю вам, что то, как вы живете, подобно тому, как если бы кто-то подарил вам дворец, а вы проводили всю жизнь на его крыльце, никогда не входя вовнутрь, думая, что кроме крыльца ничего нет. Крыльцо - это только вход. Чем дальше вы идете внутрь, чем глубже входите во внутреннее, тем больше доступно золотых вершин, блаженства, золота.

Сексуальное желание - это только крыльцо любви: человек должен через него пройти, но не жить в нем. Нет ничего плохого в том, чтобы войти в дверь, помни. Я не осуждаю дверь. Тебе придется пройти в эту дверь, если хочешь войти во дворец, - но не останавливайся, не делай ее своим домом, не застревай в ней, не думай, что это все, что есть в жизни. Конечно, пройди через секс - но пройди насквозь, чтобы выйти за его пределы, точно так же, как ты пользуешься лестницей или проходишь по мосту, чтобы куда-то попасть.

Чудесные возможности скрыты у тебя внутри. Ты знал любовь как секс, страсть, привязанность. Ты знаком только с адом жизни. Подумай немного, иногда даже в этом аду случаются проблески блаженства. Что тогда сказать о рае?

Если даже в сексе ты получаешь некоторый проблеск блаженства, даже на пороге приоткрывается нечто от дворца!

Если в покоях дворца горят благовония, немного аромата донесется и до дверей.

Если в покоях дворца царит мир, прохладой повеет и у дверей.

Если в покоях дворца играет музыка, мелодию можно услышать и у дверей.

Даже в сексе есть некое эхо просветления. Даже в сексе есть некоторое отражение Божественного, но это не более чем отражение луны в озере. Это лишь отражение: стоит слегка потревожить водную гладь, и отражение разрушено. В нем нет ничего реального, но отражается все же реальное. Секс - это отражение самой любви, которое возникло в озере... отражение в озере тела и ума. Посмотри вверх... Если ты находишь отражение в озере прекрасным, посмотри же вверх, на отраженную в нем луну!

Рабия, женщина-мистик, сидела в доме. У нее в гостях был мистик по имени Хассан. Настало утро, взошло солнце. Хассан вышел из дома и громко крикнул:

- Рабия, что ты делаешь в доме? Выйди и посмотри, какой красивый восход! Посмотри на это создание Бога!

Рабия сказала:

- Хассан, лучше ты войди вовнутрь. Ты смотришь наружу на творение Бога, а здесь, внутри, я смотрю на самого Бога.

Творение прекрасно, но можно ли сравнить его с творцом? Песня красива, в ней есть некий аромат существа певца. Эти скульптуры, которые вы видите всюду вокруг, прекрасны, но это лишь небольшая часть творения художника. У творца может быть бесконечное многообразие творений, но сам он остается прежним.

В "Ишавасья Упанишад" говорится: Если от целого отнять целое, получится целое. В божественном, даже если творения бесконечны, оно все же остается прежним, прежним целым. Не меняется, не уменьшается его бесконечность. И это творение так красиво, подумай немного! Если столько удовольствия можно найти снаружи дворца, насколько лучше внутри! Если случайно какая-то мелодия послышалась даже в любви, полной страсти и привязанности, вообрази, какой будет любовь абсолютно чистая, когда нечистоты страсти и привязанности отпадут, когда вся пыль, грязь и примеси сгорят и золото будет очищено. Сама мысль об этом приведет тебя в трепет и наполнит радостью. Она даст тебе новое приглашение, в тебе возникнет новый поиск. Имя этого поиска - религия.

Стремление познать любовь в ее предельной чистоте есть религия.

И предельная чистота любви есть божественное.

Третий вопрос:

Откуда ты знаешь, что Сахаджо реализовала себя? Достаточно ли это доказывают ее

слова?

Вопрос довольно сложный.

Ее слова сами по себе не могут быть достаточным доказательством, потому что слова могут быть заимствованы. Все, что сказано словами, может быть просто повторением слов кого-то другого. Поэтому только слова не могут быть адекватным доказательством, - но могут быть неадекватным доказательством. Пойми правильно: неадекватное доказательство означает, что из этих слов можно извлечь некоторый намек - но только намек. Трудно сказать с определенностью, что это правда, но из этих слов можно получить намек.

Когда ты повторяешь чужие слова, обязательно возникнут ошибки. Нетрудно узнать слова богослова. Богослова можно узнать немедленно, потому что он повторяет; сам он ничего не знает. Как бы он ни пытался повторить точно, все же случатся те или иные ошибки, потому что внутри он полон замешательства, и это повлияет на то, что он хочет сказать. Тот, кто повторяет, сам полон ошибок, и он неизбежно запутается в этих ошибках. Пойми это так: твои руки испачканы золой, а ты чистишь новый белый дом - ты весь черный от сажи и чистишь новый белый дом - ты оставишь отпечатки рук, как бы ни пытался их скрыть. Может быть, невежественный человек не сможет этого увидеть, но те, кто знает, несомненно это увидят.

Из этих слов мы можем получить неадекватное доказательство, указание на то, что, может быть, этот человек действительно знает. А когда человек говорит после того, как познал, в его словах есть сила, которой нет в словах человека, который говорит без знания. Они не могут быть такими сильными, это невозможно, потому что сила приходит из опыта.

Я слышал о жизни одного христианского святого.

Он написал: "Я шел по деревне, и произошел точно такой же случай, который случился в жизни Иисуса".

Однажды Иисус пришел в одну деревню, и его остановил молодой человек. Его звали Никодим. И Никодим спросил:

- Что мне делать, чтоб и я мог попасть в Царство Божье?

Иисус сказал:

- Брось все и следуй за мной.

Христианский святой написал: "Та же самая ситуация случилась вчера вечером. Я шел по деревне, и меня остановил молодой человек. Он сказал: "Я тоже хочу пережить то, о чем ты говоришь. Скажи мне, что мне делать?""

И этот христианский святой написал:

"Я вспомнил, что сказал Иисус - "Следуй за мной", - но мне не хватило храбрости это сказать. Самое большее, я мог сказать: "Брось все и следуй за Иисусом!""

Такая разница всегда заметна между пустыми словами и словами, которые приходят из опыта. Кришна мог сказать Арджуне: "Брось все религии и приди в мой приют". Богослов не смог бы этого сказать. Богослов сказал бы: "Отбрось все религии и приди в приют Кришны!" Богослов побоялся бы сказать: "Приди в мой приют". Первым страхом было бы, что люди подумают, что это утверждение большого эго.

Но только если есть эго, возникает идея эго. В Кришне эта идея вообще не возникает. Кришна не думал, что эта книга, Бхагавад-Гита, переживет века, что в руках людей будет доказательство; что люди скажут: "Должно быть, Кришна был большим эгоистом, когда предложил Арджуне бросить все и прийти в его приют. Надо же такое сказать! Это утверждение большого эго".

Когда Будда испытал самореализацию, он сказал: "То, что я нашел, находят редко - это находит один из миллиона. То, что не происходит легко, произошло со мной - я достиг правильной природы будды". Читателю это покажется утверждением большого эго. Стал бы человек знания говорить что-то подобное? Так называемые знающие люди сказали бы: "Мы скромные, мы как пыль у твоих ног". Но помни, те, в ком возникли эти слова, лишены эго. Эго больше нет, и не осталось никого, кого это могло бы беспокоить.

Есть разница между словами знающего богослова и того, кто *знает*. Слова богослова будут заимствованными, лишенными храбрости, дерзости, и в них не будет силы. В словах богослова будет привкус писаний. Слова того, кто знает, будут спонтанным потоком, который течет непосредственно из источника, свежего и нового. Эти слова отчеканены прямо в это мгновение. Они еще не были на рынке, их еще не касались ничьи руки. Увидишь ли разницу между банкнотой, которая только что отпечатана банком, и банкнотой, которая уже была в обращении? Трудно ли их различить? - нет, потому что ты знаешь, как выглядят банкноты. Поэтому, *проснувшись*, ты тоже можешь распознать слова тех, кто *проснулся*.

Эти слова Сахаджо исходят прямо из сокровищницы - они свежие, простые и прямые. Сахаджо совершенно не богослов; она и не поэт. Ее слова прямые, в них нет большого шума. Она говорит ясно и по существу, ничего не скрывая. И она говорит так, как никто не говорил до нее, поэтому нет возможности того, что она их заимствовала.

Когда на кого-то нисходит Божественное, оно каждый раз нисходит по-новому; Бог совершенно не любит повторения. Каждое слово Сахаджо абсолютно уникально: их никогда раньше не было, их никогда больше не будет. Поэтому я называю это неадекватным доказательством. Ничто не определено, но ясно одно: есть возможность. Это указание.

Тогда как можно сказать, что Сахаджо реализовала себя? Для этого ты должен уметь читать пустые пространства между словами, ты должен уметь читать между строк. Из самих строк ты получишь неадекватное доказательство, но в пространстве между словами найдешь адекватное. Однако ты сможешь читать между строк в словах Сахаджо, только если умеешь читать между строк внутри самого себя. Поэтому, как я сказал, вопрос немного трудный. Мой ответ на него ничего не решит, ты получишь ответ лишь тогда, когда он придет из самой твоей жизни.

Есть разные вопросы. Вопрос одного вида - если я на него отвечу - будет решен. Вопрос другого вида будет решен, только если ты будешь расширяться и расти. Когда маленький ребенок спрашивает, что такое секс, - может быть, он спросил, потому что прочитал книгу, где было слово секс, - как ты это ему объяснишь? Что ты ему скажешь? Секс еще не случился в его жизни. Туман секса еще не распространился в его уме. У него нет ни малейшего понятия о том, что такое секс. Что бы ты ему ни сказал, это просто пройдет у него над головой. Да, когда он доживет до возраста, в котором возникает секс, если ты теперь что-нибудь скажешь, это может потянуть за некоторые нити. Тогда будет какая-то связь, какая-то гармония, какое-то общение между его пониманием и твоими словами.

Сахаджо реализовала себя. Ты сможешь узнать это, только когда *сам* реализуешь себя. Реализовавший себя человек тотчас же узнает, реализовал ли себя другой. В этом нет ни малейшего затруднения. Для этого понимания не требуется никаких усилий. Это узнавание просто происходит; есть спонтанные доказательства, и узнавание случается.

Пойми это так: тебя послали в иностранную державу, где никто не говорит на твоём языке, все говорят на другом языке. Ты один; ты говоришь на своём языке, но никто не понимает, никто не слушает - и внезапно ты встречаешь человека, который понимает твой язык. Много ли вам понадобится времени, чтобы узнать друг друга? Достаточно одного слова, и произойдет узнавание, что другой говорит на том же языке.

Когда происходит встреча двух реализовавших себя существ, даже на расстоянии в сотни

лет, они говорят на одном языке. Сахаджо и Иисус, Будда и Махавира, Заратустра и Лао-цзы говорят на разных языках - имея в виду то, что ты называешь языками. Лао-цзы говорит по-китайски, Иисус говорит по-арамейски, Кришна говорит на санскрите, Махавира говорит на пракрите, Будда говорит на пали, Сахаджо говорит на хинди. У каждого из них свой язык - то, что ты называешь языком. Но есть язык реализовавших себя, на котором говорят они все, и в нем нет ни малейшей разницы. Они тотчас же узнают друг друга. Если закрыть их в одной комнате, они немедленно узнают друг друга. Они узнают по жестам, по глазам, по манере сидеть или стоять, по аромату жизни, по свету вокруг них, потому что они сами такие же.

Это можно узнать и на расстоянии в тысячи лет; это не имеет значения. Именно поэтому я говорю, что этот вопрос трудный и не будет разрешен моим ответом. В тот день, когда ты проснешься, ты обнаружишь, что узнал всех просветленных. Спящий не может узнать того, кто пробужден. Здесь нас так много. Если все вы заснете, а один останется бодрствовать, он узнает всех, кто заснул; он будет также знать, что не спит. Но спящие не знают, ни что они спят, ни что кто-то не спит. Тогда, если проснется кто-то еще, оба бодрствующих тотчас же узнают друг друга, и оба также будут знать, что все остальные спят. Будет ли это трудно? Пробуждение от сна жизни точно такое же - два пробужденных всегда узнают друг друга.

Я даже не упоминаю имени человека, который не пробужден. Если я согласился говорить о словах Сахаджо, то именно по этой причине. В стихах Сахаджо нет ничего особенного. Если бы я хотел говорить о поэзии, есть множество великих поэтов. Не создала Сахаджо и никакой великой философии. Если бы я хотел говорить о философах, есть множество великих философов. Сахаджо - обычная необразованная женщина; она не поэт и не философ; очень обычная, простая сердцем. Но пробужденная. Одно ее пробуждение ценно, все остальное не стоит и гроша. Каким бы ты ни был великим богословом, если ты спишь, ты бесполезен. И даже если ты ничего не знаешь, но просыпаешься, тогда случается все знание.

Поэтому, несомненно, я признаю, что Сахаджо реализовала себя, иначе я даже не упомянул бы ее имени. Зачем говорить о спящих? Бессмысленно говорить со спящими о спящих. Вы уже знаете спящих слишком хорошо. Я должен говорить с вами о пробужденных, чтобы вы заинтересовались, чтобы в вас возникло стремление. Может быть, будильник зазвонит, и вы перевернетесь с боку на бок, может быть, пошевелитесь во сне.

Четвертый вопрос:

Отличаются ли друг от друга вопросы мужчин и женщин? Есть ли разница в том, как они их задают?

Конечно, есть! Это неизбежно, потому что вопросы возникают у вас внутри. Ваши вопросы несут сведения о вас. Твой вопрос *твой*. Именно ты придаешь ему форму, стиль. Конечно, женщины задают вопросы определенным образом, мужчины - по-другому.

Первое, что я заметил: женщины не спрашивают - вот их путь. Они редко спрашивают. Они больше пытаются понять и меньше спрашивают. Мужчины больше спрашивают и меньше понимают. Поскольку они больше спрашивают, может создаваться иллюзия, что они больше понимают. Поскольку женщины спрашивают меньше, создается иллюзия, что они вообще не понимают: "Почему они ничего не спрашивают?" Но, фактически, все как раз наоборот.

Мужчины приходят ко мне с огромной сетью вопросов. Часто мужчины говорят мне... когда я им говорю, хотят ли они о чем-нибудь спросить, они отвечают: "Мы столько хотим спросить, что не знаем, с чего начать. Мы хотим столько спросить, но как спросить, откуда начать? Мы не можем этого понять". Если спросить женщин, хотят ли они что-нибудь спросить, они скажут: "Нет, нам не о чем спрашивать. Нет ничего такого, о чем нужно было бы спрашивать. Мы

пришли просто сидеть с тобой, мы пришли на *даршан*".

Этот мужчина не может задать вопрос. Причина в том, что в нем так много вопросов, и из-за этой толпы вопросов он не может задать вопрос. Женщины не спрашивают, но не из-за толпы вопросов, но потому, что спрашивать нечего.

Когда мужчины приходят и садятся рядом со мной, я вижу толпу у них в головах - нагромождение беспорядочных мыслей. Если раскрыть голову мужчины, оттуда выйдет целый сумасшедший дом, и во все стороны разбегутся сумасшедшие. Мысли будут прыгать и скакать, как выпущенные из тюрьмы привидения. Даже если мужчины слушают, то слушают из головы. И, пока им не отрубишь голову, к сердцу проникнуть никак невозможно.

Когда приходит женщина, у нее в голове нет такого шума. Ее сердце пульсирует, трепещет - женщин переполняют чувства. Они меньше слушают и больше пьют. Их глаза менее активны, мысли менее активны.

У меня есть такой опыт - если мужчины влюбляются в меня, они говорят: "Мы любим твои идеи, и поэтому любим тебя". Если в меня влюбляются женщины, они говорят: "Мы влюбились в тебя, и поэтому любим и твои идеи". Вот в чем разница - и это огромная разница. Мужчины говорят: "Твои идеи дороги нам, и мы тебя любим" - сначала идеи, потом любовь. Женщины говорят: "Мы настолько в тебя влюбились, что твои идеи кажутся правильными" - сначала любовь, потом идеи.

У них разные личности; они отличаются друг от друга. Именно поэтому женщины не создали никаких великих писаний, никакой великой философии. Мужчины создали великие писания, великие секты, великие философии. Но, кажется, женщины жили счастливее мужчин. Сейчас даже философы признают этот факт.

Может быть, вы удивитесь, узнав, что в сумасшедших домах женщин меньше, чем мужчин. В тюрьмах много мужчин, а женщин почти нет. Мужчины более подвержены умственным болезням. Женщины не совершают самоубийства так часто, как мужчины. Хотя много раз они говорят, что сделают это, но никогда не делают. Женщина часто говорит: "Я покончу с собой!" Иногда она даже принимает таблетки, но только в ограниченной дозе - наутро с ней все в порядке. Она на самом деле не хочет умирать. Даже если она говорит о смерти, это вызвано глубокой тягой к жизни - потому что жизнь устроена не так, как она ожидала, она готова умереть. Но на самом деле она не хочет умирать. Женщины очень глубоко укоренены в жизни.

Мужчина готов немедленно умереть за любую мелочь. Когда мужчина что-то делает, он делает это с полным успехом - он просто умирает! Он не совершает попыток спустя рукава, его расчеты полны и научны. Он организывает все так, чтобы исключить неудачу. Если женщина говорит о смерти, не обращай большого внимания, не о чем беспокоиться. Когда мужчина говорит о смерти, ты должен немного подумать. Часто бывает так, что он даже ни о чем не говорит. Женщины постоянно говорят о смерти и живут дальше.

Женщины и болеют физически реже мужчин, потому что их ум немного более спокоен и здоров, и тело становится более спокойным и здоровым. Женщины живут дольше мужчин, в среднем, на пять лет дольше. Если мужчина живет семьдесят лет, женщина живет семьдесят пять. Именно поэтому я говорю, что мы должны организовать брачную систему по-другому. Мы говорим, что в браке мужчина должен быть на три или четыре года старше женщины. Это абсолютно неправильно. Девушка должна быть старше - на пять или шесть лет старше юноши; тогда оба умрут приблизительно в одно и то же время. Иначе мир будет полон вдов. Так, как есть сейчас, вы найдете мало вдовцов и много вдов. В Индии вдов вы увидите повсюду, они сидят в храмах... Причина в том, что они живут на пять лет дольше мужчин. Было бы разумнее, если бы девушки были старше на пять или семь лет: тогда оба умирали бы примерно в одно и то же время, с разницей в несколько месяцев. Жизнь была бы лучше.

Но из-за своей гордыни мужчина хочет быть в браке старше, чтобы чувствовать свое превосходство. Он хочет быть лучше во всем; даже в возрасте он хочет превосходить - хотя, каким бы ни был его возраст, он не может превосходить женщину. Каждый раз, когда он влюбляется в женщину, он начинает искать в этой женщине мать. Он не взрослеет. Самая маленькая девочка взрослее его, потому что в самых первых играх девочка играет в мать, она не согласна на меньшее. Она одевает кукол, играет в материнство. Самая маленькая девочка уже мать, а самый старший мужчина - только ребенок. Мужчина - это ребенок.

Но эго, гордость! - он должен превосходить во всем. Если невеста выше его, жениха это печалит. Ему очень неловко; мужчина должен быть выше женщины. Где-то у него внутри работает комплекс неполноценности. Психологи говорят, что комплекс неполноценности развивается оттого, что женщина способна к рождению жизни, а мужчина не способен. Это комплекс неполноценности: женщина может родить ребенка, создать новую жизнь. Существование использует ее непосредственно, она - прямой проводник. Мужчина кажется случайным.

Мужчин можно заменить: ту же работу может сделать инъекция, они не незаменимы. Но мать нельзя обойти, потому что мать рождает собственным телом. Ее кровь, ее кости, мозг костей создают новую жизнь, рожают новую жизнь. Женщины кажутся очень удовлетворенными, и, когда они становятся матерями, их окружает еще большая удовлетворенность, потому что, в определенном смысле, они стали проводниками божественного.

Научные мыслители говорят, что мужчина так много мечется, чтобы компенсировать эту внутреннюю недостаточность. Женщинам не нужно создавать картины, не нужно создавать статуи, писать стихи, им не приходится сочинять романы, пьесы, рассказы, снимать фильмы, не нужно в ракетах мчаться на Луну. Им ничего не нужно делать, потому что существование дало им такое великое творчество, что это приносит им достаточное удовлетворение - их потребность что-то создавать удовлетворена. Но мужчина должен создавать тысячи вещей. Вот что говорит мужчина: "Нет проблем - если мы не можем родить ребенка, мы создадим статую. Мы создадим вещи, мы напишем стихи". Но какое бы прекрасное стихотворение мужчина ни написал, не может быть поэзии прекраснее, чем глаза ребенка. Как бы ни была прекрасна мраморная статуя, она никогда не может быть равной живому ребенку. Мужчина может добраться до Марса, но никогда не испытает опыта материнства.

Удовлетворенность может прийти в жизнь мужчины, только если он родит самого себя изнутри себя - как Будда, Кришна, Махавира. Поэтому мы называем реализовавших себя *двиджи*, "дваждырожденные". Они родили самих себя, совершили рождение заново. Одно рождение случилось в матери и отце, второе случилось с ними в медитации, в просветлении. Тогда они рождены заново. Ты найдешь, что только будда может быть мирным, как женщина: ты увидишь в статуе Будды женственность. В жизни Будды была такая же округлость, что и в жизни женщины, та же удовлетворенность, та же благодарность, исполненность.

Конечно, у мужчины и женщины разные пути. Если мы можем понять эти пути правильно, многое станет легче, и путешествие станет легче. Можно избежать ненужных блужданий и заблуждений.

Прежде всего, женщина не спрашивает - а если и спрашивает иногда, ее вопрос всегда прагматический, не метафизический.

В этом контексте есть еще один вопрос:

Вчера после дискурса я попросил многих женщин написать вопросы о Сахаджо, но все они только улыались. Они даже не сказали да! Почему женщины не заинтересованы в том, чтобы спрашивать даже о просветленных женщинах?

Спрашивать, узнавать - любопытство мужчины. Быть, жить - любопытство женщины.

Ты можешь увидеть разницу даже в маленьких детях. Если девочки играют, их игры будут творческими, они будут что-то создавать. Игры мальчиков будут разрушительными; в играх они будут что-то ломать. Если мальчику дать игрушечную машину, вскоре он ее сломает, чтобы посмотреть, что внутри - любопытство знать, подвергать сомнению, увидеть, как это сделано. Если ему дать часы, он их откроет. Ты скажешь, что он все ломает, но бедный парень просто совершает научное исследование! Он смотрит, как это устроено. Ползет муравей - он раздавит его пальцем. Это не насилие, в его намерения не входит насилие. Муравей не сделал ему ничего плохого, он просто пытается посмотреть, что у него внутри, что приводит его в движение.

Мужчина любопытен. Он хочет знать, он хочет исследовать. Где бы он ни нашел завесу, которая что-то скрывает, он ее приподнимет и посмотрит, что за ней. Любопытство женщины другое. Ее любопытство не в том, чтобы знать, но в том, чтобы жить. Это очень прагматическое любопытство. Женщина спрашивает только о том, что абсолютно существенно для ее жизни.

Женщины не приходят и не спрашивают, существует ли Бог, существует ли рай и ад и кто создал Вселенную. Все это мужские вопросы. Иногда женщина, если она что-то и спросит, скажет: "Если в уме есть неудовлетворенность, как принести ему удовлетворенность?" "Моя жизнь проходит напрасно, как мне найти мир?" "Как мне привнести в мою жизнь поклонение и молитву?" Ее вопросы практичны - и я согласен, что быть практичным по большому счету мудрее, разумнее. Что ты выиграешь, узнав, кто создал мир, в какой день, какого числа? Что тебе это даст?

Вчера вечером я читал биографию еврейского раввина. Каждый раз, когда он говорил, один мужчина вставал и задавал вопросы. Раввину надоело, он устал от этого человека! Он был очень упорен и задавал всевозможные странные вопросы. Однажды раввин сказал: "Бог создал мир". Этот человек встал и спросил: "А когда он создал мир? Почему он не сделал этого раньше?"

Вопрос абсолютно справедливый, но, прежде чем раввин успел что-то сказать, человек продолжал: "А если ты не знаешь, почему он не создал его раньше, скажи нам тогда, что он делал с тех пор, как создал мир? Все эти вопросы важны - потому что если принять то, что говорят христиане - что четыре тысячи и четыре года назад, в понедельник, Бог начал создавать, завершил работу в субботу и отдыхал в воскресенье, - что он тогда делал раньше четырех тысяч четырех лет назад? Сидел ли, ничего не делая? Не устал ли он? Не сошел ли с ума? Наверное, он все-таки что-то делал. Даже если человек сидит и расслабляется, все равно он что-то делает - читает газету, слушает радио. Но у Бога не было даже радио. Что он делал?"

Может быть, - сказал этот человек, - ты не знаешь, потому что это было так давно. Но что он делал с тех пор? Мир был создан за шесть дней, на седьмой он отдыхал, но что потом?.."

Раввин сказал: "Теперь он занят тем, что считает таких людей, как ты, задающих глупые вопросы, и решает, какое им назначить наказание!"

Есть вопросы, которые бессмысленны, но как бы они ни были бессмысленны, мужчинам они кажутся важными. Есть осмысленные вопросы: какими бы они ни казались мужчинам будничными, обычными, в них есть великолепие. В конце концов, любопытства недостаточно. Нужен поиск. Ничего не случится в знании об этом, что-то случается, только когда ты есть это. Жизнь должна быть трансформирована. Человек должен стать новым, полным света. Человек

должен зажечь незажженную свечу. Именно поэтому этот вопрос не очень важен. Важен только один вопрос: как можно зажечь незажженную свечу? Мои глаза закрыты, как их открыть? Мой сон крепок, как его прервать? Как стать светом самому себе?

Есть разница между вопросами мужчин и женщин. Но я тебе скажу, что, если мужчина действительно вовлечен в трансформацию своей жизни, его вопросы тоже станут практическими вопросами женщины. И иногда женщины тоже заражаются болезнью мужчин и начинают задавать такие же вопросы.

Я делаю ударение на практичности. Спрашивай только о том, что может трансформировать твою жизнь, - осмыслен лишь такой вопрос, который может изменить твою жизнь.

Последний вопрос:

Поскольку Будда допустил в свою коммуну женщин, его религия просуществовала в Индии только пятьсот лет, вместо пяти тысяч. Ты свободно допускаешь в свою коммуну женщин. Скажи нам, пожалуйста, сколько просуществует твоя религия?

Заботиться о будущем свойственно невежеству: что будет завтра, о том позаботится завтра.

История говорит, что Будда заботился об этом, но очень трудно сказать, правдива ли эта история. Мне тоже много раз говорили, что будто бы Будда сказал: "Теперь моя религия просуществует только пятьсот лет, потому что в нее допустили женщин". Это может значить только одно - это не может значить, что Будда беспокоился о будущем. Будет ли религия существовать пятьсот или пять тысяч лет, как это может заботить Будду? Поэтому должна была быть какая-то другая причина, по которой он это сказал.

Его намерением было... Образ жизни, предлагаемый Буддой, был в своей основе разработан для мужчин. Образ жизни, разработанный Махавирой, был тоже создан для мужчин. Оба пути - сила воли, а не самоотдача. Это пути решительности и усилия, не пути, на которых ты принимаешь милость Божественного как дар. Ни в одном из этих путей нет места Божественному. В них нет возможности молитвы и поклонения. Оба пути - пути медитации. Путь медитации не подходит женщинам: им подходит путь молитвы и любви. А оба пути, разработанные Махавирой и Буддой, были путями медитации.

Потом женщины тоже заинтересовались и сказали: "Посвяти и нас!" Поэтому Будда, наверное, был обеспокоен. Он беспокоился не о том, сколько времени просуществует его религия. Даже если он это действительно сказал, это фактическая сторона его слов, не то, что он на самом деле имел в виду. Но сутью для Будды было то, что его путь был путем медитации и если бы на него были допущены женщины, было бы две возможности - либо женщины переделают его в путь молитвы, либо путь медитации изменит женщин и сделает их похожими на мужчин. Второе почти невозможно. Первое возможно: когда придут женщины, они превратят путь медитации в путь молитвы. А это не путь молитвы, и он будет искажен.

Именно поэтому Махавира просто объявил, что освобождение из женского тела невозможно. Весь смысл был в том... Это не может значить, что Махавира говорит, будто женщины не могут быть просветленными. Это было бы большой глупостью. Невозможно, чтобы такой человек, как Махавира, сказал такую чепуху. Махавира сам много раз говорил: "Душа не мужская и не женская". Форма - это только тело, а что общего имеет тело с освобождением? Это все равно что сказать: если ты носишь женскую одежду, освобождение невозможно, ты должен носить мужскую одежду.

Махавира знает, что тело - это только одежда. Тогда почему он так говорит? Есть причина. Путь Махавиры - это тоже путь медитации. Махавира говорит: "У женского тела не будет связи с моим путем. Поэтому, если женщина хочет освободиться моим путем, она должна будет стать

как мужчина". Вот в чем смысл. Он говорит: "Только если она станет как мужчина, она сможет освободиться".

Женщина не может освободиться путем медитации; он ей не подходит. Она может освободиться только путем любви. Когда ее сердце полно благодарности, лишь тогда она танцует в экстазе. Лишь тогда на нее нисходит состояние *самадхи*. Лотос ее сердца расцветает только в танце и *киртане*, в песне преданности, поклонении и молитве. Вот что на самом деле Будда и Махавира имеет в виду, говоря о *своей религии*, что на этом пути женщина не может достичь освобождения. Женщина - это великое явление - она может изменить любой путь!

Это случилось. Сегодня в джайнских храмах вы увидите, что джайны молятся и поклоняются Махавиру. Махавира не имел ничего общего с молитвой и поклонением, а сейчас джайны молятся и поклоняются! Женщины вызвали эту перемену, потому что женщины молились и поклонялись. Они могут только любить Махавиру. И когда они любят, им хочется танцевать перед Махавирой и поклоняться ему. Постепенно они переделали этот путь. Теперь возникли огромные трудности. Танец приемлем в храме Кришны, потому что танец сопоставим с Кришной, его путь - путь танца. Но, танцуя в храме Махавиры, ты заблуждаешься. Это все равно что идти в храм Кришны совершать аскетические практики. Техника не соответствует месту. Это все равно что купить "форд" и пытаться приделать к нему запчасти от "роллс-ройса".

Путь медитации - это один путь, путь любви - совершенно другой. Есть только эти два пути. То, что правильно на пути любви, будет препятствием на пути медитации. То, что правильно на пути медитации, будет препятствием на пути любви. Пути должны оставаться абсолютно чистыми.

Я не настаиваю ни на пути любви, ни на пути медитации. Ни один путь я не называю своим. Когда ты приходишь ко мне, я смотрю на тебя и говорю, каков твой путь. Я не пытаюсь заставить тебя идти моим путем, мое усилие не в этом. Я смотрю на тебя и, имея в виду тебя, решаю, какой путь тебе подходит. Я не привязан ни к какому пути - я ни на чем не настаиваю. Поэтому, если приходит женщина, обычно я направляю ее на путь молитвы и любви. Иногда приходит мужчина, который тоже полон сердца, и я тоже направляю его к молитве. Иногда приходит женщина, в которой не может прорасти никакой росток любви, и я направляю ее к медитации.

Есть много форм молитвы: у ислама одна форма, у индуизма другая. Есть бесконечные формы медитации - джайнская, буддистская, метод Патанджали, метод Лао-цзы. Я смотрю на тебя и выбираю.

Пойми это правильно. Есть две возможности: первая, у меня есть путь, и тогда меня не заботит, кто *ты*. Если кто-то хочет идти моим путем, я выберу подходящих людей и не выберу тех, кто исказит мой путь; им я скажу: "Этот путь не для вас. Ищите какой-то другой храм". С Буддой ты идешь путем, выбранным Буддой; Махавира тоже выбрал свой путь. Я совершенно не настаиваю ни на каком пути.

Я не заставляю вас идти своим путем. Можете называть моим путем это - я хочу, чтобы вы шли своим путем. Я внимательно за вами наблюдаю. В моем понимании вы драгоценнее любого пути. Каждая индивидуальность ценна.

В "Талмуде" евреев есть слова: "Одна индивидуальность ценнее всей вселенной". Я согласен с этим - каждая индивидуальность так ценна, что, если положить ее на одну чашу весов, а всю вселенную - на другую, один человек перетянет весы. Таково величие человека! Я смотрю на тебя и говорю, что может тебе подойти.

Поэтому для меня приемлемо все. Ты можешь танцевать к божественному - мои благословения с тобой. Ты можешь идти к божественному с закрытыми глазами - мои благословения с тобой. Иди как женщина, иди как мужчина - все это разные пути - но все они

ведут к одной и той же точке назначения.

Бог один, но у него много имен. Истина одна, но ведущих к ней путей много. Я принимаю все пути. Каждый путь эффективен; все зависит от того, подходит ли тебе этот путь.

Мои глаза сфокусированы на *тебе*. Я не забочусь о лекарстве, я забочусь о пациенте. Я выбираю лекарство согласно нуждам пациента. Есть некоторые врачи, которые уже решили, какое использовать лекарство. Они говорят, что приходить к ним должны только те пациенты, которым подходит лекарство; другим пациентам оно не поможет.

У Махавиры есть свой путь, у Будды есть свой путь. У меня нет пути, я без-путный.

Махавира один из берегов реки, *тиртханкара* - он перевозит лодку с одного берега на другой. У меня нет определенного берега реки. У меня есть лодка, и с какого бы берега ты ни хотел начать и какого бы ты ни хотел достичь, эта лодка исполнит работу. Весь Ганг - мой.

На сегодня хватит...

3. Два состояния сознания

*У тех, кто сошел с ума в любви,
вся жизнь преобразена.
Сахаджо говорит: они не видят,
кто нищий, а кто король.
Для тех, кто сошел с ума в любви,
исчезают каста и цвет кожи.
Сахаджо говорит: весь мир зовет их безумцами,
и все, кто был рядом, бегут,
О тех, кто сошел с ума в любви, -
Сахаджо говорит: тело трепещет,
нога спотыкается, утрачен контроль, -
тогда о них заботится Божественное.
Ум блажен,
тело пьяно восторгом.
Никто не с Сахаджо,
Сахаджо ни с кем.*

Есть лишь два состояния сознания: состояние любви и состояние полного отсутствия любви. Или, если вам больше нравится, называйте их состояниями пробуждения и сна, состояниями религиозности и нерелигиозности. Не имеет значения, какими словами их назвать.

Сознание может быть в двух формах. То, что ты называешь "мирским", - это состояние сознания без любви. Если на существование смотреть без любви, оно кажется мирским. Когда глаза полны любви - то, что до сих пор казалось мирским, внезапно на мгновение становится Божественным. Мир - это не реальность, но попытайся понять, что Бог - это тоже не реальность; это только два способа смотреть на существование. Мирское - это переживание глаз без любви, Божественное - это переживание глаз, полных любви.

Вопрос не в том, *что* наблюдать, вопрос в том, *как* наблюдать. То, что ты видишь, не ценно, ценно то, *как* ты видишь, потому что именно это определяет твое существование. Если ты не видишь Божественного, не думай, что его нет, просто признавай, что в твоих глазах нет любви. Если для тебя очевидно мирское и только мирское, не думай, что больше ничего нет. Пойми, что в твоих глазах нет любви, что они пусты. Когда глаза пусты, когда в них нет любви, что бы ни пришло в твой опыт - это иллюзия, ложь, - потому что нет иного пути познать истину, как только через любовь.

Это все равно что пытаться услышать глазами, как кто-то играет на *вине* - ничего не будет слышно. Глаза не предназначены для слышания, нельзя слышать глазами. На *вине* играют, музыка резонирует в тебе, но ты не слышишь, потому что не используешь тот проводник, который мог бы создать связь. Музыку нужно слушать, ее нельзя увидеть. Глухой может сидеть и наблюдать, как пальцы музыканта перебирают струны, но волшебства, происходящего между струнами и пальцами, он не услышит. Нет способа слушать глазами.

Это все равно что пытаться увидеть цветы ушами. Цветы цветут, их аромат разносит ветром, пчелы и бабочки это знают, послание понятно жукам, но тот, кто поднесет к цветку ухо, ничего не увидит. Он не узнает, что бутон распускается и становится цветком, что его окружают облака

аромата, и аромат рассеивается, и бутон превращается в цветок и сдается Вселенной; мгновение раскрытия наступает и уходит - ничто из этого нельзя воспринять ушами. Для этого нужны глаза и нос; для этого нужны *правильные средства*.

Если ты говоришь, что не видишь ничего, кроме мира, это значит только, что твой привычный способ смотреть не позволяет тебе увидеть ничего другого.

Есть старая история баулов:

Факир танцевал в саду, танцевал с цветами, и к нему подошел ученый богослов и спросил:

- Я слышал, что ты все время повторяешь: "любовь", "любовь". Что такое эта любовь?

Факир продолжал танцевать, потому что может ли быть иной ответ, кроме танца?

Любовь изливалась вокруг повсюду. Ее понимали деревья, ее понимало озеро, ее понимали белые облака, плывущие по небу, - но богослов был слеп.

Факир продолжал танцевать. Богослов сказал:

- Прекрати прыгать и скакать; дай мне ответ на вопрос. Эти твои ужимки - не ответ. Я спрашиваю, что такое любовь?

Факир сказал:

- Я есть любовь. И если ты не видишь ее в моем танце, то, без сомнений, ничего не увидишь, если я и перестану танцевать. Если ты не слышишь ее в моей песне, она останется за пределами твоего понимания, и когда я умолкну. Я уже дал ответ.

Богослов рассмеялся. Он сказал:

- Это ответ для идиотов! Я знаю великие священные писания - я требую правильного ответа. Я не необразованный деревенщина - я знаю Веды, Упанишады, я читал Гиту. Дай мне разумный ответ. Иначе я скажу, что ты не знаешь ответа.

Факир спел песню. В этой песне говорилось:

"Я слышал, однажды произошел такой случай - в саду расцвели цветы, и садовник танцевал от радости при виде такой редкостной красоты. Городской золотых дел мастер пришел и сказал:

- Чем ты опьянен? Что случилось? Почему ты танцуешь?

- Посмотри на эти цветы! - сказал садовник.

- Подожди! - сказал ювелир. - Я не соглашусь, пока их не проверю.

Он вынул из сумки пробный камень, который использовал для определения чистоты золота, - камень, который используют, чтобы определить, настоящее золото или поддельное.

Он потер цветы о камень, но ничего не смог понять - цветы были смяты, цветы умерли.

Наверное, эти цветы смеялись, деревья смеялись, облака в небе смеялись. Садовник тоже рассмеялся".

Факир рассмеялся и сказал богослову:

- Ты просишь меня о том же: ты хочешь применить к любви пробный камень логики.

Цветы умрут, если их потереть о камень... камень что-то говорит только о золоте, потому что между камнем и золотом есть некоторое сходство - золото твердое, как камень. Видел ли ты когда-нибудь цветущее золото? Оно мертво. Мертвое узнает мертвое. Цветок жив: если ты испробуешь его пробным камнем, он умрет. Лишь следы его смерти останутся в твоих руках, лишь кровь цветка останется на камне; но камень не даст никакой информации о том, был ли цветок настоящим.

У пробного камня для золота другое назначение. Если ты не видишь Божественного в мире, тогда знай, что ты ювелир, бродящий по саду с пробным камнем в руках. Таким образом ты никогда не найдешь цветов; тебе мешает камень в твоих руках. Твой способ видения создает

препятствие; твой способ бытия заставляет Божественное обходить тебя стороной.

Когда ты приходишь и говоришь, что не видишь Бога, я не буду пытаться доказывать обратное или говорить, что он существует, - это было бы бессмысленно. Это все равно что играть на *вине* для глухого, это все равно что светить лампой слепому, это все равно что дать понюхать духи человеку, у которого заложен нос. Нет, я не сделаю такой ошибки.

Когда ты спрашиваешь, где Бог, я знаю, что ты на самом деле спрашиваешь, где любовь, потому что есть ли другой Бог, кроме любви? Ты ничего не говоришь о Боге, ты говоришь нечто о себе, и это показывает, что у тебя нет глаз любви. Хотел бы я, чтобы ты это понимал; тогда ты не искал бы Бога, потому что понимал бы, что это ошибочный поиск - ты искал бы любовь. Тот, кто знает любовь, знает и Божественное. Нет Бога, кроме любви.

Любовь больше самого Бога, потому что никакой связи с Богом быть не может, если глаза не полны любви. Твои уши важнее любой самой великой музыки, потому что без ушей музыка не будет существовать. И я говорю, что глаза важнее самых красивых ламп. Солнце мало в сравнении с глазами. Не думай в терминах математики, иначе ты подумаешь, что твои глаза очень малы, а солнце - очень велико. И я повторю снова, что твои глаза безграничны, а солнце очень мало - где было бы солнце без твоих глаз? Миллионы солнц могут увидеть твои маленькие глаза. И в маленьком пульсе твоей любви может уместиться вся безграничность Божественного.

Твоя любовь безгранична. Чем яснее ты понимаешь этот факт, тем больше он тебе помогает, потому что если первый шаг путешествия ошибочен, цель потеряна навсегда. Если первый шаг правилен, половина путешествия позади. Если ты начинаешь двигаться в правильном направлении, ты уже почти пришел; теперь дойти до цели нетрудно, это только вопрос времени.

Но если ты совершаешь неверный шаг, ты можешь идти жизнь за жизнью. Сколько бы ты ни шел, как быстро бы ни бежал, сколько бы ни прилагал усилий и ни применял средств, ничего не получится. Может быть, получится даже противоположное: чем больше ты пытаешься, тем дальше уходишь в сторону; чем быстрее бежишь, тем больше становится расстояние. Никто не может достичь цели, если бежит в неправильном направлении. Но достигают люди, медленно идущие *в правильном направлении*. Те, кто знают, говорят, что, если направление абсолютно правильно, не нужно ни единого шага, цель прямо там, где ты находишься. Я тоже говорю, что не нужно никуда двигаться, потому что цель недалеко. Цель в твоих глазах, в твоём способе видения.

Можно смотреть с любовью - это действует как волшебство, как алхимия. При таком способе видения становится видимым то, что раньше не было очевидно. Можно смотреть и без любви, но это способ видения слепого. Таким образом человек видит то, что никогда не видят глаза любви. Мир и Божественное никогда нельзя переживать одновременно. Именно поэтому пророки - такие пророки, как Шанкара, - говорят: "Мир иллюзорен".

Но не думай, что лишь потому, что он говорит об иллюзорности мира, Шанкара не пойдет с чашей для подаяния просить еду. Если бы мир *был* иллюзией, просить было бы не у кого. Не думай, иллюзорный мир не означает, что Шанкара не испытывает голода, потому что какой может быть голод, если все иллюзорно? Не думай, что, когда Шанкара голоден, он ест, но это не утоляет его голод. Он просит еду и все же говорит: "Мир иллюзорен".

Есть одна история:

Один сумасшедший император услышал учения Шанкары, и они ему не понравились. Они никому не нравились - не понравятся и тебе. "Этот мир иллюзорен!" - как можно в это поверить? Попытайся выйти из комнаты сквозь стену, и ты разобьешь голову. Если бы эта стена была иллюзорной, ты мог бы сквозь нее пройти - что бы тебе помешало? Могут ли тебя

остановить иллюзорные стены? Ты можешь пройти через дверь, значит, есть существенная, прагматичная разница между стеной и дверью: голова ударяется в первое и не ударяется во второе.

Император был сумасшедший. Он сказал:

- Подожди! Я не могу в это поверить, просто говоря об этом. Я практичный человек, не идеалист. Поэтому подожди, такое решение нельзя принять, используя логику. Ты искусен в логике. Мое решение подскажет реальный опыт.

Он велел привести бешеного слона. У императора был бешеный слон, у которого были скованы ноги. Однажды он убежал и убил много людей. Много раз ему удавалось разбить цепи. Привели этого бешеного слона.

Император встал на крыше своего дворца, чтобы смотреть, а люди попрятались в домах; дорога к дворцу опустела. Шанкару оставили на дороге и выпустили бешеного слона. Шанкара убежал, крича и вопя!

Шанкару защитили, прежде чем слон причинил ему какой-то вред, потому что суть была не в том, чтобы причинить Шанкаре вред, но в том, чтобы проверить, действительно ли он считает, что мир иллюзорен. Когда его привели ко двору, он был весь в холодном поту и испуган до потери чувств. Император сказал со смехом:

- Скажи мне теперь, что мир иллюзорен.

- Ваше Величество, - сказал Шанкара, - мир, несомненно, иллюзорен.

Император рассмеялся и сказал:

- Ты сумасшедший! Это полное безумие! Почему же тогда ты убежал? Почему ты кричал? Почему твое лицо в поту? Почему сердце до сих пор бьется так быстро? Все это из-за иллюзорного слона?

- Ваше Величество, - сказал Шанкара, - все это так же иллюзорно, как и слон. С настоящим слонем и слезы были бы настоящими. С иллюзорным слонем слезы иллюзорны. Мое бегство тоже было иллюзорно, мои крики и вопли были иллюзорны, то, что ты меня слушаешь, иллюзорно.

Император закричал:

- Довольно этой чепухи! Ты сумасшедший! Ты еще более бешеный, чем этот слон. Теперь нам не о чем говорить.

По видимости ответ Шанкары кажется странным, но он прав. Когда Шанкара говорит: "Этот мир иллюзорен", он не имеет в виду, что мир не существует. Он просто имеет в виду, что ты смотришь на реальность под неверным углом, поэтому вещи не таковы, какими кажутся. Твое восприятие ложно, а этот "мир" - твое восприятие, проекция на истину. Ты не познал истины, ты только определил ее, и это определение ложно. "Мир" это то, как невежественный человек определяет брахман, предельную реальность.

А когда твои глаза раскроются в осознанности и из них потечет поток любви, ты увидишь тот же мир под другим углом, с другой точки зрения. Тогда возникнет другой контекст, и все твои определения изменятся. Тогда ты сможешь сказать: "То, что я видел раньше, было ложью", потому что, когда ты сталкиваешься с безграничной реальностью, виденное раньше становится бессмысленным. Тогда ты скажешь: "Это новое видение перечеркивает все, что я видел до сих пор". Видение определяет все.

Именно поэтому метафизику называют даршан, видение. На Западе используется слово "философия". "Философия" не такое драгоценное слово, как "даршан". Философия означает мышление, осмысливание; это не видение. Философия означает, что ты размышляешь о жизни, осмысливаешь и выводешь заключения. Даршан означает, что все, что ты думаешь и

закрываешь, не может быть истиной, потому что в твои заключения, в твоё мышление будешь включен *ты*. Твоё определение будет *твоим* определением. Просто увидь прямо, не внося посредничества слов.

Когда происходит *предельное видение*? Почему любовь называется предельным видением? Почему? Именно в мгновение любви наблюдающий и наблюдаемое становятся одним. Сам смысл любви в том, что ты не отделен от того, что видишь. Ты открыт, ты близок, ты доступен тому, что видишь. Тот, кого ты видишь, тебе дорог, он не незнакомец. Ты считаешь его продолжением себя, не кем-то отдельным; ты с ним един. Любовь означает, что ты един с человеком, на которого смотришь, он не отделен. Ваши сердца бьются вместе, твоё и его дыхание движется в одном и том же ритме, и нет стен между твоим и его существом. Это единственное реальное значение любви: все стены исчезли. Тогда наблюдатель стал единым с наблюдаемым.

Кришнамурти постоянно говорит: "Наблюдатель есть наблюдаемое". Он определяет любовь: наблюдатель стал наблюдаемым, наблюдаемое стало наблюдателем. Оба они слились - так, если смешать воду и молоко, разделить их очень трудно.

Есть много способов слияния. Можно смешать масло и воду, но, сколько ни пытайся их смешать, они останутся отдельными - масло и вода не растворятся друг в друге. Смотреть на что-то без любви - значит смешивать масло и воду: это видение без *встречи*. Но можно ли видеть, если ты не стал одним с тем, что видишь? Как ты можешь войти в глубочайшее ядро своей реальности? Как ты можешь достичь глубин близости, не слившись? Просто стань с этим одним, как молоко и вода.

Ты видишь цветок. Цветок там, ты здесь. Постепенно вы оба должны исчезнуть, чтобы остался только опыт цветка. Не должно оставаться ни цветка, ни переживающего его опыт; остаться должен лишь текущий между ними поток опыта. Там, где исчезает наблюдатель и наблюдаемое, происходит *даршан*.

Любовь предельна. Нет другого способа *знать*, кроме любви. Думал ли ты когда-нибудь, замечал ли, пробовал, узнавал, что самые драгоценные мгновения в жизни приходят как тень любви? Ты можешь знать только человека, которого любишь. Как бы ты ни пытался, ты будешь только ходить кругами вокруг тех, кого не любишь, - как люди ходят вокруг храма. Это будет лишь периферия. Ты будешь только бродить вокруг, но не сможешь войти внутрь, потому что возможность войти внутрь появляется, лишь когда ты готов утонуть и раствориться в любви.

Когда ты готов исчезнуть, другой тоже готов исчезнуть. Твоя готовность создает эхо готовности в другом, как две капли, подходящие ближе и ближе друг к другу, - они сливаются друг с другом и становятся одной. Стать одной каплей можно только в любви. Тот, кто знает эту любовь, знает и Бога.

Но тогда человек окажется в некотором затруднении. Как ты спрашиваешь: "Где Бог?", он спросит: "Где мир?" Вот смысл "иллюзорности". Ты говоришь: "Бог невидим"; он говорит: "Не видно ничего, кроме Бога. Все остальное иллюзорно - есть только Бог". Мир, познаваемый через любовь, есть Бог; Бог, познаваемый без любви, есть мир. Это способы твоего видения.

Пойми ещё несколько вещей, и тогда простые слова Сахаджо раскроют больше великолепия. Эти слова очень просты и прямы, в них нет ничего сложного. Но если для них не готов фон, ты можешь просто повторить их без понимания. И простейшее может стать сложным, если нет фона для понимания. Самое трудное может стать самым простым, если фон для понимания готов.

Первое: видел ли ты, как читает маленький ребенок? Даже если ему дать великое стихотворение Рабиндраната Тагора, он не сможет прочитать длинных слов, он разобьет их на части. Если написано "Бог", он прочитает отдельно Б, О и Г; он разобьет слово. Наблюдая, как

маленький ребенок читает великую поэму, ты увидишь, что поэма утрачена, остался только алфавит. Слушая маленького ребенка, ты не сможешь узнать поэму Рабиндраната. Может быть, тебе будет скучно его слушать и ты скажешь: "Перестань. Ты говоришь чепуху". Вся красота поэмы будет утрачена. Почему? Потому что красота поэмы была в ее цельности, а ребенок разбил ее на части - как если бы кто-то ударил молотком прекрасную мраморную статую. Она развалится на части. Камень будет тем же, ничего не добавили и ничего не отняли. Молоток не добавляет и не удаляет, молоток только ломает. Если взвесить камень на весах, он будет весить столько же, что и раньше; и все же разрушено нечто недоступное для взвешивания. Ценность статуи может исчисляться миллионами, а теперь она не стоит ни гроша. Количество мрамора осталось прежним. Если ты пойдешь на рынок, то получишь цену мраморной крошки, но статуя для тебя потеряна.

Я слышал:

Это случилось в маленьком городе. Бедный крестьянин ехал на лошади из леса домой и увидел, что под деревом стоит путешественник. Путешественник сказал:

- Подожди! Если ты позволишь мне нарисовать твою лошадь, я заплачу тебе пять рупий!

Человек был удивлен. Он не мог заработать пять рупий за целый день, перевоза на этой лошади тяжести, а этот человек просит только нарисовать ее. Он сказал:

- С радостью. Пожалуйста, сделай это.

Путешественник был художником. Он нарисовал лошадь и дал крестьянину пять рупий. Затем он вернулся в город, из которого пришел.

Через много месяцев крестьянин снова ехал по этой дороге в город, чтобы найти какую-нибудь работу. На рынке он увидел большую толпу вокруг одной из палаток. Входной билет стоил пять рупий, а внутри было прекрасное произведение искусства. Хотя он и был беден, у него сохранились пять рупий, которые дал художник. Он заработал их легко, и, так как ему было нужно совсем немного, деньги были по-прежнему у него в кармане.

Он подумал: "Почему бы нет? Я пришел в город, а здесь собралась такая толпа, люди стоят в очереди". И он тоже встал в очередь, заплатил пять рупий и вошел вовнутрь. Но там его ждала неожиданность, потому что произведением искусства было изображение его лошади!

Он схватил художника за руку и сказал:

- Это просто грабеж! Здесь ты зарабатываешь тысячи рупий, а моя лошадь еще жива, она стоит снаружи - ты ее нарисовал, просто наляпал краски на лист бумаги. Никто не платит пять рупий, чтобы посмотреть на живую лошадь, иначе я был бы уже миллионером. Но люди платят пять рупий, чтобы посмотреть на твою картину. И вокруг такая толпа, картина нравится всему городу. И, чтобы войти сюда, я заплатил те самые пять рупий, которые ты мне дал. Если это такой хороший бизнес, почему бы мне не привести свою лошадь и не поставить ее рядом с картиной? - ты можешь брать деньги и за нее.

- Это невозможно, - сказал художник.

- Но что особенного в этом куске бумаги, красках и линиях? Что здесь особенного? Сколько это стоит?

- Если ты спрашиваешь о цене бумаги и красок, они ничего не стоят. Может быть, меньше пяти рупий. Но то, что выражается этими красками и бумагой, бесценно, это нельзя купить. Какой бы живой ни была твоя лошадь, завтра она может умереть. Эта картина вечна, эта картина сохранится. На этой картине не только твоя лошадь, но и сущность всех лошадей.

Интеллект крестьянина, конечно, не может этого понять. И ты не можешь понять Божественное интеллектом, потому что интеллект очень примитивен. Маленький ребенок сможет прочитать стихотворение только по буквам, и таким образом красота будет потеряна, потому что красота поэзии в ее целостности.

Когда ты смотришь на мир из ума, то видишь мироздание по частям, по кускам. Мыслить - значит анализировать, разбивать на части. Именно это делает наука - анализирует, чтобы знать. Если ты говоришь, что цветок очень красив, ученый скажет: "Сначала мы возьмем его в лабораторию и проанализируем. Мы разделим его на элементы, мы разложим его на составляющие - сколько в нем воды?.. Мы рассечем его, проанализируем и скажем подробно, из чего он сделан". Ученый разделит его на части, разложит по бутылочкам и надпишет этикетки, но не спрашивай его: "В какую бутылочку ты положил его красоту?" Он скажет: "Я не нашел никакой красоты. Все его части в этих бутылочках; у меня ничего не осталось. Все здесь, ты можешь его взвесить. Эта красота, наверное, была твоей иллюзией, потому что я не нашел никакой красоты, когда рассек цветок. И я ничего не упустил, вес остался прежним".

То же самое невежество движет попытками понять человека. Проведено было много экспериментов. Умиряющего взвешивали сначала живым, потом мертвым. Если душа покидает тело, мертвый должен весить меньше. Но вес не уменьшается - часто он даже увеличивается!

Ты удивишься, узнав, что, когда душа покидает тело, вес тела становится больше. Потому что, когда прекращается дыхание, пропадает способность тела поддерживать себя в целостном состоянии. В тело проникает столько воздуха, что иногда оно начинает весить больше. Когда тело надувается воздухом, оно весит не меньше, а больше. Поэтому взвешивать тело, чтобы найти, покидает ли его душа, бессмысленно. Душа - это целостность тела; это сама поэзия жизни.

Душа познается не в анализе мыслей, но в опыте любви. Если ты когда-нибудь кого-нибудь любил, тогда ты знаешь, что этот человек - не только тело. Вот критерий того, действительно ли ты любишь. Если ты видишь только тело возлюбленной, возлюбленного, сына, жены или друга, ты не любишь. Если бы ты знал любовь, то понял бы, что любовь - это не только тело; она безгранична, безгранично больше тела. Тело это только мгновенное явление; то, что внутри, - вечно, бессмертно. То, что внутри, это сама эссенция существования. Это кульминация сознания. Но, чтобы увидеть это, нужны глаза, видящие все целое.

Любовь видит целое - это взгляд с высоты птичьего полета. Точно так же, если птица летит в небе и смотрит вниз, она видит все во всей полноте. Идя по дороге, ты видишь одно дерево, второе дерево, третье дерево, четвертое дерево: ты разделяешь. Летящая в небе птица видит все деревья в одно и то же время. Любовь дает такой подход. Ты словно птица, летящая в небе, которая с высоты своего полета видит жизнь во всей ее целостности, на всем ее протяжении. Это переживание Божественного.

Человек, который *знает*, знает целостность существования. Человек, который знает только части, не может выйти за пределы мира. Хотя все части принадлежат целому, это целое больше, чем просто полная сумма частей. Пойми это правильно: все части принадлежат одному целому, но само целое больше сочетания всех своих частей. Целое можно увидеть по частям, но оно на этом не кончается. Оно внутри частей, но у частей есть ограничения. Целое неограниченно.

Например, ты видишь небо над своим двором: несомненно, небо есть, но кусочек его над твоим двором - это еще не все небо. То, что ты видишь над двором, тоже небо, но небо существует и за пределами двора. То, что внутри твоего тела, не все Божественное - не все небо, - хотя это тоже божественно. Душа - это небо, обрамленное двором. Божественное - это когда стены двора разрушены и больше не существуют. Чтобы разрушить двор, ничего не нужно делать, нужно только разбить стены. Из-за этих стен создается иллюзия, когда они разрушены,

иллюзия исчезает.

Двойственность есть не-любовь, недвойственность есть любовь. Дело в том, как смотреть на целое. Чтобы смотреть на целое, ты должен подняться выше. Не ходи по земле; ты должен летать в небе! Чтобы узнать целое, ты должен отбросить эту привычку дробить на части. Познание состояния не-мысли есть любовь, познание состояния не-мысли есть медитация. Бытие в состоянии не-мысли есть медитация, любовь. В тебе не должно оставаться никаких мыслей. Когда ты глубоко в любви, мыслей становится меньше.

Иногда ты сидишь рядом с возлюбленной и чувствуешь, что тебя окружает молчание. Ты становишься тихим, будто не осталось ничего, о чем можно говорить. Или - нужно столько сказать, но как это сказать? - это трудно вложить в слова. Кажется, что вложить это в слова было бы ложью, грехом. В проговаривании великолепия этого явления будет утрачено, разрушено. Слова не могут выразить то, что начинает расти, кристаллизуется внутри. Слова не могут это выразить, слова ограничены. Они предназначены для рыночной площади, лавки, конторы, рабочего места - не для любви.

Поэтому если два человека вместе сидят в молчании, знай, что они в глубокой любви. Или, если два человека любят друг друга, ты увидишь, что они в глубоком молчании. Влюбленные становятся молчаливыми. И, если ты научишься искусству быть молчаливым, тогда ты станешь влюбленным. Тогда, если ты сидишь в молчании рядом с кем-то, ты будешь соединен любовью. Если ты сидишь в молчании под деревом, ты будешь в причастии с деревом. Если ты сидишь в молчании у реки, ты будешь в гармонии с рекой, а если ты сидишь и молча смотришь на звезды в небе, внезапно ты почувствуешь, что соединен со звездами. Раскрылись какие-то невидимые двери, какая-то завеса сдернута.

Любовь видит целое. Чтобы видеть целое, ты должен быть молчаливым, потому что только в молчании ты целый. Тогда стены твоего двора падут, и ты станешь как небо. Лучше выразиться вот так: если хочешь знать Божественное, тебе придется *стать* как Божественное. В любви человек становится Божественным. Только в любви сохраняется Божественное - внутри и снаружи, сверху и снизу - во всех направлениях. Тогда волны исчезают, и остается лишь океан.

Те, у кого в жизни нет любви, живут в мире материи. Они сходят с ума из-за денег, власти, престижа, успеха, амбиций и тысяч других видов безумия - и все же в их жизнях нет любви. И из-за этого начинает появляться все это безумие.

Ты никогда не замечал, что амбициозный человек не может любить? Чем больше у него амбиций, тем больше он говорит: "Завтра... любовь придет завтра. Сегодня деньги, сегодня власть".

Или он говорит: "Сегодня приближаются выборы, как я могу любить? Я должен ехать в Дели. Как я могу вспомнить о том, чтобы пойти в храм?" Он говорит: "Сейчас не время петь песни, время наполнить деньгами кошелек". Он говорит: "Я молод, почему я должен тратить жизненную энергию на любовь? Сейчас я должен зарабатывать деньги; когда мои руки станут слишком слабыми, чтобы зарабатывать деньги, я буду любить, молиться и искать Божественное. Есть лишь несколько дней, чтобы наслаждаться, и так много нужно сделать".

Пойми это - это второе, что нужно понять: тем, у кого в жизни нет любви, понадобятся другие амбиции, потому что какие-то амбиции необходимы, чтобы заменить любовь. Иначе они будут совершенно пусты. Когда любви нет, ты пуст, и эту пустоту нужно заполнить тем или иным мусором. Иначе ты не сможешь жить, иначе жизнь станет невозможной.

Я читал воспоминания одного еврея, который сидел в гитлеровской тюрьме. Он пишет, что люди в тюрьме были как трупы. В их жизнях не осталось смысла. Весь смысл исчез из их жизней; если раньше и был какой-то смысл, в тюрьме его не стало. Этот человек был врачом, он изучал этих людей. Он был очень удивлен тем, что внезапно... Он знал этих людей до тюрьмы, и

они были полными энтузиазма, очень динамичными, энергичными. В тюрьме вся эта энергия внезапно исчезла, вся динамичная энергия была утрачена - они стали как трупы. Люди стали сходить с ума и совершать самоубийства. Те, кто не совершил самоубийство и не сошел с ума, болели. Эта болезнь была свидетельством их желания умереть, они словно хотели умереть.

Он был врачом до тюрьмы и был назначен врачом в тюрьме. Он стал лечить больных, но, к его удивлению, лекарства, которые обычно помогали, не помогали этим людям. Если потеряно желание жить, какие лекарства помогут? Если ты хочешь жить, лекарство даст небольшую поддержку, костыль. Если ты не хочешь жить, жизненная энергия не принимает помощи лекарств: они просто входят в тело и выходят из него, становятся мочой и испражнениями. Они не могут дать жизненной энергии никакого толчка.

Сами по себе костыли не могут заставить хромого ходить. Если хромой использует костыли, он может ходить. Если дать костыли хромоту, который не хочет ходить, вскоре он упадет; без них он упал бы не так быстро, но теперь, когда он должен думать еще и о костылях, он упадет скорее. Не лекарства помогают больным выздоравливать.

Но этот врач был удивлен тем, что в его собственной жизни не было перемен; его жизненная энергия осталась прежней. До тюрьмы он лечил людей - и в тюрьме тоже занимался пациентами, пытаясь их вылечить. Фактически, его жизнь стала более осмысленной, чем была раньше, потому что раньше он занимался пациентами ради денег, а теперь дело было не в деньгах. До тюрьмы он смотрел на пациентов как на покупателей, теперь никто не был покупателем, никто не продавал никаких товаров.

Когда врач лечит пациента, одна его рука у пациента на пульсе, другая - в кармане. Если пациент очень богат, то - вольно или невольно - врач не хочет излечить его немедленно, он хочет, чтобы тот некоторое время поболел. Поэтому быть богатым и больным опасно. Болезнь легче для бедного, потому что он вскоре будет излечен. Но кто захочет вылечить богатого? Врач даст ему лекарство, но глубоко внутри будет обдумывать, как сделать так, чтобы он поболел подольше. Может быть, он сам этого не знает, может быть, это скрыто у него в бессознательном. Но все равно лекарство эффективно работает и приносит результаты.

В тюрьме этот врач не пытался организовать бизнес, он помогал людям из любви. Смысл его жизни не был потерян. Его товарищи мало-помалу деградировали, болели, сходили с ума, но он вышел из тюрьмы таким же здоровым, как и раньше. Впоследствии он написал в мемуарах, что единственной причиной этого было то, что даже в тюрьме он смог найти смысл жизни.

Если в жизни возникает глубокое одиночество, жизнь начинает угасать. Если нет любви, есть одиночество. Это одиночество можно наполнить тысячей способов. То, что вы называете миром, жадной мира - что это такое? Это способ заполнить эту пустоту. Ты можешь заполнить ее, зарабатывая деньги. Считать деньги, сортировать монеты становится для таких людей единственной сладкой музыкой: держать в руках деньги, карабкаться на более важные посты кажется единственным удовольствием. Если любовь не случилась в чьей-то жизни, он должен заполнить жизнь чем-то другим. Иначе он умрет, покончит с собой. "Мир" - это усилие заполнить пространство, которое может заполнить только любовь.

Великий английский мыслитель, лорд Эктон, написал знаменитые слова, которые я несколько раз повторял. Эктон говорит: "Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно". Но я говорю, что слова Эктона неправильны. Власть никого не развращает, она просто привлекает развращенных. Посты и троны никого не могут развратить - но развращенные люди безумно рвутся к этим тронам, как мотыльки к огню. Может быть, мотылек слышал - или, может быть, не слышал, потому что его предшественники погибли в огне, - но в мире мотыльков может быть поговорка: берегись огня, мотыльки в нем гибнут. Но мотыльки не слушают и спешат к огню. Скажешь ли ты, что огонь убивает мотыльков? Нет, это мотыльки рвутся

умереть, и их привлекает огонь.

Слова лорда Эктона кажутся правильными, потому что мы наблюдаем, как люди идут в политику и становятся развращенными, - это очевидно. Кажется, из правила Эктона нет исключений. И все же я говорю, что он неправ. Власть никого не развращает, она приглашает развращенных. Власть никого не может развратить, *не может*. Власть выставляет на обозрение уже существующую внутри развращенность.

У бедного человека недостаточно сил, чтобы быть развращенным; на это нужны какие-то деньги, это дорого, это роскошь. Если бедный станет развращенным, его поймают, у него будут неприятности. Чтобы быть развращенным, вначале нужна защищенность. Сначала нужно иметь власть, чтобы потом, когда возникнут трудности, справиться с ними и спастись. Прежде нужно создать защитную броню - нужен высокий пост, престиж, деньги, власть, успех, слава, имя, соревнование; все это действует как броня.

А если ты находишь, что бедный человек не развращен, не считай, что он не развращен внутри. Это не обязательно так. Реальность проявится, только когда у него появятся деньги. Богатство - это испытание, высокий пост - это испытание: только тогда те, кто был действительно чист внутри, останутся неразвращенными - те, кто был чист, незагрязнен. Чистым останется лишь один из миллиона, все остальные будут развращены. Они будут развращены, потому что уже развращены, и вот представилась возможность, и это вышло на свет.

Представь, что ты сидишь в темной комнате; в ней нет света, и все в порядке. Темно, и ты не видишь паутины или прячущихся по углам змей, скорпионов; ты ничего не знаешь. В этой темноте ты сидишь спокойно, все в порядке. Тут кто-то зажигает свет. Можешь ли ты сказать, что из-за света в комнате появились змеи, скорпионы, паутина и грязь? Все это там уже было, свет только показал все эти вещи. То, что было скрыто в темноте, пряталось в темноте, свет сделал видимым.

Бедность скрывает многие вещи, богатство их показывает. Отсутствие власти служит завесой, скрывающей многое; власть же удаляет эту завесу и оставляет человека обнаженным.

Нет, власть никого не развращает - она приглашает развращенных и показывает эту развращенность. Пока кто-то не достигнет власти, нельзя сказать, развращен ли этот человек. Каждый против развращенности, пока у него нет власти; без власти каждый остается "слугой народа". Они становятся императорами, только получив власть. И помни, как может трон развращать? Сами по себе троны нейтральны - когда ты сажаешь на них императоров, им это все равно. Если на них посадить нищих, для них это ничего не меняет. Какое отношение к этому имеют сами троны? Человек... недостаток любви в человеке...

Если в жизни человека нет любви, в ней будет какое-то насилие, изнасилование. Как ему компенсировать отсутствие Любви? Он пуст. Никакая музыка не отзывается в его сердце, и он удовлетворит слух звоном монет, он утешит уши этой музыкой. Если бы он знал любовь, он знал бы и мастерство, в котором нет чувства владения. Если бы он кого-то любил, он нашел бы империю в своем сердце, империю без императора. Он достиг бы мастерства, в котором нет речи о том, чтобы быть мастером. Он нашел бы близкое ему сердце, сердце, которое танцевало бы с ним, и в его жизни была бы радость: кто-то его любит, кто-то принимает его любовь. Его душа была бы радостной. Это было бы благодарностью: "Я не бесполезен".

Если бы тебя любил хотя бы один человек, если бы ты мог любить хотя бы одного человека, то ты бы нашел, что в твоей жизни есть смысл, аромат, благоухание, - тогда была бы удовлетворенность. Когда такой удовлетворенности нет, ты пытаешься поработить людей - политикой, деньгами, властью. Ты пытаешься поработить тысячи людей. И странно то, что если бы ты любил хотя бы одного человека, то знал бы удовлетворенность, но в ненависти не будет

никакой удовлетворенности, даже если ты подчинишь себе миллионы.

Придя к власти, человек осознает: теперь он добился власти, но не нашел покоя. Он добился силы, но не удовлетворенности. Он скопил деньги, но внутренняя бедность не уничтожена. Он наполнил пустоту грязью и мусором, но сама пустота была чище этой грязи.

Теперь мы можем перейти к *сутрам* Сахаджо. Читайте каждое ее слово *мантрой*, священным словом.

*У тех, кто сошел с ума в любви,
вся жизнь преобразена.
Сахаджо говорит: они не видят,
кто нищий, а кто король.*

У тех, кто сошел с ума в любви... Почему "сошел с ума"? Потому что весь мир называет их сумасшедшими. Человек, который безумен от любви, - что касается его, он пришел домой, и все его безумие исчезло. Но весь мир назовет его сумасшедшим, потому что весь мир помешан на деньгах и власти, а этот человек не интересуется ни деньгами, ни властью. Естественно, ты назовешь его сумасшедшим. В толпе сумасшедших этот человек пришел в чувство; в толпе потерявшихся этот человек нашел дом. Даже если он остановится на дороге и скажет тебе: "Я нашел дом", ты не сможешь ему поверить. Ты скажешь: "Ты сошел с ума. Находил ли кто-нибудь покой в этом мире? Находил ли кто-нибудь удовлетворенность в этом мире? Наверное, ты под гипнозом. Наверное, ты что-то воображаешь, ты заблудился - проснись!" Этому пробужденному человеку ты скажешь: "Проснись!"

Около двух лет назад я получил письмо от друга. Он учился вместе со мной в университете. Потом двадцать лет не было ни встреч, ни контактов. В университете он был моим близким другом. Мои санньясины, наверное, бывали в его городе - теперь он в Джайпуре, он профессор Джайпурского университета - и он спросил обо мне и написал письмо.

В письме он говорит: "Прости меня и не обижайся, но я хочу задать только один вопрос: ты действительно нашел покой? Я не могу в это поверить". Затем он написал: "Пожалуйста, не обижайся, я не сомневаюсь в тебе - я не говорю, что ты не достиг. Но я не могу поверить, что кто-то вообще мог достичь - даже Будда, Махавира или Кришна, потому что я так несчастен и испробовал все лекарства, но не смог найти никакого покоя. И не смог никто из тех, кого я знаю".

Если ты станешь мирным, люди подумают, что с тобой что-то не в порядке. Если ты станешь радостным, люди подумают, что ты сошел с ума. Быть печальным нормально, быть радостным кажется безумием. Какой же это безумный мир, если быть здоровым - значит казаться больным, а быть больным - значит казаться здоровым!

У тех, кто сошел с ума в любви... Именно поэтому Сахаджо говорит: "Ладно, воспользуемся вашими словами, они сошли с ума в любви". ... *Вся жизнь преобразена.* Ты продолжаешь называть их сумасшедшими, но для них все преобразено.

*Сахаджо говорит: они не видят,
кто нищий, а кто король.*

И теперь Сахаджо не видит никаких различий - кто богат, кто беден, кто нищий, а кто король? Ты оцениваешь людей по их богатству, потому что в тебе нет любви. Поэтому, когда приходит богатый человек, ты встаешь в знак уважения, а когда приходит бедный, ты читаешь газету, как будто никого нет, как будто пришла собака или кошка - как будто он не человеческое

существо.

Галиб был великим поэтом языка урду. Бахадуршах пригласил его к своему двору; это было на годовщину его восхождения на престол. Друзья Галиба сказали:

- Не иди в своей обычной одежде. Кто узнает, кто ты такой? У кого есть глаза, чтобы узнать поэзию? У кого есть мерка, чтобы измерить твое сердце? Кто заглянет тебе вовнутрь? - у кого есть на это время? Иди в приличествующей случаю одежде, потому что, если ты одет как нищий, тебя там не оценят и, возможно, прогонят у дверей.

У бедного поэта была только изодранная одежда, изношенная обувь и старая шляпа. Но Галиб сказал:

- У меня нет другой одежды.

Его друзья сказали:

- Мы одолжим тебе одежду.

- Это будет неправильно, - сказал Галиб. - Меня совершенно не интересует ничто заимствованное. Что мое, то мое, а что не мое - не мое. Нет, мне будет очень неудобно и неловко. Меня будет стеснять эта одежда, я не смогу чувствовать себя свободно. Почему я должен носить чужую одежду? Я пойду в своей одежде, и что будет, то будет.

И когда Галиб добрался до дворца, привратник, который кланялся и приветствовал каждого входившего, оттолкнул Галиба и сказал:

- Обожди!

Когда все остальные прошли, привратник набросился на Галиба и сказал:

- Каждый должен знать свое место. Это дворец! Почему ты пытаешься сюда вторгнуться?

- Я не пытаюсь вторгнуться, - ответил Галиб, - я получил приглашение.

И он вынул из кармана карточку с приглашением.

Привратник прочитал ее и сказал:

- Наверное, ты ее у кого-то украл. Уходи и больше не возвращайся. Ты что, сумасшедший?

Нищие притворяются королями!

Галиб вернулся домой очень печальный. Его друзья сказали:

- Мы же тебе говорили! Мы знали, что это случится, и принесли тебе эту одежду.

На этот раз Галиб не отказался: он надел чужую одежду, чужую обувь, чужую шляпу и все чужое. Когда он прибыл во дворец, привратник поклонился ему. Никто не узнает души, узнают только одежду. Галиб очень удивился. Тот же привратник, который только что кричал на него, чтобы он шел прочь, который был готов его избить, теперь не спросил даже приглашения. Но Галиб уже был немного испуган. Первый опыт заставил его страдать, и он снова вынул карточку и показал ее привратнику. Привратник внимательно просмотрел ее и сказал:

- Теперь все в порядке. Недавно с такой же карточкой пришел нищий, на ней было то же имя. Я избавился от него без большого труда.

Галиб вошел вовнутрь, и Бахадуршах усадил его рядом с собой. Бахадуршах тоже был поэтом; у него был некоторый поэтический вкус. Но он немного удивился, когда принесли еду: Галиб, сидящий рядом с ним, делал странные вещи. Галиб взял сладости, приложил их к шляпе и сказал:

- Ешь, шляпа, ешь!

Он взял еще немного сладостей и коснулся ими своего плаща:

- Возьми их, плащ, возьми!

"Поэты немного сумасшедшие, - подумал Бахадуршах, - это странно, но я не должен

обращать внимания".

Культурный человек не должен обращать внимания на такое безумие, это может коснуться ран человека. Бахадуршах стал смотреть в другую сторону, избегая смотреть на Галиба. Он на некоторое время ушел; Галиб совсем ничего не ел - он давал еду своей одежде и даже туфлям. В конце концов Бахадуршах не мог сдерживаться... этикет имеет пределы. Он сказал:

- Прости меня. Неправильно с моей стороны вмешиваться, неправильно, что я спрашиваю о твоих личных привычках. Может быть, это какая-то традиция, ритуал, о котором я не знаю, а может быть, религиозная практика. Но прости мне мое любопытство, если я спрошу, что ты делаешь? Эта одежда, которая на тебе, этот плащ, туфли и шляпа - почему ты даешь им еду?

Галиб сказал:

- Галиб пришел сюда однажды, и его не пустили; он больше не приходил. Теперь пришла одежда - все это чужое. Только теперь одежде позволили войти, и вот я ее кормлю. Меня не пустили, и было бы неправильно, если бы я ел.

Затем Галиб рассказал Бахадуршаху всю историю.

В жизни ты оцениваешь других согласно своим желаниям. Если ты хочешь стать богатым, тогда ты будешь уважать богатых. Ты будешь завидовать богатому человеку и вместе с тем уважать его. Из того, что ты уважаешь и чему завидуешь, можно ясно заключить, в чем заключается твое желание. Ты завидуешь тому же, что является объектом твоего уважения. Если ты хочешь большой дом, ты будешь с завистью смотреть на большие дома и кланяться их владельцам. Зависть будет сутью уважения. Люди, которых ты уважаешь, дадут ключ к пониманию твоих амбиций. Волнует тебя богатый человек или человеческое существо? То, что тебя волнует, дает информацию о том, какие желания в тебе скрыты.

Сахаджо говорит: они не видят,
кто нищий, а кто король.

Теперь Сахаджо говорит: "Когда ты безумен от любви, ты понимаешь, что неважно, богат человек или беден, - это становится несущественным". Теперь ты не проводишь этих различий. Глаза любви смотрят прямо тебе в глаза и видят тебя. Глаза амбиции смотрят на то, что у тебя есть, не на тебя. Любовь смотрит на тебя - прямо. Амбиции, должности, состояние без любви смотрят только на то, что у тебя есть.

Для тех, кто сошел с ума в любви,
исчезают каста и цвет кожи.

Гордость принадлежности к определенной религии, к определенной касте сохраняют люди, которые не знают своей сущности. Какой сумасшедший скажет: "Я брамин, я принадлежу к высшей касте", если он познал брахман, предельную реальность? Только человек, который никогда не знал предельного, может претендовать на то, чтобы быть брамином. Какое удовлетворение может принести тому, кто познал предельную реальность, такая дешевая вещь, как принадлежность к браминам? Какую ценность имеет принадлежность к высшей касте, если ты знаешь, что ты сам есть предельная реальность?

Для тех, кто сошел с ума в любви, исчезают каста и цвет кожи, - теперь они не претендуют на то, чтобы принадлежать к какой бы то ни было религии, потому что, если ты познал свой

предельный источник, к чему говорить о физическом рождении? Когда ты познал, что ты рожден из этого божественного существования, какое значение имеет, был ли твой отец индустом, брамином или *шудрой*, воином или торговцем - какая разница? Когда познан первоначальный источник... А первоначальный источник за пределами всех каст. У Божественного нет касты: оно не *вайшья* и не *кшатрия*, не торговец и не воин; оно не индуст, ни мусульманин, ни *шудра*.

Бог - это просто Бог, без всякой расы, без всякой касты. *Для тех, кто сошел с ума в любви, исчезают каста и цвет кожи...* Те, кто познал любовь, познали и свою настоящую касту, касту самого существования.

Сахаджо говорит: весь мир зовет их безумцами, и все, кто был рядом, бегут.

И Сахаджо говорит: "Весь мир начинает говорить, что ты сошел с ума". *Сахаджо говорит: весь мир зовет их безумцами* - мир говорит, что ты лишился рассудка, лишился здравого смысла. Они говорят: "Ты говоришь чепуху. Ты что, не в себе? Что ты говоришь?" Все покидают этих сумасшедших. Те, кто был рядом, отдаляются от них, те, кто однажды был близок, становятся незнакомцами, и если ты встречаешь их на дороге, они тебя не узнают. Кто хочет общаться с сумасшедшим? Кто скажет о сумасшедшем: "Он мой друг"?

Ты знаешь, что, если ты беден, очень немногие люди объявят, что они твои родственники. Разбогатеешь, внезапно ты находишь множество новых, ранее незнакомых родственников, приходят даже родственники их родственников. Каждый становится родственником! Ни у кого нет с тобой никакого родства - они смотрят на то, что у тебя есть. Когда ты сходишь с ума, даже если близкие родственники встречают тебя на дороге, они переходят на другую сторону. Кто хочет встретиться с сумасшедшим посреди улицы? Если ты дружишь с сумасшедшим, значит, ты тоже сумасшедший. Если это станет известно на рынке, ты лишишься своего дохода!

Для тех, кто сошел с ума в любви, исчезают каста и цвет кожи... и все, кто был рядом, бегут. Теперь они одни, с ними никого нет. Люди остаются с тобой, пока ты поддерживаешь их желания. Люди не твои друзья и близкие, они друзья и близкие собственных желаний. Пока ты действуешь как вешалка, на которую они могут вешать свои желания, они твои друзья.

*У тех, кто сошел с ума в любви...
Тело трепещет...*

Сахаджо говорит, что те, кто сошел с ума в любви, кто потерял голову в любви, - каждая клетка их тел трепещет от радости. Естественно, когда душа становится блаженной, это блаженство души излучается по всему телу. Тело просветленного излучает его просветление. Из каждой клетки тела просветленного существа начинает распространяться аромат его просветления. Это становится очевидным, потому что тело так близко к душе. Твоя ситуация прямо противоположна: от твоей души исходит запах тела. Когда ты говоришь о душе, в девяноста девяти процентах случаев ты подразумеваешь тело. Тела просветленных существ выдают аромат их душ. Даже если они говорят о теле, в девяноста девяти процентах случаев они подразумевают душу. *О тех, кто сошел с ума в любви, Сахаджо говорит: тело трепещет...* Душа уже танцует, и с ней начинает танцевать тело - как танцует танцовщица, и ее хангри, колокольчики на щиколотках, тоже дрожат и танцуют. Когда ее ноги касаются земли, поднимается пыль, и тоже начинает танцевать вместе с ней, и вокруг нее образуется циклон. Точно так же, *Сахаджо говорит: тело трепещет, нога спотыкается, утрачен контроль...*

Теперь танец - это уже не техника - какие-то шаги, движения, ритм, последовательность. Это не танец профессионального танцора. Это танец того, кто безумен от Божественной любви.

... *Нога спотыкается, утрачен контроль.* Теперь в танце нет порядка. Теперь они танцуют не согласно чьей-то гармонии. Теперь было бы неправильно сказать, что они танцуют; было бы правильнее сказать, что они стали танцем. Никого не осталось внутри, только танец танцуется... *Нога спотыкается, утрачен контроль.* Теперь ноги движутся в любом направлении, - и какая разница? Продумывают ли сумасшедшие влюбленные свои шаги? Они испытали высшую гармонию, и теперь ничего не стоят меньшие вещи, технические детали.

*Нога спотыкается, утрачен контроль, -
тогда о них заботится Божественное.*

Теперь случается новое: ты позволяешь ногам идти куда угодно. Теперь внутри не осталось никого, кто мог бы быть осторожным, теперь нет никакого эго, чтобы беспокоиться о том, чтобы все было в ритм, в лад. Теперь жизнь стала спонтанным ритмом, свободным ритмом. Теперь незачем беспокоиться о технике. Но происходит новый опыт: *тогда о них заботится Божественное.*

Всякий раз, когда ноги тебя подведут, существование обо всем позаботится. Прежде ты контролировал; теперь ты перестал контролировать - существование заботится о тебе. В тот день, когда ты предоставляешь все Божественному, что бы ни делали твои ноги, они попадут в ритм.

Пойми это. Твоя ситуация такова, что вопреки всем твоим попыткам создать ритм, этого не происходит. Чего-то все равно недостает, потому что тот, кто пытается создать ритм, сам бессознателен. Пойми это так: ты пьян и пытаешься танцевать под *таблу*. Ты выпил вина, и теперь стараешься изо всех сил - но все же не попадаешь в ритм.

Думаешь ли ты, что пьяный не осторожен, когда идет по дороге? Он идет очень осторожно. Ты никогда не ходишь с такой осторожностью, как пьяный, потому что пьяный всегда боится упасть, дрожит. Пьяный думает: "Я упаду в канаву". Он себя контролирует, и его усилия уводят его в сторону. Пьяный движется от одной стороны дороги к другой. Он не может идти посередине, это невозможно. Как он может идти посередине? - он не сознателен. В своей бессознательности он отклоняется в одну сторону, затем, чтобы спастись, отклоняется в другую. Он избегает одной ошибки, и тогда случается другая. Он выкарабкивается из колодца и падает в канаву. Если нет осознанности, как бы осторожно ты ни шел, ты не сможешь найти равновесия.

Я слышал:

Мулла Насреддин однажды вечером пришел домой пьяный. У дороги стоял полицейский и долгое время наблюдал, как он пытается попасть ключом в замок. У него так сильно дрожали руки, что он никак не мог попасть. У него так дрожали руки, что одна трясла замок, другая - ключ и он никак не мог привести их в одно положение. В конце концов полицейскому стало его жалко - полицейские тоже человеческие существа...

Он подошел и сказал:

- *Насреддин, не могу ли я тебе помочь? Дай мне ключ, позволь мне открыть дверь.*

Насреддин сказал:

- *Я сам могу открыть дверь - пожалуйста, поддержи дом, чтобы он перестал трястись.*

Он думал, что дом дрожит, - для него дрожало все! Именно поэтому он сказал: "Поддержи дом, а я займусь ключом". Когда пьяный пытается идти осторожно, вся его осторожность

оказывается тщетной.

*... Нога спотыкается, утрачен контроль, -
тогда о них заботится Божественное.*

Приходит время, когда внутри появляется осознанность - любовь означает осознанность, - когда твой внутренний светильник зажжен, тогда внезапно, куда бы ты ни поставил ногу, ты делаешь все правильно. Теперь ты можешь танцевать, ни о чем не беспокоясь. Теперь тебе не нужно быть осторожным, потому что теперь предельное заботится о тебе.

Человек, находящийся в *позволении*, человек, который перестал пытаться контролировать себя, обладает поддержкой существования - потому что это "я могу позаботиться о себе" тоже это, чувство "я". Когда человек говорит: "Я буду жить, как ты выберешь, я буду ходить, как ты выберешь. Если ты хочешь, чтобы я упал, я упаду - и буду благодарен даже за это. Если ты поднимешь меня, я встану. У меня не осталось никакого выбора", существование заботится.

*... Нога спотыкается, утрачен контроль, -
тогда о них заботится Божественное.*

*Ум блажен,
тело пьяно восторгом.
Никто не с Сахаджо,
Сахаджо ни с кем.*

Ум блажен. Прямо сейчас в твоём уме - только мысли и совершенно никакого блаженства. Когда мысли исчезли, тогда нисходит блаженство; блаженство - это отсутствие мыслей. Ум умирает в любви; любовь - это смерть ума. Ты полностью исчезаешь, от тебя не остается и следа - кто ты, чего хочешь добиться - вся тождественность стерта.

Ум блажен... Теперь в уме нет мыслей, есть только радость и блаженство. Пойми эту разницу. Мы не говорим о том, что ты называешь удовольствием: и удовольствие, и боль - это части ума. Блаженство - это когда в уме нет ни боли, ни удовольствия - когда ни удовольствия, ни боли не стало, когда в тебе не осталось идеи ни о хорошем, ни о плохом.

Ум блажен, тело пьяно восторгом... И посмотри, теперь блаженство наполняет все твоё внутреннее небо, и даже тело блаженно. Каждая часть твоего тела пьяна. Внутри тебя есть осознанность, и каждая часть тела пьяна этим вином осознанности.

Есть вино бессознательности и вино сознательности. В бессознательности человек тоже спотыкается, но в его движениях нет танца. В осознанности человек спотыкается, но тогда в этом есть танец предельного.

*Нога спотыкается, утрачен контроль, -
тогда о них заботится Божественное.*

*Ум блажен,
тело пьяно восторгом.
Никто не с Сахаджо,
Сахаджо ни с кем.*

Теперь случилось предельное одиночество: никто не с ней, она ни с кем. Быть вместе - это тоже конфликт, двойственность. Преданный не думает о том, что Божественное у него внутри; тогда есть только Божественное. Преданный не думает: "Я с Богом". Преданный думает: "Меня

нет, есть только Бог".

Никто не с Сахаджо, Сахаджо ни с кем. "Теперь никто не со мной и я ни с кем. Осталось только единство". Видящий и видимое, наблюдатель и наблюдаемое - и то, и другое исчезло. Остается лишь одно; случилось *видение, даршан*. Влюбленный и возлюбленный исчезли, и осталась лишь любовь. Берега реки исчезли, и сама река потерялась в океане.

Я повторяю эти последние сутры снова. Пусть они отразятся в каждой вашей клетке, пусть они станут самым биением ваших сердец... С этой надеждой я повторяю...

*У тех, кто сошел с ума в любви,
вся жизнь преобразена.
Сахаджо говорит: они не видят,
кто нищий, а кто король.
Для тех, кто сошел с ума в любви,
исчезают каста и цвет кожи.
Сахаджо говорит: весь мир зовет их безумцами,
и все, кто был рядом, бегут,
О тех, кто сошел с ума в любви, -
Сахаджо говорит: тело трепещет,
нога спотыкается, утрачен контроль, -
тогда о них заботится Божественное.
Ум блажен,
тело пьяно восторгом.
Никто не с Сахаджо,
Сахаджо ни с кем.*

На сегодня хватит.

4. Поднимаясь в любви

Первый вопрос:

Почему кажется, что есть некоторое сходство между сладостью и гармонией языка Сахаджо и твоего языка?

Потому что мы пьем воду из одного и того же колодца...

Слова приходят либо из внутреннего опыта, либо из ума, набитого заимствованными сведениями. Всегда есть сходство в языке богословов*; всегда есть сходство в языке *видящих*. Языки богословов сходны логикой, выражениями, склонностью к усложнению простого.

* *Scholar* - ученый "книжный червь", начитанный человек, педантичный эрудит и - "школяр"; слово "богослов" далеко от точного перевода, но в данном случае передает большинство оттенков. - *Прим. пер.*

Есть сходство и в языке *видящих* - и это глубина, из которой приходят слова. Сходство это не продиктовано священными писаниями; оно выражается в пустоте, во вкусе: в нем есть сладость. Не логика лежит в основе их утверждений, но любовь. Они не говорят просто ради красного словца, они говорят из сострадания. Им есть чем поделиться. Это нечто большее, чем просто что-то сказать - они делятся. Будь на то его воля, *видящий* сохранит молчание; богослов, если это от него зависит, никогда не промолчит.

Поэтому слова двух *видящих* сходны своим молчанием, своей пустотой. Слушая внимательно, ты услышишь одно и то же молчание, возникающее в обоих голосах. Слушая невнимательно, ты упустишь и не заметишь сходства. Если ты слушаешь с тотальным вниманием, если ты слушаешь из пустоты, тогда ты услышишь не только сказанное, но и сердцебиение того, кто это сказал.

Богословы всегда говорят сложным языком. Язык богослова не может быть простым, потому что он должен прикрыть свою бедность и неполноценность сложностью языка. Он что-то говорит, ничего не зная. Если бы богослов пользовался простым языком, было бы очевидно, что в его словах ничего нет. Если язык прост, слова понятны, и в них нет глубины. Поэтому то, что он говорит, должно быть по видимости сложным, чтобы ты никогда не смог проникнуть в глубину сказанного. И чем менее ты способен заглянуть под поверхность, тем больше думаешь, что в том, что он говорит, должна быть скрыта какая-то великая тайна.

Язык богослова обязательно сложен, потому что в нем есть только слова, ничего больше. Язык богослова подобен безобразной женщине, которая надевает украшения, дорогую одежду и красит лицо, чтобы скрыть свое уродство. Язык *видящего* похож на красивую женщину, которая просто стоит без всяких прикрас.

Точно как деревья стоят обнаженные, как обнажены луна и звезды, таков и обнаженный язык *видящего*. Он лишен всяких прикрытий, потому что прикрытия только сделают его уродливым. Никакое прикрытие не сделает слова *видящего* более красивыми; они уже красивы по своей природе. Не нужно никаких других украшений; их красота самоочевидна. Уродству не по себе: оно скрывается, прячется, подавляет. Оно показывает то, чего в нем нет, и скрывает то, что есть.

В том, как богословы используют слова, есть сходство - в самой их сложности. И если они производят на тебя впечатление, единственная причина в том, что у тебя нет пронизательных глаз. Если бы твои глаза были пронизательны, уродство, скрытое за красивым прикрытием, было бы очевидным. Именно поэтому богословы никогда не оставляют вечного впечатления.

Гегель писал такие чудесные книги, чудесные в том смысле, что они были очень сложными.

Пока Гегель был жив, люди были изумлены, потому что прорваться сквозь чашу его языка и достичь ядра было очень трудно. После смерти Гегеля люди занялись глубоким и тщательным изучением, и влияние Гегеля пошло на убыль. Не прошло и ста лет, как Гегель исчез из умов людей, потому что многие смогли его понять и нашли, что в его словах ничего нет. Это было похоже на луковую шелуху: они снимали слой за слоем - и в конце концов ничего не нашли внутри. Ничего не было у них в руках; они нашли только пустое место.

Ученый, богослов очень влиятелен в свое время, ведь так много времени требуется, чтобы его понять. *Видящий* обычно не может в свое время стать влиятельным, потому что он говорит такие простые вещи, что они тебе ясны, только если ты медитируешь. С помощью мышления ты их понять не сможешь. Если ты тоже молчалив, лишь тогда твое сердце бьется в одном ритме с сердцем *видящего*. Ты дышишь в том же ритме, что и он, и тебя обязательно окружит атмосфера сладости. Ты почувствуешь изысканный вкус, ты испытываешь опыт внутреннего нектара.

Если ты пьешь из того же колодца, в твоём голосе тот же резонанс и та же мелодия. Ты найдешь, что все *видящие* говорят одно и то же. Как бы по-разному они это ни выражали, какие бы разные слова ни использовали, мелодия одна и та же. Если не можешь услышать эту мелодию, ты создаешь вокруг *видящего* религию; если можешь услышать мелодию, ты растешь в религиозности. Богослов создает религию, *видящий* создает религиозное качество.

Удивительное событие случилось в истории Индии. Религиозность низошла на Махавиру, но все те, кто собрал слова Махавиры, были *браминами*, богословами. Махавира был воином, и все же одиннадцать его старших учеников были браминами, великими учеными. Насколько вижу я, все то, что дал Махавира, эти одиннадцать ученых потушили. Все то, что низошло в Махавире в этот мир, эти одиннадцать браминов тотчас же прикрыли священными писаниями и погасили огонь. То же самое случилось и с Буддой.

В этом смысле Сахаджо, Кабиру и Даду повезло больше. Они были такими простыми людьми и происходили из таких бедных семей, что не привлекли в ученики браминов, великих ученых. Махавира и Будда привлекли таких учеников, потому что сами происходили из королевских семей, были наследниками великих династий. Стоять рядом с ними было огромным удовлетворением для самомнения ученых. Это оказалось бедствием, потому что их окружили ученые, вокруг них столпились ученые. Они проявили больше интереса, чем обычные люди, потому что Будда давал питание их эго, самомнению.

Кто хотел встать рядом с Сахаджо? Она была просто обычной деревенской женщиной. Ученые бы сказали: "Что она знает? Мы знаем больше ее". Может быть, то же самое они думали и о Будде и Махавире: "Мы знаем больше их", но не могли этого сказать, потому что те были принцами. Слава об их величии гремела всюду. Стоя рядом с ними, ученые тоже могли получить долю этой славы. Зачем ученому восхвалять Сахаджо? Кабир жил в Каши, и ни один ученый им не восхищался. Кто станет его восхвалять? Он не знал ни санскрита, ни пракрита; он не имел ни малейшего понятия ни о Гите, ни о Самья-Саре, ни о Дхаммападе. Кто будет его восхвалять? То, что он говорил, говорилось языком ткача, не ученого. Кабир говорит: "Я тку себе одежду.." Будда такого не скажет, Махавира такого не скажет; они никогда не ткали никакой одежды. Это может сказать только ткач, он не знает другого языка.

Но я говорю: в сравнении с ним язык Будды и Махавиры выглядит бледным. Их язык - придворный, в нем меньше жизни. Он похож на тепличное растение. Это не растение, выросшее под открытым небом, это растение из парника. Оно не выросло в дикой природе, открытое солнцу и ветру, бурям и ураганам. Оно может быть красивым, но оно очень хрупко. Эта красота лишена силы.

Когда говорит Кабир, в нем есть уникальность. Слова отражают реальные факты жизни, и поэтому кажутся простыми. Поскольку они выглядят так просто, ты думаешь: "Что в них

особенного?" Поскольку тебе кажется, что ты их понимаешь, ты решаешь, что в них нечего понимать.

В этом мое усилие: я приношу вам Сахаджо, Кабира и Даду в таком виде, чтобы вы поняли, что, даже если вы думаете, что все поняли, в этих словах нужно понять гораздо большее.

Шанкара написал комментарий к Гите. Он написал комментарий к Упанишадам. Он написал комментарий к Брахма Сутре. В Индии эти священные писания всегда комментировались. Никто никогда не комментировал Сахаджо, Кабира, Даду... кажется, здесь нечего комментировать. Все так просто, что здесь еще объяснить?

Когда что-то кажется простым, только тогда это нужно понять. Тайна скрыта в самой простоте. Если все сложно, ты найдешь только слова. Ты можешь создать сколько угодно сложности, но в конце ты найдешь только, что пришел с пустыми руками и уходишь с пустыми руками. Помни это: если слова кажутся очень простыми, остановись - сама эта простота являет великую тайну. Простота доказывает, что человеку было что сказать. Сложность доказывает, что сказать было нечего: сеть слов необходима для того, чтобы прикрыть бедность содержания.

Когда содержание богато, когда твои слова - бриллиант, ему не нужна никакой оправы. Достаточно самого по себе Кохинора*, больше ничего не нужно. Что еще можно добавить? Что бы ты ни добавил, это лишь уменьшит его красоту. Слова Сахаджо - как Кохинор. Их красота не имеет равных, но это красота простоты. Если ты попытаешься понять ее интеллектуально, ничего не выйдет, потому что интеллект любит сложности и наслаждается разгадыванием головоломок. Если ты видишь сердцем, тогда в этой простоте ты найдешь такие тайны, которые никогда не могут быть разрешены. Войди в это, утони в этом - ты потеряешься в этом. Но никогда не придет момент, когда ты сможешь сказать, что познал.

* Один из величайших и знаменитейших в мире бриллиантов.

То, что может быть познано, не имеет ничего общего с Божественным. То, что остается непознаваемым вопреки твоему чувству знания, то, что остается незнакомым, несмотря на все твои усилия - чем больше ты пытаешься это схватить, тем быстрее оно ускользает; чем больше ты его преследуешь, тем более таинственным оно становится, - это неизвестное и есть Божественное.

Второй вопрос:

Вчера ты сказал, что амбициозный человек не может любить. Но, кроме немногих просветленных, все мы в той или иной мере амбициозны. Тогда верно ли, что наша любовь к матери или отцу, сыну или дочери, мужу или жене, возлюбленному или возлюбленной, сектам и религиям загрязнена, что это только ложь и притворство?

Чем больше в твоей любви амбиций, тем более - в той же пропорции - твоя любовь становится ложной. Чем меньше амбиций, тем более любовь истинна. Когда ты кого-то любишь, любишь ли ты ради самой любви или в ней есть еще какие-то мотивы? Чем больше ты видишь других мотивов, тем меньше любви. Когда кто-то спрашивает: "Почему ты любишь этого человека?", ты лишаешься дара речи, потому что не можешь привести никаких причин. Ты говоришь: "Нет никакой причины, это просто случилось. Даже если я поищу, не найду никакой причины. Я сам не могу понять". Помни, любовь нисходит только в такие мгновения, когда нет причины. То, у чего есть причина, есть мир; то, у чего нет причины, - Божественное.

Есть у Бога причина существовать? Подумай немного... Могут быть причины у существования мира: мы можем сказать, что Бог создал мир, что он - источник. Но спроси: "Кто создал Бога?", и все станет абсурдным. Нет совершенно никакой причины. У мира есть причина, но Бог лишен всяких причин.

Ты содержишь лавку, у этого действия есть мотив: оно необходимо тебе для выживания, ты должен удовлетворить голод. Ты работаешь, зарабатываешь деньги: этому есть причина, потому что как ты будешь жить без денег? Ты строишь дом, этому есть причина: было бы трудно жить без крыши над головой под солнцем и дождем.

Но ты любишь - какая этому причина? Смог бы ты жить без любви? Умер бы ты без любви? Ты не сможешь жить без хлеба, ты умрешь. А трудно ли жить без любви? Реальность в том, что ты видишь миллионы людей, живущих без любви. Любовь может принести некоторые трудности, но кажется, нет никаких трудностей в том, чтобы жить без любви. Без денег жить невозможно, но без любви человек может прожить - и он *так и живет...*

Те, кто добиваются успеха в жизни, - это люди, живущие без любви. Любовь и успех не могут существовать вместе. Потому что для успеха нужна твердость, а любовь не позволяет тебе быть твердым. Любви и денег нельзя достичь в одно и то же время, потому что, чтобы добиться денег, необходимо насилие, а любовь не может потерпеть никакого насилия. Не может быть никакой связи между любовью и властью, потому что для власти необходима такая безумная гонка, такое соревнование головорезов, которого не допустит любовь.

Отца Нанак тревожило, что Нанак не проявляет способностей ни к какой работе. Куда бы его ни послали, это создавало только неприятности. Однажды его послали с некоторой суммой денег что-то купить и продать в соседней деревне. Ему приказали иметь в виду прибыль - потому что бизнес делается только ради прибыли. Нанак сказал:

- Не волнуйтесь, я позабочусь о прибыли.

Он вернулся из другой деревни и по дороге встретил группу мудрецов - они три дня не ели. Он отдал им еду и одеяла - раздал все, что купил, - и очень радостно, танцуя, вернулся домой. Отец увидел, как он идет и танцует... несомненно, что-то не так. Разве хозяин лавки возвращается, танцуя? С ним не было никаких товаров. Он шел один и в такой радости - конечно, опять случилась какая-то неприятность.

Отец спросил:

- Что случилось? Где товары?

- Я сделал, как ты мне сказал, - ответил Нанак, - и получил большую прибыль. На обратном пути я встретил трех мудрецов, которые не ели три дня, и я шел по тому же лесу, будто меня послал сам Бог... иначе кто дал бы им еду, кто дал бы им одеяла? Как это прибыльно! Мы благословенны! Я видел удовлетворенность на их лицах, когда укрыл их одеялами. И как выгодна эта служба! Она принесет высочайшую прибыль.

Отец Нанак рассердился, потому что не мог согласиться с идеей Нанак о прибыли. Неправильно было называть такого рода прибыль "прибылью". Отец не видел в этом никакой прибыли.

Не видя другого выхода, Нанак устроился работать в лавке капитана армии. Нанак назначили в склад. Его работой было целыми днями взвешивать и распределять. Но через два или три дня начались неприятности. Когда в чью-то жизнь входит любовь, все летит вверх тормашками. Нога спотыкается, утрачен контроль... такой человек становится как пьяный, пьяный вином любви.

На четвертый или пятый день, когда Нанак взвешивал, он запнулся на числе тринадцать. На пенджабском языке это "тера", еще это значит "твое". Он считал: одиннадцать, двенадцать, тринадцать... и остановился на тринадцати, "твоим". Сказав "твое", он вспомнил Божественное - ты и твоё. Он не смог считать дальше, не смог дойти до четырнадцати и пятнадцати. И он стал все раздавать, взвешивать и говорить: "Твое. Может ли быть другое число, кроме "твоего"? Пришло последнее число, случился Бог. Что идет за ним? Нет ничего

впереди, нет ничего за его пределами". Предельная возможность случилась: "твое".

По городу распространился слух, что Нанак сошел с ума, и люди сказали, что он всегда был сумасшедшим. Он продолжал взвешивать, и каждый раз, когда к нему кто-нибудь за чем-то приходил, он все ему давал со словами:

- Тера - твое.

Он продолжал раздавать и не брал никаких денег, потому что, если все твое, зачем брать что-то взамен?

Прибежал капитан. Он сказал:

- Ты меня разоришь! Что это за "тера"? Ты что, забыл, что и за тера есть другие числа?

Нанак положил весы и сказал:

- За тера нет чисел. Теперь я должен идти, Он меня позвал. Теперь я понял, потому что Он меня позвал. Иначе я каждый день после тера переходил бы к четырнадцати и пятнадцати, но сегодня на меня низошла благодать. Теперь все принадлежит Ему - эти зерна и деньги, я и ты - все принадлежит Ему. Теперь я больше не могу ничего взвешивать. Теперь я попал в Его руки, в руки того, что не может быть взвешено. Именно поэтому я остановился на тера.

Этот мир любви совсем другой - в нем не может быть вычислений. Если ты любишь с идеей об амбиции или выгоде, с желанием что-то приобрести или каким-либо другим мотивом, твоя любовь отравлена в той же пропорции. Именно поэтому твоя любовь не приносит счастья, случается только страдание. Где счастье в твоей любви? Какое счастье получает муж от жены? Он думает, что оно придет... или, лучше сказать, думал - теперь он так не думает, - он думал, что придет счастье. Жена тоже ожидала, что будет счастье. Они попались в ловушку этой иллюзии, этого ожидания, и погнались за миражом.

В ваших отношениях есть постоянный конфликт. Какая разница, культурный этот конфликт или бескультурный? Утонченный он, грубый или цивилизованный - какое это имеет значение? Но конфликт есть, и мечты, которые дает любовь, никогда не сбываются. И даже если ты не бежишь от любовных отношений, это не значит, что ты в них что-то нашел. Если ты не бежишь, то по той же причине. На днях я рассказал вам историю Самюэла Беккета: "Если уйти, то куда?" Если ты не уходишь, это не значит, что ты чего-то достиг. Ты не бежишь, потому что куда ты денешься? Куда бы ты ни пришел, везде случится то же самое, а старая болезнь лучше новой - по крайней мере, ты с ней знаком, ты ее знаешь.

Вы ссоритесь из-за таких мелочей...

Только вчера я читал об одном случае. Кто-то пригласил друга на обед, и, как это часто бывает, когда ты приглашаешь кого-то на обед, это создает в доме конфликт, жена злится. И вот еда, которая должна была быть готова к одиннадцати, не была приготовлена даже к двенадцати. Она ничего не могла сказать, потому что пришел друг, но внутри кипела от гнева и тянула время. Кастрюли падали, двери хлопали, она колотила детей - все пришло в хаос.

Муж был тоже раздражен, но ничего не мог сказать. Что он мог сказать? Неприлично было что-то говорить при друге, поэтому лучше было подождать. Он был голоден, друг сидел рядом и ждал. Друг тоже наблюдал, что происходит. Наконец жена вышла и сказала:

- Послушай, сладкий кхир почти готов, но у нас нет сахара.

Муж подумал:

"Вот новая проблема. Она даже в одиннадцать не сказала, что нет сахара, а сейчас почти час. Теперь, если я пойду, встану в очередь и куплю сахар, весь день пройдет, она отравила весь день - а мой друг сидит и ждет".

Он посмотрел на друга, пришел в ярость и в гневе сказал жене:

- Если нет сахара, положи туда мою шляпу!

Друг подумал, что теперь начнется ссора. "Я здесь застрял, теперь я не могу даже уйти. Если я уйду, это будет невежливо, а здесь все принимает тяжелый оборот".

Но жена ничего не сказала и молча ушла, что было почти чудом. Через пятнадцать или двадцать минут она вернулась и сказала:

- Если нет сахара, как мне приготовить чай?

Муж пришел в еще большую ярость.

Он сказал:

- Я же сказал, положи туда мою шляпу!

Жена ответила:

- Я уже положила шляпу в кхир, что мне положить в чай?

Вся ваша культура - это только видимость; внутри продолжается конфликт, внутри царит глубокая ненависть. Больше того, в этой ненависти есть разочарование: "Ты меня обманул: мечты о любви, которые ты мне дал, не сбылись. Ты обещал мне путь, усыпанный цветами, но я получаю лишь шипы, ничего больше".

Отцы недовольны сыновьями, сыновья недовольны отцами, матери недовольны детьми, дети недовольны матерями. Никто никем не доволен, потому что нет любви. Эта так называемая любовь привязана только к другим мотивам, и эти мотивы порождают страдание.

Мать думает, что, когда ее сын вырастет, он удовлетворит ее неосуществленные амбиции. Сын приходит в мир с собственными желаниями, он должен исполнить собственные амбиции. Отец думает: "Я не смог стать богатым, Татой, Бирлой; мой сын сделает это для меня". Но сын хочет стать музыкантом. Сына не интересуют деньги, он хочет быть музыкантом. Сын пришел в жизнь с собственными желаниями. И отец не спрашивал его, прежде чем он родился: "Сможешь ли ты удовлетворить мои амбиции, если я приведу тебя в мир?" И сын не говорил отцу: "Я приду со своими желаниями и амбициями. Сможешь ли ты меня поддержать? Стоит ли мне приходить? Иначе лучше прервать эти отношения прямо сейчас".

Эти отношения создаются бессознательно и с обеих сторон полны ожиданий. Их амбиции сталкиваются лбами, потому что никто не приходит в мир, чтобы исполнить амбиции кого-то другого. У каждого есть собственные амбиции, собственные оковы кармы. Каждый человек рождается, чтобы быть самим собой. Если у тебя есть хоть малейшее ожидание относительно кого-то другого, оно отравит все.

Отцу кажется, что сын его обманул: "Я хотел, чтобы он был богатым, я потратил на него впустую всю свою жизнь в надежде перед смертью увидеть свои желания исполненными, а он играет на ситаре! Ему придется просить подаяние. Вместо того чтобы разбогатеть, мы станем нищими. Может быть, он не сможет даже заработать достаточно денег, чтобы нас накормить, когда мы состаримся".

Мать думает, что, когда сын вырастет, он исполнит ее мечты, которые не смог осуществить муж. Но сын женится на другой женщине - исполнит ли он тем самым свои ожидания или ожидания матери? Кто может исполнить ожидания другого? Его собственные желания никогда не исполняются, не говоря уже о чужих. Когда в любви есть амбиции, пойми, что это проблема. Проблема не возникает позже, ее семя уже присутствует в самой амбиции.

Подумай об этом: если отец любит сына, просто любит без всяких ожиданий, и говорит: "Я счастлив. Будь кем хочешь. Если хочешь играть на ситаре, я счастлив. Если хочешь зарабатывать деньги, я счастлив. Если ты станешь нищим, но будешь счастлив в этом, я буду тоже счастлив. Я доволен всем, кем бы ты ни стал - я тебя поддержу", - тогда между отцом и сыном будут отношения чистой любви.

Когда ты просишь чего-то большего, чем любовь, любовь исчезает. Любовь очень хрупка. А когда в жизни человека случается любовь, это такой блаженный опыт, что он больше никогда ничего не попросит. Ты просишь других вещей, потому что этого опыта любви не происходит. Как только случается любовь, у тебя появляется вкус - теперь ты будешь двигаться к молитве. Молитва - это лишенные желаний отношения с существованием.

Но даже в молитве у тебя есть ожидания. Даже в молитве ты чего-то требуешь. Ты говоришь Богу: "Сделай вот это. Если ты сделаешь это так-то и так-то, я принесу тебе дары. Если ты это сделаешь, мы отправимся в религиозное паломничество". Даже маленьким детям говорят: "Если вы не будете слушаться, Бог разозлится. Если вы будете слушаться, он будет доволен".

Я слышал, что одна мать рассердилась на сына - маленького мальчика пяти или шести лет, - потому что он съел слишком много шоколада, а доктор запретил ему есть шоколад: "Шоколад вызывает многие болезни". И она все время его ругала и говорила: "Бог очень рассердится. Ты будешь наказан".

Напугав мальчика, мать отправила его спать. Когда он ушел - это было в сезон дождей, - началась гроза, и послышались удары грома. Мальчик проснулся. Мать пришла и увидела, что мальчик испуган, потому что гром бил так громко, что весь дом дрожал, - невероятный гром! Когда она заглянула в комнату, мальчик стоял у окна и говорил Богу: "Не поднимай такого шума из-за маленькой шоколадки. Разве это такой большой грех, что ты должен уничтожить весь мир?"

Даже маленьким детям мы вдалбливаем в умы этот яд наказания и награды. Что такое ваши ад и рай? - это кнут и пряник. Если ты хороший - рай, если ты плохой - ад. Кто хочет в рай, тот должен совершать хорошие поступки. Именно это делают ваши святые и монахи. Если они не хотят быть наказанными, не хотят страдать, хотят избежать ада, они должны совершать хорошие поступки.

Вот что делают ваши святые и монахи - они очень инфантильны. Я говорю это, опираясь на собственные наблюдения: их интеллект не превосходит маленького мальчика в этой истории. Бедные ребята постятся, медитируют и поклоняются, но внутри их царит инфантильное желание угодить Богу, и тогда - небеса, освобождение. Не совершив хороших поступков, они будут гореть в аду. Они будут брошены в огромные чаны кипящего масла. Они даже не умрут, но и не будут живы - они будут вечно страдать. Чтобы избежать этих страданий, они изводят себя здесь, чтобы Бог обратил на них внимание: "Мы уже истязаем себя здесь, поэтому, пожалуйста, не посылай нас в ад. Посмотри, как мы постимся, как умираем от голода, как не спим, как лежим на гвоздях, стоим в воде. Посмотри, как мы истязаем себя, как наказываем себя за грехи - тебе не нужно посылать нас в ад". Это их ожидание. Оно не имеет ничего общего с религией. Религия - это лишенные желаний отношения, где нет ни жадности к раю, ни страха ада. Рай и ад - это верования идиотов.

Молитва ничего не просит, это не имеет с ней ничего общего. Молитва - это сущая благодарность. Молитва говорит: "Всего того, что ты дал, более чем достаточно; кажется, невозможно достаточно насладиться изобилием, которое ты мне дал. Ты излил на меня так много, как я могу содержать все это в таком маленьком теле? Все океаны, все озера мира наполнились бы нектаром, который ты излил на меня".

Молитва - это благодарность. Но благодарность возникает, лишь когда ты можешь видеть реальность: Если ты постоянно полон ожиданий и твои глаза устремлены на то, как все должно быть, а не на то, как есть, ты будешь продолжать просить большего.

Поэтому я говорю, что ваши отношения отравлены, отношения ли это матери, отца, брата,

сестры, мужа или жены, отношения ли это с нацией - все они ядовиты. Именно поэтому ваша любовь оканчивается борьбой. Любовь к нации оканчивается войнами. Любовь братьев заканчивается судом - ты знаешь, что ни одна борьба не сравнится с борьбой братьев. Никакие враги не борются, как братья. Никто не находится в большем постоянном конфликте, чем мужья и жены - даже с врагами у них меньше проблем! Никто не может сравниться с женой в том, чтобы создавать проблемы двадцать четыре часа в сутки.

Что же за любовь ваша любовь, если из-за этой любви земля стала адом? Если ты любишь храм, сожжена мечеть, ничего больше не происходит. Если ты любишь мечеть, разрушен храм, вот и все. Если ты любишь Индию, то разрушишь Пакистан; если ты любишь Пакистан, то разрушишь Индию. Кажется, ничего больше не получается из твоей любви. Твоя любовь не помогает улучшить жизнь, она помогает разрушать жизнь.

Пойми это правильно: то, что ты называешь любовью к своей семье, если немного понаблюдать, окажется ненавистью к другим семьям - ты используешь неправильное слово. Когда ты говоришь: "Я люблю свою семью", это только ненависть к соседям, вот и все. Эта ненависть сплачивает семью - ты никогда этого не замечал?

В моем городе напротив моего дома жила семья, в которой все постоянно ссорились. Я наблюдал это с самого детства. Я видел в них нечто уникальное; впоследствии я обнаружил то же самое во всех семьях, но эта семья дала ключ к пониманию. Они всегда ссорились между собой, они были семьей такого типа. Отец начинал бить сына, сын начинал бить отца. Это была большая семья. Братья, дяди и племянники собирались и заполняли всю улицу. Улица была небольшая, и она была перегорожена, повозки не могли по ней проехать. Такой хаос! Но когда кто-то из толпы вмешивался и говорил: "Прекратите это, о чем вы ссоритесь?", они все на него набрасывались. Они прекращали ссориться между собой и дружно набрасывались на постороннего: "Почему ты вмешиваешься в наши дела? Это наша ссора, ссора между братьями. Это ссора между отцом и сыном". Тогда я заметил, что все семьи держатся друг друга не из любви, но из ненависти к другим семьям. Вы вместе, потому что у вас есть общий враг. Если вы хотите спастись от этого врага, вы должны быть вместе.

Если изучить это внимательно, ты увидишь, что то же самое с нациями. Если Индия и Пакистан сражаются, это сплачивает всю Индию. Тогда *гуджарати* не борются с *маратхи*, индуисты не борются с не-индуистами. Тогда вся борьба внезапно прекращается, потому что теперь можно бороться с соседом. Теперь все мы вместе, теперь мы абсолютно едины. Когда идет война с Пакистаном, Индия объединена. Прекращаются проблемы Тамил Наду с Пенджабом, Майсора с Гуджаратом, Махараштры с Гуджаратом - вся борьба прекращается. Тогда все индийцы едины, как братья. Как только война с Пакистаном кончается, внутренняя борьба начинается снова. Тогда вы будете бороться из-за мелочей - из-за воды реки Нармады, из-за какого-то района и его границ - обо всем забыв. Тогда *гуджарати* это *гуджарати*, а *маратхи* - *маратхи*, враждебные друг другу.

Твоя любовь - это такое же прикрытие ненависти. Ты называешь ненависть "любовью". Ты привык использовать красивые слова, чтобы скрыть за ними уродливые факты.

Когда кто-то умирает, ты говоришь, что он отправляется в рай. Использовать эти слова вошло в привычку. Кажется неправильным просто сказать, что кто-то умер: "Он попал в рай" - как будто каждый попадет в рай! Когда умирают ваши политики, они тоже попадают в рай! Постепенно умрут все, и все как один попадают в рай - а кто же тогда попадает в ад? Каждый, кто умер, попадает в рай. Как только человек умирает, ты перестаешь говорить о нем плохое. После смерти он внезапно становится святым. Теперь его никто не заменит, и тебе приходится отдавать должное.

Ты прячешь смерть за красивыми словами. Ты не сталкиваешься со смертью, ты не хочешь

сказать прямо, что этот человек умер, потому что это создаст страх и в тебе: "Я тоже умру". Ты говоришь: "Он отправился на небеса". Это дает тебе удовлетворенность, что однажды, когда ты умрешь, то тоже отправишься на небеса.

Один человек встретил на дороге Муллу Насреддина и сказал:

- Насреддин, ты еще жив?

Насреддин ответил:

- А кто сказал, что я умер?

- Никто не сказал, но вчера я слышал - тебя так расхваливали в городе, что я подумал, наверное, ты умер. Потому что никто не хвалит живого человека, я подумал, что, наверное, ты умер и отправился на небеса.

Ты знаешь это, прекрасно знаешь.

В одном городе умер человек. По традиции этого города каждого умершего сжигали после того, как кто-то произносил речь в его честь. Но умерший был очень злым человеком и мучил весь город. Он умер, и люди города собрались, чтобы его кремировать, но кому хотелось сказать несколько слов в его честь? Они много думали, изо всех сил стараясь вспомнить что-то хорошее. Даже великие ораторы, которые могли заставить весь город скучать от своих речей, - даже они, как ни пытались, не могли найти ни одного хорошего слова. Ничего не было. Время шло, но его все не могли сжечь - нужно было исполнить традицию.

Это нужно для того, чтобы скрыть факт смерти: когда кто-то умирает, о нем нужно говорить только хорошее.

Наконец один человек встал. Люди недоумевали, что хорошего он сможет сказать. Он сказал:

- Этот господин, который ушел из жизни на небеса, оставил пять братьев, по сравнению с которыми он был ангелом. В сравнении с этими пятью братьями, которые живы, он был настоящим ангелом.

Теперь его смогли сжечь, потому что кто-то сказал хорошие слова.

Вы прячете смерть. Вы прячете ненависть за любовью. Вы стали очень искусными в том, чтобы прятать все под хорошими словами. Разоблачи эти слова и увидь реальность вещей, потому что, когда ты видишь реальность, в твоей жизни начинается трансформация. Не прикрывая ненависть любовью, ты не сможешь ненавидеть, потому что ненависть приносит только страдание: она, несомненно, приносит страдание другому, но по большому счету также и тебе. Прежде чем заставить кого-то страдать, ты должен начать страдать сам. Прежде чем начать разрушать жизнь кого-то другого, ты должен разрушить самого себя. Когда ты кладешь шипы на дорогу для кого-то другого, они впиваются тебе в руки.

Тебе говорили другое. Тебе говорили, что, если ты будешь класть шипы на дорогу другому, в будущем тебе придется самому на них наступить. Я скажу по-другому: я скажу, что, если ты кладешь шипы на дорогу другому, ты уже пронзен этими шипами. Я не говорю о будущем, потому что в будущем ты можешь найти способ бегства: кого-то подкупить, поклониться Богу, помолиться. Я говорю, что если ты кого-то ненавидишь, то не пожнешь плоды этой ненависти в будущем: эта ненависть уже принесла плоды в твоём страдании, ты уже страдаешь. Когда ты на кого-то злишься, ты уже сжигаешь себя в этом гневе. Этим гневом ты уже создал раны в своём сердце, и не нужно ждать никакого будущего.

Есть старая поговорка: "Что посеешь, то и пожнешь". Позволь мне сказать, что ты уже

пожал то, что сеешь.

Если ты узнаешь реальность истин жизни, то найдешь, что, если ты хочешь заставить кого-то страдать, сначала ты обязательно должен страдать сам. Прежде чем дать кому-то ад, ты должен сам его выпить. Прежде чем кого-то убить, убийца должен убить себя. Он уже мертв. Поэтому твоя любовь, наверное, ложна, иначе этот мир уже был бы раем.

Деревья узнают по плодам. Во всем мире все всех любят. Сколько людей на Земле? Около шести миллиардов. Если мы посчитаем их любовные отношения, их будет много больше. Кто-то чей-то отец, кто-то чей-то сын, чей-то муж, чей-то брат, чей-то дядя, чей-то дядя по материнской линии; у одного человека будет, по крайней мере, двадцать или двадцать пять родных. На Земле шесть миллиардов человек. Если умножить это число на двадцать пять, получится, что на Земле сто пятьдесят миллиардов любовных отношений - Земля должна быть раем! Там, где цветут сто пятьдесят миллиардов цветов любви, все должно быть покрыто цветами, все должно быть окутано ароматом. Но ситуация кажется прямо противоположной - мир остается адом.

Я слышал историю:

Один человек умер и попал в ад. Но когда Дьявол увидел его состояние - он был так плох, - то почувствовал, что будет трудно измучить его еще больше. Он уже страдал достаточно.

Он сказал ему:

- Браток, откуда ты явился?

- С планеты Земля.

И Дьявол приказал:

- Отправьте его в рай. Он уже был в аду, какой смысл и дальше держать его в аду? Зачем убивать мертвого? Отправьте его в рай. Пусть немного успокоится и отдохнет.

В старых писаниях написано, что те, кто совершают грехи на Земле, попадают в ад. Теперь нужно написать новое писание, в котором говорилось бы, что те, кто совершает грехи в аду, будут отправлены на Землю. Теперь весь мир полон великих страданий - но вы этого не видите, потому что надели на глаза большие цветные очки. Вы смотрите на ненависть сквозь очки любви, вы смотрите на зависть сквозь очки патриотизма. Вы скрываете негатив за великими позитивными словами.

Отбрось амбиции, и даже если останется небольшая доля любви, лишенной амбиций, она тебя спасет. Амбиции тебя утопят; какой бы большой ни была лодка амбиций, она вся в дырах. Любовь тебя спасет; даже если это маленькая лодочка, в ней безопаснее.

Любовь - это единственная защищенность, потому что она понемногу приводит тебя к Божественному - а это источник всей защищенности.

Третий вопрос:

Вчера ты сказал, что зависть - это часть уважения. Я безмерно уважаю тебя, но это уважение отравляет зависть. Я испытываю само-осуждение и тоску. Трансцендирует ли почитание это ядовитое свойство?

В этом нужно тщательно разобраться, это тонкий вопрос. Когда ты кого-то уважаешь, то уважаешь за то, что видишь в этом человеке нечто такое, чего нет в тебе. Ты его уважаешь, потому что видишь в этом человеке нечто такое, чем бы тоже хотел бы быть.

Нищий уважает императора, потому что хочет быть императором. Поэтому, с одной стороны, он его уважает, с другой, завидует, потому что он еще не император. Он хочет быть

императором. Император добился того, чего хочет добиться нищий. И нищий уважает императора за то, что он добился успеха.

- Я стою далеко позади тебя в очереди, ты прибыл на место, где хотел бы быть я. У тебя есть власть, ты хитрый, умный, сильный, и я тебя уважаю.

Но внутри горит пламя зависти:

- Если бы у меня был шанс, я хотел бы быть на твоём месте, я хотел бы тебя сместить.

И когда этот нищий получает шанс, он отталкивает императора, сбрасывает его с трона и садится на него сам.

Поэтому в твоём уважении скрыта зависть. Может быть, ты никогда об этом не думал. Ты думаешь, что уважение - это великое качество. Уважение - это не великое качество, уважение - это измерение зависти. Ты прячешь зависть за уважением.

Поэтому почитание и уважение - это разные вещи. Пойми это: уважение - это почитание, смешанное с завистью, почитание - это уважение, в котором нет зависти. Что же такое тогда почитание? Ты чтишь человека, в котором увидел эхо собственной истинной природы, и уважаешь человека, в котором видишь удовлетворение своих амбиций.

Позволь мне повторить:

Ты уважаешь человека, в котором видишь удовлетворение своих желаний; что-то не случилось с тобой, но случилось с ним. Ты чтишь человека, в котором увидел отражение своей истинной природы, не амбиции, но свою истинную природу; человека, который становится для тебя зеркалом и показывает то, кто ты уже есть, знакомит тебя с твоей истинной природой.

Амбиции можно удовлетворить в будущем. Ты уважаешь человека, в котором видишь свое будущее, свершенное сейчас. Этого не случилось с тобой, поэтому тебе одновременно и больно: это случилось с ним. Таким образом, зависть и уважение идут рука об руку.

Если ты приходишь к просветленному человеку, в тебе возникает почитание. Почитание означает, что просветленный показал тебе, кто ты на самом деле *уже* есть. Теперь дело не в том, чтобы этого достичь, поэтому нет речи о зависти. Уважение чувствуют к тому, у кого есть вещи, которые можно отнять. Чтят того, у кого есть чему научиться.

Если у меня есть деньги, ты можешь меня уважать. Если у меня есть положение, ты можешь меня уважать, потому что можешь отнять у меня положение. То, что у меня есть сейчас, завтра может стать твоим. И это также значит, что пока это мое, оно не может быть твоим. Поэтому к уважению примешивается глубокая враждебность: ты хочешь достичь достигнутого мною. Мое достижение означает, что я вырвал его у тебя или тебе помешал. И, если ты хочешь достичь его сам, тебе придется вырвать его у меня или помешать мне. Политики уважают друг друга, очень уважают - но внутри горит зависть. Богатые люди уважают друг друга, но внутри горит зависть.

В чем смысл почитания? Почитание означает, что у меня есть нечто, что я не отнял ни у тебя, ни у кого-либо другого. И, как бы ты ни пытался, ты не можешь у меня этого отнять. Да, если хочешь, ты можешь этому научиться.

Если у меня есть деньги, я их у кого-то взял. Если они у меня есть, это означает, что из-за этого кто-то обеднел - знаю я об этом или нет. Но если у меня есть деньги, это значит, что у кого-то в кармане пусто. Если у меня отнять деньги, это наполнит карман кого-то другого. Мир денег полон борьбы. Количество денег ограничено, и к ним стремятся многие. Чем больше людей, среди которых распределены деньги, тем меньше их становится. Когда они распределены между немногими, их становится больше. Поэтому те, у кого они есть, не готовы поделиться ими, а те, у кого их нет, требуют, чтобы с ними поделились.

Те, у кого они есть, не готовы поделиться, поэтому коммунизм никогда не станет влиятельным в Америке. По идее Маркса, там он должен быть наиболее влиятельным, потому что Маркс сказал, что революция произойдет в самой развитой капиталистической стране. Но

случилось прямо противоположное: революция случилась не в капиталистической стране, а в бедной. Русская революция показала, что Маркс был совершенно неправ. Маркс ошибался, он не понимал математики революции. Если бы революция случилась в Америке, это бы подтвердило его правоту, - но революция не может случиться в Америке, потому что там у каждого что-то есть и все боятся этим поделиться. Вот чего они боятся: "Мне тоже придется поделиться своим".

Однажды я слышал, что Мулла Насреддин стал коммунистом, и я был немного обеспокоен: что затевает этот старик? Я пошел к нему и сказал:

- Знаешь ли ты, что значит быть коммунистом? Если у тебя две машины, тебе придется отдать одну из них тому, у кого нет ни одной.

- Абсолютно правильно, - сказал он.

- А если у тебя два дома, ты должен один отдать тому, у кого нет ни одного.

- Абсолютно правильно, - сказал он.

- А если у тебя два миллиона рупий, ты должен отдать один миллион человеку, у которого нет ни одного. Ты должен поделиться.

- Я абсолютно согласен, это и есть коммунизм.

- А если у тебя две курицы, ты должен отдать одну человеку, у которого нет ни одной.

- Абсолютно неправильно! - сказал он. - Этого не может быть.

- Почему ты так внезапно передумал?

- Я передумал, потому что у меня есть две курицы. У меня нет машины - что касается машин и домов, делитесь ими. Я ничего не боюсь, потому что у меня ничего нет. Но у меня есть две курицы, и я не собираюсь ими делиться!

Когда у тебя что-то есть, ты не готов этим делиться. Когда у тебя ничего нет, тебе очень нравится эта идея. Ты говоришь, что о коммунизме написано в Ведах, что это эссенция всех религий. Но когда у тебя что-то есть, ты не говоришь о коммунизме: тогда ты говоришь, что суть Вед в индивидуальной свободе, что человек должен иметь свободу зарабатывать и тратить, что индивидуальное владение собственностью - это прирожденное право каждого. Тогда меняется и твоя религия, и язык.

Революция не случилась в Америке, потому что у каждого что-то есть. Революция случилась в Китае, потому что ни у кого ничего не было. Революция случилась в России и однажды случится в Индии, потому что поднимающий ее очень бедный класс согласится перераспределить собственность, которой у него нет. Если и нужно что-то отнять, то всегда у другого: "Если мы что-то получим - хорошо; если мы ничего не получим - нет проблем, пусть все остается как есть". Если есть возможность что-то получить, отчаявшийся человек пойдет на все.

Помни, если ты уважаешь человека, то ему же и завидуешь. А зависть означает, что объектом зависти становится вещь, которую можно отнять. Но если ты уважаешь меня из-за медитации, это почитание - потому что медитацию нельзя отнять. Даже если я захочу тебе ее отдать, то не смогу; даже если ты захочешь ее украсть, то не сможешь; даже если ты захочешь меня ограбить, то не сможешь. Ты можешь меня убить, но не можешь коснуться моей медитации. Ты можешь посадить меня в тюрьму, но не можешь сковать мою медитацию. Медитация будет такой же свободной в тюрьме, как и под открытым небом. Не будет никакой разницы.

Если ты меня уважаешь из-за медитации, не будет никакой зависти. Для зависти нет причин. Нет никакого соревнования, какая может быть зависть? Напротив, любовь и почитание возникнут в тебе, если рядом со мной ты получишь проблеск такой же возможности. То, что

случилось со мной, в природе каждого.

И если ты понимаешь меня правильно, если твое почитание не остается лишь поверхностным - если оно идет глубоко и становится духовной дисциплиной, - тогда ты найдешь, что у тебя тоже есть то, что есть у меня. Ты должен просто это открыть, не достичь. Это не имеет ничего общего с будущим. Это твое внутреннее сокровище. Будь здесь и сейчас, и оно есть у тебя в это мгновение.

Почитание смотрит на существо человека, уважение - на его имущество. Уважение ориентировано на то, что мне принадлежит, а почитание - на то, кто я такой. Но вы путаете эти два слова. Люди приходят и говорят мне: "Мы тебя очень уважаем", но, может быть, они имеют в виду почитание. В девяноста девяти процентах случаев - об уважении ты говоришь или о почитании - это уважение. Один раз из ста это почитание.

На основе уважения ты создаешь неправильного вида отношения - в них ты никогда не сможешь достичь блаженства. Если есть почитание, ты предпринял правильный шаг - храм стал ближе, ты уже в храме. Почитание приносит плоды в то же мгновение, уважение - желание в будущем.

Избегай уважения. Неуважение, несомненно, противоположно почитанию, но уважение тоже противоположно. Уважение - это стратегия ума, почитание - переживание сердца.

Четвертый вопрос:

Какова разница между любовью и состраданием?

Пойми эти три слова: секс, любовь, сострадание. Секс - это начало любви, первая ступень лестницы. Сострадание - последняя ступень лестницы. Любовь - это название лестницы.

Секс - это самое низменное состояние любви, самое грубое. Вот значение секса: я хочу получить что-то от другого, я неполон без другого, я пуст без другого, я должен наполнить себя другим. Секс - это эксплуатация. Вот значение секса: Я хочу использовать другого как средство. Муж использует жену, жена использует мужа. Они используют друг друга в качестве средств. Поэтому возникает столько гнева: никто не хочет быть средством. Душа каждого человека - сама по себе цель.

Великий немецкий философ, Иммануил Кант, так определил мораль: "Использование другого человека, которое делает его средством, безнравственно; использование другого человека, которое делает его целью, нравственно".

Это очень фундаментальное утверждение. Использовать другого ради себя - это похоть. Ты только говоришь о любви; ты говоришь: "Я тебя люблю", но внутри ты хочешь, чтобы тебя любил другой. Поэтому, когда ко мне приходят люди - приходили тысячи, - они говорят: "Я не получил любви от того, кого любил". Я ни разу не встречал человека, который бы сказал: "Я на самом деле не любил человека, которого любил". Это интересное явление. Кто бы ни пришел, он говорит: "Я, конечно, люблю того, кого я люблю"; он никогда в этом не сомневается. Нет, он говорит: "Я не получаю любви от того, кого люблю". А когда ко мне приходит другой, он говорит то же самое: "Человек, которого я люблю - я дал ему любовь, но не получаю ее от него. Меня обманули. Я чувствую себя одураченным, преданным". А когда приходят оба - муж и жена, отец и сын, друзья, - оба говорят одно и то же: "Я его любил". Истина в том, что никто из них никого не любил, и я говорю, что, если человек действительно любит, такой же ответ неизбежен - он отражается эхом и возвращается. Что ты даешь, то всегда и получаешь.

В этом мире есть старая поговорка: "Может быть, не сразу, но справедливость восторжествует". Я говорю вам, что нет ни несправедливости, ни промедления. Почему не сразу? Если не сразу, то и справедливость станет несправедливостью. Это промедление может

быть слишком долгим. Если ты любишь сегодня, а ответ получаешь через миллионы и миллионы жизней, это будет несправедливостью.

Поэтому я говорю, что нет ни промедления, ни несправедливости. Если ты любишь, ты немедленно получишь ответ; ты получишь его в самой любви. Ответ не зависит от другого, это эхо самой твоей любви. Это резонанс твоей любви. К тебе возвращается то же самое, что ты даешь.

Поэтому люди говорят: "Мы любили, но не получили никакой любви в ответ". Реальность в том, что вы не любили; ваша любовь - это только притворство, обман. Реальность была в том, что вы ожидали любви. Без любви, просто говоря о любви, вы хотели получить любовь. Вы только говорили о любви, а в ответ хотели получить сердце другого, самоотдачу другого, все его существо, но не смогли. Другой делал то же самое, продолжая говорить о любви, писать стихи о любви - но ничем не делясь, - чтобы владеть существом другого. Оба хотели получить все бесплатно, оба хотели получать, ничего не давая, отсюда конфликт.

Именно поэтому так называемые влюбленные постоянно ссорятся. В этом конфликте та же причина - оба хотят сделать другого средством. А душа другого рождается как сама по себе цель, не как средство. Каждый человек сам по себе цель, и он чувствует себя поработанным, если кто-то использует его, наступают на него, как будто он - только ступень лестницы.

Секс - это самая низменная форма любви - когда ты просишь кого-то отдать все и ничего не даешь сам. Сострадание - это высочайшая форма любви - ты даешь все и ничего не просишь взамен. Лишь на предельной высоте любви ты отдаешь все и ничего не просишь. Тогда ты делаешь другого целью, а сам становишься средством. Ты говоришь: "Мне повезло, потому что я могу сдать. Живу ли я для тебя или умираю для тебя, я счастлив. Я буду счастлив в любой ситуации, нет никаких ожиданий. Я благодарен, что ты принимаешь мою любовь. Я дал, и ты не отверг, этого достаточно для благодарности".

Это интересно: в сексе ты просишь и не получаешь, в сострадании ты не просишь, но получаешь. Это тайна жизни. Это парадокс жизни. Ожидаящий человек умирает, не состоявшись, а сострадательный человек всегда удовлетворен, в каждое мгновение удовлетворен. Потому что жизнь резонирует - ты получаешь то, что даешь. В этом мире то, что ты получаешь, не зависит ни от кого другого, ты получаешь лишь то, что даешь сам.

Вчера я читал слова Будды. Он часто повторяет: *Эс дхаммо санатано*, "Это вечный закон: ты получаешь то, что даешь". Если ты попытаешься уничтожить вражду враждой, ты никогда ее не уничтожишь. Если ты отвечаешь любовью, она уже уничтожена. Это вечный закон, это вечная религия, это древний, вечный закон. Ничто никогда не бывает по-другому.

Секс означает требование любви, сострадание означает отдачу любви. Любовь находится в промежутке, где отдают и принимают поровну. Никто никогда не чувствует себя удовлетворенным сексом, а в сострадании человек всегда удовлетворен. Любовь находится в промежутке между сексом и состраданием, посередине. Есть некоторая удовлетворенность, но сохраняется и неудовлетворенность, потому что любовь - это наполовину сострадание, наполовину желание. Любовь состоит из обоих в равных пропорциях - поэтому в ней столько радости и столько страдания.

К несчастью, девяносто девять процентов людей никогда не испытывают любви. О сострадании не может быть и речи - это отдаленная мечта, мираж. Девяносто девять из ста умирают в похоти. Какова их иллюзия? Их иллюзия в том, что они любили.

Подумай об этом немного: прежде чем задаваться вопросом, получаешь ли ты любовь, посмотри внимательно, даешь ли ты ее. Потому что я говорю, что, если ты даешь любовь, она, несомненно, вернется к тебе. Это вечный закон. Если ты не получил, наверное, ты ничего не дал. Посмотри на себя, только на себя. Как говорит Фарид: "Загляни в свое сердце, Фарид, мудр

ли ты?" Фарид говорит: "Если ты мудр, ищи в своем сердце - ты найдешь там".

Ты получишь то, что дал, и не получишь того, чего не дал. Если ты не получаешь, знай, что ты не давал; если ты, получил, знай, что ты дал.

Секс - это самая нижняя ступень. Большинство людей застревает на ней. Но помни, я не осуждаю секс, потому что это ступень лестницы любви. Может быть, это первая ступень, но все же это любовь. И как человек может достичь последней ступени, не взобравшись вначале на первую? Я не предлагаю вам сойти с лестницы. Я говорю вам: не останавливайтесь на лестнице, двигайтесь дальше, есть много больше ступеней. Вы стоите на самой первой и делаете ее своим домом и храмом. Идите дальше! Первая ступень хороша тем, что ведет ко второй. Она плоха, только если не ведет ко второй.

Поэтому я не осуждаю секс. Именно поэтому я постоянно говорю, что секс сродни сверхсознанию. Секс приводит вас к сверхсознанию, - но если вы застреваете в нем, *самадхи*, сверхсознание, никогда не придет.

Помните и другой аспект, потому что многие люди совершили и эту ошибку. В Индии эта ошибка была очень древней. И ошибка в том, что, когда я советую не останавливаться на ступеньке секса, есть два пути: либо вырасти из секса в любовь, либо вообще бросить лестницу - именно это вы называете безбрачием. Я не называю это безбрачием.

Люди, которых вы называете *брахмачари*, неизмеримо хуже вас, потому что они оставили лестницу. Сострадание никогда не может войти в их жизни, потому что, когда нет секса, как может быть сострадание? Как говорится в поговорке: "Если бамбук сломан, из него не получится флейты". Я не предлагаю вам продолжать цепляться за кусок бамбука - сделайте из него флейту, из этого бамбука можно сделать флейту.

Сострадание - это цветение секса. Тот же обычный бамбук, который ты считал совершенно бесполезным, - самое большее, им можно было проломить кому-то голову, - может стать флейтой и войти в чью-то душу. Сладкие гармонии возникают в нем - неземные, небесные; они приносят вести о каком-то другом мире. Цветы какого-то другого мира начинают цвести на этой земле в звуке этого бамбука.

Кто в это поверит? Если ты никогда не знал, если ты никогда раньше не видел флейту и вот кто-то говорит, что она сделана из бамбука, ты ему не поверишь. Если я тебе скажу, что сострадание Будды и Махавиры выросло из секса, ты не поверишь. Ты окажешься в затруднении, потому что ты видел кусок бамбука и видел флейту, но не имеешь понятия о шагах между ними. Ты не можешь их связать. Ты говоришь: "Какое сравнение может быть между состраданием Будды и нашей похотью? Нет, нет! Здесь мы живем в аду, а там они поднимаются в небо. Нет, связи нет".

Но подумай немного - если нет связи, тогда ты никогда не сможешь стать буддой. Как станет возможным это путешествие? Откуда ты начнешь? Между тобой и Буддой должен быть какой-то мост. Между сексом и Божественным должна быть какая-то лестница. Эта лестница есть любовь.

Сахаджо говорит о той же лестнице. Очисти свою сексуальную энергию. Кабир говорит: "Бриллиант упал и потерялся в грязи". Не беги от грязи, иначе в ней останется и бриллиант. Ищи в грязи, в ней скрыты лотосы. Очисти бриллиант - когда грязь будет удалена, он станет чистым. Фактически, бриллиант никогда не может быть нечистым. Он падает в грязь, но бриллиант остается бриллиантом, он никогда не становится грязью. И лотосы скрыты в грязи, как бы они ни были скрыты - может быть, ты никогда их не видел, - но лотос остается лотосом, это не грязь. Как только лотос получает шанс расти, он расцветает.

Не беги от секса, иначе твое безбрачие будет, самое большее, бессилием, не более того. Или подавлением, чем-то навязанным. Таким образом цветок твоей жизни не может расцвести:

напротив, небольшой бутон, который начал расти, снова упадет в грязь.

Я никогда не видел, чтобы лотосы сострадания цвели в ваших так называемых монахах и святых. Напротив, я видел, что цветение этого лотоса невозможно. Они упали, покинули лестницу. Они кажутся правыми, потому что ты стоишь на ступеньке секса, а они на ней не стоят. Ты думаешь, что, может быть, тот, кто не стоит на ступеньке секса, автоматически прибывает на ступень сострадания. Это не обязательно так. Очень легко упасть, подняться трудно. Какое усилие нужно, чтобы упасть? Оставь дом, убеги в леса и стой полуголый, и люди будут восхвалять тебя. Они начнут кланяться тебе, касаться твоих ног и говорить, что ты благословен, что ты достиг величия, - но внутри ты по-прежнему будешь полон сексуальных желаний.

Ко мне приходят монахи - старые монахи, которым семьдесят лет, - и все же их умы полны сексуальных желаний. Они спрашивают, оставшись с глазу на глаз: "Как мне избавиться от сексуальных желаний? Теперь моя жизнь ушла, энергии больше нет, но все же я не свободен от секса. Когда он кончится? Приближается смерть, я скоро умру, и все же меня преследуют сексуальные желания".

Никогда не отвергай лестницу, даже нечаянно. Бог не любит трусов. Поднимайся - пусть жизнь будет путешествием, не бегством. Поднимайся на одну ступеньку за другой. Двигайся от секса к любви, и подует немного небесного ветра. В этом будет и ад, но в твоём аду начнут появляться небольшие островки рая. И, видя их, ты получишь надежду, что может случиться нечто большее. То, что сегодня маленький остров, завтра может стать большим. Поднимись еще немного над водой. Продолжай двигаться вперед... Постепенно отдались от требования и уделяй больше внимания тому, чтобы давать. Делись, не проси. Стань императором, не будь нищим.

Секс - это нищий, сострадание - император. В тот день, когда ты можешь отдавать, ничего не удерживая, отдавать без условий, не торгуясь, даже не останавливаясь, чтобы услышать благодарность, - просто отдавать и идти дальше... Ты отдаешь и уже благодарен, что другой это принял, что они это приняли. Они могли бы отвергнуть. Когда ты в таком состоянии существа, однажды ты узнаешь сострадание.

Вот стадии любви: секс, любовь, сострадание. И все это разные уровни любви в жизни. Поэтому я говорю, что любовь величественнее Божественного, потому что, поднимаясь в любви, ты достигнешь Божественного. В тот день, когда твое сострадание таково, что ты перестаешь быть дающим, есть только отдача - когда не остается никого, кто мог бы давать, когда не остается чувства действия, - в тот день, только в тот день ты становишься Божественным. В тот день эго отпадает, в тот день ты становишься Божественным. Тогда не остается границ. Тогда ты входишь в бесконечное, а бесконечное входит в тебя.

Но не начинай слишком много думать о Божественном. Это лестница жизни: от секса к любви, от любви к состраданию. За состраданием автоматически происходит прыжок, потому что больше ступеней нет.

Помни, лестницу можно оставить двумя путями: либо спуститься с первой ступени, либо прыгнуть за пределы последней. Если ты спускаешься с первой, тогда, несомненно, ты не достигнешь Божественного и также потеряешь мир. Если ты прыгаешь за пределы последней, то найдешь все. Ты достигнешь Божественного и не потеряешь мир, потому что мир - это часть самого Божественного. Когда ты увидишь целое, ты также увидишь в нем и мир. Тогда это будет не просто мир, это будет Божественное творение.

Пятый вопрос:

Ты сказал, что молчание - это путь к единению с существованием. Пожалуйста, объясни нам, как внешнее молчание может быть полезным, для внутреннего молчания?

Не беспокойся слишком о том, чтобы отделить внешнее от внутреннего - между ними нет разницы. То, что ты называешь внешним, - это внутреннее, которое вышло наружу. То, что ты называешь внутренним, - это наружное, перешедшее вовнутрь.

Голод ты чувствуешь внутри, пищу принимаешь снаружи, и никогда не думаешь о том, как внешняя пища удовлетворяет внутренний голод. Она его удовлетворяет, и удовлетворяет каждый день, и все же ты никогда не думаешь о том, как пища снаружи может удовлетворить голод внутри.

Нет границы между внешним и внутренним.

Можешь ли ты сказать, когда внешняя пища удовлетворяет внутренний голод - когда она во рту? В горле?

Когда она переваривается в желудке?

Когда она становится кровью?

Когда она становится органами?

Когда циркуляция крови активизирует мозг?

Когда возникают мысли?

Когда чистота мыслей становится молчанием?

Когда абсолютное молчание становится медитацией?

Когда последний опыт медитации становится Божественным?

Когда?

Кто-то правильно сказал: "Голодный человек не может помнить Божественное". Это показывает, что голод и Божественное связаны. Подумай немного - в чем-то пища должна быть Богом. Так должно быть, иначе не было бы связи между едой и Божественным. Должна быть какая-то точка, в которой еда становится Богом, а Бог - едой. Упанишады говорят: "Пища есть Бог". Это соединяет две крайности.

Почему тебя так заботит расстояние между внешним и внутренним? Когда ты слишком много говоришь, ум слишком активен. Если ты прекращаешь говорить, ты отнимаешь у ума половину поддержки. Пойми это так: если ты два года не ходишь, не пользуешься ногами, сидишь в позе лотоса, ты больше не сможешь ходить. Тогда если тебе внезапно захочется идти, ты упадешь. Что случилось? Ходьба была наружной, сила - внутренней. Ты ходил с внутренней силой, но при поддержке внешней. Это были два крыла. Если ты не говоришь, понемногу внутренней болтовни станет меньше. Почему? Потому что внутренняя болтовня - это только репетиция внешней. Внутри ты готовишься говорить снаружи, это тренировка.

Точно так же, если ты идешь на собеседование, устраиваясь на работу, ты начнешь готовиться заранее: О чем тебя спросят? Что ты скажешь? Подойдет такой ответ или нет? "Как я должен отвечать, чего не должен говорить?" Когда тыходишь к конторе, шум становится громче. Когда ты стучишь в двери, в тебе роятся тысячи мыслей: с чего начать? Ты репетируешь; ты уже был на собеседовании тысячи раз, прежде чем оно действительно случилось - ты подготовился. Если ты не идешь на собеседование, зачем волноваться о том, чтобы готовиться? Кто будет достаточно сумасшедшим, чтобы готовиться? Какая разница?

Что бы ты ни думал внутри, для этого есть причина. Тебе постоянно нужен этот процесс: ты видишь, анализируешь и относишь мысли к категориям. Большая часть мыслей - это то, что тебе понадобится в будущем, и ум готовится. Некоторые мысли будут случаями, оставшимися незавершенными в прошлом. Представь, что ты вернулся домой с собеседования. Тебя спросили о небе, а ты ответил о земле, и теперь ты раскаиваешься. Теперь ты отвечаешь то, что должен был ответить, но не смог. "После драки" каждый становится очень разумным. Ты упустил.

Я слышал:

В медицинском колледже проходил экзамен. Экзаменатор спросил студента:

- Есть такой-то пациент и определенное лекарство - какую дозу ему нужно дать?

Тот назвал определенную дозу.

- Ладно, идите, - сказал экзаменатор.

Когда студент подошел к двери, он вспомнил, что доза слишком большая. Он вернулся и сказал:

- Извините, я сделал дозу слишком большой.

Доктор сказал:

- Пациент умер! Убирайтесь! Вы дадите пациенту лекарство, а потом скажете: "Извините, доза была слишком большая"? Это яд, он уже убил пациента. Приходите в следующем году и называйте правильное количество, хорошо подумав.

В прошлом есть много вещей, которые ты не смог сказать правильно. Очень редко человек делает все правильно - только люди, говорящие из осознанности, всегда говорят правильно. Они не оглядываются назад - дело кончено, и ничего не остается в уме. Но ты не говоришь из не-ума, поэтому ты умственно готовишься заранее, потом отвечаешь. Только впоследствии ты осознаешь, что в твоих ответах была какая-то ошибка, потому что ответы не совсем соответствовали вопросам. Не обязательно будет задан тот вопрос, к которому ты готовился.

Однажды это случилось:

В сумасшедшем доме осматривали больных, которых готовили к выписке. Их освобождали, только если они могли пройти экзамен. Начался экзамен; это было в последний день года. Один пациент вошел в комнату - он был психом номер один. Все попросили его: "Ты должен нам сказать, какие вопросы тебе зададут, потому что, возможно, ты сможешь дать правильный ответ".

Псих вошел в комнату. Его спросили:

- Что будет, если тебе отрезать уши?

- Я не смогу видеть, - ответил он.

Доктор был немного удивлен.

- Что ты имеешь в виду?

- Все ясно - очки упадут!

У психов своя логика. Это правда, на чем будут держаться очки?

- Ладно, - сказал доктор, - ты можешь идти. Мы подумаем. Ты не прав и не неправ, поэтому пойди и подумай об этом. В определенном смысле ты прав.

Псих вышел; другие психи столпились вокруг него:

- О чем тебя спрашивали?

- Не важно, о чем спрашивают. Что бы он ни спросил, нужно отвечать: "Я не смогу видеть". Я его озадачил.

И вот, что бы доктор ни спросил, все психи отвечали: "Я не смогу видеть".

Доктор вышел и спросил, что происходит, и они сказали:

- Наш друг, который пошел первым, сказал нам правильный ответ.

- Ваш друг дал правильный ответ, но только случайно. Каждый, кто учит готовым ответам, наверное, все еще сумасшедший.

В жизни нет готовых ответов или готовых вопросов. Иногда, просто по совпадению, заготовленный ответ подойдет, но не всегда. Ты даешь ответ, который не соответствует, и

впоследствии, когда ты начинаешь об этом думать, это до тебя доходит.

Поэтому ты думаешь либо о прошлом, либо о будущем, и между ними проходит настоящий момент, а ты занят внутренними разговорами, которые продолжаются двадцать четыре часа в сутки. Настоящий момент очень мал: будущее огромно, прошлое тоже огромно, и вся эта неразбериха происходит в это самое мгновение.

Но если ты перестанешь говорить снаружи, тогда и внутренних разговоров постепенно станет меньше. Это случится не сегодня, на это потребуются годы; но если ты перестанешь говорить или будешь говорить только то, что существенно - несколько слов в день, - тогда нужно ли будет внутри готовиться, что сказать? Мало-помалу ум согласится, что готовиться не нужно. Теперь, когда не будет экзаменов, прекратится и подготовка. Если не будет экзамена, не нужно будет и готовиться, и тогда ты не будешь раскаиваться в ошибках. Тогда тебе будет не в чем раскаиваться, и это тоже прекратится.

Если человек три года сохраняет абсолютное молчание, ему ничего не остается делать - внутренний процесс мышления прервется автоматически. Но очень трудно сохранять молчание три года. Много раз будут моменты, когда ты почти сойдешь с ума, потому что мышление будет происходить с огромной скоростью - ведь обычно у тебя есть для него клапан. Ты расслабляешься, только когда с кем-то говоришь, но теперь все это будет продолжаться у тебя внутри. Много раз придут мгновения, когда ты почувствуешь, что взорвешься, когда ты почувствуешь, что сойдешь с ума; если ты сейчас не заговоришь, тебя охватит безумие.

Если кто-то проводит три года в молчании - это может быть только внешнее молчание, - даже это молчание принесет великие плоды. Но человек говорит не только словами. Когда я с вами говорю, я сопровождаю это жестами рук: это тоже вид речи. Человек говорит глазами. Ты идешь по дороге и жестом, глазами спрашиваешь кого-то: "Как дела?" Ты улыбнулся, ты заговорил.

Абсолютное молчание означает, что ты как будто один в мире, как будто больше никого нет. Если соблюдать абсолютное молчание глаз, эмоций, выражений, губ, жестов, ходьбы, сидения или стояния - как будто ничто никак не выражается, тогда достаточно и трех месяцев, не нужно продолжать три года. Через три месяца разговоры в уме автоматически смолкнут - у них не будет цели. И если есть молчание внутри, и глаза станут ясными, слоев слов больше не будет, и ты сможешь видеть. Именно это я называю *даршаном*, видением. Ты сможешь видеть.

Мышление сделало тебя слепым. Мышление - это твоя слепота. Освободись от мыслей, пусть твои глаза раскроются. То, что ты видишь сквозь мышление, - это мир; то, что ты видишь без мышления, - Божественное. Именно поэтому я говорю, что дело не в мире или Боге - дело в твоём восприятии. Ясные глаза, пустые от мыслей и форм, могут общаться с бесформенным. Ум, переполненный мыслями, обремененный аргументами и ограничениями, может видеть только толпу мыслей. Если твой ум становится пустым от мыслей, наружный мир исчезнет. Внешний мир - это только проекция твоих мыслей. Если фильм у тебя внутри остановится, экран перед тобой станет пустым. Ты видел это в кинотеатре. Ты смотришь на экран, ты видишь фильм на экране, много раз ты плачешь, смеешься, становишься счастливым, радостным, печальным - но экран пуст. Это только игра света и тени, источник света и тени позади тебя - проектор. Он спрятан за стеной. Если кто-то закроет проектор от экрана, экран станет пустым. Ты встанешь и скажешь, что фильм закончился. Таким же образом, мир, который ты видишь снаружи, не такой, каким ты его видишь, это твоя проекция.

Ты видишь женщину. Ты не можешь знать, какая эта женщина внутри. Ты даже не знаешь, какой внутри ты. Проектор мыслей и ума отбрасывает образ и проецирует его на эту женщину. Женщина оказалась пустым экраном. Много раз ты видел ее вчера, и она не создавала в тебе никакой музыки, никакие колокола не звонили, но сегодня внезапно эта женщина заставила

тебя заболеть от любви. Сегодня женщина появилась перед тобой в то мгновение, когда что-то происходило у тебя внутри, и эти мысли были присоединены к ней и спроецировались на нее. Теперь женщина, которую ты видишь, не настоящая, это женщина твоих мечтаний; она иллюзорна.

Ты на ней женишься. С каждым днем образ постепенно тускнеет. Если ты использовал ту же мысль раз за разом, ты к ней привыкаешь. Однажды вдруг ты снова видишь - будто у тебя внезапно раскрылись глаза, - что это просто обычная женщина. Ты написал ей столько стихов, у тебя было столько мечтаний. Но это обычная женщина, такая же, как все - ничто. Экран стал пустым, процесс мыслей остановился.

Пока ты видишь ценность в деньгах, ты будешь видеть деньги. В тот день, когда ты поймешь, они станут просто грудой мусора. Бриллиант кажется бриллиантом, потому что ты проецируешь бриллиант, иначе это просто камень. В тот день, когда проекция рассеется, ты найдешь, что это просто камень. Шаг за шагом, когда мыслительный процесс подходит к концу, проектор перестает работать - проекция прекращается. Экран мира становится пустым. И имя этому пустому экрану - Бог.

Сахаджо говорит то же самое. Она говорит: "Я могу отбросить Бога, но не забыть мастера, потому что Бог одурачил меня этой драмой. Он создал игру света и теней на экране. Мой мастер разбудил меня. Я могу бросить тебя, потому что ты дал мне проблемы органов чувств, ты дал мне мир; мой мастер поднял меня над ним. Ты дал мне боль, мой мастер дал мне проблеск блаженства. Ты оставил меня на пути, ведущем прочь от самой себя, мой мастер снова привел меня домой". Сахаджо говорит: "Я могу отбросить Бога, но не покинуть своего мастера, потому что без мастера ты не существовал бы для меня - я не знала бы тебя. Поэтому я говорю, что мастер дал мне молчание и пустое внутреннее небо".

Когда ты видишь из этого пустого внутреннего неба, весь мир наполнен великолепием Божественного.

На сегодня хватит...

5. Ее единственный компаньон

*Без двойственности нет вражды.
Сахаджо говорит: без желания,
в состоянии удовлетворенности и чистоты
нет зависимости от другого.
Во сне она в пустом небе Божественного;
проснувшись, она вспоминает Божественное.
Что бы она ни сказала - это божественные слова.
Она практикует безжеланную преданность.
Она навсегда утонула в любви,
опьяненная своей сущностью.
Сахаджо говорит: она видит, не различая.
Никто не нищий, никто не король.
Видящая одна, ей не нужно компании,
ее единственный компаньон - ее собственная сущность,
она живет в блаженстве пробуждения,
она пьет сок своей собственной природы.
Мертвые несчастны, живые несчастны,
голодные несчастны, сытые несчастны.
Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна,
она нашла вечную радость.*

Начнем с небольшой истории. Это хассидская история.

У императора был только один сын - пьяница, игрок; он ходил к проституткам. Император беспокоился. Он пытался убедить его, как только мог, но ничего не помогало. В отчаянии император совершил последнюю попытку и отправил его в изгнание, надеясь, что хотя бы это приведет его в чувство. Император думал, что он раскается, вернется и попросит прощения, но ничего не вышло. Сын уехал, но так и не вернулся. Он ушел за границы своей страны и стал бродягой. В конце концов он нашел приют в кабаке.

Он был сыном императора, у него был потенциал лидера, он не был обычным кабацким завсегдатаем. Вскоре он стал лидером. Двадцать четыре часа в сутки он был увлечен игрой, выпивкой и проститутками.

Старый император ждал много лет, но сын не возвращался. Когда настали его последние дни, он стал очень тревожиться и тосковать и отправил одного из министров, чтобы тот привел сына обратно. Он сказал:

- Каким бы он ни был, пусть лучше будет здесь. После моей смерти он унаследует все это. Он пьяница, ну и пусть. Может быть, после моей смерти он поймет. Может быть, он станет немного сознательнее, когда ему придется управлять империей.

Министр отправился в путь во всем своем облачении, сидя в золотой колеснице, - он был посланцем императора. Но сын императора не обратил на него никакого внимания. Министр старался изо всех сил, но не мог даже привлечь его внимание. Он вернулся, побежденный.

Император послал второго министра.

Второй министр подумал, что ошибкой первого министра было то, что он пришел, держась так высокомерно. Он поехал в золотой колеснице убеждать нищего! Расстояние было слишком большим, общение было невозможно.

Он вошел в кабак, одетый как нищий. Он стал таким же, как и сын императора, - он пил и играл. Он подружился с сыном императора, но тут случилась неприятность. Сам министр так увлекся алкоголем и проститутками, что забыл о том, чтобы привести сына обратно. Он стал одним из них.

Принц не только не вернулся назад, но соблазнил и министра.

Прошли месяцы. Император сказал:

- Ситуация стала критической. По крайней мере, первый министр вернулся, хотя и не привел моего сына. Теперь же потерялся и второй министр.

Пришли вести, что второй министр стал одним из пьяниц. Он даже забыл, что был министром, оставаясь пьяным двадцать четыре часа в сутки.

Так часто бывает. Нельзя спасти утопающего, оставаясь на берегу. Если хочешь остаться на берегу, дорожишь одеждой, не желаешь рисковать или боишься промокнуть, ты не сможешь спасти утопающего. Каким бы разумным ты ни был, как ты можешь кого-то спасти, стоя на берегу? Чтобы войти в реку, нужна храбрость. Но это опасно: тонущий человек может утопить и тебя.

Первый министр остался на берегу, второй министр вошел в реку. Первый вернулся, спасая себя; второй утонул.

Император сказал главному министру:

- Теперь вся надежда на тебя.

Главный министр был стар, поэтому его не послали раньше. Император сказал:

- Теперь иди ты, моя последняя надежда. Больше я ничего не смогу сделать.

Министр отправился в путь. Он пошел, как второй министр, переодевшись нищим. Он притворялся, что пьет, но не пил. Он проявлял интерес к танцам проституток, но на самом деле не был заинтересован. Он играл, делал ставки, но внутри оставался осознанным и незатронутым, как цветок лотоса в воде. Он был там, но он не был там. Он вошел в реку, но остался на берегу. Он пошел спасти тонущего, но не оставил берега.

Однажды он вернулся во дворец с принцем.

Хассидские мистики говорят, что это качество Мастера. Если мастер стоит слишком далеко от тебя, он не сможет тебя спасти, хотя сможет спасти себя. Если мастер подходит слишком близко, когда ты тонешь, если он приходит тебе на помощь, есть риск - ты можешь утопить и его.

Только тот мастер может спасти, который рядом с тобой и в то же время далеко. Он будет по видимости близко, но на самом деле никогда не подойдет близко. Мастер такого качества всегда будет оставаться на берегу, но в то же время и войдет в реку. Одной рукой он тебя спасает, другая никогда не отпускает берега. В одном смысле он будет точно таким же, как ты, в другом - совершенно не таким; он будет казаться обычным человеческим существом, однако в то же время - божественным. Снаружи он будет тебе другом, внутри он будет в состоянии, которого ты однажды достигнешь. Внутри он никогда не потеряет центра, но снаружи сможет показать, что он точно такой же, как ты.

Именно поэтому так трудно узнать Мастера.

Ты сможешь узнать тех, кто стоит на берегу, но они не смогут тебя спасти. Ты узнаешь, что они мастера, но расстояние между ними и тобой будет огромным - как ты к ним приблизишься? Может быть, они, сидя на золотых тронах и дыша небесными ветрами, очень святы, пьяны благоуханием неопишуемых цветов, но далеки от тебя. Самое большее, они спасут самих себя.

Но я говорю, что если человек, который спас себя, не может спасти и тебя, тогда сомнительно, чтобы он и сам себя спас. Сомнительно, чтобы тот, кто действительно стоит на берегу, боялся его потерять. Тот, кто достиг берега, не побоится его оставить; он знает, как вернуться. Он не боится потерять достигнутое. Человек боится потерять достигнутое, только когда у него на самом деле ничего нет, потому что если он это потеряет, то не сможет вернуть. Лишь тот, кто действительно спасся, может рискнуть. Но не думай, что, просто рискнув, кто-то может тебя спасти - потому что рискуют даже идиоты. Часто бывает...

Однажды это случилось прямо передо мной.

Я сидел на берегу реки, и кто-то сидел рядом со мной. Я не знал этого человека. Внезапно кто-то стал тонуть. Я побежал к нему, и другой человек тоже побежал и прыгнул раньше меня. Увидев, что он прыгает, я остановился. Но тут я увидел, что и он стал тонуть. Он совершенно забыл, что сам не умеет плавать!

Когда кто-то тонет, ситуация случается так внезапно и стремление спасти тонущего возникает с такой силой, что ты можешь забыть, что сам не умеешь плавать.

Это удвоило мои трудности: теперь мне пришлось вытаскивать из реки двоих. Я сказал ему:

- Господин, было бы лучше, если бы вы не прыгали!

- Я совершенно забыл! - сказал он.

Благородный человек, добрый сердцем, с огромным желанием спасти человека... но для спасения недостаточно одного желания - ты должен знать также искусство спасения. Желание спасти может быть таким сильным, что ты забудешь, что сам не научился плавать. Тогда вместо того, чтобы спасти человека, ты сам утонешь - человек, которого ты пытаешься спасти, утопит тебя.

Дураки тоже рискуют. Часто они рискуют немедленно. Мудрый человек рискнет, только все обдумав, идиот просто прыгнет. Когда мудрый колеблется, дурак бросается в воду. Но что получится из одного риска? - сам по себе риск никого не спасет. Риск нужен, но одного риска недостаточно. Спасение совершенно не рискованно для того, кто знает, и все же тебе это покажется рискованным. Тот, кто нашел берег осознанности, не потеряет его в самых глубоких водах.

Третий министр спас сына. Он играл, но только на периферии. Он стал игроком, но это была просто актерская игра. Внутри это было только представление, он оставался осознанным. Он притворялся, что пьет алкоголь, но никогда не пьянел. У кого в кабаке достаточно осознанности, чтобы обращать внимание на то, что ты не пьян? Даже если бы он на самом деле пил воду, держа перед собой винную бутылку, заметили бы это пьяные? А если бы заметили, действительно ли они были бы пьяными? Проститутки танцевали, и все умы были сосредоточены на них, но его ум оставался при нем.

Человек, стоящий на берегу реки, затронутый и незатронутый, спасает тонущих. Сахаджо нашла такого мастера - Чарандаса.

Чарандас был очень простым человеком. Он был настолько прост, что обычный человек не смог бы заметить разницы между ним и собой. Он был абсолютно обычным. И помни, когда ты встречаешь кого-то, кто необычен и в то же время обычен, только тогда ты можешь быть спасен.

Ты должен знать, что только тогда есть кто-то, кто рядом, но в то же время далеко; иногда он так на тебя похож, что ты недоумеваешь, в чем же разница между вами: "Возможно ли, что этот человек не тонет, как и я?" Человеку, который приходит тебя спасти, придется подойти близко, войти в глубину реки, где находишься ты. Но тонущий человек может подумать, что подошедший к нему тоже тонет.

Тонущий человек размахивает руками и ногами, и то же самое делает плывущий. Что такое плавание? Ты просто выбрасываешь руки и ноги систематическим образом. Тонущий человек поднимает вокруг себя брызги; то же самое делает пловец. Тонущий может подумать, что плывущий тоже вот-вот утонет, но между ними есть огромная разница: тонущий человек машет руками и ногами из страха, а тот, кто пришел его спасти, делает то же самое из осознанности. Оба они поднимают вокруг себя тучи брызг, один в бессознательности, другой в осознанности. Спасает именно осознанность.

Чарандас был очень простым человеком. Он спас Сахаджо, и Сахаджо стала петь о нем песни. Она говорит: "Если возникнет необходимость, я отвергну Бога, но не смогу оставить своего мастера. Потому что Бог бросил меня в эту реку, а мастер спас, освободил меня: *я скорее покину Бога, чем оставлю своего мастера*".

Никто никогда не слышал о Чарандасе. Только благодаря песням Сахаджо о нем распространилась молва. У него было две ученицы, Сахаджо и Дайа. Они были как два его глаза, как два его крыла. Обе они пели песни о Чарандасе; только так люди узнали о нем.

Вскоре мы поговорим о Дайе. Они так похожи - наверное, потому, что их спас один и тот же мастер. Обе несут прикосновение одного и того же мастера, в обеих бьется сердце одного и того же мастера. Их песни приходят из одного и того же источника. Поэтому я назвал эту серию бесед о Сахаджо *Бин нхан парат пхухар*, "Ливень без туч". Это слова Дайи. Когда я буду говорить о Дайе, эту серию бесед о Дайе я назову *Джагат тавайа ки*, "Мир подобен гаснущей утренней звезде" - как будто утренняя звезда гаснет на рассвете... таков мир. Их сердца бьются в одном ритме, поэтому для Сахаджо я выбрал слова Дайи, а для Дайи - слова Сахаджо.

Вот что случилось с Сахаджо: она была спасена, когда тонула в реке мира, - она пережила опыт утопающей и опыт спасенной. Она пережила опыт середины реки и опыт берега; она пережила отчаяние тонущей и радость спасенной. Она очень близка вашим сердцам. Половину, несомненно, вы поймете, потому что тоже тонете и знаете этот страх. И если вы поймете половину, тогда у вас откроются глаза и на вторую половину. Вы поймете и другую половину и тоже узнаете радость спасенных.

А теперь попытайтесь понять эти сутры.

Без двойственности нет вражды.

*Сахаджо говорит: без желания,
в состоянии удовлетворенности и чистоты
нет зависимости от другого.*

Три фазы: нет двойственности, нет вражды, нет желания. Пока ты живешь в двойственности, ты будешь тонуть. Считать другого "другим" - вот причина того, что ты тонешь. В тот день, когда ты узнаешь, что нет двойственности, что есть только одно, ты будешь спасен. Величайшая иллюзия - видеть другого как другого, величайшая революция - узнать себя в другом.

Человек, сидящий рядом с тобой, это не твой сосед, это ты. Форма может быть другой, но глубоко внутри бьется то же самое сердце. Глубоко внутри природа сознания одна и та же. Какова разница между тобой и другим человеком? Есть тысяча и одно различие, и если ты

будешь считать различия, то упустишь то, что одно и то же. Различий много, но за ними скрыто то, в чем нет различий. Если ты смотришь на различия, то увидишь мир, не Божественное. Если ты смотришь на того, кто за пределами всех различий, тогда мир исчезает и появляется Божественное.

Увидеть единство в многообразии - значит прибыть в храм Божественного.

Есть деревья, есть скалы и горы, и все они кажутся такими разными. Но одно у них одинаково: горы существуют, и ты существуешь - факт вашего существования один и тот же. Цветы цветут, и ты тоже иногда цветешь; цветы увядают, и ты тоже иногда увядаешь; поток течет к океану с песней и танцем, и ты иногда танцуешь и поешь. Иногда поток становится очень грустным, как будто он никуда не течет, почти останавливается... то же самое иногда бывает и с тобой, когда ты становишься печален и кажется, что ты никуда не идешь, как будто твоя жизнь потерялась в пустыне.

Когда ты видишь что-то в жизни, ищи недвойственность. Тогда постепенно ты найдешь, что различий много, но они только на поверхности; внутри единство. В двойственности человек теряется, в единстве он спасен. Единство - это берег реки, двойственность - стремительное течение. Даже если ты заглянешь в своего врага, ты найдешь, что в чем-то вы едины - может быть, в вашей враждебности, может быть, в противостоянии, но в чем-то вы похожи. И когда ты узнаешь это единство, враг будет на поверхности врагом, но внутри будет дружба.

Ты, и без врага? Ты будешь чувствовать себя неполным. Когда умирает враг, что-то умирает и у тебя внутри. Ты не останешься таким же, как был. Хотя ты тысячи раз думал о том, чтобы убить врага, когда враг действительно умирает, ты чувствуешь: "Боже мой! Какое-то место в моем сердце опустело". Враг занимал в тебе какое-то пространство, имел какое-то пространство в твоей жизни.

Когда видишь противостояние, ищи связующее звено; когда есть двое, ищи единство. Когда есть двойственность, ищи внутри одно течение. Рек много, океан один. Форм много, но бесформенное, скрытое в формах, одно. Пока ты видишь множество, знай, что ты в мире. Когда различия внезапно исчезают и тебе становится ясно видно одно, в это мгновение ты найдешь, что вошел в Божественное. Иногда этот опыт происходит внезапно, и хорошо было бы понять его.

Может быть, когда-то ты это чувствовал: внезапно, идя по дороге или сидя молча, один, ты чувствуешь, что мир выглядит как сон - как будто все бессмысленно, как будто на мгновение завеса откинута, облака рассеялись, и ты видишь солнце. Иногда, когда кто-то умирает и ты сидишь на кладбище, будто бы вуаль приподнялась с твоих глаз, и ты чувствуешь, что все это бессмысленно, тщетно, что все это иллюзия, сон. Вскоре ты вернешься в обычный мир, потому что это состояние очень пугающе. Тотчас же ты начинаешь думать, говорить, обсуждать - может быть, этот опыт, состояние, которое ты пережил, - и в твоей болтовне это чувство забывается. Психологи говорят, что иногда это происходит: продолжительность мыслительного процесса внезапно останавливается.

Когда ребенок рождается, у него нет языка. Постепенно он учится языку. Дети рождаются в молчании, у них нет языка - невозможно нарушить молчание. Когда ребенок впервые открывает глаза, он видит вещи не такими, как видишь ты - это дерево, это камень, это дом, это женщина, мужчина; он видит не так. Он не может видеть так, как ты, потому что не знает, что такое дом, а что такое дерево, зеленое дерево или красный цветок. Ребенок не знает названий красного и зеленого. Представь на мгновение... когда ребенок открывает глаза, как он видит вещи - ты не можешь этого даже представить.

Для ребенка все вещи слиты воедино, он видит их все вместе. Именно это мы говорим о детях. Ребенок понятия не имеет о различиях, он не знает и единства; он просто видит. Все вещи

- одно. Красное еще не красно, зеленое еще не зелено. Нет границ. Все вещи соединены воедино, слиты друг с другом.

Потом рождается язык. Язык создает различия. Тогда собака отличается от кошки, дом от дерева; начинается мир различий. Чем больше ребенок учится понимать, думать и пользоваться языком, тем больше возникает различий.

Ты называешь человека, который устанавливает тончайшие различия, великим мыслителем. Но существование не-двойственно; язык создал все эти различия. Именно поэтому все религии принимали важность молчания. В молчании ты начинаешь видеть без языка, без слоев мысли. Молчание просто означает видение существования без мыслей. Немедленно различия начинают исчезать, и возникает единство. Именно поэтому молчание - великая алхимия.

И тот, кто не познал молчания, ничего не знает. Называй это молчанием, называй это медитацией, называй это любовью - это одно и то же. Даже в любви происходит молчание, слова исчезают. Когда слова исчезают, происходит медитация. Если ты полон медитации, начинает течь любовь. Медитация и любовь - это две стороны одной монеты. Медитация означает, что ты стал молчаливым. Когда ты становишься молчаливым, ты находишь, что есть только единство, другого вообще нет. А когда ты находишь, что есть только единство, нет другого, начинает течь любовь. Ты мешал любви тем, что был "другим". Когда ты находишь только "я", пульсирующее в каждом сердце, "я", цветущее в деревьях, "я", сияющее в звездах и луне, как ты можешь не любить? Как ты можешь ненавидеть? Как могут существовать ненависть и вражда?

Поэтому Сахаджо говорит:

Без двойственности нет вражды.

Первое: нужно выйти за пределы двойственности. Пусть не будет "другого". Когда двух нет, враждебность исчезнет сама собой, и возникнет любовь. Тогда никто не враг - не осталось никого, кто мог бы быть врагом. Чтобы иметь врага, нужен по крайней мере *другой*, кто-то другой.

Без двойственности нет вражды... Может быть, никто другой не создал такой тонкой сутры об отсутствии вражды, как Сахаджо.

Она говорит: сначала будь без двойственности: пусть не будет двух, двойственности, различий. Тогда вражда исчезнет сама собой. *Без двойственности, нет вражды* - состояние "без вражды" возникает из состояния "без двойственности".

Сахаджо говорит: без желания...

Отсутствие желаний случается, когда нет вражды. Это очень ценная сутра. Когда нет двух, вражда отпадает сама собой. Ты просто без вражды. А когда не осталось двойственности, чего можно достигать? Как выживет желание? Достигающий ум всегда соревнуется с другим: "Другой достигнет большего, чем я, и я отстану" - именно поэтому возникает амбиция. "Тогда даже если мне придется отрубить кому-то голову, я должен достичь этого положения. Если я буду жалеть других, как я доберусь до вершины? Мне придется шагать по головам других. Мне придется использовать их, я должен бежать как сумасшедший".

В этом был весь секрет успеха Гитлера. В борьбе за власть участвовало много гораздо более разумных людей, но они потерпели поражение. Никто не мог даже представить, что Гитлер приобретет в Германии такое влияние. Рядом с ним в политике было много гораздо более разумных людей, но он оставил их всех позади. И единственная причина была в том, что никто

из них не был настолько безумен. Они все же были немного разумны, и это стало причиной их поражения.

Гитлер был абсолютно сумасшедший. Если ты соревнуешься с сумасшедшим, можешь не сомневаться, что не сможешь победить. Если сумасшедший не соревнуется, это другое дело; но если он соревнуется с тобой, твое поражение неизбежно. Не важно, сколько энергии ты вложишь в свои усилия, но ты не сможешь победить сумасшедшего.

Ты никогда не замечал, что в гневе ты можешь передвинуть даже очень большой камень? Без гнева ты не смог бы даже пошевелить его. Гнев делает тебя ненормальным, безумным. Сумасшедшие ломали цепи, которые не могли сломать даже великие борцы в нормальном состоянии. Сумасшедшие ломали их, потому что у сумасшедшего нет пределов - у сумасшедшего совсем нет осознанности.

Во Второй мировой войне Гитлер почти исполнил свое желание править всем миром. В чем же причина? Причина была очень необычной. Военные эксперты говорят, что такое явление, как Гитлер, никогда раньше не случалось в истории человечества. Военное командование Англии, Америки, России и Франции было в затруднении. Почему? - потому что это была война с сумасшедшим.

Когда управляют военные лидеры, понимающие военные стратегии, все ясно. Тогда все командующие согласились бы с тем, что Гитлер будет атаковать в определенном месте, потому что это их самая слабая точка, - но Гитлер там не атаковал. Люди готовились к атаке, потому что атакуют всегда самую слабую точку. Но Гитлер атаковал в тех местах, которые они считали самыми сильными и не устанавливали никакой дополнительной защиты. Генералы Гитлера говорили: "Что ты делаешь? Мы потерпим поражение!" Гитлер отвечал: "Заткнитесь! Я получаю инструкции от самого Бога!" Эти инструкции "бога" помогали ему побеждать пять лет!

Постепенно это стало огромной проблемой; невозможно было понять его логику. Это было все равно что играть в шахматы с сумасшедшим, который не следует никаким правилам, который двигает фигуры как попало. Он создаст трудности даже для самого хорошего игрока.

Гитлер сбивал их с толку пять лет. Вражеским генералам потребовалось пять лет, чтобы понять его мышление, - только тогда они стали побеждать. Они изучали его пять лет. Он показал, что все военные стратегии мира устарели. Он был абсолютно сумасшедшим. Он делал вещи, которые никто не мог даже вообразить. Он делал такие вещи, что никто не мог даже себе представить, что они могут принести победу.

Он назначил в советники нескольких астрологов и консультировался с ними, прежде чем направить атаку на запад или восток. Его генералы говорили: "Какое отношение имеет астрология к войне? Ты должен советоваться с нами!" Но он отдавал предпочтение этим астрологам.

Когда Англия обнаружила, что он начинает атаки согласно инструкциям астрологов, даже такой человек, как Черчилль, который вообще не верил в астрологию, назначил астролога. Что ему оставалось? Если хочешь сразиться с Гитлером, придется назначить астролога. Этот астролог сообщал Черчиллю, что предлагали Гитлеру его астрологи. Эту войну нельзя было вести только при помощи генералов.

Без двойственности нет вражды.

Сахаджо говорит: без желания...

Сумасшедшие обгоняют других - чтобы обогнать, нужен другой. Если другого нет, кого ты будешь обгонять? Чего тогда желать? Какие могут быть амбиции?

Основа в том, чтобы быть без двойственности. Затем из этого возникает состояние не-

враждебности. Затем из состояния не-враждебности возникает состояние отсутствия желаний. Тогда не с кем сражаться.

И когда ты знаешь, что нет двойственности, язык борьбы становится бессмысленным. Тогда есть только одно - тут становится важным язык самоотдачи. С кем тогда ты будешь сражаться? Когда ты исчезаешь, кого ты будешь завоевывать? И тогда поражение есть победа: "Если я - часть этого безграничного существования, нет причин бороться с ним. И человек должен просто течь с ним, сдаться ему".

Тогда ты не пытаешься плыть против течения, ты течешь с ним. И река берет тебя с собой. Рамакришна говорил: "Есть два способа пересечь реку. Ты можешь сесть в лодку и грести. Тогда тебе придется бороться с рекой, бороться с ветрами. Или ты можешь дождаться правильного момента, когда ветры дуют в нужном направлении и река готова тебя принять. Тогда поставь паруса, и ветры и река понесут тебя, станут твоими перевозчиками".

Человек, полный желаний, борется с перевозчиками. Человек, лишенный желаний, сдается воле существования. Теперь ветры существования несут его, он просто поднимает паруса. Куда бы существование ни несло его, это его цель.

Без двойственности нет вражды.

Сахаджо говорит: без желания...

Вот эти три вещи: будь без двойственности, будь без вражды, будь без желаний.

В состоянии удовлетворенности и чистоты...

Результатом этих трех состояний становится состояние удовлетворенности и чистоты.

В состоянии удовлетворенности и чистоты

нет зависимости от другого.

Нет другого, не может быть речи и о том, чтобы жаждать другого.

В состоянии удовлетворенности и чистоты... Удовлетворенность тоже бывает двух видов, поэтому Сахаджо добавляет к ней чистоту. *Видящие* должны произносить каждое слово очень осторожно, потому что эти слова говорятся *вам*.

Удовлетворенность может быть и нечистой. Ты скажешь: "Как удовлетворенность может быть нечистой?" Когда ты навязываешь себе удовлетворенность, это не чистая удовлетворенность. Ты потерпел поражение и, чтобы утешить свой ум, говоришь: "Ладно, никаких проблем. Случилось то, что должно было случиться. Может быть, Бог хочет, чтобы из этого получилось что-то хорошее. Может быть, это скрытое благословение". Это не удовлетворенность, это утешение.

Ты утешаешь себя таким образом, потому что жизнь уже так трудна, что если ты будешь постоянно неудовлетворен, то сгоришь. В каждой клетке твоего существа будет яд, тебя будет ранить эта боль. Поэтому ты должен себя утешить, сказав, что, может быть, из этого выйдет что-то хорошее: "Ладно, что случилось, то случилось. Что бы Бог ни делал, это правильно". Тебя ранят шипы "это неправильно", и теперь ты пытаешься покрыть их повязками, говоря "все правильно". Когда ты говоришь, что это замаскированное благословение, ты уже видишь несчастье и пытаешься навязать ему божественное происхождение.

Помни, если твоя удовлетворенность чиста, тогда ты не увидишь никакого несчастья. Ты увидишь благословение, и только благословение. Если удовлетворенность не чиста, вскоре ты

узнаешь несчастье, а чтобы перенести это несчастье, ты надеешься на благословение. Несчастье так велико, как ты можешь его вынести? Тебе нужно какое-то утешение, поэтому ты говоришь о кармах прошлого. Может быть, ты страдаешь от прошлых карм - но ты страдаешь. Ты знаешь, что страдаешь, и теперь пытаешься найти способ себя утешить. Дом разваливается со всех сторон, а ты пытаешься его подпереть - но это не здоровая ситуация для дома. Это похоже на басню Эзопа: если ты не можешь достать виноград, ты говоришь, что он зеленый. Кого ты обманываешь?

В этой стране ты найдешь много удовлетворенных людей такого вида, которые постоянно осуждают весь остальной мир. Они говорят: "Остальной мир нерелигиозен. Если хочешь научиться удовлетворенности, учись у нас. Индия очень удовлетворенная страна".

Я редко встречал действительно удовлетворенных людей. Твоя удовлетворенность ложна. Твоя удовлетворенность бессильна. Когда я говорю о "бессильной удовлетворенности", это значит, что ты не способен соревноваться, боишься бороться и прикрываешь это красивым названием удовлетворенности. Ты хочешь соревноваться, но хочешь, чтобы это делал за тебя кто-то другой. Ты тоже хочешь достичь трона, но хочешь, чтобы тебя поднял Бог и усадил на него. Тогда тебе ничего не придется делать, потому что в действии есть возможность поражения. Соревноваться ты боишься - если ты останешься позади, это ранит твое эго.

В мире есть два вида эгоистов - первые бегут как сумасшедшие, вторые стоят в стороне, притворяясь удовлетворенными людьми. Эгоист, который бежит как сумасшедший, отталкивает всех в сторону. Эгоист, который стоит в стороне, может ввести тебя в заблуждение; ты можешь подумать: "Какой он удовлетворенный! Он стоит в стороне". Но если ты заглянешь ему вовнутрь, ты найдешь, что он стоит в стороне, потому что боится потерпеть поражение в соревновании. Может быть, он больший эгоист, чем сумасшедший. Он вообще не соревнуется, потому что присоединиться к соревнованию значило бы, что его победа не гарантирована, что он тоже может быть побежден.

Люди приходят ко мне и говорят: "Мы хотим любить, но боимся подойти к другим, потому что боимся быть отвергнутыми. Другой может отвергнуть нас, и мы не можем предложить свою любовь". Это эго. Конечно, если ты предложишь свою любовь, будет и возможность быть отвергнутым. Другой свободен. Если ты хочешь любить, другой не обязан любить тебя.

Ты протягиваешь руку дружбы, но другой не обязан отвечать на твою дружбу. Ты можешь ему не понравиться! Часто бывает, что ты не нравишься тому, кого любишь. За этим скрывается великое эго, потому что никто не думает, что достоин любви. Поэтому когда кто-то тебя любит, ты говоришь: "Наверное, тот, кто меня любит, ничтожество". Ты не осознаешь своего достоинства. Веками тебя учили само-осуждению. Внутри ты чувствуешь такое осуждение к себе, ты так убежден, что не стоишь любви, что каждый, кто тебя любит, кажется сумасшедшим.

Есть американский комедийный актер, Граучо Маркс. Голливудский клуб, членами которого могут быть только величайшие актеры, директора и самые великие люди Голливуда - люди сходят с ума, чтобы стать членами этого клуба, но это под силу только президентам и губернаторам, - пригласил Граучо Маркса в него вступить. Он написал: "Я не могу принять членство в клубе, который готов принять меня в члены. Наверное, он меня не стоит, иначе почему он должен меня принимать? Я хочу быть членом клуба, который не хочет меня принимать!" Это эго.

Бернарду Шоу дали Нобелевскую премию, а он от нее отказался. Он сказал: "Теперь она ниже меня, она меня не стоит. Дайте ее кому-нибудь молодому, начинающему. Теперь я стал стариком. Момент упущен - может быть, я принял бы ее, если бы мне ее дали двадцать лет назад".

Джайпракаша много раз просили стать президентом Индии, но он говорил, что теперь это ниже его.

У эго столько незаурядных качеств! Люди думают, что Джайпракаш отрекся от всего и поэтому отказывается быть президентом, но поймите чувство, которое должно было двигать этим человеком. Он говорит: "Этот пост меня не достоин" - нет вопроса о том, чтобы отречься, - "этот пост совершенно меня недостоин!"

Часто люди, которых вы называете отрекшимися, большие эгоисты, чем вы сами. И часто те, кто стоит в стороне, изображая удовлетворенность, менее удовлетворены, чем вы. Но их внешнее поведение немного стоит, должна случиться внутренняя трансформация.

Сахаджо говорит: *в состоянии удовлетворенности и чистоты...* Это состояние удовлетворенности очень чисто. Если вы мне позволите, я хотел бы сказать, что, когда вы даже не знаете, что удовлетворены, только тогда это состояние чистой удовлетворенности. Пока ты знаешь, есть и неудовлетворенность. Пока знаешь, что удовлетворен, можешь не сомневаться, что не удовлетворен. Когда не знаешь, что удовлетворен - нет даже сознания удовлетворенности, - только тогда ты знаешь удовлетворенность.

... В состоянии удовлетворенности и чистоты нет зависимости от другого. Это очень тонко и сложно. Возможно, и эгоист ничего не попросит у другого - просто из-за своего эго; его эго не готово просить что-то у другого - не попросит и удовлетворенный человек. Снаружи они покажутся похожими, но они разные, как рай и ад. Удовлетворенный человек не смотрит на других, потому что для него больше нет других.

Без двойственности нет вражды.

*Сахаджо говорит: без желания,
в состоянии удовлетворенности и чистоты
нет зависимости от другого.*

"Другого" больше нет, естественно, нет и зависимости. Эгоист тоже не зависит, потому что он говорит: "Как я могу зависеть? Невозможно! Я ни перед кем не буду кланяться". Удовлетворенный человек не кланяется, потому что говорит: "Кому кланяться? Другого нет, какой смысл?" В этом не будет никакого смысла. Эгоист не будет кланяться, потому что не может просить. Лишенный эго человек не кланяется, потому что кланяться некому. Если я начну поклоняться собственному образу, это докажет, что я сумасшедший. Какой смысл кланяться моему собственному изображению в зеркале?

Эгоист не кланяется, лишенный эго человек не кланяется - но по совершенно разным причинам. Эгоист не кланяется по неправильной причине, у лишенного эго человека нет причин кланяться, совершенно никаких причин.

В состоянии удовлетворенности и чистоты нет зависимости от другого. Ты найдешь, что эта сутра применима во всех измерениях жизни. Религиозный человек не знает, что религиозен, нерелигиозный человек знает, что религиозен. Здоровый не знает, что здоров, только больной знает здоровье и болезнь. Разумный человек не знает, что разумен, об этом думает только глупый.

Когда ты что-то в себе замечаешь, знай, что где-то скрыто и противоположное качество, и оно по-прежнему пронзает тебя изнутри, как шип. Ты можешь закрыть его цветами - это другое дело, - но рана остается прежней. Она перевязана, но внутри скапливается гной. Когда рана совершенно исцелена, ты ничего о ней не знаешь - не знаешь, что есть рана, не знаешь, что она исцелена. Ее не стало, дело закончено.

Следующая сутра такая, какой вы не найдете, даже обыскав все Веды и Упанишады.

*Во сне она в пустом небе Божественного;
проснувшись, она вспоминает Божественное.
Что бы она ни сказала - это божественные слова.
Она практикует безжеланную преданность.*

Во сне она в пустом небе Божественного... Сахаджо говорит: "Теперь во сне я в пустоте, нет никаких снов. Теперь во сне я вхожу в пустоту".

Проснувшись, она вспоминает Божественное. "А когда просыпаюсь, то просыпаюсь, помня Божественное. Я сплю в пустоте, а просыпаюсь в наполненности". Есть только два состояния - пустота и наполненность.

Будда называет пустоту "нирваной". Шанкара называет "нирваной" наполненность, а Сахаджо объединила их вместе. Сахаджо стала мостом. Будда настаивает, что природа предельного существования - пустота. Сахаджо скажет, что Будда смотрел на существование безмятежными глазами и пережил существование как пустоту. Шанкара смотрел на существование не безмятежными глазами, не в состоянии глубокого сна, *сушупти*, но с открытыми глазами, пробужденный, активный: он пережил существование как наполненность.

Проснувшись, она вспоминает Божественное - то, что во сне было пустым небом, в пробуждении становится наполненностью. Существование едино. Мы в двух состояниях - сна и пробуждения: человек, который переживает существование во сне, находит, что это предельный покой, человек, переживающий его в пробуждении, находит, что это предельное блаженство. Во сне блаженство становится покоем; в пробуждении покой становится блаженством.

Будда сидел в молчании под деревом, под деревом Бодхи. Он пережил существование как пустоту. Чайтанья танцевал в существовании - "*хари бол, хари бол*" - Чайтанья танцевал; он увидел существование как пробуждение. Оба они пережили одно и то же, но в разных измерениях. Если ты переживаешь с закрытыми глазами, ты переживаешь существование как пустоту; если ты переживаешь с открытыми глазами, ты находишь, что эта безграничная игра существования есть наполненность.

Шанкара спорит с Буддой. В Шанкаре присутствует философ, он не исчез. После исчезновения его личность оставила следы, как в случае, когда сгорает веревка, но остается ее форма. Личность Шанкары - личность философа, мыслителя. Когда он достиг предельного знания, сохранился и стиль его мышления.

Личность Будды - тоже личность философа, и он тоже достиг предельного знания. Но мыслитель всегда удерживает какой-то аспект мысли, потому что невозможно размышлять без мысли. Поэтому Будда испытал Божественное как пустоту, а Шанкара - как наполненность. Сахаджо соединяет их - хорошо, что женщина примиряет ссорящихся мужчин!

Слова Сахаджо прекрасны.

*Во сне она в пустом небе Божественного;
проснувшись, она вспоминает Божественное.*

Она говорит, что и Будда прав, и Шанкара прав. "Я пережила существование с обеих сторон, я поняла, что оно не два. Два - это в реальности одно. Это две стороны. Если мы закрываем глаза, внутри пустота; если мы открываем глаза, отовсюду изливается наполненность".

Во сне она в пустом небе Божественного.

Проснувшись, она Божественное.

Можете практиковать это как медитацию. Если ты сознателен и осознаешь Божественное в пробуждении, во сне ты растворишься в пустом небе. Но если ты продолжаешь помнить и петь и во сне, ты не сможешь отдохнуть. Ты не сможешь отдохнуть сам и не дашь отдохнуть Богу!

Я слышал, что один человек умер. Он был великим священником и великим богословом. Проститутка, живущая в доме напротив него, тоже умерла. Когда ангелы смерти понесли богослова прочь, он сказал:

- Здесь какая-то ошибка - вы несете меня в ад, а эту проститутку - в рай. Здесь какая-то ошибка. Вы должны спросить еще раз.

Как настоящий педант, он был очень настойчив. Он заупрямился. Он сказал:

- Я с вами не согласен, сначала пойдите и переспросите.

Ангелы сказали:

- Никакой ошибки нет.

- Вы несете меня в ад, а между тем я повторял имя Бога днем и ночью, двадцать четыре часа в сутки: "Рама-Рама". А эта проститутка никогда не произносила имени Рама...

- Мы отведем тебя к Богу, можешь поспорить с ним.

Человека привели к Богу, и он сказал:

- За что такая несправедливость? - проститутку берут в рай! Значит, в раю такая же система, что и на земле. На земле у нее было какое-то положение, теперь у нее есть положение здесь. А я проигрываю во всем. Я умер, повторяя твое имя, и теперь я отправляюсь в ад? Я повторял твое имя всю жизнь. Ты знаешь, что я не забывал ни на мгновение.

Бог сказал:

- Именно поэтому ты отправишься в ад. Ни днем, ни ночью ты не давал мне покоя. Эта проститутка, может быть, не повторяла моего имени, это правда, но она не причиняла мне и никакого беспокойства. Ты мне осточертел. Ты постоянно меня беспокоил.

Не повторяй одно и то же двадцать четыре часа.

В жизни есть два берега, два берега реки жизни. Есть усилие, есть покой; есть пробуждение, есть сон. Именно поэтому веки открываются и закрываются. Именно поэтому дыхание входит и выходит. Именно поэтому есть рождение и смерть. Именно поэтому есть мужчины и женщины. В жизни два берега - и тот, кто умеет поддерживать равновесие, переживает свою истинную природу. Не держись за один берег. Если ты держишься за один из них, ты выбрал. Ты схватил одну половину, а вторую упустил - а эта вторая половина тоже божественна.

Ко мне приходят люди. Несколько лет назад ко мне привели одного джентльмена. Он был хорошим человеком. Плохие люди попадают в плохие проблемы, хорошие - в хорошие, но никто не может жить без проблем. То, что они хорошие, становится подпоркой для их эго.

Этого джентльмена привели ко мне. Я спросил, что случилось. Он был в очень плохом состоянии. С ним была его жена и его отец. Я спросил у них, что случилось, потому что сам он не мог даже говорить.

Они сказали, что, когда он начал читать книги Шивананды, он спал восемь часов, а теперь стал спать пять часов, потом четыре и три часа. "Теперь его ум стал ненормальным, и как бы мы ни пытались его убедить, он отвечает: "В любом случае человек должен выйти за пределы сна" и "просветленные вообще не спят". Он все время носит с собой эти книги. Сначала он решил отбросить сон, но стал постоянно хотеть спать и поговорил с другим гуру. Тот сказал

ему: "Если хочешь сократить сон, ты должен уменьшить и количество принимаемой пищи. Если много ешь, ты будешь целый день спать - ты переедаешь". И он стал есть меньше, теперь он только пьет молоко. Его тело высохло, он ослабел. Он не спит всю ночь. Он боится спать, потому что во сне ему снятся сны, а это грех: "Сны должны быть отброшены". Теперь он становится все более ненормальным. Он или никого не слушает, потому что много знает, или спорит и всегда выигрывает спор". Его жена заплакала; она сказала: "Теперь из-за этого моя семья разрушена. Освободи его как-нибудь от этого Шивананды!"

Я спросил его:

- Где твоя книга?

Он всегда носил с собой в сумке книгу. Я сказал:

- По крайней мере посмотри на фотографию Шивананды! Во всей Индии ты не найдешь более толстого человека - он весит больше, чем четыре Ма Тарус вместе взятые! Действительно ли ты переедаешь? От тебя остались одни кости, ты не можешь даже ходить. Когда ходит Шивананда, его должны поддерживать два человека, потому что сам он уже ходить не может. С помощью двух других людей он может ходить. Прочитав его книгу, ты должен был посмотреть на его фотографию, его фотография есть на всех книгах".

Но хорошие люди заражаются благородными болезнями, которые могут оказаться опаснее обычных, плохих.

Жизнь требует огромного равновесия. Я называю равновесие самодисциплиной. Под самодисциплиной я не подразумеваю отречение. Я подразумеваю равновесие между потаканием и отречением. Я подразумеваю, что жизни нужно придать естественную и легкую форму. Телу нужен отдых, телу нужна пища, нужна и работа. Спи ночью и бодрствуй днем.

Что должен делать религиозный человек? Во сне она в пустом небе Божественного; проснувшись, она вспоминает Божественное.

Когда ты просыпаешься, видь Божественное; когда спишь, падай в пустоту. Пусть это будет твоей духовной практикой: не забывай Божественное, пока бодрствуешь, и никого не вспоминай во сне, даже Бога, потому что, если ты вспоминаешь даже Бога, пустота не будет полной.

И когда ты начинаешь двигаться между пустотой и наполненностью, ты в состоянии опьянения осознанностью, не в бессознательности. Именно поэтому Сахаджо говорит: нога спотыкается, утрачен контроль... так и есть. Но... тогда о них заботится Божественное. Теперь не нужно заботиться о себе, существование заботится о том, кто достиг равновесия в жизни. Во сне она в пустом небе Божественного; проснувшись, она вспоминает Божественное.

Что бы она ни сказала - это божественные слова.

Что бы ты ни сказал, говори это так, словно называешь божественное имя. Говори только так. Говори только о Божественном, или не говори вообще. Ты можешь обойтись без разговоров, но если ты говоришь, пусть это будет о Божественном.

В Индии есть древняя традиция, и мы забыли ее смысл: даже если ты встречаешь на дороге незнакомца, ты говоришь "Рам Рам" и складываешь руки в намастэ. Это напоминание о Божественном в приветствии. Сейчас даже в ваших приветствиях есть мотив. Но в деревнях, если ты встречаешь кого-то на дороге, если даже этот человек тебя не знает, он скажет: "Джай Рам Джи" - да победит Рама, - Божественное у тебя внутри. Ты можешь подумать, что это чепуха. Ты не знаешь его и не имеешь к нему никакого отношения - это не важно, он приветствует тебя: "Джай Рам Джи".

Деревенский житель следует старому обычаю. Он не просто приветствует тебя, он вспоминает Божественное в этом приветствии. *Что бы она ни сказала - это божественные слова.* Ты оказался рядом и стал предлогом. Он воспользовался возможностью вспомнить Божественное.

Именно поэтому в мире нет другого такого приветствия, как приветствие индуистов. "Доброе утро" - это ничего, но так себе. Но "Джай Рам Джи" уникально. Зачем говорить об утре, если можно говорить о Божественном? - оно включает в себя утро! В "добром утре" нет упоминания о Божественном, во утро, несомненно, упоминается в *Джай Рам Джи*. Утро не всегда доброе, вечер не всегда добрый. Божественное всегда хорошо. Утра и вечера переменчивы: сегодня погода хорошая, завтра плохая. Божественное всегда хорошо. Если хочешь что-то вспомнить, вспомни Божественное.

*Что бы она ни сказала - это божественные слова.
Она практикует безжеланную преданность.*

И пусть твоя преданность будет лишеной желаний. Пусть в ней не будет ожиданий. Это критерий любви. В тот момент, когда ты что-то просишь, она становится желанием, она падает. Когда ты ничего не просишь, любовь становится преданностью, она поднимается высоко вверх. В тот момент, когда ты просишь, ты вешаешь любви на шею камень. Когда ты не просишь, у любви есть крылья, она может лететь в небо. *Она практикует безжеланную преданность.*

*Она навсегда утонула в любви,
опьяненная своей сущностью.
Сахаджо говорит: она видит, не различая.
Никто не нищий, никто не король.*

Сахаджо говорит: "Таким стало мое состояние - чистая удовлетворенность, окружающая меня внутри и снаружи". Чистая удовлетворенность. И человек даже не сознает этой удовлетворенности. Не остается ни ожиданий, ни зависимости от другого. Теперь нет "другого", какие могут быть ожидания? Не осталось ничего, чего можно было бы достигать, потому что все едино. Некуда идти, не осталось будущего, настоящее мгновение само по себе полно. Человек спит в пустом небе Божественного, ходит в Божественном; что бы он ни говорил, это Божественно. Когда он не говорит, это молчаливая преданность, молчаливая и ничего не требующая. Когда не о чем просить, какой смысл говорить?

Поэтому, что бы человек ни говорил, он говорит о Божественном. Даже когда он не говорит, он тонет в преданности, в любви.

Она навсегда утонула в любви...

Теперь двадцать четыре часа в сутки ее орошает любовь.

... опьяненная своей сущностью.

Сердце удовлетворено, не осталось ничего несбывшегося. Человек полон самим собой, потому что Божественное не отдельно, это наш собственный образ. *Опьяненная своей сущностью...*

Сахаджо говорит: она видит, не различая...

Теперь человек становится неразличающим. Когда есть удовлетворенность, человек не различает. Когда есть равновесие между пустотой и наполненностью, нет различий.

Сахаджо говорит: она видит, не различая.

Никто не нищий, никто не король.

Теперь она не различает, никто не богат и не беден, не красив и не уродлив, не мужчина и не женщина; нет ни мира, ни освобождения. *Сахаджо говорит: она видит, не различая. Никто не нищий, никто не король.*

*Видящая одна, ей не нужно компании,
ее единственный компаньон - ее собственная сущность,
она живет в блаженстве пробуждения,
она пьет сок своей собственной природы.*

Видящая одна, ей не нужно компании... Если ты хочешь что-то практиковать, практикуй одиночество, оставайся один, потому что ты найдешь Божественное только в одиночестве. Пока ты ищешь другого, ты можешь найти многих, но не найдешь это. Пока ты ищешь другого, ты бежишь от самого себя.

Все поиски другого - это бегство от самого себя.

В одиночестве тебе становится не по себе. Ты говоришь: "Что сделать, куда пойти, с кем встретиться?" Ты ищешь друга, идешь в клуб, идешь в ресторан, идешь в кино, идешь в храм - но ищешь другого. Встречаясь с другим, ты можешь избежать самого себя, иначе с самим собой тебе станет не по себе. Ты сам себе скучен. Ты не можешь себя терпеть. Ты себя беспокоишь. Поэтому ты ищешь жену, мужа, рождаешь детей - продолжаешь увеличивать толпу и теряешься в ней.

Люди приходят ко мне. Если они одни, они печальны и говорят: "Мы одни". Если они в семье, они печальны и жалуются: "У нас семья". Чтобы избежать одиночества, они ищут толпу, но толпа беспокоит. Они говорят: "Нас давят, мы умираем от бессмысленности всего этого. Мы несем груз, мы стали выючными животными. Теперь мы должны заботиться о жене и детях, давать им образование, женить. Мы в ловушке". Пока они не были в ловушке, они думали: "Что нам делать с собой? Что нам делать?" Они ничего не смогли придумать. Им стало скучно, когда они были одни, и они захотели что-то сделать.

Видящая одна, ей не нужно компании...

Видящий - это тот, кто ценит одиночество, кто пытается остаться в состоянии одиночества. *Видящий* - это тот, кто говорит: "Я останусь блаженным в одиночестве" и понемногу входит в свою природу. *Видящий* - это тот, кто продолжает копать глубже и глубже самого себя и тонет в глубине. Приходит момент, когда ты достигаешь центра: тогда больше не нужно быть с кем-то.

Но это не значит, что ты убегаешь в лес. Только человек, потерявший себя в толпе, убежит в лес, чтобы избежать самого себя. Теперь, чтобы избежать толпы, ты побежишь в лес. Ты снова почувствуешь себя одиноко и снова убежишь.

Несколько дней назад ко мне пришли молодой человек и молодая женщина с Запада. Они

женаты. Когда они пришли два года назад, они не были женаты. Они пришли ко мне, сказали, что хотят пожениться, и попросили моих благословений. Я сказал им: "Не спешите, побудьте друг с другом некоторое время, познакомьтесь друг с другом, тогда женитесь". Но они спешили. Обычно любовь - это как безумие. Они сказали: "Нет, мы всегда будем вместе. Зачем ждать? Зачем оставлять это на завтра?" Они поженились, и через два года друг другу надоели. Теперь они снова здесь; теперь они говорят: "Пожалуйста, освободи нас от этого".

Я сказал им: "Вы меня не послушали, поспешили. На этот раз не торопитесь. Зачем торопиться расставаться? Сделайте одно - расстаньтесь на несколько месяцев". Я отправил мужа в Гоа. Он вернулся на следующей неделе, говоря, что ему одиноко и он не может жить без жены.

Я сказал: "Ты сделал ошибку раньше... и теперь, когда я вас разлучил..." Они снова прожили вместе три дня, и снова пришли ко мне, говоря, что не могут жить вместе!

Ты не можешь жить наедине с собой, не можешь жить и с другим. Тебе скучно с самим собой, и ты хватаешь другого, а когда ты хватаешься за другого, тебе становится скучно и с ним. Если тебе скучно даже с самим собой, как тебе не заскучать с другим? Подумай об этом - если ты не удовлетворен собой, как ты можешь быть удовлетворен другим? Если ты не можешь достаточно любить самого себя, чтобы оставаться наедине с собой, как ты сможешь любить другого достаточно, чтобы быть с ним?

Видящая одна, ей не нужно компании. Поэтому *видящий* - это тот, кто так утонул в любви, так утонул в естественности, так непринужден с самим собой, что ему не нужно другой компании.

Опьяненная своей сущностью... Тогда она сама себе друг. И интересно и таинственно то, что, если ты в компании человека, который сам себе компания, твоему счастью не будет конца. Если она дружит со своей собственной сущностью, она не будет искать твоего общества, но, если ты ее встретишь, она и не убежит от тебя. Она совершенно не заботится о тебе и не хочет ни быть с тобой, ни бросить тебя. Она остается в собственной радости. Если ты хочешь разделить эту радость, она поделится ею. Когда лампа зажжена и незажженная лампа подходит близко, будет ли зажженная лампа бояться, что, если она поделится пламенем, станет темно? Ты можешь зажечь тысячи ламп от одной, и пламя лампы останется прежним; оно не уменьшится, но зажжет тысячи ламп.

Человек, который научился быть с самим собой, - ее пламя зажжено. Теперь она не ищет другого. Если кто-то приходит - она счастлива, если никто не приходит - она счастлива. Она счастлива одна так же, как и на рыночной площади. Если кто-то хочет к ней подойти - она поделится своим пламенем. Передача пламени может случиться от лампы к лампе, и ее пламя не уменьшается. Она счастлива, потому что другой тоже стал пламенем, и света в мире стало больше. Пламя может быть разным, но свет один.

*Видящая одна, ей не нужно компании,
ее единственный компаньон - ее собственная сущность,
она живет в блаженстве пробуждения,
она пьет сок своей собственной природы.*

Единственное блаженство в мире - блаженство пробуждения. Это радость сознательности, радость пробуждения, радость свободы от бессознательного. Человек, который ищет, остается собой и пробуждается внутри себя. Она пробуждает себя, вытаскивает себя из бессознательности и выносит наружу скрытое пламя. Она стряхивает покрывавший ее пепел.

В блаженстве пробуждения... Тогда возникает сознание. Раскрывается внутренний глаз. Она начинает жить в предельном блаженстве.

*... в блаженстве пробуждения,
Она пьет сок своей собственной природы.*

Мудрец пьет соки своей собственной природы. Пока ты не пьян самим собой, твоя жажда не будет утолена.

Ни один колодец в мире не сможет утолить этой жажды. Ни один напиток в мире не может удовлетворить этой жажды, пока ты не пьешь от самого себя. Только выпив это вино, ты станешь свободным от всех поисков и всей жажды.

Однажды Иисус остановился у колодца. Женщина набирала из колодца воду, и он попросил у нее воды. Она сказала:

- Я принадлежу к низшей касте. Люди высших каст не пьют воду, которой я касалась. По твоей одежде я вижу, что ты принадлежишь к высшей касте.

- Если ты дашь мне воды из своего колодца, я обещаю, что дам тебе воды из своего, - сказал Иисус. - И я говорю, что я буду по-прежнему хотеть пить, выпив твоей воды, но, выпив моей воды, ты уже никогда не будешь испытывать жажды.

Жажда того, кто пьет воды своей собственной природы, утолена. И он становится способен утолить жажду других, потому что может передать то же самое Божественное безумие - блаженство питья самого себя.

Религия заразителна. Когда она возникает в человеке, если ты приближаешься к нему, если тыходишь в пределы досягаемости его вибраций,ходишь в окружающий его климат, ты тоже будешь пойман. Начнет возникать что-то и в тебе.

... В блаженстве пробуждения, она пьет сок своей собственной природы. Очень легко пить, очень легко утонуть в этой атмосфере, очень легко погрузиться в эти воды. Это естественно, с этим ничего не нужно делать. Это излияние без причины, ливень без облаков. Даже облаков нет, откуда прольется дождь? Небо чисто, нет облаков, но идет дождь - дождь без облаков. Ничего не нужно делать внутри, не нужно искать никаких причин. Сахадж означает "без причины".

"Сахадж" - это очень ценное слово. Оно означает, что все происходит без действия. Просто иди вовнутрь... дождь без облаков. Нет никакой причины: ты достигаешь внутреннего, и жажда утолена. Нектар течет тебе в горло... *Она пьет сок своей собственной природы.*

*Мертвые несчастны, живые несчастны,
голодные несчастны, сытые несчастны.
Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна,
она нашла вечную радость.*

Сахаджо говорит: *Мертвые несчастны... те, кто умер, несчастны... Живые несчастны - те, кто жив, несчастны. Голодные несчастны... те, кто голоден, несчастны.. Сытые несчастны. Бедные несчастны, богатые несчастны. Успешные несчастны, неудачники несчастны. Кажется, несчастье в природе этого мира. Победишь ты или проиграешь, будешь жить или умрешь, ты получишь несчастье. Кажется, нет выхода из этого несчастья.*

*Мертвые несчастны, живые несчастны,
голодные несчастны, сытые несчастны.
Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна,
она нашла вечную радость.*

Почему только видящая блаженна?

Она нашла вечную радость.

Потому что она достигла внутреннего просветления, которое никогда не кончается.

Только тот чего-то достиг, кто счастлив без причины. Пойми это: если у твоего счастья есть причина, рано или поздно ты станешь несчастным, потому что твое счастье от чего-то зависит. Приходит друг, его не было много лет, и ты очень счастлив, тебе очень приятно. Какая причина у твоего счастья? Если бы ты видел друга вчера, был бы ты счастлив? Нет, ты счастлив потому, что друга не было много лет. Причина в том, что место оставалось пустым много лет, и вот он пришел и его занял, и ты счастлив. Но будешь ли ты по-прежнему счастлив через несколько дней? Потому что место больше не пусто. Ты был счастлив - пять лет ты не видел его, и место оставалось пустым - и вдруг он пришел, ты удовлетворен. Но через пять дней ты больше не пуст. Теперь ты думаешь: "Когда этот человек уйдет?"

Люди рады гостям, но они еще счастливее, когда те уходят. Причина в том, что ты уже раздумывал, как от них избавиться, а теперь они уходят сами, и проблемы больше нет. Когда ты голоден, тебя интересуется еда, но когда желудок наполнен, еда тебя больше не интересуется. Интерес был вызван голодом. Когда голод удовлетворен, интереса больше нет. Возникает сексуальное желание, и тебя интересуется мужчина или женщина - но когда желание удовлетворено, что тогда? Тогда интереса больше не будет. Именно поэтому людям скучно с женами и мужьями. А когда вы встретились впервые, ты говорил: "Жизнь без тебя бессмысленна. Ты для меня все, ты моя мечта, ты мой рай". Теперь муж убегает от жены, а жена убегает от мужа. Когда они подошли друг к другу близко, не произошло ничего, кроме борьбы и конфликта.

Почему это происходит? Все просто: ты не понял закон жизни. Был сексуальный голод, и он удовлетворен, точно так же, как на сытый желудок не хочется смотреть на еду. Когда желание удовлетворено, интерес к жене или мужу пропадает. Когда ты снова пуст, интерес возвращается. Когда для счастья есть причина, оно будет мгновенным, и вскоре ты снова будешь несчастен.

Когда есть причина, ты не хозяин своего счастья. Хозяин тот, кто держит в руках причину счастья.

Если муж счастлив, потому что жена исполняет его желания, внутри он будет несчастен, потому что жена становится хозяином. Когда она захочет сделать его несчастным, она не будет исполнять его желания; тогда он будет печален. Поэтому причина его счастья также всегда будет и причиной его несчастья. Если кто-то тебя хвалит и увенчивает тебя цветочной гирляндой, и ты счастлив; когда он обругает тебя, ты будешь несчастен. Осознавай, что, когда кто-то тебя хвалит, ты даешь ему власть. Если ты становишься счастливым, ты даешь ему в руки ключ: он может сделать тебя несчастным, когда пожелает. Если он не принесет гирлянду, тебе будет грустно; если он захочет, чтобы тебе стало еще хуже, он может тебя оскорбить, принеся гирлянду из тувель!

Когда есть причина, есть и зависимость. Тогда ты теряешь свободу, освобождение.

Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна... Только человек, причина счастья которого

находится у него внутри, счастлив; он не зависит снаружи ни от кого, он не кланится ни у кого свое счастье, он нашел колодец, где ему внутрь легко течет постоянный поток.

Твое счастье скрыто у тебя внутри. Пока ты ищешь его снаружи, ты будешь получать и счастье, и страдание. В конце концов ты найдешь, что получил немного счастья и много страдания. Ты получил много шипов и лишь изредка - цветы счастья. И, оглянувшись на свою жизнь, ты почувствуешь, что, кажется, не было смысла страдать от стольких шипов ради таких редких цветов. Кажется, все путешествие было пустой растратой. Ты только страдал от шипов, а цветы были просто надеждой. Надежда, что однажды ты получишь много цветов, была утешением, но ты получал только шипы. Что бы ты ни получил, это всегда были шипы, а надеялся ты всегда на цветы.

Мертвые несчастны, живые несчастны. Ты несчастен всю жизнь. Люди очень несчастны. Ты часто услышишь от людей, что они предпочли бы умереть.

Есть старая история:

Дровосек возвращался из леса. Он очень устал, состарился и устал от жизни - все время нося дрова, день за днем. Он часто думал, что лучше было бы умереть.

Однажды в нем возникло сильное чувство: "Что мне осталось в этой жизни? Я ничего не получаю, каждый день ношу дрова, прихожу домой, ем, сплю, утром снова просыпаюсь... Мои руки стали слабыми и дрожат, я хожу с трудом, глаза не видят, как следует, - какой смысл продолжать жить? Я ничего не нашел в жизни. Я ничего не получил, когда был молод; что я получу сейчас?"

Он подавил вздох и сказал:

- Смерть! Ты приходишь к каждому. Ты взяла тех, кто был до меня, ты берешь молодых - почему ты оставляешь меня здесь? Почему ты мучаешь меня? Возьми меня с собой. Приди сейчас!

Обычно Смерть никого не слушает, но в этот день что-то случилось - может быть, Смерть была где-то рядом - она пришла. Дровосеку стало так грустно, что он выронил связку дров, сел и сказал:

- Приди.

Смерть пришла! Когда Смерть оказалась прямо перед ним, ее увидели даже его слепые глаза. Он спросил:

- Кто ты?

- Ты звал меня. Я Смерть. Я пришла.

Он растерялся. Его сердце дрогнуло. Он подумал:

- Я звал от печали. На самом деле я не хотел, чтобы ты приходила.

Человек говорит это иногда в моменты слабости. Он встал и сказал:

- Да, я звал тебя. Я стар, и некому помочь мне поднять этот груз. Пожалуйста, помоги мне поднять мой груз. Спасибо!

Увидев Смерть, он снова поднял груз, который уронил.

Ты несчастен, пока живешь, ты часто думаешь о смерти, но, когда смерть приходит, ты дрожишь и не хочешь умирать.

*Мертвые несчастны, живые несчастны,
голодные несчастны, сытые несчастны.*

Ты можешь понять, что бедные несчастны - но несчастны и богатые. *Голодные несчастны,*

сытые несчастны. Ты можешь понять несчастье бедных, так все и есть, но несчастье богатого понять труднее. Почему он несчастен? Если бы у тебя было все, был бы ты несчастен?

Ты не понимаешь природы несчастья. Бедный несчастен, потому что он не удовлетворен. А богатый несчастен, потому что разрушены его надежды - и все же он не удовлетворен. Несчастье богатого глубже, чем несчастье бедного. Богатый более достоин жалости, потому что у бедного по крайней мере есть надежда. Надежда богатого умерла. Бедный думает: "Рано или поздно я построю небольшой дом, и тогда все будет в порядке". Он продолжает жить с этой надеждой, эта надежда тянет его дальше. Мир держится на надежде. Богатый строит дворец, и внезапно находит, что дворец закончен - что теперь? Все мечты, которые были у него о дворце, кажутся неосуществленными. Он потратил большую часть жизни, строя этот дворец, работал над ним днем и ночью, не отдыхал и не знал покоя. Теперь потраченного времени не вернешь, и ни одна мечта не сбылась.

Богатый человек достоин жалости. Не удивительно, что такие принцы, как Будда и Махавира, убежали и бросили все. Как может отречься бедный? - у него еще есть какая-то надежда. Богатому отречься легче, потому что его надежды разбиты, и кажется, ничего не стоит достигать, все стало тщетным. И помни, я не назову тебя богатым, пока все твои надежды не разбиты; до тех пор ты беден. Если у тебя осталась какая-то надежда, это значит, что ты по-прежнему беден. Вот мое определение бедного человека: это тот, у кого еще осталась надежда, кто говорит, если он что-то получит, все будет в порядке. Богатый человек - это тот, кто говорит: "У меня есть все, но ничто не сбылось. Теперь я в огромном страдании, в тоске. Что мне делать? Жизнь выскользывает у меня из рук, и то, что казалось важным вчера, сегодня кажется бессмысленным". Внезапно он заходит в тупик. Перед ним бездонная пропасть. Дальше дороги нет. У бедного человека впереди еще есть дорога. Он тоже однажды подойдет к бездонной пропасти, но пока он от нее далек. Он не может увидеть бездну; ему кажется, что он идет к какой-то цели.

В моем понимании, когда общество становится богатым, оно становится религиозным. Бедное общество не может быть религиозным, потому что религия рождается лишь тогда, когда все надежды на жизнь стали бессмысленными, когда жизнь кажется только пеплом. Лишь тогда ты поднимешь глаза к небесам и начнешь искать Божественное.

Индия была религиозной в прошлом, но то были золотые дни Индии - дни Махавиры и Будды, когда даже императоры бродили, как нищие. Теперь ситуация такова, что нищие Индии мечтают стать императорами. Именно поэтому Индия нерелигиозна. Теперь религия возможна только в такой стране, как Америка. Индийскому уму больно, что мы не религиозны, но что можно сделать с этой болью? Истина в том, что религия исчезла с Востока; сокровище Востока исчезло. В сегодняшней Америке есть и богатство, и беспокойство, потому что все достигнуто. Что теперь? Куда идти? Что делать?

Помните, бедный человек может стать религиозным - но для этого нужен огромный разум. Богатый человек может стать религиозным, даже если он идиот: по крайней мере, он может увидеть, что у него есть все и все это не имеет значения. Если бедный человек хочет быть религиозным, он должен иметь достаточно разума, чтобы увидеть тщетность даже тех вещей, которых он еще не достиг. У него должно быть глубокое и пронизательное восприятие. Я не говорю, что бедный человек не может быть религиозным, но для этого нужен очень острый разум. Богатый человек может стать религиозным, даже если он идиот. Бедному человеку нужен очень острый ум, способность видеть далеко вперед. Он должен сейчас увидеть тупик, пропасть - это трудно.

Голодные несчастны, сытые несчастны. Кто же тогда счастлив? Никто в мире не счастлив.

Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна...

Видящий - это тот, кто в мире, но не от мира; кто стоит на берегу реки и в то же время посреди течения; кто стоит одной ногой в мире, другой - в Божественном.

Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна. *Видящая*, которая стала просветленной, это очень, очень редкое явление. Не думайте, что *видящие* - это люди, сидящие в ваших храмах и мечетях. *Видящая* - это великая революция. Это самый таинственный опыт в этом мире. Она знает, что мир бессмыслен. Если она отрекается и убегает, это означает, что в мире по-прежнему остается что-то интересное - по крайней мере, от чего-то можно отречься. Куда может пойти *видящая*? Идти некуда. Весь мир стал для нее бессмысленным, и рыночная площадь, и храм. И она идет внутрь себя.

Снаружи некуда идти, не стоит даже идти с рыночной площади в храм - потому что храм - это тоже часть рыночной площади, а рыночная площадь - часть храма. Они взаимосвязаны, они уравнивают друг друга, они не отделены. Не-искатель бежит из храма на рыночную площадь и с рыночной площади в храм; так он проводит всю жизнь. Мудрец - это тот, кто увидел, что ничего нельзя найти снаружи.

Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна, она нашла вечную радость.

И теперь *видящая* нашла вечную радость, просветление. Она достигла источника. Этот источник утоляет всю жажду - она утолена. Она испытала радость сознания, в которой удовлетворен весь голод.

Я хотел бы повторить эти сутры:

Без двойственности нет вражды.

*Сахаджо говорит: без желания,
в состоянии удовлетворенности и чистоты
нет зависимости от другого.*

*Во сне она в пустом небе Божественного;
проснувшись, она вспоминает Божественное.*

Что бы она ни сказала - это божественные слова.

Она практикует безжеланную преданность.

*Она навсегда утонула в любви,
опьяненная своей сущностью.*

Сахаджо говорит: она видит, не различая.

Никто не нищий, никто не король.

*Видящая одна, ей не нужно компании,
ее единственный компаньон - ее собственная сущность,*

*она живет в блаженстве пробуждения,
она пьет сок своей собственной природы.*

*Мертвые несчастны, живые несчастны,
голодные несчастны, сытые несчастны.*

*Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна,
она нашла вечную радость.*

На сегодня хватит...

6. Безжеланная преданность

Первый вопрос:

Будда настаивает на абсолютной пустоте, а Шанкара настаивает на абсолютной наполненности. Оба приводят прекрасные логические аргументы в поддержку своих взглядов. Они познали истину, божественное; почему же они оспаривают друг друга и отстаивают каждый свое? А ты - ты поддерживаешь обоих одновременно! Почему?

Будда осознал Божественное в абсолютной пустоте, *Шунье*. Он может показать его другим только так, как сам узнал. Он может только провести тебя по пути, который прошел сам. Было бы опасно вести тебя по пути, которого он не знает; невозможно было бы указать путь. Дело не в том, что Будда не знает, что можно *достичь* и другим путем. Но даже сказать, что есть другой путь, ведущий туда же, - значит поколебать твоё доверие к *этому* пути. Они должны оспаривать пути друг друга, потому что ты уже в замешательстве. Ты в таком замешательстве, что не можешь принимать никаких решений; твоя болезнь - нерешительность.

Если бы Будда сказал, что ты можешь познать Божественное как в пустоте, так и в наполненности, как с запада, так и с востока, это добавило бы еще больше нерешительности к твоему состоянию замешательства.

Поэтому Будда подчеркивает, что ты можешь достичь только через полную пустоту. И если он не говорит, что ты не можешь достичь через абсолютную наполненность, *Пурну*, это просто значит, что ты *можешь* достичь через абсолютную пустоту. Он ничего не говорит об абсолютной наполненности. Он говорит своим слушателям: "Я не хотел бы добавлять к вашему замешательству еще и это. Вы и так сбились с пути".

Он подчеркивает, что его путь единственный, что другой путь неправилен, потому что, пока ты не убедишься, что другой путь неправилен, ты не будешь тотально на *этом* пути.

Именно поэтому просветленные часто отрицали многое, чего не хотели отрицать. Им приходилось это делать только из сострадания к невежественным. Но невежественный человек невежествен - он неправильно поймет даже сострадание.

Будда сказал, что ты можешь познать только через пустоту: чтобы это глубоко проникло в твое сердце, он сказал, что ты не сможешь познать через наполненность. Ты слышал, что не сможешь познать через наполненность, поэтому бесполезно пытаться достичь наполненности. А что касается познания Божественного через пустоту, если ты не можешь познать его через наполненность, как ты познаешь его через пустоту? Кажется, Будда невежествен, потому что он спорит, оспаривает, применяет логику. Кажется, Будда заблудился: он говорит, что только он прав, а все остальные неправы. Именно это слышат невежественные люди. То, что Будда говорит из сострадания, невежественные слышат из бессознательности. Вот очень древняя история:

Один крестьянин увидел, что мимо его дома бежит Иисус. Он спросил:

- Куда ты? Ты бежишь так, словно за тобой гонится лев или тигр, но кроме тебя никого нет. За тобой никто не гонится!

Но Иисус бежал так быстро, что не остановился даже для ответа. И человек побежал за ним. Вскоре он его догнал и сказал:

- Послушай, почему ты бежишь? Кто за тобой гонится? Чего ты боишься? Я тебя знаю - ты аромат земли! Кто причинит тебе вред? Ты дал глаза слепым, ты дал уши глухим. Я слышал, что ты делал птиц из земли и давал им жизнь, и они улетели в небо; ты звал мертвых из могил, и они оживали. Чего ты боишься? От кого ты бежишь? Разве то, что я слышал,

неправда?

- Ты слышал правду, - сказал Иисус. - Я тот, кто жестом может дать слепым зрение, дыханием - глухим слух, кто создает жизнь даже из грязи и превращает ее в птиц, которые летят в небо. Я тот, по зову которого мертвые воскресают. Но не останавливай меня! Отпусти меня!

- Если ты тот человек, почему ты убегаешь? От кого ты убегаешь?

- За мной гонится идиот. Я убегаю от него!

Крестьянин рассмеялся. Он сказал:

- Ты можешь давать глаза слепым, уши глухим, создавать жизнь из земли, воскрешать мертвых - тогда почему ты не можешь применить свои силы к этому идиоту?

- Это никогда не работает, - сказал Иисус. - Я испробовал все, но ничего не помогает. Это невозможно. Я делаю одно, а получается совсем другое. Я хочу получить одно, а результат выходит совсем другой.

Тогда крестьянин спросил:

- Скажи мне еще одно, и я не буду тебя останавливать: если ты добился успеха со слепым, с глухим - неужели идиот хуже слепого или глухого? Почему твои силы ему не помогают?

- Есть причина, - сказал Иисус. - Слепой хочет, чтобы его глаза были исцелены, и мои благословения помогают; глухой хочет, чтобы его уши были исцелены, и мертвый хочет быть живым; земля просит, чтобы ей дали жизнь. Что бы я ни делал, они помогают мне. А идиот думает, что уже все знает, поэтому он не готов выйти из своей глупости.

Не только Иисус убегает от идиотов - от них убегает и Будда, и Шанкара.

Будда сказал из своего великого сострадания, что ты сможешь познать истину только через пустоту. Но ты мог услышать это из эго и подумать, что Будда тоже эгоист: он говорит, что правилен только его путь, а все остальные неправильны.

Будда не говорит, что другие пути неправильны. Он просто говорит: "Те, кто понимает, знают, что я шел этим путем. Я узнал этим путем, и ты тоже можешь узнать. Но твой ум в таком замешательстве, что если я скажу, что ты можешь узнать обоими путями, то ты вообще никуда не пойдешь, ты останешься сидеть на перекрестке. Ты скажешь: "Сначала позволь мне решить, какой путь мой, тогда я пойду. Иначе я могу начать идти неправильным путем и заблудиться".

Будда объяснил, но ты не слушал. Через тысячу или тысячу пятьсот лет после Будды появился Шанкара. Будда сказал, что ты познаешь истину через пустоту, а Шанкара увидел, что очень немногие из тех, кто его слушал, познали истину. Он увидел, что многие, кто слушал Будду, не смогли его понять и не пережили истину. Напротив, они запутались в несущественных дискуссиях о пустоте, создали из нее "-изм". Они не жили жизнью пустого неба, о котором Сахаджо говорит: "Я сплю в пустом небе Божественного". Они не создали такой жизни, в которой человек спит в пустоте, просыпается в пустоте, движется в пустоте. Они стали нигилистами, они готовы были оспорить любого. В их жизнях не случилось никакой трансформации, но они стали очень искусны в том, чтобы оспаривать мысли всех остальных.

Было необходимо изменить этот поток: Шанкара сказал, что познать можно только через наполненность, что в пустоте ты потеряешься. И Шанкара сказал это с той же твердостью, что и Будда. Шанкара отрицает пустоту так же, как Будда отрицает наполненность. Шанкара сказал: "Пурна Брахман - предельная реальность есть наполненность, целое". Он сказал, что это единственный путь - но те, кто знает, говорят, что Шанкара был просто завуалированной формой Будды.

Те, кто знает, говорят, что Шанкара говорит то же самое, что говорил Будда; он только изменил слова. Если ты видишь определение наполненности Шанкары, ты удивишься - это то же

самое определение пустоты Будды. Что такое пустота? Бесформенное, без-свойственное, безначальное, бесконечное - вот определение, которое Будда дает пустоте. Что такое наполненность, *Брахман*? Бесформенное, без-свойственное, безначальное и бесконечное - вот определение, которое Шанкара дает наполненности. Изменено только название.

Слова были изменены еще потому, что на слове "пустота" скопилось много пыли и само слово стало грязным. Когда Будда использовал слово "пустота", это было в первый раз. До него часто использовали слово "наполненность", и оно потеряло свежесть. Его столько обсуждали, что в нем не осталось никакого смысла, никакой жизни, никакого зова, никакого приглашения - оно стало термином священных писаний.

Когда слово превращается в термин священных писаний, оно становится как скала, препятствие на пути духовного поиска; оно больше не может быть ступенью. О нем начинают размышлять богословы, и мудрецы его отбрасывают.

Поэтому Будда отбросил "наполненность" Вед и Упанишад. Те, кто знает, говорят, что ни один мудрец Упанишад не сравнится с Буддой, вся эссенция Упанишад заключена в Будде. Но он отбросил слово "наполненность", он отбросил слово "брахман" - и заменил его "пустотой". Он отбросил позитивное выражение и взял негативное. Он отверг позитивное и принял негативное. До него существование определяли как день; Будда определил его как ночь. Его определяли как свет, Будда определил его как тьму. Его определяли как жизнь, Будда определил его как смерть, *нирвану*.

Смерть и ночь так же экзистенциальны, как свет и день.

Старый способ выражения истины уже исчерпал себя; теперь он стал только дымом в воздухе - остались лишь слова и аргументы. Понадобилось какое-то новое выражение. Существование искало новые слова, которые могли бы затронуть сердца тех, кто еще не испорчен богословами, слова, которые могли бы позвать невинных, чистых и естественных. Будда изобрел слово "пустота", *шунья*; это важное слово.

Подумай немного... Будда и Махавира родились в одно и то же время, но влияние Будды распространилось всюду. Этого не случилось с Махавирой. Учение Будды распространилось по всему миру, его волны достигли самых дальних уголков земли. Учение Махавиры осталось ограниченным маленькой территорией, оно могло распространиться только среди немногих - хотя оба были гениями. У обоих был один и тот же опыт, никто из них не был ниже другого - почему же не распространились учения Махавиры?

Есть причина: Махавира использовал старые, устаревшие слова. Он описывал существование старым словом *атма*, душа. Будда сказал: *анатма*, не-существо, не-душа. Это вызвало правильный резонанс. Махавира сказал: "Познать атму - душу, существо - значит познать истину. Это просветление". Будда сказал: "Душа? Существо? Это невежество. Не-существо, не-душа - стать пустым, исчезнуть - значит познать истину, быть просветленным".

Они были современниками, но Будда дал новое измерение, новый смысл определению существования; он внес новизну, и это сработало. Это коснулось невинных сердец.

Учение Махавиры было заблокировано богословами и умерло. Люди сказали: "Ладно, это то же самое, что всегда все говорили". Но над словами Будды им пришлось задуматься.

К моменту появления Шанкары со времен Будды прошло пятнадцать веков, и он оброс безграничной сетью писаний, далеко превосходящей Упанишад и Веды. Вокруг Будды возникло столько философских точек зрения, как никогда раньше в человеческой истории. Было написано множество священных писаний, и говорят, что количество буддистских писаний больше всех остальных писаний всех религий вместе взятых. Проводилось столько исследований, что за пятнадцать веков они стали почти наводнением.

Часто бывает, что, когда истину выражают по-новому, вокруг нее возникает целое

наводнение. Люди были за и против, были друзья и враги, были те, чьи старые писания были уничтожены, и были те, кто писал новые.

Старые слова были уничтожены, родились новые; пятнадцать веков продолжалось множество логических заключений и отрицаний. Ко времени прихода Шанкары буддистское влияние чувствовалось повсюду.

Но писания Будды постигла та же участь, что и Упанишады и Веды. Писания Будды умерли, стали проторёнными тропами. Они стали простой ученостью, которая могла быть только предметом обсуждения в университетах. Теперь в них не осталось жизни, они не были полезны искателям, не говоря уже о пробужденных. Важным стал только интеллектуальный анализ.

Тогда Шанкара снова изменил направление наводнения. Шанкара сказал, что истина не абсолютная пустота, но абсолютная наполненность, *брахман*.

Через пятнадцать веков слово "наполненность" приобрело новую свежесть, Упанишады вернулись к жизни, и Веды снова были извлечены на свет. Шанкара восстановил уничтоженное Буддой.

И вас удивит то, что они делали одну и ту же работу. Ни Будда не уничтожал Упанишады, ни Шанкара их не спасал. Будда спасает саму эссенцию, и Шанкара делает то же самое. Они уничтожают только внешнюю оболочку, потому что она всегда со временем становится грязной.

Точно так же, если ты попробуешь надеть на ребенка новую одежду, он не захочет расставаться со старой. Он скажет: "Я к ней привязан. Мне очень нравится эта рубашка, я не хочу новую". Но ты знаешь, что она запачкалась: "Она стала старой, на ней дырки - снимай ее". Ребенок думает, что, может быть, ты хочешь, чтобы он ходил голым. Как он может ходить голый в жару и холод? Зачем тебе его одежда? Он ее любит, он за нее держится. Но когда ты меняешь одежду, он доволен новой. Меняется его походка, он ходит радостно - но через год происходит то же самое. Одежда становится старой, и снова приходит время ее менять.

Пробужденные не против кого-то - и не могут быть против, - потому что в пробуждении они переживают абсолютное единство. Поэтому ни Шанкара не против Будды, ни Будда не против Шанкары. Оба они говорят одно и то же, различаются только выражения.

И я говорю, что поддерживаю обоих. Это правда. Об этом стоило спросить, вопрос важный. Даже теперь различия между ними не стали бессмысленными. Теперь прошло двадцать пять веков со времен Будды и тысяча лет со времен Шанкары: различия между ними утратили свежесть. Теперь их общение должно получить новый толчок. Теперь кто-то должен сказать, что различий нет, что оба они говорят одно и то же.

Поэтому я поддерживаю и пустоту, и наполненность. Это третий способ выражения, но содержание - то же самое. Я говорю то же самое, что говорил Будда, я говорю то же самое, что говорил Шанкара, но разница в том, что я на двадцать пять столетий впереди.

Теперь истина примет новый смысл, новое выражение. Теперь ту же песню нужно петь в новой гармонии. Ту же самую мелодию нужно играть на другом инструменте.

Инструмент Шанкары устарел. Инструмент Будды устарел. Теперь, если ты говоришь о пустоте, это старо; если говорить о наполненности - это тоже старо. Только Божественное, *существование* всегда ново, потому что оно вечно. Вечное всегда ново. Теперь новая гармония... Поэтому я говорю, что пустота Шанкары или наполненность Будды, пустота Будды или наполненность Шанкары - это песня одного и того же вечного единства.

Поэтому меня привлекает Сахаджо. Она говорит:

*Во сне она в пустом небе Божественного;
проснувшись, она вспоминает Божественное.*

Ночь принадлежит Богу, день принадлежит Богу. Мы спим в Божественном, мы пробуждаемся в Божественном. Это темнота ночи, это свет дня - оба великолепны. Из страха частичный подход заставляет тебя говорить, что Бог подобен свету; это потому, что ты боишься темноты. Бог - это и темнота. А когда ты становишься молчаливым, ты находишь, что и у темноты есть своя слава. У темноты есть своя красота; с ней не может состязаться никакой свет. В темноте есть покой, в свете - радость; нет речи о сравнении. Пей свет и темноту, потому что оба божественны. Оба берега реки божественны. Не смотри на Ганг, ограниченный берегами. Увидь его поток свободным, неограниченным.

Поэтому я говорю, что и Шанкара, и Будда приведут тебя к другому берегу. Если ты позволишь лодке войти в реку с берега Будды, она достигнет другого берега. Если ты позволишь лодке войти в реку с берега Шанкары, ты достигнешь другого берега. Проснись немного - весь Ганг божествен. Мухаммед - это точка отсчета, как и Иисус, Заратустра. Ты можешь создать множество точек отсчета, потому что Ганг Божественного безграничен. Некоторые причалы очень благоустроены, некоторые просты, но все они направят тебя к другому берегу.

Сахаджо, Кабир, Даду - менее благоустроенные места, их причалы беднее. У них нет ни мрамора, ни драгоценных камней. Они не похожи на *Гхаты*, причалы Каши; это очень простые деревянные причалы - но, даже если твоя лодка отчалит от них, все же ты доберешься до другого берега.

Где бы ты ни отчалил, ты доберешься до другого берега, и даже если причала нет вообще, ты все равно его достигнешь. Если ты ищешь очень культурный причал, выбери Будду или Шанкару - они очень рафинированны, культурны, красивы. Страх поскользнуться будет меньше. Их причалы выложены камнем. Еще есть причал Сахаджо. Он не выложен камнем, там ты можешь поскользнуться, это простая грязь. Но другого рода радость - отчалить от неровных берегов.

В благоустроенных местах есть своего рода рутина: священники, гиды; слишком много шума и хаоса. На менее отстроенных причалах никого нет, ты один. Тыходишь в лодку, доверяя собственным рукам. Нет ни гида, ни советчика, никто не даст тебе компас. Есть и возможность заблудиться. Но трепет прибытия гораздо сильнее.

Я говорю, что весь Ганг божествен. Теперь это может стать новой песней. И попытайся понять, что я тоже говорю то же самое, что и Будда, что и Шанкара; нет ни малейшей разницы.

Все же в языке есть различия, потому что интересы людей меняются, пути понимания людей меняются, коллективный ум меняется - вот в чем причина.

Шанкара не оспаривает Будду. Как он может оспаривать Будду? - Шанкара всем существом его поддерживает. В глубочайшем центре Шанкара склоняется перед Буддой.

Как может Будда оспаривать Шанкару? Как может Будда оспаривать Веды или Упанишады? - хотя все богословы говорят, что он против Вед! Богослов слеп; не только слеп, но и глуп, потому что даже слепому можно вылечить глаза, но от глупости нет лекарств. Глупец - это тот, кто думает, что все знает, ничего на самом деле не зная. Он не готов избавиться от своей глупости.

Это единственная болезнь в мире - глупость, - в которой больной не только не хочет излечиться, но и защищает болезнь. Именно поэтому все болезни излечимы, кроме глупости. Иисус правильно сказал: "Я убегаю от идиота - не останавливай меня, а то он меня догонит!" Все чудеса бессильны, когда речь идет об идиоте.

Второй вопрос:

Путь Сахаджо - путь любви, преданности, самоотдачи и поклонения мастеру. Почему она все же настаивает на интроспекции, на том, чтобы идти вовнутрь, и на не-привязанности?

Это ударение совершенно правильно. Ты в затруднении, потому что думаешь обо всех этих вещах, но не переживаешь их. Из-за мышления ты во всем видишь противоречия. Эти противоречия создаются мышлением. В не-мысли нет противоречий.

Когда я говорю, что есть путь любви и путь медитации, ты видишь противоречия. Теперь если кто-то заговорит о медитации, ты скажешь, что он против любви. Если кто-то заговорит о любви, ты скажешь, что он против медитации. Сколько раз можно говорить: "любовь - это название того же опыта, который происходит в медитации"? Нет ни малейшей разницы между любовью и медитацией. Если и есть какая-то разница, то она в путях достижения медитации и любви.

Один человек пришел сюда пешком, другой приехал на велосипеде, кто-то приехал на машине, кто-то прибежал, кто-то пришел медленно; кто-то пришел один, кто-то - с кем-то другим. Но имеет ли значение, как ты пришел? Ты пришел сюда, ты здесь со мной. Когда ты здесь, все подробности того, как ты сюда попал - на велосипеде или пешком, один или с кем-то, - становятся неважными. Теперь не нужно больше об этом говорить. Теперь ты не скажешь, что не можешь сидеть рядом с этим человеком, потому что он пришел пешком. Теперь ты об этом забыл. Может быть, по пути у тебя были какие-то трудности, и, видя, что кто-то едет на велосипеде, тебе было немного завидно, потому что ты шел пешком. Видя, что кто-то едет мимо на машине, разбрызгивая грязь по дороге, ты немного рассердился, возникла некоторая вражда...

Я слышал:

Водитель остановил машину и спросил крестьянина:

- Куда ведет эта дорога?

- Спросите кого-нибудь другого! - ответил тот.

- А почему ты не можешь нам сказать?

- Мы ходим пешком, - ответил тот, - вы должны спросить кого-то, кто ездит на машине.

Почему мы должны вам что-то говорить? Мы ходим пешком. У нас разные пути: мы ходим, а вы ездите. Что у нас общего? Спросите кого-нибудь другого.

Может быть, по дороге тебе пришлось столкнуться с некоторыми трудностями, но когда ты прибыл на место, когда ты достиг цели, ни водитель машины больше не в машине, ни велосипедист больше не на велосипеде. Все они оставили свои транспортные средства у входа.

Медитация - это транспортное средство; медитация - это цель. Любовь - это транспортное средство; любовь - это цель.

Как средства, любовь и медитация отдельны, но они не отдельны как цель. Это и средства, и цели: с помощью их ты достигаешь их же. Поэтому всегда помни: когда я говорю о любви и медитации, я просто говорю о двух разных углах зрения. Иногда, обсуждая средство, я скажу, что они отличаются, - но говоря о цели, я скажу, что они одно и то же.

Ты говоришь: "Путь Сахаджо - путь любви, преданности, самоотдачи и поклонения мастеру. Почему она все же подчеркивает интроспекцию, не-привязанность и настаивает на внутреннем путешествии?" Потому что в этом нет противоречия. Если любовь становится тотальной, она выходит за пределы привязанности. Если не-привязанность становится тотальной, через нее обязательно течет постоянный поток любви.

Что значит быть не-привязанным? Быть не-привязанным значит, что человек поднялся над привязанностью. В чем смысл любви? - в том, чтобы подняться над сексом.

Сможешь ли ты заглянуть за пределы слов? Почему слова так загораживают твоё видение?

Смысл любви - свобода от привязанности. Не-привязанность имеет такой же смысл. Не-

привязанность - это слово медитирующего, преданность - это слово влюбленного. Это единственная трудность. Если ты спросишь Махавиру, он будет говорить о непривязанности; если ты спросишь Миру, Сахаджо, Дайю, Чайтанью, они будут говорить о любви, преданности - и тогда ты придешь в замешательство.

Самоотдача? Какая разница между самоотдачей и путешествием вовнутрь? Когда ты отдаешь себя, что ты отдаешь? Ты отдаешь экстраверсию - что еще ты можешь отдать? Что еще ты можешь предложить? Ты кладешь свое эго к ногам мастера, и то, что остается потом, это и есть твое существо. Твоей экстраверсии больше нет, ты ее оставил, отрекся. Тогда остается только внутреннее, и это и есть твое чистое существование.

Ты спрашиваешь о поклонении мастеру и путешествии вовнутрь. Мастер снаружи, но внешний мастер - это только средство привести тебя к внутреннему мастеру. Когда ты тотально отдаешь себя, кладешь себя к ногам мастера, - открыв глаза, ты найдешь, что внешний мастер исчез. Только потому, что ты смотрел наружу, мастер казался внешним. Внезапно ты находишь, что та же гармония играет у тебя внутри. Это не кто-то снаружи, кто-то говорит внутри.

Я слышал, в одну мечеть пришел факир. Может быть, он немного опоздал, люди уже расходились. И он сказал:

- Братья, собрание кончилось так быстро, куда вы торопитесь? Почему молитва кончилась так скоро? Вы могли бы молиться немного медленнее, молчаливее.

Один человек сказал:

- Ты не винишь себя за то, что пришел так поздно, но винишь нас. Пророк закончил молитву. (Эта история времен Мухаммеда.) - Пророк закончил молитву. Теперь почему мы должны оставаться в мечети?

Услышав, что молитва окончена, факир глубоко вздохнул, и ему на глаза навернулись слезы. Те, кто стоял рядом, увидели, что это не обычный вздох. Он тронул их, он казался глубже самой молитвы. Это был не только вздох, люди почувствовали в этом вздохе благоухание его жаждущего сердца. Будто бы поднялся дым, и появилось пламя. Один человек упал к его ногам и сказал:

- Брат, не печалься так. Если ты отдашь мне свой вздох, я дам тебе все молитвы, которые произнес. Не будь таким несчастным.

Договор был заключен. Факир отдал этому человеку вздох, а тот ему - свои молитвы. Ночью человек, получивший вздох, внезапно услышал во сне:

- Тебе повезло! Ты взял вздох, и нет молитвы более великой, чем этот вздох. Ты взял пламя жажды, и в конце это сверкающее пламя окажется предельным осуществлением. Ты принял его поиск, ты принял жажду его души - сегодня ты достиг царства небес. И существование так счастливо, что есть еще люди, готовые обменять свои молитвы на этот вздох. Ради этой радости молитвы каждого на земле сегодня будут исполнены.

Когда у тебя внутри возникает глубокая жажда Божественного, ты не найдешь Божественное снаружи: ты найдешь его скрытым в самой жажде. Сама жажда становится молитвой. Когда у тебя внутри возникает глубокий вздох, ты найдешь, что вся эссенция существования скрыта в самом этом вздохе.

Когда ты склоняешь голову перед мастером, что ты отдаешь? Ты отдаешь свое видение и привычку смотреть наружу - экстраверсию, эго. А когда ты встаешь, поклонившись - если ты действительно поклонился, - ты найдешь, что мастер исчез снаружи и оказался у тебя внутри. Теперь ты начнешь постоянно слышать внутри его голос, он станет твоей внутренней виной. Поэтому внешний мастер - это только инструмент, чтобы разбудить внутреннего. Если ты

сдаешься, внешний мастер становится внутренним.

Кто такой мастер? Мастер - это тот, в ком ты увидел проблеск собственной освещенной реальности. Мастер - это тот, кем ты жаждешь быть. Твое глубочайшее существо жаждет: таким ты должен быть. Это тот, в ком ты видишь проблеск, в ком ты слышишь внутреннюю мелодию. Ты услышал в его голосе то, что хотел сказать, но не мог. И ты нашел в волшебном прикосновении его рук то, каким тебе хотелось бы иметь прикосновение твоих рук. Ты посмотрел в глаза мастера и нашел то, что хотел бы иметь сам. Тот, в ком ты нашел самого себя, собственное предназначение, - это мастер.

Поэтому помни, твой мастер не обязательно мастер каждого. Мастер - это индивидуальный опыт. Не обязательно то, что подходит тебе, подойдет каждому. Кому-то подойдет пустота Будды, кому-то другому - наполненность Шанкары. Но одно определено: когда ты находишь мастера, который тебе подходит, в это самое мгновение ты с ним сольешься. Нельзя найти и мастера, и ученика. Пока есть двое, мастер еще не найден. Встретив мастера, ученик внезапно исчезает - и мастер найден внутри.

Если ты увидел мастера во мне, вскоре ты увидишь, что я говорю у тебя внутри. Хотя я говорю и снаружи, все же ты найдешь, что я говорю то, что не высказано у тебя внутри. Я пробуждаю то, что спит у тебя внутри. Ты внезапно почувствуешь, что мог найти это у себя внутри, но не мог найти способа искать. Я показал тебе то, что ты увидел бы сам, если бы твои глаза были ясны. Я не учу чему-то новому, я просто читаю тебе нечто такое, что ты забыл. Это единственная работа мастера.

Поэтому не спрашивай, почему Сахаджо говорит о поклонении мастеру, а потом начинает говорить о внутреннем путешествии. Если поклонение мастеру случилось, внутреннее путешествие началось, потому что на самом деле мастер внутри. Именно поэтому Индуисты пели: Мастер Брахма - творец. Мастер Вишну - хранитель. Мастер Махеша - разрушитель. Он вечен, он конец, он Божественное.

Поэтому Сахаджо говорит: *я могу оставить Бога, но не покинуть своего мастера* - потому что Бог был закрытой книгой, и именно мастер ее раскрыл. Бог был спрятан внутри, но кто разбудил бы ее, кто сообщил бы ей об этом?

Именно мастер будит тебя и заставляет осознавать. Мастер возвращает тебе самого себя. Именно поэтому это внутреннее путешествие.

Не запутывайся в таких словах, как преданность и медитация. Лучше вообще не путаться в словах. Человек должен проснуться от слов, человек должен испытать без-словное. Поэтому ты можешь использовать слова, но не делай из них цепи. И всегда помни, что в мире религии слова кажутся противоречивыми, но, фактически, они не противоречивы, но дополняют друг друга.

Если случается любовь, если случается преданность, будет достигнута медитация. Если случается медитация, будет достигнуто *самадхи*, сверх-сознательное состояние, затем - любовь и преданность. Это две стороны одной монеты.

Третий вопрос:

Вчера ты сказал, что если человек знает, что удовлетворен и счастлив, то он должен знать, что у него еще нет ни удовлетворенности, ни счастья. Сахаджо сама видящая; как же она может говорить, что только видящая блаженна?

Это нужно понять. Конечно, я сказал, что, если тебе кажется, что ты удовлетворен, знай, что в том или ином смысле у тебя внутри осталось какое-то страдание. Иначе как ты узнаешь, что удовлетворен, как осознаешь удовлетворенность? Для измерения необходима противоположность. Если на весах только одна чаша, как ты можешь взвешивать? Тебе

понадобится и другая чаша, обе стороны.

Поэтому, когда чувствуешь, что удовлетворен, можешь не сомневаться, что где-то внутри есть и неудовлетворенность. Когда случается предельная удовлетворенность, ты не знаешь, что неудовлетворен, и не знаешь, что удовлетворен. Да, если кто-то спрашивает, это другое дело, но ты этого не осознаешь. Если кто-то спросит: "Ты удовлетворен?", ты скажешь: "Конечно!" Если никто не спрашивает, идеи удовлетворенности не будет. Для нее нет причины, нет цели.

Но тогда возникает вопрос: "Сахаджо сама *видящая*; как же она может говорить, что только *видящая* блаженна?" Действительно ли Сахаджо *видящая*?

Но в словах Сахаджо есть тонкое отличие. Сахаджо не говорит: "Сахаджо говорит: я блаженна". Если бы она сказала так, это показывало бы, что по-прежнему остается страдание. Она просто дает определение, она ничего не говорит о себе. Она говорит: "Посмотри, солнце взошло, настало утро; смотри, поют птицы". Она ничего не говорит о себе, она констатирует факт.

Сахаджо говорит: лишь *видящая* блаженна - она просто говорит, что *видящий* блажен. И это то же самое определение блаженства, о котором говорю я, - ты даже не осознаешь его. Сахаджо только говорит, что *видящий* блажен; это только описание *видящего*. Она ничего не говорит о себе; она ничего не говорит и о ком-то другом. Есть только сведения о естественном законе - что *видящий* блажен, а все остальные живут в страдании.

Если кто-то страдает, знай, что он не *видящий*. И я говорю, что человек блажен, только когда он не осознает даже блаженства или страдания. Только тот, кто за пределами страдания и блаженства, действительно блажен. Только он *видящий*.

Несколько дней назад ко мне пришла одна женщина. Она сказала, что очень несчастна из-за своего мужа, он ей изменяет, у него нет характера.

Я сказал:

- Если у него нет характера, пусть он будет несчастным. Он несчастен из-за своей неверности. Но почему несчастна ты? Я никогда не видел, чтобы кто-то был несчастен из-за аморального поведения другого. Если ты несчастна, причина у тебя внутри. Его аморальность не может быть причиной твоего несчастья, его аморальность может быть причиной его несчастья. Но я знаю твоего мужа - он не несчастен. Может быть, он аморален, но не несчастен.

Если кто-то счастлив, даже будучи аморальным, тогда он, несомненно, добродетельнее тебя - если ты не счастлива, даже будучи моральной. Ты совершаешь чудо! Твой муж тоже совершает чудо - может быть, он аморален, но счастлив. Может быть, ты моральна, но несчастна. В твоей морали должно быть нечто аморальное, а в аморальности твоего мужа должна быть какая-то мораль. Иначе этого бы никогда не произошло.

Сделай это критерием: когда ты несчастна, знай, что с тобой что-то не так, потому что твое несчастье связано с неверными взглядами. Ты несчастна не из-за поведения мужа, ты несчастна из-за своих ожиданий, чтобы муж был моральным. Ты несчастна, потому что думаешь, что ты так моральна, и страдаешь от боли своей дисциплины и моральности, а твой муж наслаждается жизнью! Ты тоже хочешь наслаждаться. Внутри ты тоже хочешь делать то же самое, что и твой муж, но тебе не хватает храбрости.

Ты печальна из-за чего-то у тебя внутри. Если хочешь быть аморальной, будь аморальной, но по крайней мере не будь несчастной. Если хочешь быть счастливой, будь счастливой, но не носи бремя морали.

В моем понимании, если человек продолжает искать в жизни блаженства, он естественно

становится моральным - потому что блаженство не расцветет в аморальном поведении. Я не прошу вас быть моральными, я предлагаю вам быть блаженными. Вам веками приказывали быть моральными, но ничего не случилось, кроме того, что вы стали несчастными. Я предлагаю вам быть блаженными: блаженство - это мой критерии.

Вам всегда говорили, что если вы совершаете добродетельные поступки, то становитесь блаженными. Я говорю вам, что если вы блаженны, то становитесь добродетельными. Вам говорили, что если вы совершаете грехи, то будете несчастны; я говорю, что если ты несчастен, ты уже грешник.

Страдание есть грех, блаженство есть добродетель.

И когда человек начинает правильно видеть, определение Сахаджо становится понятным. Сахаджо ничего не говорит о себе. Если бы Сахаджо сказала это о себе, это не стоило бы усилий. Если бы она сказала: "Сахаджо говорит: я блаженна", было бы ясно, что эта женщина по-прежнему несчастна и скрывает это, воображает блаженство, утешает себя. Тогда она могла бы продолжать говорить о блаженстве, но ты увидел бы страдание у нее на лице. Но Сахаджо не говорит о себе.

Если ты понимаешь правильно, блаженный человек не говорит о себе, только несчастные говорят о себе. Ты тоже это знаешь. Если ты встречаешь печального человека, он продолжает жаловаться на свои страдания. Видел ли ты когда-нибудь человека, радующегося своему блаженству? Ты видел людей, плачущих о своих несчастьях, но никогда не видел никого, кто смеялся бы от блаженства. Зачем говорить о блаженстве?

Люди защищают блаженство. Кабир сказал: "Если ты нашел бриллиант, держи его в кармане". Если человек находит бриллиант, он кладет его в карман и уходит. Он не ходит всюду, сообщая толпе, что нашел бриллиант. И так же, когда кто-то достигает блаженства, он прячет его и уходит. Печальный человек кричит: "Я очень несчастен!" Несчастный человек плачет, потому что думает, что, может быть, если он выскажет страдание, оно уменьшится. Блаженный человек лелеет блаженство внутри, потому что, если его тщательно лелеять, оно продолжает расти.

Блаженство - это семя: спрячь его в глубине себя, на самом дне - оно прорастет, оно будет расти. Оно принесет великие плоды, оно расцветет великими цветами.

Если бы Сахаджо говорила: "Сахаджо говорит: я блаженна", я не стал бы говорить о Сахаджо. Это значило бы тратить силы впустую. Нет, она ничего не говорит о себе. Она только дает ясное, научное определение: *Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна* - по словам Сахаджо, видящая блаженна.

Если ты поймешь самый глубокий смысл, это значит: если ты блажен, ты *видящий*. Я дам свое определение блаженства: блаженство - это когда ты вообще этого не осознаешь - потому что осознавать можно только боль, ты никогда не осознаешь здоровье.

Когда у тебя болит голова, ты начинаешь ощущать голову. Когда голова не болит, помнишь ли ты, что у тебя есть голова? Если голова абсолютно здорова, ты вообще о ней не помнишь. Если есть некоторая тяжесть, бремя, боль, какое-то страдание, какое-то беспокойство, какая-то трудность, только тогда ты вспоминаешь о голове. "Голова" значит "головная боль". Головы нет нигде, кроме как в головной боли. У кого нет головной боли, нет и головы, совершенно никакой головы. Когда твое тело больно, ты знаешь о теле. Ты осознаешь дыхание, когда его что-то затрудняет. Иначе дыхание продолжается, зачем о нем беспокоиться? Чем более ты здоров, тем меньше ощущаешь тело.

И именно это я тебе говорю, это критерий и внутреннего мира: чем более ты осознаешь, что ты есть, тем более больна твоя душа. Знание "я" - это болезнь души. Когда ты просто существуешь без всякого знания о "я", твое существо здорово. Тогда ты вернулся домой.

Поэтому Будда прав, когда говорит, что души нет. Это определение здоровой души - *анатта*, не-душа. Говоря "душа", ты тем самым впускаешь болезнь. Он говорит, что "я" значит душа - когда ты осознаешь "я", есть какие-то проблемы. Когда нет абсолютно никакого сознания "я", остается лишь пустое небо, пустота.

Сахаджо говорит: лишь видящая блаженна.

Четвертый вопрос:

Сахаджо достигла недвойственности, и она говорит: "Она практикует безжеланную преданность". Вот мой вопрос: Почему бог и преданный отделены? Пожалуйста, объясни это.

Она практикует безжеланную преданность - преданность без желания. Преданность бывает двух видов: один - с желанием, другой без желания. "Желание" подразумевает, что есть некие требования. Быть без-желанным значит, что никаких требований нет. Быть без-желанным значит, что блаженство содержится внутри самой преданности.

Танец, песня, *киртан*, *бхаджан* - все это само по себе цель. Ты поешь, потому что петь радостно. Ты танцуешь, потому что танцевать радостно. Нет другой награды, кроме самого танца. После танца ты не ждешь: "Я танцевал так долго, теперь дай мне какую-то награду, и я пойду домой".

Танец преданного - это не танец профессионала - того, кто танцует, ожидая что-то получить. Танец преданного - это танец существования: не осталось ничего, о чем можно было бы просить. Танец - это предельная радость. Это благодарность.

Поэтому преданность без желаний сама по себе радостна. Преданность с желанием означает, что преданность - это средство к достижению какой-то цели: если она достигнута, будет достигнута и радость. У тебя нет сына, должен родиться сын. Ты хочешь выиграть судебное дело; у тебя нет денег, и ты хочешь денег; ты хочешь добиться власти, ты хочешь победить на выборах - что-то должно случиться. Во время выборов политики начинают искать мастера, чтобы получить чьи-то благословения. Они идут в храмы, они начинают читать мантры и молиться, они начинают ходить к предсказателям судеб. В Дели ни один политик не обходится без собственного предсказателя, чтобы тот говорил ему, победит ли он, какую мантру ему использовать, какой амулет надеть, откуда принести пепел, ног какого Саи-Бабы коснуться. Он хочет откуда-то получить какой-то совет. Но назовешь ли ты такую преданность преданностью? Это только название. Это профанация преданности. Это неправильно называть преданностью. *Сахаджо говорит: она практикует безжеланную преданность...*

Что бы она ни сказала - это божественные слова.

Она практикует безжеланную преданность.

Сами слова становятся напоминанием о Боге. Что бы ни было сказано, это имя Бога - о нем напоминает каждое слово. Даже если человек молчит, о нем напоминает и это. Говоришь ты или нет, теперь преданность стала твоим образом жизни. Это твое блаженство, празднование жизни.

Теперь ты должен понять свой вопрос: "Почему Бог и преданный отделены?"

Когда случилась преданность без желаний и Сахаджо слилась с Божественным, кому быть преданной? В преданности без желания все требования исчезают. Тогда нельзя даже сказать: "преданность кому?" В преданности без желания нет даже Бога - сама преданность есть Бог.

Преданность без желания не значит преданность Богу или поклон к ногам Бога. Преданность без желаний - это когда у тебя вообще нет желания. Тогда кто принимает и кто

дает? Тогда где преданный и где Бог? Из-за своих желаний ты был нищим, а кто-то был Богом. Когда само желание исчезло, где Бог и где преданный?

Преданный исчезает в тот же день, когда исчезает его желание. Тогда оба берега исчезают, и остается лишь текущий поток. Имя этого текущего потока - преданность.

Влюбленный исчезает, возлюбленный исчезает - остается лишь любовь. Медитирующий исчезает, объект медитации исчезает - остается лишь медитация. То, что ты называешь недвойственным, не значит, что остается только преданный или только Божественное. Оба они части двойственности - преданный и Божественное. Не остается ни преданного, ни Божественного. Между ними что-то происходит, это и есть преданность.

Она практикует безжеланную преданность. Если ты найдешь Сахаджо танцующей, не спрашивай: "Для какого Бога ты танцуешь?" Она скажет: "Сам танец есть Бог". Не спрашивай ее: "Почему ты танцуешь?" Она скажет: "Я исчезла, и остался только танец".

В танце Бог исчезает со своей стороны, танцующий - со своей. Теперь преданность лишена желаний. Пока существует "я", обязательно будет и какое-то желание. Когда "я" исчезает, исчезает и желание. И если желание тотально погашено, невозможно, чтобы осталось "я".

Вначале есть два вида преданности. Преданность с желаниями не стоит того, чтобы ее называли преданностью. Преданность без желаний состоит из двух шагов: первый, когда преданный не просит ничего, кроме Бога, - но это тоже желание. Преданный говорит: "Я не хочу ни денег, ни власти, ни престижа - я хочу только Тебя". Теперь желание стало совершенно очищенным. В этом желании не остается никакой нечистоты, но желание - это все еще желание.

Я слышал, что один император ушел на войну. Собираясь возвращаться, завоевав многие страны и скопив неизмеримые богатства, он послал вести домой. У него было сто жен, и он послал письмо, спрашивая, что прислать каждой из них - "Пусть каждая выразит свое желание".

Кто-то попросил драгоценности, кто-то еще что-то, кто-то еще что-то. У разных женщин были разные интересы. Но одна королева сказала: "Просто возвращайся. Я ничего не хочу, возвращайся поскорее".

Конечно, он привез другим королевам то, что они просили. Но эта королева стала ему очень дорога, потому что она ничего не просила. Она просила только его. Ее любовь была чище любви других, но все же она чего-то просила.

Если даже столько желания - просить Бога - осталось, преданный не исчезнет. Очень чистое пламя будет зажжено между ними, между Богом и преданным будет великая чистота, но оба сохранятся. Они не сольются тотально и не исчезнут.

Но когда преданный не просит даже этого, преданный знает, что ему не о чем просить, Божественное уже доступно. "Я просил его, и это было единственной ошибкой. Я не мог его найти, потому что просил, а он был здесь". В тот день, когда возникает благодарность, нет ни преданного, ни Бога. В тот день Божественное танцует внутри преданного. В тот день и преданный, и Бог исчезают в танце. *Что бы она ни сказала - это божественные слова.*

Кабир сказал: "*Утхун байтхун парикрама* - Каждое мое действие стало поклонением". Теперь я не хожу в храм, чтобы совершать ритуалы и поклоняться. Я сижу, я стою, и это само по себе поклонение. Таково последнее состояние. Оно за пределами всех состояний. Таково это состояние предельного блаженства.

Пятый вопрос:

Пожалуйста, объясни разницу между сексуально-ориентированной любовью и любовно-

ориентированным сексом...

Сексуально-ориентированная любовь - это нижняя ступенька лестницы, любовно-ориентированный секс - это высшая ступенька лестницы. Лестница одна и та же, но разница в направлении. Если ты кого-то любишь, потому что хочешь удовлетворить какое-то желание, похоть, тогда любовь только предлог, повод; она не настоящая. Ты сфокусирован на своем желании.

Рамакришна сказал, что стервятник летает в небе, но его глаза сфокусированы на помойке; его глаза ищут мертвую крысу в мусорной куче. Не думай, видя стервятника, что он летает очень высоко. Как бы высоко он ни летал, его внимание сосредоточено на будничном.

Сексуально-ориентированная любовь подобна стервятнику в небе - ее глаза ищут дохлую крысу. Она готовится схватить крысу, как только представится возможность.

Рамакришна сказал: Однажды я видел, как стервятник схватил крысу. На него набросились другие стервятники. Он пытался ускользнуть, но выхода не было. Он был ранен и устал; в борьбе он выронил крысу из клюва. Как только крыса упала, другие стервятники улетели и оставили его в покое. Они погнались за крысой, их не интересовал стервятник. Теперь стервятник мог отдохнуть на дереве.

Рамакришна сказал, что в такой же ситуации тот, кто отбросил страсть и отдыхает в любви. Тогда никто за ним не гонится, нет ни соревнования, ни борьбы.

Есть соревнование в желаниях, в любви соревнования нет. Когда ты начинаешь подниматься в любви, твое внимание привлекает не обиденное. Ступеньки те же самые, ты поднимаешься по ступенькам той же лестницы, ты идешь вверх. По тем же самым ступенькам другие идут вниз, но ступеньки одни и те же. Это тоже возможно.

Представь, что ты стоишь на третьей ступеньке лестницы, и другой человек тоже стоит на третьей ступеньке, но у вас разные направления, потому что другой человек идет вниз, а ты идешь вверх. Ты стоишь на той же ступеньке, разницы нет, но направления разные. И между вами огромная разница, потому что один из вас смотрит вверх. Для него секс трансформируется в любовь, любовь вырастет в сострадание. Ты вообще понятия не имеешь о сострадании. Твоя любовь - это только слово, она пытается стать сексом. Она движется вниз.

Секс топит любовь, любовь спасает секс.

И помни, любовь должна быть первым приоритетом в твоей жизни. Даже если появляется секс, он должен быть частью любви. В жизни даже в физической связи с кем-то она должна быть только отражением связи ваших душ, не менее.

Если есть связь душ, даже физическая связь становится священной - она следует как тень. Если физическая связь - это все в твоей жизни, а связь души - это только тень физических отношений, связь души тоже становится фальшивой. Она тоже становится грязной и святотатственной.

Помни, важно направление. В компании высшего даже низшее растет. В обществе низшего даже превосходство начинает деградировать. Всегда помни, что твое низшее должно быть поглощено кругом высшего, а не высшие качества должны быть поглощены низшими. Спектр высших качеств должен быть достаточно просторным, чтобы включить низшие.

Ты никогда не замечал, что, если дать бриллиантовое кольцо нищему, люди не будут смотреть на его кольцо, они подумают, что это кусок стекла? А если ты дашь богатому, императору, кольцо, инкрустированное куском стекла, тысячи людей подумают, что это, наверное, великий бриллиант, Кохинор. На пальце императора кусок стекла становится Кохинором, на пальце нищего даже Кохинор становится куском стекла.

Это так. С любовью секс становится Кохинором; с сексом любовь становится куском

стекла.

Ты должен осознать этот акцент, это направление. Что ты делаешь, не важно, но важен весь контекст. Качество каждого твоего действия - это результат главного качества твоей жизни. Что ты делаешь, не важно, важно, кто ты такой.

Есть старая суфийская история.

Император шел по лесу и заблудился. Когда он увидел человека, спящего под деревом, он обрадовался, подумав, что, может быть, тот укажет ему дорогу. Но, подойдя ближе, он увидел, что у того открыт рот - некоторые люди спят с открытым ртом - и в рот заползла змея. Император увидел хвост змеи. Он поднял хлыст и стал хлестать человека. Он внезапно проснулся - и ничего не мог понять! Он закричал: "Что ты делаешь? За что ты меня бьешь? Что плохого я сделал? Боже мой! Какой это злой человек. Он силен, он сильнее лошади, он так силен, что я не могу даже бороться с ним".

Император заставил его съесть гнилые фрукты, которые лежали на земле. Он не останавливался и изо всех сил хлестал человека хлыстом. Человек плакал и ел, фрукты были гнилые и воняли. Император хлестал его так сильно, что заставил съесть столько фруктов, что того стошнило, и он потерял сознание. Когда его стошнило, из него вывалилась змея.

Когда этот человек увидел змею, он понял, что произошло. Он поклонился императору и сказал:

- Из огромного сострадания ты исхлестал меня и заставил есть гнилые фрукты, пролил мою кровь. Это великая удача. Бог послал тебя в нужный момент, иначе я умер бы. Но я хочу сказать одно: если бы ты сказал, что я проглотил змею или что змея заползла в меня, я не стал бы ругать и проклинать тебя.

Император ответил:

- Если бы я тебе сказал, извлечь змею было бы невозможно. Ты умер бы от страха. Но от побоев ты не умер. Если бы я сказал тебе, что ты проглотил змею, я не смог бы тебя заставить есть фрукты; ты потерял бы сознание, и невозможно было бы тебя спасти. Поэтому я должен был заставить себя промолчать и вместо этого побить тебя. Меня заботило только, как сделать так, чтобы тебя стошнило. Мне пришлось перестать заботиться о тебе, потому что, если бы я сделал так, чтобы тебя стошнило, это выбросило бы из тебя змею.

Эта история лежит в основе суфийской поговорки. Может быть, ты слышал выражение, хотя никогда раньше не слышал этой истории.

Вот это выражение: "Лучше иметь разумного врага, чем глупого друга".

Разумный враг лучше глупого друга. Император был разумным. Он казался врагом, потому что повел себя насильственно, побил человека и пролил его кровь - но он был разумен. Даже его насилие принесло хорошие результаты. Если бы рядом оказался глупый друг, спящий бы умер. Настоящий вопрос не в дружбе или вражде, настоящий вопрос в разуме.

Я вам говорю, что в более широком контексте разумности даже вражда становится значительной, драгоценной, ценной. Если секс сопровождает любовь, секс может стать и средством, чтобы достичь сверх-сознательного. И если любовь следует за сексом, любовь, которая всегда поднимает тебя вверх, может стать и средством, чтобы заставить тебя двигаться вниз. Необходимо понять алхимию и законы жизни правильно, лишь тогда они могут трансформировать твою жизнь.

Что бы ты ни делал, всегда осознавай, как это впишется в более широкий контекст. Что ты делаешь, не важно, важен смысл этого действия в более широком контексте - где оно в конце

концов окончится, к чему оно придет и какими будут в конечном итоге его последствия? Это важно. Тогда много раз ты будешь делать вещи, которые другие считают неправильными, но ты знаешь, что они правильны, потому что они помогают тебе в путешествии, которое приведет тебя к высшему. Тогда человек даже яд может использовать как нектар. Тогда не важно, скажут ли другие, что это правильно или неправильно. Есть понимание, восприимчивость. Когда ты знаешь, что все, что ты делаешь, связано с высшим сознанием, страха нет.

Всегда действуй, имея в виду Бога, потому что нет более широкого контекста, чем Бог. "Бог" это наше слово, обозначающее самый широкий контекст. Даже если ты крадешь, осознавая Бога, ты будешь добродетелен. И даже если ты совершаешь добродетельное действие, чтобы подпитать свое эго, оно становится грехом. Не будь привязан к меньшему, не будь привязан к низшему. Низшее тебя топит, большее тебя спасает.

Поэтому я постоянно подчеркиваю, что если даже ты движешься в секс, помни, что твоя цель - *самадхи*. Естественно, эти слова привели к некоторым ужасным результатам. Люди не поняли их. Они подумали, что я учу людей сексу. Иисус убегал от таких людей, от людей с таким уровнем понимания.

Я просто предлагаю привнести будничное в высшее, - лодка достаточно велика, чтобы перевезти на другой берег и твое низшее, - и в конце концов обыденное тоже будет трансформировано. Это должно быть искусством жизни - в которой обыденное тоже может быть очищено и освящено. В жизни плохое можно тоже сделать хорошим, а зло и грех могут быть полезны. Ничего не нужно выбрасывать. Говорят, что настоящий скульптор не выбрасывает даже бесформенный камень, он использует и его. Все зависит от скульптора. И если ты не умеешь пользоваться тем, что у тебя есть, как ты будешь двигаться дальше? Тебе придется начать с той самой точки, где ты уже находишься.

Секс - это твое состояние, *самадхи* - это возможность. Если ты движешься шаг за шагом от секса к *самадхи*, лишь тогда ты сможешь достичь. Если ты думаешь, что не может быть моста между сексом и *самадхи*, как ты пересечешь реку? Конечно, между невежеством и мудростью должен быть мост, между обыденным и предельным должен быть мост. Иначе обыденное всегда оставалось бы обыденным, как ему тогда подняться к предельному? Конечно, должен быть мост между тобой и предельным.

Как бы далеко ни было Божественное от тебя, оно должно быть с тобой как-то связано. Именно это я говорю. И если связи нет, тогда жизнь тщетна. Как бы далеко ты ни был от Бога, тем или иным образом ты должен быть рядом с ним - иначе не было бы конца твоим блужданиям. Как тогда тебе вернуться домой? Даже если тебя соединяет одна-единственная нить, этого достаточно. Все, что я хочу сказать, это что нить *самадхи* присоединена к твоей сексуальности. Не фокусируй внимание на сексуальности, сфокусируй внимание на нити. Именно эта нить поднимет тебя вверх. Однажды ты найдешь, что секс исчез и расцвело *самадхи*.

Ищи любви даже в сексе. Даже в сексе придавай значение любви. Все, чему ты уделяешь внимание, получает питание. Внимание - это питание. Попытайся увидеть хорошее даже в плохом, и это хорошее поможет тебе двигаться к трансценденции. Есть огромная разница между сексуально-центрированной любовью и любовно-центрированным сексом. Слова одни и те же. В сексуально-центрированной любви есть три слова: секс, центр, любовь. Те же три слова - любовь, центр, секс, - но разница огромна. Одно создает мир, другое освобождает. Лестница одна и та же: спустись - и ты в мире, поднимись - и достигнуто предельное.

Последний вопрос:

Пророки, просветленные и преданные увидели предельное как разные формы или бесформенное и назвали это по-своему. Анам, "безымянное", и нетинети, "ни это, ни это",

тоже входят в число этих имен. Зависит ли разница в том, как они видят реальность, от различий в личности?

Нет разницы в том, что они видят, разница в том, как они это выражают. Да, то, что осознанно ими, одно и то же, но то, что они говорили, различно. Есть санскритская поговорка: "Видимое одно, но видящие выражают его по-разному". Просветленные видели одну и ту же реальность, но они высказали ее многими способами, потому что ее можно выразить многими способами. Но нет многих способов видеть, потому что, пока существуют системы видения, реальность увидеть нельзя.

Попытайся это понять: пока есть система видения, *видение* не происходит. Пока твой взгляд сфокусирован, пока у тебя есть образец видения - любого рода очки, - ты будешь придавать всему свой цвет и не увидишь того, что есть. Ты увидишь лишь то, что сможешь - или захочешь. Ты навяжешь себе это. Только если ты освободился от всех систем видения, случается настоящее *видение*, реализация, в которой нет конкретного способа видения. Это значит, что твои глаза становятся чистыми.

Когда ты больше не индуист и не мусульманин, не джайн и не христианин, не парс и не сикх; когда твои глаза пусты и ты стоишь обнаженный перед предельным, абсолютно чистый, пустой, ты можешь сказать: "У меня вообще нет точки зрения. Я только зеркало, отражающее тебя как есть. Я ничего не добавляю, я ничего не отнимаю - мне нечего отнять или прибавить. Меня больше нет. Теперь есть только ты, а я - зеркало".

В тот день, когда все фиксированные восприятия исчезают - это состояние Махавира наказывает *найей*, - в тот день, когда ты в состоянии чистой *найи*, чистого видения, происходит реализация. Реализация одна, но когда мы попытаемся высказать ее, появляются различия.

Пойми это так. Кто-то осознал предельное, кто-то познал истину, на него излилось предельное блаженство - ливень без облаков. Нектар стал изливаться, как говорить об этом? То, что случилось, так велико, так безгранично, что не может содержаться ни в чем. Это сердце очень мало... Океан прыгнул в каплю. Теперь возникла великая трудность: как это передать?

Мира выскажет это, танцуя, потому что ей легко танцевать, это в ее природе. Случилась радость, но Мира не скажет этого словами, она не мастер слов. Радость будет выражать каждая клетка ее тела - она будет танцевать. Мира танцевала с небольшими колокольчиками на щиколотках. Она не могла найти ничего другого, кроме как повязать на щиколотки колокольчики и начать танцевать, не было другого способа. Это было для нее легко, это было кульминацией всей ее жизни. Когда ее озарило блаженство, родился танец.

Будда не танцевал, это было не в его природе. Когда его озарило блаженство, он был в молчании, молчание низошло на него, и он не говорил семь дней. Говорят, что боги умоляли его. Сам Брахма пришел и коснулся его ног со словами:

- Пожалуйста, говори, потому что очень редко кто-то просыпается. Твои слова будут светильником для тех, кто блуждает во тьме. Твои слова будут для них средством проснуться ото сна. Пожалуйста, не оставайся в молчании.

Но Будда сказал:

- Мне не хочется говорить. Я могу выразить это блаженство только молчанием. В словах все будет испорчено. Я не смогу высказать это в словах. И я не уверен, что те, кто услышит меня, смогут понять. Если бы раньше кто-то сказал это мне, я бы не понял. Этого нельзя высказать! В этом состоянии человек может только оставаться в молчании. Кто готов понять, тот поймет даже мое молчание. А тот, кто не поймет, не поймет, даже если я заговорю.

Будда настаивал на том, чтобы хранить молчание. Он не хотел ни танцевать, ни говорить. Боги созвали великое совещание и решили, что каким-то образом Будду нужно убедить говорить. Они принесли Будде предложение, от которого он не смог отказаться, ему пришлось согласиться. Они сказали:

- Ты абсолютно прав: из ста человек, которые тебя услышат, девяносто девять не поймут. Но можешь ли ты сказать, что один человек поймет?

Будда сказал:

- Один, который поймет, рано или поздно поймет и без меня. А что касается тех, кто не сможет меня понять, как бы я ни пытался, это будет тщетно.

И боги сказали:

- Ты абсолютно прав! Но может оказаться человек между ними - который тысячи лет будет блуждать, не услышав тебя, а если услышит, достигает другого берега. Пожалуйста, говори ради этого одного. Природы Будды достигает один из миллионов, и, даже если это произойдет с одним человеком, этого достаточно.

И Будда стал говорить.

Слова Будды очень утонченны. Он никогда не говорил ничего нелогичного. Именно поэтому он вообще ничего не говорил о Боге. Он очень логичен; говорить о Боге нелогично. Если говорить о Боге, это создаст замешательство. И до сих пор, кто бы ни говорил о Боге, он должен был поставить одно условие. Как сказал Лао-цзы: "Истина, которая может быть высказана, не настоящая истина" - но ему пришлось ее высказать. Поэтому Будда говорит: "То, что нельзя сказать, не должно быть сказано. И не говори даже, что это не может быть сказано, потому что это тоже способ что-то сказать". Его утверждения очень утонченны. Слова Будды - чистейшие, но лишь те, кто вооружен ясным, острым разумом, смогут их понять.

Другие люди смогут понять Миру. Они уловят ее в ее танце. Кто-то еще поймет каким-то другим образом.

Когда Нанак стал просветленным, он стал петь со своим другом Марданой. Если кто-то задавал Нанаку вопрос: "Есть ли Бог?", Нанак говорил: "Мардана, начинай!" И Мардана играл на своем инструменте, а Нанак пел. Это было его ответом. Когда кто-то говорил о Боге, о карме, о великих теориях, когда кто-то задавал ему какой-то вопрос, он говорил: "Мардана, начинай!" Это было его ответом.

Его песня была его ответом, потому что он говорил, что этот опыт так безграничен, что не может быть выражен в прозе и его можно выразить только в пении. Может быть, каким-то образом тебя бы тронула его песня.

Поэтому может быть бесконечное множество форм, но это только формы выражения, не реализации, помни это. Видение одно и то же. Но когда люди спускаются из мира бесконечного света с вестью о том, что едино, когда они спускаются на землю, на ваши рыночные площади, в ваши храмы и мечети, когда они видят вас - они просто видели Божественное, а потом увидели вас - поскольку они стали посредниками между вами и Божественным, выражение будет разным для каждого, потому что у каждой индивидуальности свои возможности. Мира может танцевать, Нанак может петь, Будда может говорить, Шанкара может спорить. Шанкара поднял флаг и обошел со своими дебатами всю страну. Трудно найти более логичного человека, чем Шанкара: он продолжал описывать Божественное через логику, он продолжал оспаривать логику атеистов - такими были его способности. Его личность была личностью логика.

Таким образом поступали тысячи людей - их реализация одна, но выражения разные. Не

обращай слишком много внимания на выражение. То, что скрыто в выражении - то, что Нанак выражает пением, то, что Мира выражает танцем, то, что Будда выражает словами, то, что Шанкара выражает логикой, - этого не объяснить ни логикой, ни словами; этого не выразить ни пением, ни танцем. Это неопределимо. Нельзя объявить о предельном. Глядя на Божественное, нечего сказать, но, глядя на вас, появляется необходимость что-то сказать. Смотря внутрь, человек остается в молчании, ему нечего сказать. Смотря на вас, кажется, что можно столько сказать, и, может быть, кто-нибудь услышит... Это только "может быть" - может быть, кто-нибудь услышит - но все равно стоит попытаться.

Невежественный человек живет в "если бы", тот, кто *знает*, живет в "может быть". Пойми это: невежественный человек часто думает: "Если бы это случилось, если бы это случилось в прошлом"; "Если бы я сделал то-то и то-то, это было бы результатом"; если бы я играл, я выиграл бы столько денег; если бы я купил лотерейный билет, у меня был бы лакх рупий; если бы...

Мухаммед говорил, что невежественного человека можно узнать по этому "если бы".

Мухаммед рассказывал об одном человеке, который искал дом. Он встретил друга на дороге и сказал:

- Мне нужен дом, помоги мне.

- Есть один дом, - ответил друг, - который пустует долгое время. Ты можешь получить его. Пойдем со мной.

Человек был очень счастлив. Он беспокоился, потому что не мог найти дом. Он сказал:

- Мне повезло, что я встретил этого друга, и этот дом пуст и свободен. Сейчас так трудно найти дом.

Но когда они прибыли в дом, он был потрясен, потому что это были развалины. Друг сказал:

- Смотри, если бы здесь была крыша, ты смог бы здесь жить. И если бы стены были в порядке, если бы были двери, можно было бы не бояться воров. А если бы ты построил еще одну комнату, я смог бы приходить и гостить у тебя, потому что ты мой старый друг!

Человек сказал:

- Это очень любезно с твоей стороны, но жить в этих "если бы" очень трудно. Как человек может жить в "если бы"? Приятно жить с друзьями, и мне повезло, что я тебя встретил, но очень трудно жить с "если бы".

Невежественный человек живет в "если бы". Тот, кто *знает*, живет в "может быть". Даже это "может быть" не для него, но для тебя. Что касается его, он живет в "есть", но ради тебя он живет в "может быть". Может быть, ты слушаешь, может быть, в какой-то момент ты проснешься, встряхнешься, может быть, что-то поразит тебя, может быть, что-то потревожит твой сон и заставит тебя открыть глаза. Может быть, твои сны прервутся.

Поэтому Будда говорил сорок лет - из-за этого "может быть", - Мира танцевала, Нанак пел. Когда они смотрели внутрь себя, ничего не оставалось делать, история была закончена. Ни осталось ни "если бы", ни "может быть". Но когда они смотрели на вас, в них возникало огромное сострадание. Та же самая энергия, которая работает как страсть, в просветленном существе трансформируется в сострадание. Он не может его прекратить, оно просто течет. "И какой в этом вред? Если никто не проснется, нет проблем. Если кто-то проснется, это великое событие, если никто не проснется, это не важно".

Именно из-за этого "может быть" есть столько выражений. Если бы не было этого "может быть", вы не встретили бы никаких выражений просветленных. Вы нашли бы, что все они сидят в молчании. То, что они знают, одно, но тех, кому это нужно сказать, много. И у того, кто

должен это сказать, есть свои ограничения, отсюда эти различия. Различия из-за ограничений. Различия также из-за уровня вашего понимания. И это нужно объяснить многим: то, что познано, одно, но его нужно передать многим. То, что они познали, одно, но это нужно выразить множеством способов. И у каждого человека есть свои ограничения.

Пойми это так: когда электричество течет сквозь мотор или вентилятор, вентилятор работает; когда оно течет через лампу, лампа дает свет, когда оно течет через радио, радио принимает звук. Электричество одно, но проводников, через которые оно проходит, может быть много.

Когда электричество Божественного прошло через Миру, *привязав колокольчики, на щиколотки, Мира вошла в танец*. Когда электричество Божественного прошло через Шанкару, возникла великая буря логики и споров. Ни логика, ни танец не способны к передаче, потому что Божественное так безгранично, что его не может содержать ничто.

Но как бы ни был мал палец, он может указать на луну. На луну может указать как красивый палец с бриллиантовым кольцом, так и простой и некрасивый. Разница в пальце не имеет значения. Что имеет значение, так это то, что ты держишься за палец и забываешь луну.

Не держись за палец, всегда направляй внимание к луне. Забудь о пальце - забудь о том, что сказано, помни то, что не может быть сказано. Забудь то, что написано, и читай то, что не может быть написано, - то, что за пределами выражения, то, что великие сострадающие все же попытались выразить. Не цепляйся за их жесты, забудь жесты. Подними глаза к небу и увидь в небе луну. Тогда ты найдешь палец Мухаммеда, палец Махавиры, палец Кришны, палец Христа - пальцы разные, но луна в небе одна.

Реализация одна, но ее выражений много.

На сегодня хватит...

7. У преданности нет причин

*В теле живет олень иллюзии.
Как спасти урожай?
Он съедает все посеянное,
и любовь к Божественному никогда не вырастает.
Каждый хочет свойств Бога,
но никто не хочет исчезнуть в Боге;
эгоист чувствует себя неполноценным внутри,
Сахаджо говорит: он никогда не поднимется высоко.
Ум всегда расщеплен;
нет спокойствия в сердце,
волны сексуальных желаний смывают
плоды Божественного.
Божественный философский камень все превращает в золото;
он существует в сердце духовно богатого.
Глаз нищего не может его узнать,
Сахаджо говорит: он его потеряет.
Сахаджо говорит: помни Бога тайно, в глубине сердца.
Твои губы не шелохнутся,
никто не узнает.
Сахаджо говорит: помни Бога так,
чтобы об этом знали лишь ты и Бог,
но мир не узнал.*

Есть древняя история. Был один великий город, и был он громаден, и его границы простирались до горизонта, но говорили, что он был достаточно мал, чтобы уместиться в кулаке. В нем были высокие дома, небоскребы касались неба, но говорили, что высотой они были не больше луковицы. В нем жили миллионы людей, но говорили, что те, кто считал правильно, находили только троих. Для них в городе жило не больше трех человек.

Это было во время кризиса. Распространился слух, что скоро нападет враг. Все люди собрались в центре города, чтобы решить, что им делать. Но те, у кого были глаза, видели, что на самом деле собралось только трое. И эти трое были очень странными - они выглядели как нищие, их лица были лицами сумасшедших, и казалось, что они не мылись годами. Эти трое обсуждали ситуацию между собой.

Первый далеко видел. Его слава великого мыслителя гремела всюду. Он мог разглядеть даже ножки муравья, ползущего по луне, хотя не смог бы увидеть Гималаи прямо перед глазами. Говорят, что дальновидящий человек был абсолютно слеп. Он скрывал свою слепоту за дальновиденьем. Он не мог увидеть ничего близко, поэтому претендовал на то, чтобы видеть далеко. Никто не мог видеть так далеко, и с ним никто не спорил. Он не говорил о мелочах, он говорил только о великих доктринах. Он никогда не говорил о чем-то полезном в жизни. Он никогда не говорил ни о чем, кроме Бога, рая и освобождения. Он был абсолютно слеп, но пользовался славой дальновидного философа.

Второй человек слышал музыку звезд и луны, хотя не мог услышать ударов грома над головой. Он был абсолютно глух. Он вообще ничего не слышал, и, чтобы скрыть свою глухоту, изобретал запись тонкой музыки, которую никто, кроме него, не слышал.

И третий человек среди них был совершенно голым. Он не носил даже набедренной повязки, но в руках всегда держал обнаженный меч, потому что боялся, что кто-то отнимет у него его богатство. Он всегда боялся воров.

Эти трое обсуждали ситуацию.

Первый посмотрел своими слепыми глазами далеко в небо. В его глазах не было ни единого луча света, но он сказал:

- Я вижу, как далекие, скрытые горами враги приближаются; опасность близка. Я вижу не только определенную расу, которая идет на нас войной, я могу также сказать их количество. Опасность близка, и нам нужно подготовиться.

Глухой повернулся в ту сторону, куда смотрел слепой. Ни слепой не мог видеть, ни глухой - слышать. Глухой сказал:

- Я слышу их, я слышу их шаги. Кроме того, я также слышу, что они говорят. Более того, я слышу секреты их сердец, которые они никому не выдают. Я слышу, что они говорят, и слышу, чего они не говорят. Опасность велика.

Голый человек вскочил и стал размахивать мечом. Он сказал:

- Я точно знаю, почему нас атакуют враги. Они завидуют нашему богатству. Мы должны пусть даже умереть, но отстоять свое богатство. Не нужно беспокоиться - именно для этого и нужен мой меч!

Это очень древняя история. Когда я ее прочитал, я нашел, что она красива и богата. В ней скрыты великие прозрения, она очень значительна.

Вы найдете этих троих в каждом. Мы называем человека *пуруш*. "Пуруш" означает "великий город". *Пуруш* происходит от слова *пур*. "Пур" значит город. Человек - это город. У него великие желания, великие стремления, и сеть его желаний распространяется за самый горизонт, но на самом деле они не больше, чем может уместиться в кулаке. В нем возникают великие мечты, мечты дотянуться до неба, но они высотой не больше луковицы. И город, в котором живут миллионы и миллионы существ - в одном человеке миллиарды живых клеток, - если их сосчитать, найдется только трое. Ты знаком с этими тремя: первый называют желанием, второй жадностью, третий - привязанностью. И если ты глубоко заглянешь в себя, ты найдешь, что как исчезает индуистская троица и остается предельное, точно так же если ты заглянешь в желание, жадность и привязанность, то найдешь, что это три формы самого страха. Ты найдешь, что во всех трех скрыт страх. Страх становится жадностью. Страх становится желанием. Страх становится привязанностью. Поскольку полный страха человек боится, он создает отношения привязанности. Он продолжает создавать отношения с женой, мужем, другом, братом, матерью, религией, кастой, обществом, страной и так далее. Все это расширение привязанности. Ты боишься остаться один. В одиночестве внутренний страх станет ясным. Когда ты с кем-то, страх забывается в его обществе; ты топишь страх в отношениях.

Именно из-за этого внутреннего страха возникает сексуальное желание. И это сексуальное желание означает, что ты пытаешься чем-то заполнить свою жизнь, чтобы избежать встречи с этим страхом. Ты пытаешься накопить денег, добиться положения, престижа, любви, чтобы пустота, которая пугает тебя, казалась заполненной. Эта попытка заполнить жизнь снаружи проявляется как привязанность, а попытка заполнить себя изнутри - как сексуальное желание.

Жадность тоже возникает из страха: ты не должен потерять то, что у тебя есть, и должен получить то, чего у тебя нет. Ты будешь продолжать цепляться за свою собственность, ничто не

должно быть отнято, и то, что еще тебе не принадлежит, должно быть тебе дано, не исключая ни малейшей вещи, которую ты хочешь.

Ты найдешь, что за этой троицей желаний, привязанности и жадности стоит страх. И самое удивительное - когда ты рождаешься, ты ничего с собой не приносишь, и ничего с собой не берешь, когда умираешь. Ты приходишь и уходишь обнаженным, а в промежутке напрасно размахиваешь мечом. У тебя ничего нет, но ты очень боишься, что воры что-то отнимут.

Почему ты так боишься потерять то, чего у тебя нет? За этим страхом скрыта глубокая причина: создавая страх, ты убеждаешь себя, что у тебя что-то есть; иначе зачем людям это отнимать? Попробайся понять эту сложную логику. Сначала ты думаешь, что кто-то придет и что-то украдет, и не понимаешь, что у тебя нечего красть. Твои руки пусты. Что у тебя есть? Что вообще у кого-то есть? И можно ли у тебя отнять то, что действительно твое? Это ты сам, и нет способа это украсть.

На самом деле, отнять можно лишь то, что не твое по-настоящему. Твое владение - это только иллюзия. Когда кто-то подходит к тебе близко, ты боишься, что, может быть, он пришел что-то отнять, и из этого страха создаешь иллюзию, ощущение, что, наверное, у тебя что-то есть. Иначе почему этот человек хочет у тебя что-то отнять? Ты начинаешь принимать меры, чтобы это защитить. А когда ты занят защитой, другой начинает думать, что ты пытаешься отнять что-то у него.

Есть очень старая история о Мулле Насреддине. Он шел по одной деревне и увидел идущую навстречу свадебную процессию с оркестром, сияющими мечами и танцующими. Он испугался, подумав, что наступает враг - мечи и музыка! Когда в тебе есть страх, твои глаза не видят все как есть на самом деле - он увидел битву!

Когда в Индии происходит свадьба и жених собирается забрать невесту из ее дома, он готовится к этому как к бою. Жених несет на поясе нож, потому что в старые времена это было похищение. Любви не было, все основывалось на насилии: сидя на лошади с ножом и мечом, сумасшедший идет за невестой. Это нормально? - музыкальный оркестр и боевые принадлежности? И все, кто идет за свадебной процессией, - городские лунатики. У людей, присоединяющихся к свадебной процессии, нет характера. Даже если нормальный человек приходит на свадьбу, он становится ненормальным. Во все времена свадебные процессии составляли безумные люди. Зачем туда пойдет нормальный человек? А если и пойдет, то безумие проявится и в нем.

Даже если пригласить на свадьбу хороших и здоровых людей - будь они министрами, врачами, инженерами, - ты найдешь, что свадебная процессия что-то в них меняет. В этой процессии с ними что-то происходит, потому что традиционно гостей приглашали, чтобы сражаться за жениха; девушку нужно было похитить. Именно по этой причине отец девушки до сих пор кланяется жениху; это старая традиция. Единственная причина в том, что он как бы говорит: "Не нужно похищать девушку, я готов сдаться, я признаю свое поражение". Именно поэтому отец невесты ниже, а отец жениха выше. Семья жениха - победители, отец невесты - побежденный.

Приближалась свадебная процессия. Насреддин был один возле городского крематория. Он был один, вокруг было тихо, и он испугался. Он был один на кладбище, и приближались враги! Он перепрыгнул через стену кладбища и лег в свежевырытую могилу. Он подумал:

- Кто будет убивать того, кто уже мертв? Люди пройдут мимо и вообще меня не заметят. Кто меня заметит, если я лежу среди стольких мертвых? Меня защитит стена.

Но люди увидели человека, и внезапно их потрясло то, что он перепрыгнул через ограду кладбища; это было подозрительно - наверное, это враг, если он прячется. Он может бросить бомбу, он способен на все! Они прекратили музыку. Теперь Насреддин уверился, что был прав, и теперь эти люди увидели его. Он лежал тихо, затаив дыхание. Вся процессия пошла на него смотреть, все перелезли через стену и стали его искать. Насреддин перепугался еще больше: он был уверен, что они за ним гонятся, а теперь уверенность стала абсолютной: "Почему они не продолжают идти своей дорогой? Зачем они перелезли через ограду?" И когда люди увидели, что этот человек лежит в свежевырытой могиле и дышит - у него двигался живот, - они подумали: "Вот зачинщик проблем. Мы не знаем, что он затевает". Они окружили могилу со всей сторон и склонились над ней. Сколько Насреддин мог удерживать дыхание? В конце концов он выдохнул. Тогда они его спросили:

- Что ты тут делаешь?

- Это я у вас должен спрашивать, - сказал Насреддин. - Что вы тут делаете?

- Отвечай нам, - сказали они. - Зачем ты сюда пришел?

- Именно об этом я хотел бы вас спросить, - сказал Насреддин. - Вы шли по дороге - зачем вы свернули сюда?

К этому времени Насреддин понял: "Ни они не собирались причинить мне вреда, ни я им - мы просто испугались друг друга". Насреддин сказал:

- Теперь я могу ответить и за себя, и за вас. Вы здесь из-за меня, а я здесь из-за вас.

В жизни так и происходит: ты боишься другого, а другой боится тебя. Именно так страх нарастает.

Америка боится России, Россия боится Америки. Индия боится Пакистана, Пакистан - Индии. Каждый день лидеры делают заявления: "Вы купили оружие, вы купили то-то и то-то - откуда вы получаете помощь?" Само их существование в страхе, как будто в их жизнях нет ничего, кроме страха. И за этим страхом скрывается все та же троица.

Ты поверил в то, чего нет. Ты крепко держишься за свое ничтожество, свою наготу, чтобы никто не отнял ее у тебя! И из-за того, как ты держишься, другой думает, что у тебя в руках бриллиант Кохинор: "Держал бы кто-нибудь так простые камни? Ненужные камни просто выбрасывают".

Другой приходит, чтобы что-то отнять, и это усиливает твое верование, что он хочет отнять Кохинор. Иначе зачем другому напрасно рисковать жизнью? Ты забываешь, что у тебя в руках ничего нет, кроме обычных камней.

Тогда возникает жадность, которая слышит то, чего никто не говорил. Это создает понятия, которые не имеют ничего общего с реальными фактами.

Ко мне приходят люди. Хотя они приходят медитировать, они приходят с рыночной площади; они приносят с собой жадность. На самом деле, они заинтересовались медитацией из жадности. Они не смогли ничего достичь, зарабатывая деньги, поэтому, может быть, они чего-то достигнут в медитации. Они ничего не добились в мире, но теперь, может быть, они получают это в религии. Они ничего не получили, считая деньги, может быть, они что-то получают, считая бусины четок, - но счет продолжается.

Иногда бывает так, что я говорю кому-то: да, ты можешь этого достичь, но само это желание становится препятствием. Величайшее препятствие к переживанию предельного - это его желание. Они слишком нетерпеливы; они хотят его прямо сейчас. Ты поднимаешь такой шум, даже не задавшись вопросом, а достоин ли ты его. Когда ты достоин, ты переживаешь его тотчас же. Я расскажу историю для этих жадных людей:

Факир испытал опыт предельного. Когда это случилось, люди спросили его:

- Как это случилось?

- Я расскажу вам историю, - сказал он. - У меня было огромное богатство, великие сокровища, и я захотел достичь Бога. Однажды ночью мне приснилось, что с небес спустился ангел, и он сказал: "Чего ты ищешь?"

Я сказал: "Я ищу Бога, я иду к нему".

И ангел сказал: "Ты не сможешь его найти с таким багажом, он слишком тяжелый. Ты не сможешь летать по небу из-за этого груза. Оставь его позади, лишь тогда путешествие возможно. Если хочешь подняться к высотам, ты не можешь туда идти с таким багажом. Нет высот выше Бога. Брось свой багаж".

И факир сказал ученикам: "И проснувшись утром, я отрекся от всех своих богатств и оставил только кусок ткани. Тогда снова во сне явился ангел. Он спросил меня: "Каковы теперь твои намерения?"

И я сказал: "Я сделал, как ты сказал, - я от всего отрекся".

Ангел спросил: "Но почему ты оставил кусок ткани? Почему ты не включил в отречение кусок ткани?"

И я говорю, что "все" будет сохранено в этом куске ткани. Держишься ли ты за деньги, дом, все это будет вложено в кусок ткани - но ты будешь так же держаться. Ты отрекся от бриллиантов и схватился за кусок ткани. Так не пойдет - зачем Богу кусок ткани? Он послал тебя голым, он примет тебя голым. Неужели он, подчиняясь законам мира, спросит тебя, почему ты голый? Если так, он не допустил бы к себе Махавиру, он выгнал бы Диогена.

Он дал тебе рождение, что тебе от него скрывать? Зачем тебе ткань? Либо ты хочешь что-то от него скрыть, либо так и не смог отбросить жадность - ты хочешь подвесить ее к куску ткани. Даже куска ткани достаточно, чтобы на него что-то повесить. Отбрось и его! Человек, который хочет продолжать это путешествие, должен быть совершенно обнаженным.

На следующее утро факир оставил и кусок ткани. Этой ночью ему снова приснился ангел. Он спросил:

- А что теперь ты собираешься делать?

- Что же еще? - сказал факир. - Я собираюсь искать Бога.

И ангел сказал:

- Теперь не нужно никуда идти. Оставайся, где ты есть, и Бог придет к тебе сам. До сих пор тебе нужно было идти, потому что ты был тяжело нагружен. Именно поэтому я велел тебе все отпустить, если ты хочешь идти. Теперь, когда ты все отпустил, не нужно никуда идти. Теперь, где бы ты ни был, он придет.

В тот день, когда ты становишься совершенно достойным, он приходит. Он не задерживается ни на мгновение. Невозможно задержаться.

А люди приходят ко мне медитировать и говорят:

- Мы торопимся. Сколько дней это займет?

Ты практиковал бессознательность столько жизней, а теперь спрашиваешь, сколько времени потребуется, чтобы достичь медитации? Я говорю им:

- Не волнуйтесь, будьте немного терпеливее, не торопитесь так.

Через два или три дня они приходят снова:

- Этого еще не случилось.

Я говорю им:

- Эта спешка создает препятствия. Вы хотите достичь Бога за четыре дня. Подумайте немного, будьте немного разумнее. Пусть будет предел вашим ожиданиям.

Они понимают по-своему. Они говорят:

- Ты хочешь сказать, что если мы отбросим идею о достижении, то достигнем?

- Без сомнений, - говорю я.

Они говорят:

- Ладно, тогда мы отбросим эту идею.

Но они отбрасывают ее только ради того, чтобы достичь! Еще через несколько дней они говорят:

- Мы не достигли, даже когда отбросили. Ты сказал нам отбросить... и мы отбросили ожидания, и все же ничего не пережили.

Если ты отбросил ожидания, откуда берется вопрос о достижении? Ты не отбросил никаких ожиданий. Ты отбросил их только из жадности:

- Если это условие, я его исполню, потому что хочу достичь.

Ваши отречшиеся, ваши святые и так называемые *санньясины* - не кто иные, как лавочники на рынке. Джайнские монахи не меняют имен; в определенном смысле мне это нравится. Я изменяю имена своих санньясинов по другой причине, но мне нравится и система джайнских монахов. Лавочника звали Чхотелал Джайн; когда он стал монахом, он стал называть себя Муни Чхотелалджи Махарадж Сахиб, но так и остался лавочником. Мне это нравится - мало что изменилось, он остался прежним - Муни Чхотелалджи Махарадж Сахибом. Он не оставил лавку, но добавил что-то еще, ничего не убавилось. Раньше он был Чхотелалом, теперь стал Чхотелал Махарадж Сахибом. Его стало больше, а не меньше. Ничто не отброшено. Он может держаться за "что-то большее". Жадность осталась прежней, та же жадность желания. Теперь он занимается духовными практиками, постится, принимает религиозные обеты, но все это торговля. Он говорит: "Посмотри, как я заставляю себя страдать. Не задерживайся, чего еще ты хочешь? Я так сжигаю себя, сколько можно ждать?" Они что-то ставят, они торгуются, спорят о цене: "Мы совершили сто постов, а ты еще не пришел; ладно, в следующем году мы совершим двести" - но торговля продолжается. Ум вычисляет и подсчитывает; так далеко простирается жадность.

Поэтому ты либо боишься потерять то, чего у тебя нет, или жадничаешь и хочешь получить то, что нельзя получить, или окружаешь себя миром привязанности, который Сахаджо называет "жизнью в иллюзии". Ты создаешь ложные мечты, которых нет. Ты называешь кого-то "моим" - кто кому принадлежит? Даже ты себе не принадлежишь. Но ты веришь в "мое". Таким образом "мое" придает силу "я", идее, что ты существуешь. Твое "мое" - это питание и поддержка для "я".

Именно поэтому мне нравится эта история, история о трех людях: голом с мечом, слепом, видящем врага издали, и глухом, слышащем не только что говорят, но и то, чего не говорят, - это история человека.

Попытайся понять сутры Сахаджо в этом свете.

В теле живет олень иллюзии.

Олень иллюзии живет в теле, в теле человека. Этот олень иллюзии в теле, но он ложен. На самом деле его нет, он только кажется реальным. И эта иллюзия создает в тебе желание.

Вы слышали историю Рамы. Рама ушел в леса; он стоял в своей хижине и увидел золотого оленя. Вы слышали эту историю, но, может быть, не понимали ее настоящего смысла. Золотых оленей не бывает. Думаете ли вы, что бывают золотые олени? Но Сита убедила

Рама: "Я хочу этого золотого оленя, чего бы это ни стоило". Она так настаивала, что Рама согласился. Рама - это твой свидетель, Рама - это твоя душа. Сита - это твой ум. Сита сказала: "Найди мне этого оленя". Она убедила его, она настояла. Рама тоже заинтересовался и пошел его ловить. Так он потерял Ситу, ее похитил Равана. Это было уловкой.

Если ты ищешь то, чего нет, то потеряешь то, что есть. Вот смысл этой истории. Он так и не нашел золотого оленя, но потерял Ситу.

В теле живет олень иллюзии.

Олень иллюзии живет в тебе, он живет в каждой клеточке твоего тела.

Как спасти урожай?

Как выйти за пределы? Очень важный вопрос, потому что в нем скрыт сам секрет твоей жизни.

*Он съедает все посеянное,
и любовь к Божественному никогда не вырастает.*

Трудность в том, что мы пожинаем только то, что сеем. А когда пожинаем, мы готовы снова посеять. То, что мы сеем, входит в нас снова как пища. Мы снова сеем, и, когда посеянное вырастает, пожинаем урожай - таким образом создается причинно-следственная цепь. Создается порочный круг.

Ты кого-то оскорбил, ты посеял обиду. Этот человек полон гнева и ярости, он платит тебе двойной обидой. Теперь тебе придется пожать то, что ты посеял. Что ты будешь делать? Если ты кого-то обидел, будь готов к тому, что обидят тебя. Получив эту обиду, что ты будешь делать? Ты попытаешься обидеть его еще сильнее. Чем это кончится? Если ты на кого-то зол, то в ответ получишь гнев. Получив гнев, ты испытаешь еще больший гнев.

Ты становишься жадным, и точно так же твоя жадность продолжает расти.

В теле живет олень иллюзии.

Как спасти урожай?

Сахаджо спрашивает, как выйти за пределы этого? Потому что под этим скрывается огромная сложная сеть - *он съедает все посеянное*. И, что бы ни было посеяно, мы это пожинаем. А пожав, снова готовы посеять. Как нам разорвать порочный круг? Как разбить эту цепь? Как выбраться? Если это продолжается - как продолжалось до сих пор... *и любовь к Божественному никогда не вырастает*. Как будет расти любовь к Божественному?

Божественное никогда не было посеяно и не может быть сжато. Оно остается как слова в воздухе, смысла которых мы никак не можем понять. Мы сеем привязанность и пожинаем привязанность. Мы сеем жадность и пожинаем жадность. Мы сеем страх и пожинаем страх. Происходят эти отношения. Снаружи и внутри нас окружает мир. Он входит в нас во вдохе, выходит в выдохе. Есть ли место для вспоминания Божественного?

Сахаджо подняла очень глубокий вопрос. Я называю такие вопросы настоящими вопросами. Создал ли Бог мир? - предоставьте такие вопросы идиотам. Такого рода вопросы тщетны и ничего не стоят. Может быть, он его создал, может быть, нет, это несущественно. Настоящие

вопросы - о жизни; это живые вопросы.

*Он съедает все посеянное,
и любовь к Божественному никогда не вырастает.*

Вот в чем проблема. Сахаджо говорит: "Что можно сделать?" Кажется, выхода нет, потому что, что бы ты ни делал, все неправильно. И это неправильное действие еще более усиливает общую неправильность; тогда снова ты что-то делаешь неправильно, и становишься в этом искусным; это входит в привычку. Вся история твоей жизни это повторяет. В какой точке ты можешь выпрыгнуть? Как ты можешь выбраться? *И любовь к Божественному никогда не вырастает.*

Пойми эту цепочку причины и следствия, и ты поймешь всю эту серию дискурсов. Я назвал ее "Ливнем без туч". Когда в небе есть облака, идет дождь. Ливень без туч? - если в небе нет облаков, как может быть дождь? Но бывает дождь, который льет без облаков.

В мире есть цепь причины и следствия - когда в небе облака, идет дождь. И есть также внутренний мир сознания, где может быть дождь без облаков, где все происходит без малейшей причины.

Во внешнем мире все имеет причину и следствие. Во внутреннем мире все случается без причины. В тот день, когда тыходишь в беспричинное, - в тот самый день тыходишь и в Божественное. Пока ты ищешь причину, ты останешься в мире. Именно поэтому наука никогда не сможет выйти за пределы мира - потому что наука ищет причину. Религия ищет беспричинное. У них разные направления, разные измерения - не только разные, но и диаметрально противоположные.

Ты никогда не думал - случилось ли в твоей жизни что-нибудь без причины, что-нибудь, для чего ты не мог бы отыскать причины? Нет, ты находишь причины почти для всего. А там, где причины нет, ты ее изобретаешь, потому что без причин уму человека становится очень не по себе. Если ты влюбился в женщину, и я спрошу тебя почему, ты скажешь, что у нее красивые глаза. Ты хочешь сказать, что сначала увидел глаза, нашел их красивыми, а потом влюбился. Правда ли это? Или это обходной путь? - сначала ты влюбился, затем внезапно заметил, что глаза красивые. Может быть, другие не находят глаза твоей возлюбленной красивыми; иначе они тоже влюбились бы в нее. Твоя возлюбленная, может быть, кажется совершенно обычной, но для тебя она прекрасна. Влюбился ли ты, потому что она прекрасна, или она кажется прекрасной, потому что ты влюбился?

Но человеческий ум хочет объяснить все и для всего находит причину. Он говорит: "Я влюбился, потому что у нее красивое лицо, у нее красивые глаза. Посмотри, как сладок ее голос, как очаровательно ее тело, как пропорционально. Именно поэтому я влюбился". Ты говоришь, что решил любовь, как математическую задачу. Ты написал список причин - вот одна причина, вот другая, - и пришел к заключению, логическому заключению, что причины в этом; ладно, теперь я должен влюбиться. Думаешь ли ты, что, если бы у какой-то другой женщины были все эти качества, ты влюбился бы в нее? У многих других женщин есть все эти качества. Есть женщины с лучшими качествами, но в них вы не влюбляетесь.

У любви нет причины. Ты не принимаешь отсутствие причины, потому что боишься; беспричинное уводит тебя за пределы мира. Для любви нет причины, она просто происходит. Все причины для нее изобретаются позднее. С первого взгляда, в первое мгновение ты уже любишь другого человека, или человек уже любит тебя. Ты никогда не видел его раньше...

Несколько дней назад ко мне пришел друг и сказал:

- Случилась странная вещь. Недавно я встретил одного человека, и с первой встречи

почувствовал, что мы старые друзья. Без сомнений, мы были друзьями в прошлых жизнях.

Это поиск причины. Если ты не находишь причины в этой жизни, ты начинаешь искать ее в прошлых. Ум удовлетворяется, лишь найдя причину.

Я сказал ему:

- Трудно ли принять это без причины?

- Мне очень не по себе, - сказал он. - Должна быть какая-то причина. Этого не происходит с каждым, кого я встречаю. Это случилось только с ним, и, должно быть, в прошлом были какие-то отношения.

Если бы я сказал всего лишь, что да, в прошлых жизнях были отношения, он был бы удовлетворен! Он пришел только за этим. Он говорит:

- Если ты это скажешь, я смогу расслабиться. Иначе я не могу перестать об этом думать, и мне не по себе.

Уму не по себе, если он не может найти никакой причины, потому что ум говорит:

- Как что-то может происходить без причины?

Дождь без облаков? Нет! Может быть, ты не заметил облаков, может быть, облака скрыты, но когда идет дождь, он идет из облаков. Может быть, ветер принес какие-то капли дождя, и они упали из облака. Ты не можешь поверить, что дождь может случиться без облаков. Как он может случиться?

Есть разница между религиозным умом и нерелигиозным: нерелигиозный ум не может представить что-то, не имеющее причины.

И я сказал этому другу, что нерелигиозно желать, чтобы в какой-то другой жизни... где-то, обязательно... Но даже если я скажу тебе, что впервые ты встретил его в прошлой жизни, что тогда? Тогда тебе придется выйти за пределы этой жизни. Где это закончится? Где бы это ни было, должно быть, где-то вы встретились впервые. Если ты будешь продолжать смотреть назад, в бесчисленные жизни, наверное, где-то ты его встретил впервые. И в эту первую встречу, наверное, случилась любовь без всякой причины - иначе откуда бы вообще бралась любовь? Зачем ты создаешь столько сложностей? Почему бы просто не принять, что эта любовь происходит впервые? От этого тебе становится не по себе.

Ты думаешь, что, поскольку существует мир, его создал Бог. Ты не можешь даже Бога принять без причины. Ты думаешь, что ты религиозный человек, ты говоришь, что принимаешь существование Бога, потому что должен же был кто-то его создать. Если есть горшок, должен быть и гончар - ты сделал Бога гончаром. Ты совершенно не религиозен.

Если бы мир нельзя было создать без Бога, если ему нужна причина, наверное, Бог является изначальной причиной. Тогда как был создан Бог? Тебе становится не по себе, ты говоришь, что с Богом все по-другому. Но этот страх останется, потому что ты чувствуешь, что не может быть по-другому, ведь правило должно быть одним для всех. Вопрос будет продолжать тебя тревожить, как бы ты его ни подавлял. Он возникнет снова и снова: "Кто создал Бога?"

Ты можешь не спрашивать из страха, что это не понравится ученым богословам, они начнут угрожать тебе адом - никто не хочет оказаться в аду. Поэтому ты неохотно принимаешь, что, может быть, это и правда, может, Он и создал мир. Но если ты не можешь принять, что мир существует без причины, как ты можешь принять, что существует без причины Бог? А тот, кто может принять беспричинного Бога, может принять и что угодно другое.

Принимать беспричинные вещи - качество религиозного ума. Дождь без облаков... это предельное состояние религиозного ума. Религиозному уму не нужна причина. Зачем нужны причины? Все просто происходит, и происходящее само по себе полно. В тот день, когда ты это понимаешь, ты также находишь, что все эти вещи, нуждающиеся в причине, не могут вывести тебя за пределы материального мира. Только то, для чего нет причины, может вывести тебя за

пределы материального мира. Человек должен выйти за пределы причин, он должен войти в беспричинное.

Ты рядом со мной - у твоих отношений со мной может быть причина. Если ты находишь мои слова логичными и ты со мной поэтому, отношения между мной и тобой мирские; в них нет большой ценности. Ты можешь быть студентом, а я твоим учителем, но отношения мастера и ученика не случились.

Если отношения не имеют причин и если кто-то спрашивает тебя, почему ты со мной, и в ответ ты только пожимаешь плечами и говоришь: "Сам не знаю. Не могу придумать никакой причины, просто с ним я блажен", тогда между мной и тобой духовные отношения. Хотя люди назовут тебя сумасшедшим и будут спрашивать о причинах; они скажут: "Ты что, совсем ума лишился? Ты можешь быть с ним, потому что тебе нравятся его идеи или что-то еще в нем; его образ мыслей кажется тебе научным, или этот человек загипнотизировал тебя, и поэтому ты с ним. Приведи какую-то причину!" Если ты не можешь привести никакой причины, люди скажут, что ты сумасшедший. Именно поэтому ты приводишь причины, хотя никаких причин нет - потому что другие подумают, что ты сумасшедший. Даже для вещей, у которых совершенно нет причин, ты изо всех сил пытаешься придумать причины, чтобы никто не узнал, что ты живешь без причин.

Доверие не имеет причин. Любовь не имеет причин. Существование не имеет никаких причин.

Причины есть у обыденных вещей, но как может быть причина у Божественного? Обыденные вещи соединены друг с другом причинной цепью. Предельное одно, оно не часть никакой цепи, оно достаточно само по себе. Если ты нуждаешься в причине, это означает, что тебя самого по себе недостаточно.

Если бы твои отец и мать не встретились в момент глубокой любви, твое тело бы не родилось. У тела есть причина, тело есть мир. Но твоя душа не была рождена во встрече матери и отца, она была до их встречи. Она была всегда.

Когда Будда вернулся домой после достижения просветления, его отец был очень зол. Трудно удовлетворить отца... "отец" - значит, амбиции. Его отец надеялся, что он станет великим императором, но вместо этого он стал нищим. Если даже Будда не мог обрадовать отца, как вообще кто-нибудь может удовлетворить своего отца? Глаза отца горели от гнева. Будда был его единственным сыном, надеждой старости - и он покинул фамильный дом, предал его, стал предателем семьи. Он должен был поддержать отца в старости. "Мое зрение затуманилось, глаза не видят, ты должен был стать моими глазами; теперь мои ноги не могут ходить, ты должен был стать моими ногами. Скоро я покину жизнь. Я создал и расширил великую империю - кому я ее оставляю?"

Даже умирая, человек не может расстаться со своими вещами. Он оставляет их сыну - как будто он будет продолжать править через сына. Когда человек стар, к тому времени все разваливается на части - не имеет значения, получит ли это его сын или нет, и получит ли это вообще кто-нибудь. Может быть, все украдут, это не имеет значения - все разваливается в руках умирающего человека. Бесполезно думать о том, кто это получит, но все же он пишет завещание. До последнего момента он пытается сохранить цепляние за вещи и после смерти. По крайней мере, их получит его собственная кровь, его отпрыск.

Отец Будды сказал:

- Ты убежал из дома, ты бросил меня. Что мне теперь делать? Я твой отец. Во мне

говорит сердце отца. Какую бы жестокую ошибку ты ни совершил, я готов тебя простить. Мои двери не закрыты, вернись и отбрось эту глупость. Мое сердце безмерно страдает, когда я вижу, что ты просишь милостыню на дороге. Ты рожден, чтобы быть императором. Что за безумие тобой овладело? В нашей семье никто еще не был нищим. История нашей семьи известна веками, и мы всегда были императорами.

Будда рассмеялся. Он сказал:

- Может быть, ты обидишься, но позволь мне сказать: не знаю о твоей семье, но я знаю свою - мы всегда были нищими.

- Не болтай ерунды! - передо мной ты просто ребенок. Я вырастил тебя. Моя кровь течет в твоих жилах, твои кости сделаны из моих костей. Не пытайся меня убедить. Что ты подразумеваешь под своим происхождением? Что это за твоя семья? О чем ты говоришь?

- Я родился с твоей помощью, но я не происхожу от тебя. Ты дал мне это тело, но не душу. Ты создал ситуацию, в которой это тело смогло прийти в существование, и я пришел. Ты был проходом, по которому я пришел. Но мое существование за пределами всего этого. Нет никаких семейных отношений между моим и твоим существом.

Душа, существо не рождается - рождается только тело. И только тело умирает, душа не умирает. Душа существует без причины, она просто есть. В этом мире только то, что без причины, вечно. Только дождь, который идет без облаков, есть нектар. Все, что имеет причину, исчезнет, потому что оно будет продолжаться, лишь пока его поддерживает причина. Подними камень и брось его; он полетит - не дальше чем позволит сила, с которой ты его бросил, - двести шагов, триста шагов, затем упадет. Ты дал ему причину, он получил от тебя энергию. Когда энергия закончится, он упадет. Ребенок рождается, чтобы прожить семьдесят лет: мать и отец дают ему жизненную энергию, за семьдесят лет она закончится, и он умрет. Но этот мир продолжается. Бесконечное количество миров случилось, исчезло и снова родилось, но существование продолжается. Земли рождаются и умирают. Звезды и луны рождаются и исчезают. Ученые говорят, что в каждое мгновение рождаются новые солнца, и старые умирают. У существования нет причины, иначе оно не было бы вечным. Все, что значительно, не имеет причины.

Поэтому я не говорю, что ты должен принять, будто Бог создал мир, и принять Бога. Я говорю, что все, что не создано, есть Бог. Этот мир - его часть, и он никогда не был создан. Эти волны, эти формы, которые ты видишь, это части океана, который вечен. В существовании все случается без всякой причины. Именно поэтому религия - это тайна. Наука это не тайна: наука объясняет, ищет причину. И именно поэтому наука говорит: "Мы не сможем принять существование Бога, потому что, даже если мы встретим Бога, нам придется найти причину, и только тогда мы сможем Его принять". Ничто не случается без причины - вот верование науки. Все, что происходит, беспричинно - вот опыт религии.

*Он съедает все посеянное,
и любовь к Божественному никогда не вырастает.*

Сахаджо говорит: "Все стало очень трудным. Мы пойманы в цепи следствий. Мы посеяли побеги, и теперь нам придется их пожать". Если ты сеешь, кто пожнет? Пожнешь только ты. А когда пожнешь, придется снова сеять - что еще ты можешь делать с урожаем?

Есть ли точка, в которой можно выбраться из этого порочного круга? Есть ли слабое место, из которого можно бежать? Есть ли какая-нибудь дверь, скрытая дверь? Если мы выходим через переднюю дверь, то снова и снова запутываемся. Есть ли в жизни скрытая дверь, из которой мы

могли бы бежать, чтобы нас больше не сковывала цепь причины и следствия?

Сахаджо называет ее *любовью*. Это преданность. Преданность без причины. Если ты предан кому-то, ты не можешь сказать, почему это случилось. Все "почему" исчезли, есть лишь преданность. Когда не остается причин, расцветает любовь. Когда не остается никаких расчетов интеллекта, сердце трепещет. Это необъяснимо, это как головоломка - но такова его природа. *Он съедает все посеянное, и любовь к Божественному никогда не вырастает.*

*Каждый хочет свойств Бога,
но никто не хочет исчезнуть в Боге;
эгоист чувствует себя неполноценным, внутри,
Сахаджо говорит: он никогда не поднимется высоко.*

Великие слова! Этими словами можно открыть все замки твоей жизни. *Каждый хочет свойств Бога, но никто не хочет исчезнуть в Боге.* Каждый хочет свойств Бога, но никто не хочет самого Бога. И это единственная разница между религиозным и нерелигиозным человеком. Нерелигиозный человек хочет свойств Божественного - власти и силы. Религиозный человек хочет Божественного, не его свойств. И между этими двумя направлениями революционная разница. Если ты хочешь свойств Божественного, ты желаешь ради эго, а когда ты желаешь предельного, ты в путешествии потери эго. Если ты хочешь свойств, то должен укрепить эго: ты хочешь трон. А если ты хочешь предельного, тогда ты должен склониться, ты должен сдаться.

Оба эти слова происходят от одного и того же корня: *прабхута*, свойства Бога, и *прабху*, Бог. *Айшварья*, богатство, и *ишвар*, Бог, тоже происходят от одного корня, но разница огромна. Каждый хочет богатства, но никто не хочет Бога. *Каждый хочет свойств Бога, но никто не хочет исчезнуть в Боге.*

*Эгоист чувствует себя неполноценным внутри,
Сахаджо говорит: он никогда не поднимется высоко.*

Сахаджо указывает на то, что психологи называют комплексом неполноценности. *Эгоист чувствует себя неполноценным внутри* - чем больше неполноценности, тем больше жажда власти. На Западе великий психолог, Адлер, сделал самое важное открытие этого века - комплекс неполноценности. Адлер говорит, что люди, которые хотят власти, - это те, кто внутри чувствует себя неполноценным. Они чувствуют себя пустыми, и, не добившись власти, они не смогут принимать себя полностью. Они будут постоянно чувствовать себя неполноценными, недостойными. Они смогут забыть свою неполноценность, только покрыв ее славой трона. Политика и политические амбиции - это амбиции неполноценности.

Разумный человек не может заинтересоваться политикой, потому что его не интересует власть. Разумный человек - это тот, кто познал само Божественное у себя внутри; теперь ему не нужно власти. Желание власти означает, что кто-то, у кого нет опыта Божественного, пытается достичь власти. Власть - это ложный заменитель опыта Божественного.

Если заглянуть в жизнь политиков всего мира, окажется, что Адлер прав. Ноги Ленина были непропорционально коротки относительно остального тела. Когда он сидел на стуле, ноги не доставали до земли. И психологи говорят, что это было его проблемой. Если он сидел на обычный стул, ноги не доставали до земли, и люди смеялись. Он достиг высшего положения в России и показал людям: "Может быть, у вас ноги достают до земли, но найдите высоту ваших стульев". Ему удалось доказать противоположное - он показал людям: "Смотрите, я на самом

высоком троне. Может быть, ваши ноги касаются земли, но моя голова касается неба".

Гитлер был неудачником: он ни в чем не мог преуспеть и терпел поражение во всем, что бы он ни делал. Он хотел стать художником и три раза сдавал экзамен, но так его и не прошел. Он пытался покончить с собой, но ему не удалось и это. Тогда этот неполноценный человек добился такого успеха, что потряс весь мир. Одно время казалось, что Гитлер победит и изменит всю мировую историю. Что же случилось? У него был комплекс неполноценности, и это дало ему такой толчок, что теперь он должен был что-то сделать, непременно добиться успеха.

Если у человека есть немного разума, он не станет участвовать в гонке за властью, потому что что он выиграет в таком соревновании? Если ты начнешь соревноваться с Буддой, Будда будет продолжать идти со своей обычной скоростью. Бежать будешь только ты, потому что Будда скажет: "Куда бежать? Все, что ты хочешь достичь, уже здесь. Даже если ты сядешь и будешь сидеть, это доступно. Даже если я пойду медленно, ничто не будет потеряно. Не имеет значения, приду я куда-нибудь или нет, - потому что я уже *пришел*". Но ты победишь, ты будешь бежать, как сумасшедший, потому что жизнь выskalзывает у тебя из рук, и все пусто, ничто не осуществилось.

Чем более пустым внутри чувствует себя человек, тем больше он стремится заполнить эту пустоту снаружи. Если в твоей жизни нет любви, ты заполнишь пустоту деньгами. Если в твоей жизни нет опыта Бога, ты заполнишь эту пустоту деньгами. Если в твоей жизни нет опыта Божественного, ты заполнишь пустоту властью. Если в твоей жизни нет внутреннего света, ты заполнишь ее внешней моралью. Тот, кто пуст внутри, украсит свою жизнь снаружи, чтобы, по крайней мере, обмануть глаза других... трудно обмануть самого себя. Но если другие обмануты, тогда постепенно человек начинает обманывать и себя. Он начинает верить в то, что говорят другие.

Я слышал:

Мулла Насреддин шел по дороге, ведущей к королевскому дворцу, и его окружили какие-то хулиганы. Кто-то стал бросать в него камни, кто-то стал его высмеивать. Он был анекдотом всего города. И он стал думать, как от них избавиться. Он сказал:

- Послушайте, знаете ли вы, что сегодня весь город приглашен в королевский дворец на пир? Я туда иду. Нет никаких ограничений, приходят все, кто хочет. Приготовлено пятьдесят шесть деликатесных блюд.

Он так подробно описал еду, что мальчишки оставили его в покое и побежали во дворец. Они подумали:

- Какой смысл слушать его болтовню, лучше сразу пойти во дворец.

Когда мальчишки убежали, он увидел пыль, поднятую их ногами, поколебался мгновение и тоже побежал за ними, подумав:

- Кто знает, может быть, это правда? Лучше пойти и посмотреть.

Если ты убедил других, хотя начал со лжи, если они поверили, ты начинаешь сомневаться:

- Кто знает? Может быть, это правда!

Когда столько людей считает, что ты великий человек, кто знает? Может быть, ты и правда великий человек! Хотя внутри ты знаешь, что это не так. Это не так - именно поэтому ты устроил такое великое представление, изображая великого человека, поднял столько шума и принял столько мер. Но ум поразителен, он может обмануть даже самого себя. В глубине сердца ты будешь знать, что что-то не так, но начнешь верить, что это правда, иначе как может заблуждаться столько людей? Могут заблуждаться один или два, но может ли заблуждаться весь мир?

*Каждый хочет свойств Бога,
но никто не хочет исчезнуть в Боге;
эгоист чувствует себя неполноценным внутри...*

Эгоист - это тот, кто внутри чувствует себя неполноценным, недостойным.

Сахаджо говорит: он никогда не поднимется высоко.

Это не способ подняться высоко. Есть два способа высоко подняться: один иллюзорный, второй настоящий. Один способ - позволить неполноценности остаться внутри и создать высоты снаружи. Неполноценность останется подавленной, и никто о ней не узнает. Ты сам забудешь, и эта ложь, повторенная столько раз, будет выглядеть как истина. А когда ее повторяют тысячи голосов, ты тоже поверишь. Это один путь, путь, который выберут девятьсот девяносто девять из тысячи. Этим способом ты добьешься денег, власти, престижа, успеха, славы - но все это тщетно. Ты умрешь таким же, как и пришел. Низость, неполноценность в тебе не исчезнут; они будут подавлены, но не исчезнут.

Есть другой способ распрощаться с внутренней неполноценностью. Не пытайся компенсировать ее снаружи, расстанься с ней внутри. Искорени ее полностью. И в тот день, когда она полностью искоренена, не будет иметь никакого значения, считает ли тебя великим весь мир. Когда она тотально искоренена, у тебя внутри возникает новый свет. Ты узнаешь изнутри. Если кто-то знает об этом свете - хорошо, если никто не знает, - все в порядке. Ты не заботишься об этом. Ты не заботишься о мнениях других.

*Ум всегда расщеплен;
нет спокойствия в сердце.*

Какой бы власти и какого бы положения ты ни добился, сколько бы богатств ни скопил, ум всегда расщеплен. Ум всегда остается разделенным. Она использует прекрасное слово, *читбханг*, - как будто зеркало разбилось надвое; как будто отражение луны в озере разбилось на множество частей - фрагменты рассеялись, когда кто-то бросил в озеро камень.

Нет спокойствия в сердце... и сердце постоянно дрожит. Внутри продолжается постоянный страх, и, пока Бог не осознан, страх не может исчезнуть. Страх не исчезает, если ты достигаешь свойств Бога, страх исчезает, лишь когда ты *есть Бог*. И тогда возникает бесстрашие.

*Нет спокойствия в сердце.
Волны сексуальных желаний смывают
плоды Божественного.*

Есть только две альтернативы: либо ты тонешь в Божественном, либо тебя смывают желания. Либо волна желания унесет тебя из потока Божественного, либо Божественное поднимет тебя вверх. Секс или сверхсознание - вот два направления, два образа твоего бытия.

Ум всегда расщеплен; нет спокойствия в сердце. Если ты следуешь волнам страсти, вот результат: *волны сексуальных желаний смывают плоды Божественного*. Либо ты пробуешь плод Божественного вспоминания, либо тонешь в море желаний и теряешься. Либо ты знаешь настоящую луну в небе, либо лишь ее отражение в озере.

С отражением луны в озере всегда будут проблемы. Ум всегда расщеплен... поднимается

небольшой ветер, и луна распадается на части. Какой-то ребенок бросает камень, или проплывает лодка, или лист падает с дерева, - и озеро потревожено. Облака собираются над озером, и луна скрыта.

Радость, которую ты получаешь от секса, подобна отражению луны в озере: кажется, что что-то достигнуто, - но ничто не достигнуто. Ты никогда этого не получаешь - оно дрожит на грани исчезновения.

*Божественный философский камень все превращает в золото;
он существует в сердце духовно богатого.*

*Глаз нищего не может его узнать,
Сахаджо говорит: он его потеряет.*

Свойства Бога подобны золоту. Бог подобен философскому камню. Если бы этот камень и слитки золота положили перед тобой, ты выбрал бы золото, потому что ты не знаешь, что этот камень не обычный: коснувшись любого металла, он превращает его в золото. То, что выбрал ты, выглядит как золото, но не может превращать в золото железо.

Божественный философский камень все превращает в золото... Бог, Божественное - это драгоценный философский камень. Он существует в сердце духовно богатых - он доступен только этим счастливым. Он доступен счастливым, которые смогли вырваться из цепи причины и следствия. Лишь те, у кого есть этот камень, богаты. Но если ты попытаешься продать философский камень на рынке, может быть, никто не даст тебе за него и *пайса*. Или, может быть, если ты пойдешь в деревню, где взвешивают овощи на весах с камнями, кто-то захочет купить его за несколько грошей, чтобы использовать как гирию. Иначе кто захочет купить камень? Философский камень - это тоже камень. Что-то в нем скрыто, но тот, кто его видит, не знает об этом. Золото невидимо. Никто не может оценить философский камень, но золото можно оценить.

Божественный философский камень все превращает в золото; он существует в сердце духовно богатого. Те, кто пережил Божественное, приобрели философский камень: чего бы они ни коснулись, все превращается в золото. Каждое слово и действие становятся золотом. Куда бы они ни шли, пыль под их ногами становится золотой. Где бы ты ни чувствовал себя в аду, если туда придет человек с философским камнем, он станет раем.

Я слышал суфийскую историю... Однажды ночью пандит уснул, и ему приснилось, что он попал в рай. Он был немного удивлен, потому что никогда не думал о рае. Он увидел, что кто-то молится, а кто-то читает Коран. Там толпились люди. Но он сказал:

- Я думал, что наши молитвы и чтение Корана были способами освободиться от мира. Но если человек должен читать тот же самый Коран даже в раю, какой в нем смысл?

Ваши монахи, святые и богословы тоже думают то же самое: "Человек должен поститься всего несколько дней, но в раю он будет сидеть под деревом *калпаврикша* - исполняющим желания, - и тогда не нужно будет поститься". На самом деле они думают, что люди, которые не постятся, поймут свою ошибку, только когда окажутся в аду! "Мы немного страдаем здесь, но это гарантирует постоянные условия в следующей жизни. Умный человек заработает вечное удовольствие, даже если придется немного пострадать".

Ваши монахи и санньясины знают, что все вы отправитесь в ад. Они знают, что все вы идиоты. Они думают, что ведут себя разумно! Они лучше вас понимают бизнес: они сидят под деревом и говорят, что сегодня нужно выдержать немного страдания, а завтра настанет рай.

Сколько длится жизнь? Она быстро пройдет в повторении имени Рама, и через несколько лет ты получишь в раю *калпавриксу*, исполняющее желания дерево!

Но этот пандит был озадачен: "Что здесь происходит? Это мы делаем всю жизнь на земле, и то же самое происходит в раю? В чем же тогда смысл рая? Где источники, реки вина? Где красивые женщины? Я ничего подобного не вижу. Что происходит? Даже здесь люди читают стихи Корана. Тогда в чем разница?"

Он спросил какого-то ангела:

- Что происходит? Я ничего не понимаю, я в растерянности. Я читаю Коран, потому что всегда думал, что через несколько дней, как только я попаду в рай, все проблемы будут решены и Коран можно будет оставить снаружи. А здесь люди тоже читают Коран! Уж не постыятся ли они? Не совершают ли долгих постов? Тогда в чем разница между раем и землей? И где красивые женщины? Где исполняющие желания деревья? Что все эти святые делают в раю?

Ангел сказал:

- Прости меня, но в твоей концепции рая какая-то ошибка. Если ты думаешь, что святые попадают в рай, ты ошибаешься. Рай там, где святые.

Поэтому у религиозности нет выходных, помни. Не думай, что это только несколько трудных дней: "Мы это потерпим, а потом простимся с этой религиозностью и забудем о ней. И как только мы войдем в рай, мы сможем потакать себе, как только захотим. Здесь мы должны немного ограничивать себя" - не думай так. У религиозности нет выходных. И эта псевдорелигиозность, от которой тебе хочется отдохнуть, поверхностна, в ней нет глубины.

Кто захочет освободиться от религиозности? Религиозность сама по себе рай. Дело не в том, что мудрецы отправляются в рай, мудрецы *есть* рай. Дело не в том, что кто-то попадает в рай, читая Коран, но стихи Корана уже есть рай. Тот, кто знает это, продолжает его читать, и для него нет речи о том, чтобы отречься от Корана. Его радость растет с каждым днем. Молитва не нужна для того, чтобы попасть в рай, молитва *есть* рай. Человек, который это знает, всегда погружен в молитву. Захотел бы он прервать свою молитву на выходные? Тогда он не понял молитву. Это по-прежнему усилие, мирская вещь. Она еще не стала его любовью. Хочет ли кто-нибудь освободиться от любви? Хочет ли кто-нибудь освободиться от молитвы? Хочет ли кто-нибудь забыть Божественное? Как только оно познано, его невозможно забыть.

Божественный философский камень все превращает в золото; он существует в сердце духовно богатого. Лишь те, кому очень повезло, могут узнать Божественное. И наоборот, если кто-то приходит к знанию Божественного, ему очень повезло. Нет величайшей удачи, чем эта, - только он богат. Не запутывайся в других богатствах. Без Бога все богатства бедны. Пока ты не реализовал Бога, ты голый. Ты напрасно стоишь с мечом, чтобы защитить себя от воров, у тебя ничего нет.

Глаз нищего не может его узнать.

Тот, кто не может его знать, беден: философский камень прямо перед ним, а он выбирает золото.

*Глаз нищего не может его узнать,
Сахаджо говорит: он его потеряет.*

Он легко теряет то, что всегда доступно, и бежит за тем, чего у него никогда не было,

сколько бы он за этим ни гнался. Существование всегда доступно; желание трудно удовлетворить. Существование сейчас и здесь - дело только в том, чтобы открыть глаза. Желания никогда не сбудутся, даже если ты ищешь жизнь за жизнью, потому что природа желания такова, что оно никогда не удовлетворяется. Желание никогда не приносит удовлетворенности. Желание всегда не исполнено, это его внутренняя природа. Божественное всегда доступно, это сама его природа. Первое - это только бесконечная погоня, второе уже здесь. Когда ты прекращаешь бежать и расслабляешься в своем существе, ты узнаешь. *Глаз нищего не может его узнать, Сахаджо говорит: он его потеряет.*

Сахаджо говорит: помни Бога тайно, в глубине сердца.

Сахаджо говорит: "Помни Божественное таким образом: переживай его в сердце. И не нужно никому говорить, потому что желание рассказать другим возникает из комплекса неполноценности. Желание показать другим, что ты религиозен - ты ходишь в храм, мечеть, гурудвару, никогда по воскресеньям не пропускаешь церковь, - это желание, чтобы мир знал, - мирское.

Совершенно не нужно выставлять напоказ опыт Бога. И, в любом случае, как ты покажешь его слепым? Те, кто гонится за сексом, как они смогут увидеть твою Божественность? Если ты покажешь ее им, они скажут: "Оставь себе, нам это не нужно. Какая от этого польза? Зачем ты принес нам этот камень? Философский камень - это только история, в реальности его не существует. Отойди, мы идем за золотом!" Никому не демонстрируй его. Он не имеет ничего общего с демонстрацией, его нужно пережить внутри.

Божественность - это не шоу-бизнес, не мир. Если у тебя есть деньги и ты не показываешь их, какой тогда смысл их иметь? Если у тебя есть бриллианты и драгоценности и ты прячешь их, - каково их назначение? Их нужно выставить напоказ. Ты должен по каждому поводу надевать их - на свадьбе, в храмах, в клубах, в тех или иных местах, где ты можешь показать их другим. Иначе в чем их цель? Если ты прячешь бриллианты и никто не знает, - какая тогда разница, камни ли это с морского берега или действительно бриллианты?

Я слышал, что один старик прятал в сундуке пять слитков золота. Его сын был немного хулиганом и любил наслаждаться жизнью. Постепенно он вынес все пять слитков. Он потратил деньги и наслаждался ими, а вместо золотых слитков положил железные того же веса. Старик плохо видел, а в подвале, где стоял сундук, было темно. Он открывал его и ощупывал слитки. Слитки были на месте, и все было в порядке, и он радостно закрывал сундук.

Проблема возникла перед его смертью. Прежде чем умереть, он открыл глаза и сказал: - Принесите мне мои золотые слитки. Я хочу знать, что с ними все в порядке.

И слитки принесли. Когда его жена принесла слитки, она удивилась, потому что слитки были из железа. Она поняла, что, наверное, это какая-то проделка сына. Когда умирающий увидел железные слитки, на мгновение он был потрясен. На мгновение он почувствовал, что его ограбили. Но смерть приближалась - какая теперь разница, золотые слитки или железные? Он рассмеялся над всем этим, потому что всю жизнь думал, что слитки были золотыми, а они оказались железными.

Если ты прячешь в доме богатство, какое оно имеет значение? Богатство нужно показывать. Вся радость в том, чтобы оно было заметно. Именно поэтому люди показывают даже больше, чем у них на самом деле есть. Они не показывают его налоговым инспекторам, но показывают

всем остальным. Они показывают даже то, чего у них нет. Они ставят на стол телефоны, которые не подключены.

Я слышал, что у Муллы Насреддина был такой телефон. Он устроил офис, и офис выглядел неполным без телефона. Пришел человек, и просто чтобы произвести на него впечатление, он попросил его подождать, поднял трубку и некоторое время поговорил - телефон был не подключен. Но он немного поговорил, притворился, что слышит какой-то ответ, сказал еще несколько слов и спросил:

- А теперь скажи мне, зачем ты пришел?

- Я пришел из телефонной компании подключить вам телефон.

Мулла не знал, что этот человек был из телефонной компании!

Радость богатства в том, чтобы его показывать. И человек показывает даже то, чего у него нет. Люди одалживают вещи у других и показывают, словно свои собственные. Мир - это только выставка. Божественность - это не выставка, ты должен взлелеять ее внутри себя.

Сахаджо говорит: помни Бога тайно, в глубине сердца. Она просит помнить Божественное в сердце. *Твои губы не шелохнутся* - даже губы не должны знать, что ты говоришь в сердце. *Никто не узнает* - никто и не должен знать. Даже если кто-то попытается узнать, он не должен заметить, что скрыто у тебя в сердце. Скрой это, потому что чем больше ты скрываешь, тем это глубже. Покажи это, и чем больше ты показываешь, тем более это будет периферийным. Все показное периферийно, а центр должен оставаться скрытым. То, что трансцендентально, должно сохраняться в святая святых. Продолжай прятать это глубже и глубже... глубже. Какое бы ты ни нашел потайное место, скрой это там. Придет день, когда имя Бога окажется в твоём глубочайшем ядре; просто воспоминание, но никаких слов. Дело не в том, что внутри ты будешь повторять *Рама-Рама*. Если ты будешь повторять *Рама-Рама*, об этом узнают губы. Даже если ты повторяешь молча, постепенно ты найдешь, что губы шевелятся изнутри. Движение продолжается. Узнает язык, узнает горло.

Сахаджо говорит, что воспоминание Божественного не в повторении слов; это переживание сердца. *Сахаджо говорит: помни Бога тайно, в глубине сердца. Твои губы не шелохнутся, никто не узнает.* Никто не должен узнать, потому что ум, эго, очень коварен. Если эго начнет наслаждаться тем, что другие знают, оно начнет молиться громче. Когда кто-то проходит мимо, ты станешь молиться громче; если никого нет, чтобы тебя увидеть, ты будешь молиться тихо. Если нет никого, чтобы тебя услышать, ты отложишь священную книгу в сторону и начнешь думать о лавке. Тогда снова кто-то придет, и ты возьмешь священную книгу и опять начнешь ее читать. Ум очень обманчив. Осознавай обман ума. Поэтому предельная *садхана*, предельное духовное усилие в жизни внутреннее, тайное.

Даже если ты постишься и совершаешь религиозные ритуалы, ты делаешь это потому, что за этим последует большая процессия. Люди постятся даже десять дней только в надежде, что потом их понесут на руках - нужно только помучиться несколько дней. Постящиеся люди даже попадают в свадебные процессии с оркестром и толпами людей; этого человека несут на руках, чтобы его почтить.

Ты отравил сам смысл поста. В умах людей даже пост превратился в представление. Должен ли этот пост что-то сказать миру? И если ты что-то говоришь миру, тогда помни: нет необходимости ничего говорить Богу. Все кончено. Тебе уже заплатили. Что бы ты ни хотел приобрести благодаря своему посту, ты это уже получил: тебя пронесли на руках по рыночной площади, играл оркестр, про тебя напечатали в газетах, и теперь все кончено. Люди тебя восхваляют, ты великий святой. Тебе заплатили. Ты получил то, чего на самом деле хотел

добиться этим постом. Теперь не поднимай больше этот вопрос, не пытайся получить больше ничего.

Не проси ничего у мира, лишь тогда ты сможешь познать Божественное. Не принимай никакой награды здесь, лишь тогда ты сможешь получить награду там.

Сахаджо говорит: помни Бога тайно, в глубине сердца. Твои губы не шелохнутся, никто не узнает. Сахаджо говорит: помни Бога так, чтобы об этом знали лишь ты и Бог...

Кроме Бога, никто не должен знать. Если он услышал, дело закрыто. И он не так глух, чтобы тебе пришлось кричать ему с крыши мечети. Кабир говорит: "Разве Бог глухой? Почему ты кричишь так громко? Он услышит". Он слышит не то, что ты говоришь, но *кто* ты такой. Он слышит не слова, которые ты повторяешь. Он слышит не поверхностные слова, но то, что скрыто у тебя в сердце.

Сахаджо говорит: помни Бога так, чтобы об этом знали лишь ты и Бог, но мир не узнал.

Мир не должен знать об этом. Если знает только Бог, этого достаточно. Ты помнишь это в обычной жизни: любовники встречаются в уединении, не на рыночной площади. Если любовники встречаются на рыночной площади, они забывают о ней, есть только они. Именно поэтому любовники встречаются в таком месте, которое становится для них молчаливым. Любовники хотят встречаться в тихих местах, потому что для любви нужно уединение. Нужно ли что-нибудь показывать миру? Разве это представление, в котором ты становишься на одно колено и повторяешь диалоги Маджну? В представлении это уместно, потому что актер показывает, что ищет свою возлюбленную в лесу - как в пьесе о жизни Рама - и спрашивает деревья: "Где моя Сита?", и в то же время смотрит, пришел ли фотограф, сообщили ли журналистам. И он кричит: "Где моя Сита?" Это хорошо в представлении.

Рама, должно быть, спрашивал деревья, но кричал ли он? Понимают ли деревья человеческий язык? Они понимают язык сердца. Рама, может быть, опирался на дерево и плакал. Может быть, в его сердце возникал вздох - я говорю, "вздох", не слова "Где моя Сита?". Наверное, это слышали небеса, деревья слышали, как Рама плачет. Это слышало существование. Но кричал ли он? Было ли это выставкой на рынке?

... чтобы об этом знали лишь ты и Бог...

Сахаджо говорит: "Прячь это от мира, точно как любовники хотят уединения в любви. Они не хотят толпы. Если есть двое любовников и входит кто-то третий, ритм любви нарушен. Присутствие третьего человека становится препятствием. В присутствии третьего человека нельзя сказать ничего личного и интимного, третий человек сделает все плоским. Нужны только двое - и когда двое в глубокой любви, остается лишь один. Как могут оставаться двое? В этом единстве, ничего не говоря, они делятся любовью. В толпе, даже если ты будешь кричать, любовью нельзя поделиться.

Психологи заметили, что люди часто говорят: "Я тебя люблю, я так тебя люблю" - остерегайся их, они обманывают тебя. Можно ли выразить любовь, сказав это? Если она есть, ее можно узнать; если ее нет, человеку приходится говорить о ней. Муж говорит жене: "Я тебя люблю, я не смог бы прожить без тебя и мгновения", но внутри он думает прямо противоположное: "Когда я освобожусь от этой женщины?" Он говорит: "Я не смогу жить без тебя", хотя, когда жены рядом нет, ты видишь, что он счастлив. Когда жена возвращается, все идет не так. И жены постоянно говорят: "Я доверяю тебе, я отдаюсь тебе..."

Однажды на рынке я увидел Муллу Насреддина. Какой-то человек пытался продать ему ножи. Он сказал:

- Насреддин, даже если тебе они не нужны больше ни для чего, ими ты сможешь распечатывать письма и конверты.

Насреддин сказал:

- Тогда они мне не понадобятся. Мои письма приходят распечатанными - я женат.

Доверяет ли жена мужу достаточно, чтобы отдавать ему письма нераспечатанными? Нет, она открывает и читает их. И она говорит, что доверяет ему, что он для нее бог, но не доверяет ему даже настолько. Преданность, доверие, любовь - все это стало только словами, показухой. Мы говорим одно, а делаем что-то совершенно другое.

Вы сделали это и с Богом. Ваше поклонение и ваши молитвы тоже стали показухой. Когда в храме много людей, посмотри, как человек, который молится, начнет притворяться более опьяненным. Он начнет прыгать вокруг. Если он один, если рядом никого нет - только тогда он говорит Богу: "До свиданья. Позволь мне пойти домой. Какой смысл молиться? Сегодня никто не пришел смотреть".

Молитва - это очень частное дело. Нет ничего более личного, чем молитва. Она глубже глубочайшей любви. Это сердце любви, душа любви.

Именно поэтому Сахаджо права, когда говорит: *помни Бога так, чтобы об этом знали лишь ты и Бог.* Или знаешь только ты, или, еще лучше, знает только Бог. Это поразительное мгновение. *Чтобы об этом знали лишь ты и Бог...* Самое большее, ты знаешь это. Даже это своего рода беспомощность, потому что, когда любовь возникает у тебя внутри, ты узнаешь ее. Но даже лучше, если ты об этом сам не знаешь и знает только Бог - если только Бог знает, этого достаточно.

Ты тоже часть мира. То, кто ты - твоя личность, твое эго, - это тоже часть мира. Нет необходимости в том, чтобы эго знало. Это последнее, высочайшее: пусть знает только Бог. Тебе не нужно вовлекать больше никого. И когда знает Бог, чудесный философский камень нужно прятать. Его нужно прятать так, чтобы никто о нем не знал - хотя люди его и заметят.

Теперь я скажу последнее. Те, кто хочет показать это другим, обнаружат в конце концов: люди могут увидеть, что все это только показуха. Ты слеп, и хочешь показать людям, что у тебя есть глаза? Сколько ты сможешь поддерживать эту видимость?

Муллу Насреддин влюбился в одну женщину. С ним все было в порядке за исключением того, что он плохо видел. И он спросил окулиста:

- Что мне делать? Из-за плохого зрения и толстых очков эта женщина может меня отвергнуть. Я даже ее не вижу. Только наощупь я могу определить, где у нее голова, а где руки. Это стало проблемой... и если я не ношу очки, тогда я не смогу узнать, кто есть кто. Эти очки могут создать для меня проблему. Женщина может подумать, что я наполовину слепой, и откажется выйти за меня замуж. Нельзя ли что-нибудь сделать?

- Сделай одно, - сказал доктор. - Притворись, что ты видишь далеко. Сделай что-нибудь, чтобы убедить ее, что ты можешь видеть то, что далеко.

Как говорят, слепые могут видеть то, что очень далеко. И Насреддин решил попытаться. Однажды вечером, сидя в парке, он приколол к дальнему дереву иголку, которую не увидели бы и люди с хорошим зрением. Он сидел со своей подружкой в ста шагах от дерева. Была звездная ночь. Внезапно он сказал:

- Кажется, кто-то воткнул иголку вон в то дерево.

Девушка была немного удивлена, потому что сомневалась, что он хорошо видит: "Как он может увидеть иголку на таком расстоянии?"

Она ее не видела - даже дерево было трудно увидеть. Как он может увидеть иголку, которую кто-то воткнул в дерево? И она сказала:

- Насреддин, я ее не вижу.

- Я пойду и принесу ее.

Он встал - и упал лицом вниз, потому что перед ним стоял буйвол. Он не увидел даже буйвола!

Твое притворство не может длиться долго. Сколько оно может продолжаться? Притворство рано или поздно будет обнаружено, хотя, может быть, люди этого и не скажут, потому что кажется немного невежливым говорить тебе, что ты притворяешься. Это кажется им невежливым, потому что они делают то же самое. Именно поэтому происходит этот компромисс, взаимный заговор, взаимная сделка:

- Ты не разоблачаешь меня, я не разоблачаю тебя.

Так живет мир. Ты пытаешься показать, что ты великий знающий, а я пытаюсь показать, что я великий отрекшийся - мы оба должны заботиться друг о друге. Если ты создашь для меня какие-то проблемы, я тоже могу создать проблемы для тебя. Именно так продолжается мир. Но каждый знает, что представление - это только представление. Как бы ты ни притворялся, ты не можешь обмануть других.

И еще одно, что нужно понять: тот, кто прячет это внутри, не может это прятать слишком долго. Он может пытаться сделать это, но оно все равно станет очевидным. Он как беременная женщина - может ли она это скрыть? Меняются ее движения, меняется ее лицо, меняются ее глаза. Обычная женщина обычна, а мать, беременная женщина, - это совсем другое явление. Случилась революция, в нее вошла новая жизнь. Велико ее великолепие. Красоты беременной женщины нет в обычной, потому что вместо одной две души сияют в одном теле. Будто бы две свечи горят в одном доме, и свет более интенсивен - ты не можешь это скрыть. Когда чудесный философский камень у тебя внутри и ты носишь Божественное в своем чреве, как тебе это скрыть? Нельзя скрыть даже ребенка во чреве.

Сахаджо говорит: "Скрой это". Я говорю, что ты не можешь это скрыть. Никто никогда не мог этого скрыть. Слепые начинают это видеть, глухие начинают слышать у тебя внутри предельную музыку. Даже люди, лишенные обоняния, - их носы наполнит аромат предельного, исходящий изнутри тебя.

Божественность - это очень заметное явление. Да, если ты попытаешься ее скрыть, она станет видимой, а если ты попытаешься ее показать, значит, у тебя ее совершенно нет. Предоставь все Богу, а со своей стороны скрой ее. И если она станет видимой, что ты тогда можешь сделать? Если она видима, она видима. Как иначе ты узнал бы Будду? Как иначе Сахаджо пела бы свои песни? Как иначе ты узнал бы Фарида? Это было бы невозможно.

Когда в ком-то в этом мире происходит опыт Божественного, они изо всех сил пытаются его скрыть, но все усилия тщетны. Божественное у них внутри узнаваемо. А те, кто не познал,

даже если они изо всех сил пытаются его показать, им нечего показывать. В своих усилиях показать они только показывают свою глупость. Их усилия показать его обнажают их ложь. Когда они это показывают, люди лишь чувствуют их полную пустоту.

На сегодня хватит...

8. Ищи, и упустишь

Первый вопрос:

Ты рассказал историю о том, как королю пришлось быть жестоким, чтобы спасти человека от змеи, которая заползла ему в живот. У нас тоже внутри есть змеи страсти и зависти. Почему ты не применяешь к нам тот же метод?

Нет необходимости обнажать меч там, где достаточно иглы. И работу, которую можно сделать иглой, нельзя сделать мечом. На самом деле, меч только испортит работу иглы. Не цепляйся за слова историй, которые я рассказываю. Пойми их суть.

Несомненно, ты болен, но болезнь эта не грубая, а очень тонкая. Змея страсти и зависти заползла тебе в живот, но ее нельзя извлечь, причиняя боль телу. Ты должен пройти через такой же тонкий процесс. Если бы змея была обыкновенной змеей, сработало бы то, что сделал в этой истории король. Он избил человека хлыстом, заставил его съесть гнилые фрукты, и, когда его желудок наполнился до самого горла, его стало тошнить. Король продолжал бить этого человека, и в этой боли из него вышла змея.

Если ты принимаешь эту историю буквально... И не удивительно, если ты понимаешь ее так, потому что твои святые и монахи понимали ее так же. Болезнь внутри, а они бьют свои тела; болезнь внутри, а они заняты попытками изменить свое поведение. Это скрыто глубоко внутри, и все же они стоят на солнце, истязая тело. Они хлещут себя хлыстами. Они лежат на колючках, а это так тонко, что его не может коснуться ни одна колючка. Напротив, от этого оно только становится сильнее. Если бы змею можно было бы извлечь, воздействуя на тело, задача была бы очень простой.

Змея не в теле, змея в уме. Она в тонких, бессознательных слоях ума. Если ты можешь понять, я сказал бы, что если бы змея была настоящей, все было бы очень легко. Но змея воображаемая, несуществующая, ты ее воображаешь. Именно поэтому нужны тонкие методы.

Позволь мне рассказать еще одну историю; может быть, с ее помощью ты поймешь.

Однажды ночью одному человеку приснился сон. Во сне он увидел, что он проглотил змею. Испуганный, он встал. Сон казался таким реальным, и его охватил такой сильный страх, что он закричал. Проснувшись его жена и другие люди в городе, и они попытались его убедить, что это ему приснилось. Он сказал:

- Нет, я все еще чувствую, как она шевелится у меня в животе.

Ему пришлось вызвать рвоту. Ничего не случилось, из него не вышла никакая змея - настоящая змея вышла бы, если бы она там была. Но когда его стошнило и змея не вышла, естественно, логика ему подсказала, что змея проникла глубже:

- Эта рвота только поверхностна, наверное, змея проникла в мои внутренности.

Он испробовал все лекарства, но доктора были в растерянности. Ему сделали рентген; не обнаружилось никакой змеи, но человек не мог этого принять. Он говорил:

- Должен ли я доверять себе, или вашим приборам? Должен ли я слушать ваши анализы, или свои переживания? Я чувствую, как змея шевелится. Я не могу ни стоять, ни сидеть, ни есть, ни пить.

Он почти сошел с ума.

Тогда его привели к психоаналитику, потому что змея была не в теле, а в уме. Что сделал психоаналитик? Он выслушал его историю и сказал:

- Конечно, змея есть. Рентген мог ее не показать, может быть, врачи не поняли, но я ее

вижу.

Он ощупал живот человека и сказал:

- Вот змея, ты прав.

Он поверил этому доктору. Он сказал:

- Кажется, ты единственный мудрый человек в этом городе.

Но психоаналитик лгал, потому что если должно быть уничтожено ложное, нет другого средства, кроме ложного лекарства.

Ты никогда не думал об этом? - ложное нельзя удалить реальным, потому что ложное и реальное никогда не встречаются. Как уничтожить эту змею? Если болезнь ложная, никогда не принимай аллопатических лекарств даже по ошибке, иначе ты причинишь себе вред, потому что лекарство-то настоящее.

Гомеопатия помогает от ложных болезней; это ложное лекарство. Это основанное на веровании лекарство от ложных болезней. Гомеопатическая медицина никому еще не причиняла вреда. Она может помочь, но никогда не навредит, потому что даже чтобы повредить, лекарство должно быть настоящим. Это сахарные таблетки. Дело не в том, что гомеопатия не работает. Она работает, потому что человек очень сложен. Это не особенность гомеопатии, это особенность болезни человека.

Девяносто болезней из ста ложные. А применять настоящее лекарство для лечения ложной болезни опасно, потому что настоящее лекарство что-то сделает. Если болезни нет, оно принесет тебе вред. Если бы была болезнь, оно излечило бы болезнь. Если его использовать неправильно, это может привести к фатальным результатам. Это яд. Если бы была болезнь, яд излечил бы болезнь, но если болезни нет, яд распространится по всему телу. Поэтому аллопатия не для псевдопациентов; псевдопациентам подойдет гомеопатия - а псевдопациентов больше, чем настоящих. Поэтому гомеопатия должна рекламироваться в мире наравне с аллопатией, хотя это и ложное лекарство. Но что делать? Болезни ложны. Болезни еще не случились, но людей уже нужно лечить.

И доктор сказал:

- Без сомнений, змея есть.

Он поверил этому доктору, тот показался ему мудрым. Врач сказал:

- Мы извлечем ее. Прими это лекарство, отдохни ночью и утром приходи, и, когда ты пойдешь в туалет, змея выйдет.

Человек всю ночь спал спокойно. Если найти правильного врача, половина болезни излечена. Этому доктору удалось найти змею, и утром прежде всего человек пошел в туалет и приготовился к появлению змеи.

Когда он вышел из туалета, психоаналитик сказал:

- Теперь давай пойдём и посмотрим, змея должна была выйти. И они нашли в туалете змею.

Человек был очень счастлив. Он сказал:

- Все мое внутреннее беспокойство исчезло - змея вышла! А все эти идиоты говорили, что никакой змеи не было.

Твоя болезнь имеет ту же природу, что и в этой истории. Ты не болен, это твоя идея. Ты находишься в иллюзии эго. Это только идея, мысленная волна. И ее можно удалить медитацией, не тяжким усилием.

Поэтому я не за тяжкие усилия, я не говорю, что ты должен выполнять странные асаны,

делать *ширшасану* - стойку на голове, стоять на солнце и напрасно истязать тело, поститься, стегать себя хлыстом - это не будет удалено таким способом. Ты зацепился за первую историю больше, чем следует. Пойми вторую, она тоньше. Техника должна быть такой же тонкой. И даже называть ее тонкой неправильно: ее вообще нет. Поэтому должно быть какое-то гомеопатическое лекарство. Медитация - это гомеопатическая стратегия удаления того, чего нет. Тебя только нужно разбудить. Тебе снится сон, который принимаешь за реальность. Проснувшись, ты найдешь, что ничего этого не было. Это нужно не удалить, а просто понять.

Поэтому ничто не вынуждает меня быть жестоким. Тебе бы больше понравилось, если бы я был жестоким. Тебе бы это понравилось, потому что ты почувствовал бы, что что-то происходит. Когда я прошу тебя медитировать, твоя связь со мной колеблется. Ты говоришь:

- Медитация? Вели нам что-нибудь сделать. Мы можем поститься. Морить себя голодом нетрудно. Но "не думать" трудно.

Я предлагаю тебе отбросить это. Ты говоришь:

- Это очень трудно. Прикажи нам заняться чем-то вроде благотворительности, религии, читать и повторять священные писания, отречься, совершать тяжкие усилия, и мы это сделаем.

Но все эти вещи только усилят твое эго, и теперь у твоего эго будет религиозная одежда. Твое эго станет благочестивым, но благочестивое эго гораздо опаснее. В грубом эго есть примеси, но благочестивое эго - это чистый яд. Именно поэтому все твои лекарства терпят поражение, - ты принимаешь настоящие лекарства, не обращая никакого внимания на болезнь, которая ложна.

Я сидел в лавке Муллы Насреддина. Пришел человек, и он попросил яду, чтобы убить клопов. Насреддин дал ему яд. Тогда человек сказал:

- Брат, это убьет клопов, но кто совершит грех, убивая их? Буду ли виноват я, или ты? Я разбрызгаю яд, но ты его приготовил. Или мы поделим грех пополам?

Насреддин сказал:

- Никто не будет виноват, так что не беспокойся.

- Что ты имеешь в виду?

- Это было бы грехом, если бы клопы действительно умирали. Это средство индийское, сырое, домашнего приготовления. От него клопы не умрут, это нужно только для самоуспокоения.

Все твои тяжкие усилия будут тщетны, потому что ты не видишь правильно то, что должен убить, и умрет ли оно. Между ними нет никакой связи. Весь твой аскетизм причинит вред, но ничего не излечит.

Весь акцент я делаю на медитации. В чем смысл медитации? Медитация просто означает сделать ум таким пустым и молчаливым, чтобы он ничего не добавлял к тому, что ты видишь. Если ты видишь розу, ты увидишь просто розу. Твой ум не должен говорить: "Какая она красивая, какая милая", или: "Это ничто, я видел множество цветов гораздо красивее". Ум ничего не должен говорить. Он не должен делать никаких комментариев. Когда ум не делает никаких комментариев, это медитация. Тогда твой ум - это ясное зеркало. Тогда ты видишь то, что есть.

Сейчас ты видишь то, чего нет, - то, что проецирует твой ум, то, что твой ум добавляет к существованию. Сейчас ты видишь свои верования; верования эти иллюзорны. Везде ты видишь лишь то, что способен увидеть. Когда ты смотришь с осознанностью, все эти вещи выглядят по-другому.

Представь, что ты идешь по дороге и тебя кто-то оскорбляет. Прямо сейчас ты чувствуешь,

что, если он тебя оскорбляет, он плохой, злой человек и он должен быть наказан. Но однажды, если это случится снова и ты посмотришь с осознанностью, ты будешь знать, что этот человек говорит правду.

- То, что он говорит обо мне, - это правдивое описание, не оскорбление. Он назвал меня вором - я действительно вор.

Ты можешь поклониться и коснуться его ног:

- Какая удача, что мы встретились. Ты указал мне факт - я вор. Ты разбудил меня, ты позволил мне осознать. Я благодарю тебя. И пожалуйста, всегда будь так же добр со мной. Когда ты что-то заметишь, пожалуйста, скажи мне.

Тот, кто обнажает твои недостатки, - друг, тот, кто их игнорирует, - враг. Но прямо сейчас у тебя другое определение: ты называешь кого-то другом, если он прячет твои недостатки, ты называешь кого-то врагом, если он обнажает твои недостатки. Но в состоянии медитации все меняется.

Кабир сказал:

Держи рядом с собой критика.

Построй для него хижину во дворе.

Когда ты находишь кого-то, кто тебя оскорбляет, когда ты находишь кого-то, кто тебя критикует, пригласи его в дом и скажи:

- Пожалуйста, не уходи. Остайся со мной. Я построю для тебя хижину во дворе, я создам тебе условия для жизни. Потому что, если ты будешь далеко и мы будем встречаться лишь изредка, не знаю, сколько ошибок ты упустишь. Оставайся рядом и наблюдай за мной, и, когда ты видишь, что что-то не так, скажи мне об этом от всего сердца, ничего не скрывая. Не думай о хороших манерах. Ничего не смягчая, скажи ясно, потому что без тебя я могу заблудиться. *Держи рядом с собой критика*: это факт, который видит осознанность.

Если ты слушаешь оскорбления без осознанности, ты готов будешь бороться с этим человеком. Если ты слушаешь оскорбления с осознанностью, ты поблагодаришь этого человека. Тогда все жизненные ситуации изменятся.

Есть два способа смотреть на жизнь: один из ума, второй из медитации. Жизнь, видимая из ума, есть мир. Тот же самый мир, видимый из медитации, есть Бог. Бог и мир - это не две разные вещи, это два способа видения.

Я знаю, что твоя болезнь ложна. Именно поэтому я постоянно говорю, что, если захочешь, ты можешь пережить опыт Бога в это самое мгновение. Не нужно откладывать ни на миг. Если бы болезнь была настоящей, это было бы невозможно. На это требовалось бы время. Если человек лежит в постели больной, действительно больной, на то, чтобы его излечить, могут потребоваться годы. После продолжительного лечения болезнь постепенно пройдет. Но когда человек лежит в постели под гипнозом, только думая, что болен, он на самом деле не болен. Люди внушили ему, что он болен, но на самом деле он не болен.

У меня был профессор, которого я очень любил. Однажды я сказал ему то же самое, но он со мной не согласился. Он сказал:

- Как это возможно? Докажи это, сделай меня больным.

Я ничего не сказал. Я даже не сказал, что продемонстрирую ему это, потому что это стало бы препятствием. Я просто проигнорировал это замечание, и мы об этом забыли.

Через два или три месяца я попросил его жену сделать мне одолжение: встав утром, просто сказать ему:

"Ты что, не спал ночью? У тебя красные глаза. Дай-ка я потрогаю тебе лоб, нет ли у тебя температуры?"

Потом я попросил ее потрогать ему лоб и сказать:

"Боже мой! Кажется, у тебя высокая температура. Почему ты не разбудил меня ночью?"

- Что ты затеваешь? - спросила жена.

Я сказал ей:

- Я провожу эксперимент. Только ничего ему не говори. Просто сделай мне такое одолжение.

Я дал ей лист бумаги, на котором написал все, что она должна была сказать, и попросил ее записать все, что он скажет, на обороте, не прибавив от себя ни слова.

Я сказал то же самое слуге и садовнику. Я всем им раздал листы бумаги. Слуге я сказал:

- Скажи ему, когда будешь подметать дом и он выйдет: "Хозяин, кажется, вы нездоровы", и запиши все, что он ответит.

Садовнику я сказал:

- Когда он пойдет в университет, подойди к калитке и скажи: "У вас походка больного человека. Вы хорошо себя чувствуете?" и запиши, что он скажет.

Потом я отправился в университет и подошел к его служащему; я сказал ему то же самое. По дороге было почтовое отделение, и я попросил почтальона спросить его о здоровье, когда он пройдет мимо.

К тому времени, как мой профессор добрался до университета - это было не очень далеко, может быть, в полумиле от дома, - у него покраснели глаза, и он весь дрожал. Я встретил его у входа. Он сказал:

- Послушай, возьми у кого-нибудь машину, моя сломалась. Я не смогу дойти до дома. У меня температура. Я был нездоров всю ночь.

Он сел на стул у входа на факультет и закрыл глаза. Я взял у кого-то машину и отвез его домой.

Вечером я пришел его навестить. Он лежал в постели. Я измерил ему температуру - тридцать девять. Я собрал все бумажки с записями того, что он сказал. Когда жена спросила его, хорошо ли он спал, он ответил: "Кто говорит, что я плохо спал? Я отлично спал всю ночь. Ты даешь волю своему воображению". А слуге он сказал: "Да, я плохо спал ночью" - а между первым разговором с женой и вторым со слугой прошло не так много времени! Тогда он добавил: "Но я в порядке". Но он уже не отрицал этого так рьяно, как в разговоре с женой.

Садовнику он сказал: "Да, кажется, у меня температура. Но небольшая - все само пройдет". Почтальону он сказал: "У меня болит голова, и ночью мне было плохо". На кафедре он сказал: "Да, я очень болен, мне было плохо всю ночь. Сегодня я не смогу читать лекцию, пожалуйста, сообщите им". И к тому времени, как он встретил меня, он просто свалился на стул. А к вечеру у него поднялась температура до тридцати девяти градусов. Я показал ему все эти записи и сказал:

- Вот твои слова - что считать правдой? Шаг за шагом ты подошел к болезни. Утром ты был определенно здоров. Твоя жена была рядом, и она говорит, что просто чудо, как это ты заболел, потому что она только повторяла то, что попросил ее сказать я. Твой садовник был рядом, и служащий университета. Я их всех сюда позову. Они только повторяли мои слова. Ты заболел, твоя температура реальна, но болезнь ложна. У тебя настоящий жар, но он вызван ложной причиной - верованием.

И он прочел бумажки одну за другой, и температура начала спадать. Когда он прочел их все, он понял всю ситуацию. Он встал с постели и сказал:

- Давай снова посмотрим на термометр.

Температура снова была нормальной. Разница в два градуса была психосоматической. Если бы жар был настоящий, его не излечило бы чтение бумажек. Жар был ложным.

Именно поэтому я говорю, что ты можешь познать Бога прямо сейчас, в это мгновение. Твоя идея, что ты Его потерял, - это только идея. Разве Бог - это что-то такое, что можно потерять? Бог - это твоя природа - как ты можешь ее потерять? Ты можешь ее подавить, ты можешь ее прикрыть, но не можешь потерять. Но тогда у тебя в уме возникает старая идея откладывания, и ты говоришь: "Если мы будем заниматься тяжкими духовными практиками, может быть, однажды мы сможем познать Бога. Как это может произойти так быстро?" Это обман. Это откладывание. Ты не хочешь познать Бога. Иначе никто тебе не мешает познать его прямо в это мгновение.

Позвольте рассказать вам французскую историю.

Это старая история. У одного человека был большой сад с озером. Он очень любил белые водяные лилии и посадил эти лилии во всем озере. Но эти растения растут очень быстро - они разрастаются вдвое за двадцать четыре часа. И он немного встревожился, потому что в это же озеро он запустил и рыбу. Это была очень вкусная рыба, и если бы лилии покрыли все озеро, рыбы бы умерли, потому что им нужно было открытое небо, солнце и воздух. Если бы лилии покрыли все озеро, все остальные виды жизни в озере были бы уничтожены. Но он любил и лилии. Он оказался перед дилеммой и решил пойти к специалисту и попросить совета. Специалист сказал:

- Лилии разрастаются вдвое за двадцать четыре часа. Видя размеры твоего озера, я могу сказать, что через тридцать дней лилии покроют все озеро. Так что поступай как знаешь.

Человек был в сильном замешательстве. Цветы были очаровательны, он не хотел их удалять. Рыбы тоже были очень вкусные, и он вырастил их с огромными трудностями. Это была очень редкая порода рыб; он привез их из дальних стран и не хотел, чтобы они умерли. Он подумал снова и почувствовал, что торопиться некуда, можно подождать тридцать дней.

"Когда озеро наполовину покроется лилиями, я начну что-то делать. Я подожду до тех пор. В это время будут живы и рыбы, и лилии, не будет никакого вреда. Когда озеро покроется лилиями наполовину, я начну выпалывать лилии".

Вот загадка этой истории: когда озеро будет покрыто наполовину? На двадцать девятый день! Не думай, что это произойдет в пятнадцатый день. Лилии с каждым днем удваивают свой размер, и на двадцать девятый день озеро будет покрыто наполовину, и останется только один день, чтобы их выпалоть. Тогда, скорее всего, будет слишком поздно.

И это случилось. Он подумал:

- Я увижу, когда оно покроется наполовину. Еще ничего не случилось, зачем торопиться?

Поначалу казалось, что лилии не очень быстро растут, они оставались в углу озера. На двадцать девятый день, встав утром, он увидел, что они разрослись на половину озера. Тогда он понял расчет. Тогда он сказал:

- Боже мой, теперь все кончено! Остался только один день, чтобы расчистить озеро.

В истории не говорится, удалось это ему или нет. Но то же самое происходит в жизни. Ты думаешь: "Куда торопиться? Когда половина жизни пройдет, будет видно". Именно поэтому люди говорят, что религия не для молодых, она для старых. Но к тому времени остается очень мало сил и очень короткое время, а вся жизнь была обременена ненужным грузом, и твое

сознание покрыто таким количеством бесполезных мыслей, что в последний момент, на смертном одре, может быть, ты уже не сможешь ничего сделать. Может быть, имя Бога уже не сможет слететь с твоих уст. Только то, что уже у тебя в горле, может быть сказано, и только то, что уже в твоём сердце, может сойти с уст. Можешь ли ты сказать что-то такое, чего нет у тебя в сердце и на устах? В мгновение смерти ты сможешь сказать лишь то, что практиковал всю жизнь.

Один человек умирал. Он открыл глаза и спросил:

- Где мой старший сын?

- Стоит у твоих ног, - ответила жена.

- А где младший сын?

Он тоже стоял рядом. Глаза этого человека закрывались, все темнело, и он должен был умереть в следующее мгновение.

- А где третий сын?

- Не пытайся встать, - сказала жена, - он тоже здесь, сидит слева от тебя. Мы все здесь. Все собрались, мы все здесь.

Человек очень встревожился. Он сел в кровати и сказал:

- Что значит все? А кто же остался в лавке?

Он умирает! Он спрашивает о сыновьях не потому, что хочет, чтобы они были рядом. Фактически, он спрашивает, открыта ли еще лавка и не пришлось ли им ее закрыть, чтоб собраться вокруг него.

Даже в момент смерти в твоём уме будет лавка. Если лавка была всей твоей жизнью, это естественно. В момент смерти выйдет на поверхность только то, что ты практиковал всю жизнь. Смерть поможет тому, что было в тебе драгоценного, выйти на поверхность.

Не откладывай! Есть много уловок откладывания, и вот величайшая: "Бога не нужно искать сегодня, я найду его завтра. Если я не найду его в этой жизни, так найду в следующей". И ты продолжаешь делать то, что делаешь, шаг за шагом двигаясь в этом направлении - иногда постыясь, иногда читая мантры, иногда ходя в храм - таким образом постепенно когда-нибудь ты найдешь. Ты также знаешь, что не хочешь найти Бога. Поэтому я говорю, что если ты хочешь найти Бога, это возможно прямо сейчас. Не воображай, что Бог недоступен; это ты не готов его принять. Небо открыто, но ты сидишь, закрыв все двери и окна. Ты так боишься Бога, что веришь в теории, дающие тебе повод откладывать.

Какова мораль всего этого? Мораль такова, что ты спишь, и тебе снится, что ты потерял Бога.

Ты должен проснуться от этого сна. Ты должен внести в него осознанность. Внезапно ты понимаешь, что Божественное нельзя потерять, точно как рыба в океане не может потерять океан - она рождается в океане, живет в океане, умирает в океане. И все же рыбу можно в любой момент выбросить из моря - но тебя нельзя выбросить из существования. Ни одна волна не может тебя выбросить, потому что снаружи существования нет берега, на который она могла бы тебя выбросить. И никакой рыбак не может тебя вытащить, потому что нет другого рыбака, кроме Бога. Тебя не может выбросить на песок, потому что песок есть Бог, океан есть Бог. Нет ни пространства, ни времени, ни пути выйти за пределы существования. Быть внутри существования - это единственный способ быть. Тогда как тебе удалось забыть это? Как тогда ты это упустил? Конечно, должно быть, это твоя идея. В своём воображении, мысли, бессознательном ты потерял Бога.

Нет необходимости использовать жестокие методы. Твое эго как мыльный пузырь, который

можно проткнуть даже иглой. Малейший укол, и он лопнет. Удивительно, как тебе удается его поддерживать. Удивительно, как он не лопаётся прямо сейчас: он может лопнуть, но ты его защищаешь. Ты защищаешь тонкую поверхность этого шара. Как тебе удастся защищать его всю жизнь, это просто чудо.

Те, кто испытал Божественное, ничего не достигли. Они только открыли заново то, что уже было. Те, кто потерял Бога, - их достижение поразительно... это чудо, потому что они хотят добиться того, что нельзя потерять. Ты просто создал иллюзию, что потерял его.

Когда Будда нашел просветление, кто-то его спросил:

- Чего ты достиг?

- Ничего, - сказал Будда. - Напротив, что-то я потерял. То, что я нашел, уже было.

Сказать, что это достигнуто, неправильно. То, чего не было, было утрачено, а то, что есть, стало очевидным.

Второй вопрос:

Ты сказал, что мы заняты тем, что скрываем, кто мы такие на самом деле, и показываем что-то другое. Я могу сказать из собственного опыта, как справедливо это относительно обычных людей. Но по какой причине из всех животных только животное под названием человек становится жертвой этого притворства?

Человек заблуждается только потому, что у него есть потенциал подняться к предельному. Животные не заблуждаются, потому что не могут подняться высоко. С возможностью подняться к предельному открывается и возможность заблудиться. Только тот поднимается, кто может упасть. Тот, кто не поднимается, не может и упасть. Когда маленький ребенок ползает по земле, он не падает, но когда он начинает ходить, он начинает и падать - и разбивать коленки. Тот, кто встает, рискует упасть. Но радость стояния стоит того, чтобы рискнуть. В животных нет притворства, потому что у животного нет достаточной осознанности, оно не может даже показать другим, кто оно такое. Оно не знает себя, оно живет в абсолютной темноте. Оно никогда не думает о том, что могут подумать о нем другие. Человек выпрямляется, и, выпрямившись, он видит других.

Ты никогда не замечал, что, вставая утром, ты не осознаешь себя? Сначала ты замечаешь комнату, предметы в комнате - потом часы на стене... Вставая утром, ты слышишь звук шагов молочника снаружи, ты слышишь, как жена возится на кухне, сын собирается в школу, складывает сумку, ты слышишь все эти звуки. Ты совершенно не осознаешь себя, но немедленно замечаешь другие вещи.

Человек проснулся из животного состояния. Проснувшись, он смог узнать мир внешнего. И все же должно быть еще одно пробуждение, в котором он узнает себя. Это пробуждение случилось с Сахаджо, Кабиром, Нанаким, Даду.

Первое пробуждение - выйти за пределы животного. За ним следует второе пробуждение - выйти за пределы человеческого. Это *тотальное* пробуждение. Проснуться из животного состояния - половина пробуждения. Проснуться из животного состояния означает, что ты начинаешь познавать других, но все же не знаешь себя. Ты все еще на полпути к выходу из сна. Теперь свет падает на других, но он еще не обратился на тебя самого. Если ты продолжаешь просыпаться, свет обратится и на тебя. Ты не только услышишь голоса других, ты осознаешь и себя. Эта осознанность дает человеку возможность быть религиозным.

В животных нет притворства. Они не носят ни украшений, ни одежды, не наряжаются на

вечеринки. Они не знают, что другие их видят, и эти другие прихорашиваются, чтобы выглядеть лучше. У них нет такого опыта. Они спят в глубоко бессознательном состоянии.

Есть определенное сходство между животными и мудрецами. Сходство в том, что животные спят в глубокой бессознательности, которой ничто не противостоит - есть только бессознательность и еще большая бессознательность. В мудреце тоже нет противоположного течения - есть только осознанность и еще большая осознанность. Животное не заинтересовано в том, чтобы выставлять себя напоказ, потому что оно не сознает других. Мудрец не заинтересован в том, чтобы выставлять себя напоказ, потому что познал себя. Человек висит в промежутке между ними двумя: половина его животна и темна, половина пробуждена и полна света.

Из той половины, которая пробуждена, он видит других, видит суждения в их глазах. Кто-то счастлив, видя его, а иногда ему кажется, что его ненавидят: "Что мне делать, чтобы меня не ненавидели? Что мне сделать, чтобы я не чувствовал обиды, чтобы люди уважали меня?" Он смотрит на других.

Животное - это своего рода блаженство - но это блаженство бессознательно. Они сами не знают, что блаженны. Мудрец пребывает в великом блаженстве - он знает, что есть блаженство, только блаженство и больше ничего. Животное спокойно, мудрец тоже спокоен. Человек находится между ними, и он беспокоен. Он наполовину животное, наполовину Бог - это его беспокойство. Человек похож на бога *Нарасимху*, полульва-получеловека. Ни один символ не подходит лучше Нарасимхи, индуистского воплощения Бога.

Внутри человека огромное беспокойство, потому что половина его как камень тянет его вниз, к бессознательному, а половина хочет подняться вверх, в небеса. Вес не позволяет ему летать. И из-за этой тяги к полету он не может наслаждаться и весом камня.

Камень не шевелится, он блажен. Птица летает, она блаженна. Вообрази птицу, которая наполовину птица, наполовину камень, - она будет страдать, ты увидишь, что она страдает, у нее нет покоя. Если бы она была камнем, то лежала бы в тени дерева; она бы спокойно видела сны. Если бы она была полностью птицей, она летала бы в небе, стремилась бы к солнцу. Но наполовину птица, наполовину камень не может летать. Ни покой, ни полет не возможны. И она страдает в этом беспокойстве, она бьет крыльями. Это ситуация человека.

Есть два пути: либо вернуться к животному состоянию, стать полностью камнем, либо разбудить ту часть, которая не совсем как камень, и позволить ей найти крылья и летать как птица.

Большинство людей склонны становиться камнем, хотя этот выбор невозможен, это просто самообман. Дорога никуда не ведет. Что делает человек, пьющий алкоголь? Он говорит:

- Я забуду стремление летать. Я хорош таким, как есть, дайте мне остаться камнем.

И ты найдешь, что пьяный лежит в канаве: в нем исчезло стремление не то что летать, но даже ходить. Другие его осознают, но для него и речи быть не может о том, чтобы осознавать кого-то другого. Может быть, собака лижет его лицо в канаве, его это не волнует. Над ним соберутся мухи, его это не заботит. Он ничего не слышит. Приняв алкоголь, он сделал ту часть, у которой были крылья, бессознательной.

Но сколько ты можешь оставаться бессознательным? Настанет утро, и сознание вернется. Тогда ум будет наполнен великим самоосуждением. Тогда ты будешь раскаиваться. Ты будешь страдать: "Что я делаю? Что происходит со мной?" И из-за этого страдания, из-за этого беспокойства на следующий день ты выпьешь еще больше, потому что теперь, кажется, нет другого способа утопить это беспокойство. Сформируется порочный круг, и ты будешь пить, чтобы забыть о нем. В сознательном состоянии твои страдания и боль будут интенсивнее: "Что я делаю со своей жизнью?" Тогда, чтобы забыть это беспокойство, ты пьешь еще больше - и этому

не будет конца.

Алкоголь и медитация... Как я сказал, есть сходство между животными и мудрецами - и то же сходство есть между алкоголем и медитацией. Алкоголь - это движение назад, медитация - движение вперед. Алкоголь значит приятие камня, медитация - превращение камня в птицу. Поэтому все медитирующие были противниками алкоголя; другой причины нет. В самом алкоголе нет проблемы. Что общего имеет медитация с алкоголем? Причина только в том, что ты пытаешься идти назад, а это невозможно. В этом мире ты не можешь забыть ничего из того, что ты делаешь. Знание, которое случилось с тобой, нельзя стереть. То, что ты пережил, нельзя выбросить из опыта. Нет пути в обратном направлении. Ребенок вырастает и становится молодым человеком - как опять сделать его ребенком?

Ты рождаешься из матки, как поместить тебя обратно в матку? Жизнь идет только вперед, нет пути назад. Поэтому медитирующий против алкоголя. Дело не в алкоголе, дело в твоём желании упасть назад - и ты не сможешь оставаться внизу, тебе придется вставать. Каждый раз при попытке встать ты будешь больше и больше спотыкаться. Даже простая ходьба станет трудной. Упасть будет невозможно, ты не можешь идти назад, и тогда твоя дилемма будет огромной. Тоска и напряжение у тебя внутри станут огромными. Ты будешь разломлен на части - Сахаджо называет это расщепленным умом, - ты станешь шизофреником. Ум будет разбит. Зеркало ума разобьется на части, и ты не сможешь найти и тени истины. Тогда ты не сможешь увидеть даже отражения Божественного.

Медитация - это тоже алкоголь: это алкоголь осознанности. Бессознательное тоже опьяняет, но можно ли его сравнить с опьянением осознанности? Осознанность опьяняет. Сахаджо говорит: *...нога спотыкается, утрачен контроль, - тогда о них заботится Божественное.* В опьянении осознанности у тебя заплетаются ноги... *тогда о тебе заботится Божественное.* Теперь у тебя внутри не осталось никого, кто мог бы заботиться.

Медитирующий движется, танцует в опьянении - пьяный тоже движется, тоже танцует - но в танце медитирующего ты найдешь аромат неизвестного, аромат истины. В танце пьяного ты найдешь гнилой дух бессознательности, сна, отупения. Есть огромная разница. Пьяный похож на гниющий цветок. Медитирующий похож на бутон, который пришел к полному цветению.

Это правильный вопрос - только человек заинтересован в притворстве и показухе - потому что человек несколько пробужден, а животные спят. Не думай, что в этом наше несчастье. Это наше счастье, потому что это первый шаг к тому, чтобы стать мудрецом. Но не думай, что это все, не останавливайся на этом - иначе это *будет* несчастьем. Ступени лестницы приведут тебя вверх, если ты оставляешь их позади одну за другой. Если ты продолжаешь двигаться, если ты наступаешь на ступеньку и движешься дальше, тогда лестница становится для тебя благословением. Если ты держишься за ступеньку, это несчастье, тогда она никуда тебя не приведет. Тогда ты не ниже и не выше; ты ни там, ни сям.

Желание создать фасад - это первый шаг к тому, чтобы стать красивым, и все же ты заинтересован в том, чтобы другие считали тебя красивым. Когда ты еще немного проснешься, твоим интересом будет: как я могу *быть* красивым? Знают об этом другие или нет - не важно. Потому что быть красивым само по себе радостно; в тебе будет мир. Знают об этом другие или нет - не важно. Если я беспокоен внутри и продолжаю думать, что спокоен, что я от этого выиграю? Какой в этом смысл? Это не уменьшает моего беспокойства, это беспокойство не исчезает. Напротив, во мне возникает новая проблема. У меня внутри беспокойство, а снаружи я пытаюсь показать, что я спокоен: не остается даже никакого места, чтобы быть беспокойным или чтобы выразить это беспокойство. Это тоже не поможет.

Возникает гнев, он вскипает, а я улыбаюсь, чтобы этот гнев никто не заметил. Другие не должны знать, что я злой человек. Поэтому, с одной стороны, внутри продолжается гнев и

беспокойство, а поверх этого ты навязываешь улыбку. Ложная улыбка только добавит беспокойства.

Поэтому не имеет смысла показывать другим ложное лицо, но это ступень лестницы. Пытаться сохранить лицо перед другими по крайней мере означает: ты начинаешь немного осознавать, что ты можешь быть красивым, счастливым, здоровым. Ты приобрел некую осознанность, что внутри тебя есть *вина*, на которой может играть Божественное. Эта осознанность красива - но пойди немного дальше. Шаг за шагом ты найдешь, что эта осознанность приведет тебя в состояние, в котором ты разбудишь у себя внутри прекрасное и перестанешь беспокоиться о том, что подумают другие. Ты создашь покой внутри и перестанешь заботиться о наружном. Ты трансформируешь свое внутреннее существо и перестанешь заботиться о внешнем поведении. И тогда поведение последует как тень.

Будда сказал: "Когда повозка движется, за ней остаются следы колес". Таким же образом, когда происходит внутренняя революция, твое поведение следует за ней - как следы, оставленные колесами повозки. *Эс дхаммо санато*, это вечный закон. Именно так всегда и было.

Как может внешнее оставаться неизменным, когда изменилось внутреннее? Когда ты становишься красивым в своем внутреннем существе, лучи этой красоты начнут распространяться во все стороны. По-другому это никак невозможно. Когда в доме зажжена лампа, свет сияет сквозь окна, сквозь двери, сквозь каждое отверстие. Издалека люди увидят, что в доме зажжена лампа. Даже в темноте этот свет осветит им дорогу. Когда внутри растет сознание, поведение меняется автоматически. Это свет движется наружу.

Но ты делаешь прямо противоположное: твоя лампа не зажжена, но ты помещаешь какой-то свет на внешние стены и окна, чтобы люди думали, что в доме есть свет. Но так темнота внутри не исчезает; напротив, кажется еще темнее. И ты продолжаешь тонуть в тревоге, твоя жизнь становится адом.

Нет, стремление стать красивым хорошо, но оно приняло неправильное направление. Ты хочешь быть красивым в глазах других - это неправильное направление. Это видение нерелигиозного человека. Религиозный человек тоже хочет быть красивым, но не заботится о других. Он закрывает глаза и смотрит внутрь на красоту предельного. Он тонет в ней, он погружается в нее.

Хорошо, что вы не остались в животном состоянии. Но если вы останетесь такими, как есть, то позавидуете даже животным, потому что теперь старый дом остался позади, а новый еще не найден. Радость животности потеряна, а блаженство Божественного еще не достигнуто. Ты просто висишь между этажами. Хорошо, что ты покинул старый дом - теперь создай новый! И не думай о том, чтобы вернуться к старому - никому еще это не удавалось.

Нерелигиозный человек - это неудачник. Он никогда не может добиться успеха. Его процесс не гармоничен с существованием, не сонастроен с вечным законом. Он пытается стать молодым; если он молод, он пытается стать ребенком - но это значит пятиться назад. Он никуда не сможет пойти и потеряется в этом усилии.

Ты счастлив в том, что осознаешь красоту. Позволь этой осознанности расти; попытайся быть красивым внутри, не в украшениях, но во внутреннем существе. Тогда ты изменишь не одежду, тогда ты изменишь внутреннее сознание. Ты забудешь о том, что говорят другие. Тогда радость бытия самим собой будет такой глубокой, что тебя не будут заботить мнения других. У тебя есть бриллиант. Кабир говорит: "Если человек находит бриллиант, он кладет его в карман". Молча он кладет его в карман и уходит. Кто тогда захочет показывать его на рыночной площади?

Я слышал о городе, в котором жил Мулла Насреддин. Это был маленький город. И в нем была старая традиция: если кто-то что-то нашел, он должен пойти на рынок и трижды громко сказать: я нашел бриллиант, рупию или сто рупий. Если это кому-то принадлежит, этот человек может взять свое обратно. Нашедший должен объявить три раза, и если никто не потребует эту вещь, он становится ее владельцем. Если кто-то ее потребует, вещь нужно вернуть.

Мулла Насреддин нашел бриллиант. Согласно правилу он пришел на рынок, объявил три раза, что нашел бриллиант и, если у него есть владелец, пусть он его возьмет. Никто не объявился, и он вернулся с бриллиантом домой.

Жена спросила:

- Где ты был среди ночи?

- Ходил на рынок, - сказал он.

Он пошел на рынок ночью, когда никого не было и все спали. Он последовал традиции, но сказал это таким тихим голосом, что сам себя не слышал. Он боялся, что даже ночью его может услышать какой-нибудь нищий, или лавочник проснется и скажет, что бриллиант его. Он сказал это так тихо, что даже сам едва услышал. И вернувшись домой, он сказал:

- Он наш.

Когда ты находишь бриллиант, это твое состояние ума. Кто захочет рассказать об этом всем? Рассказывать другим опасно. Именно поэтому Сахаджо говорит: повторяй его имя в своем сердце. Даже губы не должны знать. Даже ты сам не должен знать - ... чтобы знали лишь ты и Бог. Самое большее, ты можешь знать сам - и Божественное. Было бы лучше... у этого утверждения может быть два смысла: ты - или Божественное: либо ты, либо Божественное, одно из двух. Может быть, это и есть правильный смысл. Было бы лучше, если бы не знал даже ты и знало только Божественное.

Вообще никто не должен знать. Что можно сказать? Только те, у кого ничего нет, объявят об этом. Тем, у кого оно есть, самого этого достаточно, и не нужно никаких других объявлений. Когда ты пытаешься кого-то убедить, крича, что ты человек с хорошим характером, даже тогда ты сам знаешь, что это не так. Иначе не было бы необходимости объявлять и кричать об этом.

В одном из своих эссе Бертран Расселл написал - и я с ним согласен, - что если в толпе где-то кто-то ограблен, если кому-то разрезали карман, тогда вору, если он хочет спастись, самое главное закричать: "Порезали карман! Кто это сделал? Лови вора!" Тогда другие даже не посмотрят на него и не подумают, что он может быть вором. Этот человек покажется невиновным, потому что он пытается поймать вора.

В обществе часто происходит так, что люди, которые осуждают характеры других или поднимают большой шум вокруг чьего-то характера, - это те, кто хочет сам спрятаться в этом шуме. Если ловят проститутку, толпа, которая бросает в нее камни, часто состоит из ее собственных клиентов. Теперь они боятся, что, если они не пойдут и не бросят в нее камень, другие люди в округе подумают, что они ее клиенты! Поэтому среди первых, кто бросит камни, вы найдете ее главных клиентов.

Есть случай из жизни Иисуса. К нему привели прелюбодейку, и люди сказали: "Мы ее убьем, потому что в еврейских писаниях сказано, что женщина, совершившая прелюбодеяние, должна быть забита камнями до смерти".

Иисус сказал: "То, что написано в книге, правильно, вы можете убить ее камнями. Возьмите в руки камни". Иисус сидел на берегу реки, и вокруг было много камней. Все они взяли камни, и Иисус сказал: "Слушайте, я скажу еще одно: пусть тот, кто без греха, первый бросит

в нее камень" - камень мог бросить только человек, который никогда не испытывал сексуального чувства к этой женщине. Религиозные люди города, которые стояли в первых рядах, выронили камни и шаг за шагом стали отступать в задние ряды - потому что они и были настоящими грешниками.

И говорят, что постепенно люди разошлись, и Иисус остался наедине с этой женщиной. Она плакала. Она упала к его ногам и сказала:

- Прости меня. Я совершила много грехов.

- Кто я, чтобы тебя прощать? - сказал Иисус. - И кто я, чтобы называть тебя грешной? Это личное дело между тобой и Богом. Ты должна уладить это с Богом.

Только те осуждают, кто принимал какое-то участие в том, что осуждено. Иисус сказал: - Кто я, чтобы судить? Если я наблюдаю за собой, этого достаточно. Кто я, чтобы вмешиваться в твою жизнь? Кем ты могла стать, той ты стала. Может быть, так захотел Бог. Это дело должно быть решено между тобой и Богом. Если ты чувствуешь, что сделала что-то неправильное, не делай этого снова. Кто я, чтобы решать? Я не судья.

Ты часто найдешь, что судьи - это те же клиенты.

Недавно я читал, что это несколько лет назад произошло в одном американском городе. В Сан-Франциско, Калифорния, было начато судебное дело против судьи. Оказалось, что судья работал как агент небольшого клуба, который поставлял алкоголь и проституток. И удивительнее всего было то, что он был самым строгим судьей в Сан-Франциско - самым строгим судьей! Он сурово наказал многих жуликов, и люди боялись, когда он разбирал их дело. Он сам попался на том же бизнесе! Люди были удивлены; никто не думал, что этого судью поймают на таких вещах, никто не мог этого себе представить. Когда дело было передано в суд, другой судья, который был его другом, попытался его спасти, дав ему легкое наказание. Впоследствии выяснилось, что и другой судья был замешан в том же деле!

Жизнь очень сложна: ваши судьи часто величайшие преступники. Ваши политики часто те, кто должен сидеть в тюрьмах. Но у них хорошо подвешен язык, они очень умные. И они знают трюк: изо всех сил осуждать других за то, что хотят делать сами. И никто не подумает, что они сделают такую вещь.

Показать другим, объявить что-то перед другими - это способ спрятаться. Ты хочешь что-то скрыть, тогда ты объявляешь другим: "Я человек характера, я от всего отрекся, я много знаю", и ты попытаешься что-то спрятать. Кто бы ни объявлял о знании, он пытается скрыть свое невежество. Кто бы ни объявлял о том, что отрекся от мирского, он пытается скрыть свою распущенность. Выставлять что-то напоказ - просто значит пытаться скрыть противоположное.

Но от Бога ничего нельзя скрыть. И какой смысл скрывать что-то от людей? Завтра ты станешь пылью, и те, от кого ты что-то скрывал, тоже станут пылью. В их взглядах нет предельной ценности; у их мнений нет важности, в их суждениях нет смысла. Говорят ли они о тебе хорошо или плохо, это не имеет значения. Суть в том, кто ты в собственных глазах.

Фарид говорит: "Фарид, если ты действительно мудр, не ходи и не болтай о своей мудрости. Если ты действительно мудр, загляни внутрь себя. Не пиши против других черные буквы. Смотри в себя - ты увидишь там недостатки. Твоя сила мала, а время уходит. Разрушь собственный порок - проснись!"

Человек поднялся от животного уровня. Это счастье. Теперь он должен подняться от человеческого уровня. Человек становится полным, только когда превосходит человеческое состояние. "Блаженны человеческие существа, - говорит Иисус, - которые поднимаются над состоянием человека".

Есть слова Ницше: "Несчастливым будет тот день, когда стрела человека отречется от

желания трансцендировать себя". Несчастливым будет тот день, когда в луке человеческого желания не будет стрелы трансценденции. Когда человек будет удовлетворен тем, какой он есть, - это будет несчастный день. Не будь удовлетворен, пока не достигнешь Божественного. Быть удовлетворенным - значит достичь Божественного. Быть удовлетворенным меньшим - значит выпустить из рук то, что более всего стоило бы получить; для этого ничего не нужно делать, нужно только открыть глаза. Чтобы дотянуться, тебе нужно только протянуть руку. Тебе стоило только вздохнуть, и ты был бы наполнен его ароматом, и тебе не пришлось бы ничего для этого делать. Тебе нужно только поднять глаза, и солнце прямо перед тобой. Если бы его не было, ты никогда не мог бы его пережить. Поэтому не останавливайся ни на чем меньшем - не удовлетворяйся просто тем, что ты человек.

В мире есть три типа людей: первые, которые пытаются стать животными; вторые, которые пытаются стать людьми, и третьи, которые не удовлетворятся ничем меньшим, кроме как стать Богом. Стань человеком третьего типа, потому что только тогда жизнь расцветет в предельное. Лотос жизни со всем его ароматом отдастся небу.

Третий вопрос:

Ты сказал, что наука не может привести к религии, потому что наука - это поиск причины. Значит ли это, что поиск религии беспричинен?

Религиозный поиск тоже начинается с цели - но религиозный опыт случается, лишь когда цель отброшена, когда ты становишься свободным от всех целей.

Попытайся понять это. Поиск начинается с причины - иначе как начнется поиск? Тебе надоедает мир, или ты начинаешь видеть бессмысленность мира, тогда ты начинаешь искать смысл. Ложность мира становится очевидной, и тебя начинает интересовать истина. Желания тела становятся бессмысленными, тогда ты начинаешь искать душу. Ты думаешь, что, раз не нашел блаженства там, может быть, ты найдешь его здесь. Ты не нашел покоя там, может быть, ты найдешь его здесь. Все, что ты нашел там, было мгновенным - может быть, здесь у тебя появится контакт с вечным. Конечно, ты начинаешь поиск с цели; ты можешь начать поиск только с цели.

Сам смысл поиска в том, за ним стоит какая-то цель. Ты в поисках чего-то: это значит, что ты начал с какой-то жажды, стремления чего-то достичь. Есть жажда. Начать поиск таким образом абсолютно правильно - у него есть причина - но поиск закончится только тогда, когда не будет причины. В поиске и исследовании однажды наступает момент, когда ты осознаешь, что сам поиск стал преградой. Ища и исследуя, ты приходишь в такое место, где обнаруживаешь, что сам поиск блаженства является причиной отчаяния. "Мы искали блаженства в мире и не нашли его. Теперь мы ищем блаженства в Божественном, и не находим и здесь" - но это понимание озаряет тебя только после многих опытов, - что поиск блаженства, жажда блаженства, желание блаженства само по себе является причиной отчаяния. Однажды случается это понимание, и поиск прекращается. В этот день ты станешь продолжать искать, а поиск будет отброшен.

Мирской поиск уже отброшен, теперь отброшен и поиск Божественного. И в тот момент, когда поиска нет, внезапно ты находишь, что возникает музыка блаженства. Ливень без туч... теперь облаков нет, но идет дождь.

Тот, кто не ищет, никогда не находит, но и тот, кто продолжает искать, тоже никогда не найдет. Пойми эту трудность: тот, кто ищет, может найти, а как может найти тот, кто не ищет? Но тот, кто ищет, в конце концов не находит из-за поиска; только когда он его отбросит, поиск закончится.

*В поиске и исследовании, мой друг,
Кабир исчез сам.*

Кабир говорит: "Я искал и исследовал, но не нашел, что искал. Напротив, потерялся сам Кабир".

*В поиске и исследовании, мой друг,
Кабир исчез сам.*

Случилось единение... Лао-цзы говорит: "Ищи, и заблудишься". Но это утверждение только для следующего шага. Это не для тех, кто не начал искать, это для тех, кто совершил столько поисков, что теперь устал от самого поиска. Им Лао-цзы говорит: "Ищите и заблудитесь. Если хотите достичь, отбросьте и поиск". Но помни, *ты сможешь отбросить поиск только после того, как его начал*. Не хитри и не говори: "Если поиск нужно в конце концов отбросить, зачем вообще его начинать?" Почему тогда не оставаться там, где ты есть? Ты ведешь бизнес, сидишь в лавке - зачем вообще все эти проблемы? Это кажется западной: "Сначала ищи, потом отбрось поиск!"

Будда искал шесть лет, искал тотально. Однажды он нашел, что ничего нельзя найти путем поиска. Он устал от поиска: "Нет ни опыта истины, ни проблеска Божественного, ни малейшего признака души - ничто не найдено". Он так устал - предельно устал - и его поиск был отброшен. Тем вечером он сидел под деревом. Той ночью он не видел снов, потому что сны приходят, когда ты что-то ищешь. Когда ты ищешь денег, тебе снятся деньги. Если ты ищешь Кришну, во сне он стоит перед тобой, играя на флейте. Ищи Христа, и ты увидишь его распятым на кресте. Что бы ты ни искал, поиск будет отражен в снах. Сны показывают твои желания. Сон - это термометр, он показывает, что ты ищешь.

И психология прежде всего обращает внимание на твои сны. Она не спрашивает, в чем твоя проблема, она сразу переходит к снам. Потому что ты можешь обмануть - ты обманываешь, даже когда говоришь о своих проблемах! Ты приходишь за лечением, а обманываешь даже врача. Ты не рассказываешь ему о своих настоящих проблемах, ты рассказываешь о ложных проблемах.

Люди приходят ко мне, и их проблемы отличаются от того, что они говорят. Может быть, они сами не знают об этом самообмане. Кого ты обманываешь? Если ты не хочешь рассказывать мне свои проблемы, зачем тратить мое и свое время? Но они говорят о каких-то других проблемах, которые им подходят. Они говорят о проблемах, которые повысят их престиж. Может быть, их тревожит секс, но они не говорят об этой проблеме, они боятся сказать: "Что скажут другие?" Вдруг кто-то услышит, что они страдают от сексуального желания: "Тебе семьдесят лет, а тебя все еще беспокоит сексуальное желание?" Это претит их эго. Они не говорят о реальном затруднении, они говорят о чем-то другом. Они говорят: "Как мне найти Бога? У меня нет покоя ума - как мне найти покой?"

Я спрашиваю их: "Расскажите мне свою трудность. Почему вы беспокойны? О покое мы поговорим потом. Что вас тревожит?"

Они говорят: "Всевозможные тревоги - просто скажи нам, как найти покой".

Они не хотят, чтобы их тревоги были обнажены, потому что если о них узнают другие, это разрушит их престиж. Человек боится обнажить свою болезнь. Он боится даже узнать сам, возможно ли исцеление?

Психологи не доверяют тому, что ты говоришь, - можно ли сказать больше о человеческом недоверии? Что может полнее показать падение человека? Они говорят: "Расскажи нам свои

сны. Мы заглянем в твои сны во всех подробностях, и тогда сможем узнать, в чем проблема. Ты можешь сказать, что вспоминаешь имя Бога, повторяешь имя Рамы, - но ночью тебе снятся красивые женщины. Сон реальнее, он дает о тебе больше информации. Днем ты повторяешь имя Рамы, все в порядке, но желание прячется между всеми бусинами твоих четок. Из чего бы ни были сделаны бусины четок, пронизывающая их нить сделана из желания. Она скрыта. Ты можешь продолжать повторять имя Рамы, но то, что ты делаешь на самом деле, не имеет с Рамой ничего общего. Может быть, это только способ подавить внутреннее желание. Ты продолжаешь повторять имя Рамы, чтобы избежать необходимости смотреть вовнутрь. Ты продолжаешь создавать много шума внутри, чтобы скрытое не было разоблачено. Но внутри сексуальное желание вибрирует с полной силой. Оно проявится в снах ночью. В это время ты не сможешь его подавить. Тогда, оттолкнув мантру в сторону, сексуальность выйдет на поверхность.

Ты будешь удивлен: если ты заглянешь в сны людей, которых называешь святыми, то увидишь, действительно ли они святые. Сны святых очень кощунственны! Сны аморального человека иногда могут быть святыми, но сны святых никогда не святые. Преступнику в тюрьме может иногда присниться сон, что он становится санньясином и все отбрасывает: "Я много страдал. Я ухожу с чашей для подаяния. Должен ли я выбрать путь Будды или путь Махавиры?" Но люди, которых ты находишь на пути Будды и Махавиры, - монахи и святые - при встрече спроси их, какие им снятся сны. Им снится мир. Они постятся днем, а ночью их приглашают на обед в императорский дворец. Им снится еда. Если ты постился, ты знаешь - ночью тебе приснится еда. Когда желудок полный, иногда может случиться так, что тебе приснится пост. Но если у тебя пустой желудок, тебе приснится только еда. Сны дают сведения о твоей реальности.

Этой ночью Будда не видел снов. Не осталось никакого поиска. Мир уже стал тщетным, теперь же тщетным стало даже освобождение. Он уже отрекся от мира; теперь исчезло даже желание нирваны. Теперь не осталось ничего, чего можно было бы достичь. Все поиски оказались тщетны, даже поиск религии. Той самой ночью он достиг предельного блаженства. Все поиски исчезли, все блуждание прекратилось.

*В поиске и исследовании, мой друг,
Кабир исчез сам.*

Утром, когда он открыл глаза, исчезала последняя звезда рассвета. Говорят, что, глядя на гаснущую звезду, он стал просветленным. Его глаза, наверное, стали прозрачными. Исчезли все сны, все мысли, все желания, все будущее, не осталось ни стремлений, ни идеи чего-то достигнуть - не осталось ничего, Ум был пуст. Ему было некуда идти, нечем становиться, нечего достигать. Время остановилось. Поток времени остановился. В это мгновение все было достигнуто.

Поэтому поиск нужно начать, а затем отбросить. Пойми это так: ты должен взобраться на лестницу, а затем отбросить лестницу. Только тогда ты войдешь в новое измерение. Поиск религиозности начинается с цели, но опыт религиозности случается, когда цели нет.

Четвертый вопрос:

Ты сказал, что, если я могу привести причину прихода к тебе, это значит, что я вообще к тебе не пришел. И если в ответ я пожму плечами, значит, я к тебе пришел. Я не в состоянии привести причину, не могу я и сказать, что пришел без причины. Пожалуйста, скажи мне, где я?

Ананд Майтрейя задал этот вопрос. Именно это значит пожать плечами! Ты не можешь ни привести причины, ни сказать, что пришел без причины. Что еще может значить, если ты пожимаешь плечами? - что ты не знаешь! Это состояние прекрасно, потому что все, что ты знаешь, неправильно. Твое знание полно невежества. Твои решения основаны на сомнениях. Твои поиски, желание искать могут возникнуть только в тебе. Ты неправилен, поэтому не может быть правильным и твой поиск.

Хорошо, что у тебя нет ответа. Все в полном порядке. Теперь внутри есть пустое место, куда может низойти ответ. Те, кто очень уверен в том, почему они сюда пришли, - сама их уверенность становится препятствием к тому, чтобы встретиться со мной. Ты не можешь быть уверен; если бы ты был уверен, не нужно бы было ко мне приходить. Твоя уверенность ложна. Но если ты очень уверен, эта уверенность станет препятствием. Будь немного более текучим, не будь таким застывшим, не будь таким определенным. Видь, что ты ничего не знаешь: "Каким-то образом, ощупью, мы сюда пришли. Не ясно, куда мы идем. Не ясно, зачем мы пришли. Мы даже не знаем, почему мы остановились здесь, а не стали двигаться дальше. Мы ничего не знаем, потому что мы бессознательны".

Это очень красивое состояние. Что-то может случиться в этом состоянии, потому что в этом состоянии эго тебе не лжет. Эго просто сообщает тебе факт, что ты внезапно обнаружил себя здесь. Конечно, у тебя, должно быть, есть какая-то неправильная причина, потому что если у человека правильная причина, ему не нужно никуда идти. Не ясно, что это была за причина; даже это не ясно. Если ты со мной в таком состоянии - которое я называю хаотическим состоянием - что ты не знаешь сам почему, - тогда ты похож на облако, у которого нет формы, и ты будешь отлит в форму своей истинной природы. Если ты пришел с какой-то формой, ты будешь застывшим. Твоя форма не позволит тебе быть гибким, не позволит тебе течь.

Некоторые люди приходят и говорят:

- Мы хотим получить видение Рама.

Их желание видеть Раму создает препятствие. Я говорю им:

- Будьте добры к Рама - зачем его беспокоить?

Они говорят:

- Нет, мы хотим видеть Раму! Мы хотим видеть Раму с его луком.

Именно из-за этого безумия Рама до сих пор стоит с луком! Сколько еще вы заставите его стоять? Наверное, он устал, простите его. И этот Рама стоит между вами и мной. Это трудная ситуация: вы не сможете меня слушать. Вы услышите только то, чего я никогда не говорил, и поймете вещи, которых я совсем не имел в виду.

Не приходи ко мне с целью. Нет, твоя цель станет проблемой. Ты должен говорить:

- Я ничего не знаю. Я не знаю, ищу ли я Раму, Будду или Кришну.

Ты должен говорить:

- Я ничего не знаю.

Тот, кто может сказать: "Я не знаю", совершил первый шаг к знанию всего. Приятие невежества - это первый проблеск знания.

... Подобно ребенку, маленькому ребенку, который ничего не знает; какое-то любопытство, готовность, какой-то поиск привел тебя сюда. Он выполнил свою работу и привел тебя, но это не конец. Ты пришел сюда из этого любопытства. Тебя принесло волной, ты оказался на этом берегу - теперь предоставь все мне. Теперь не сиди здесь с желанием, чтобы случилось что-то конкретное. Что должно случиться, то случится. Именно это я называю "пожимать плечами".

Последний вопрос:

Преданность Сахаджо достигает кульминации в адвайте, не-двойственности, но в случае Госвами Тулсидаса двойственность остается. Пожалуйста, пролей немного света на это различие.*

[* В БСЭ, т. 21, ст. 451 (Москва, 1975), а также в "Махабхарате" и "Рамаяне" (БВЛ, Москва, 1974 г.) указывается, что авторство "Рамаяны" приписывают легендарному мудрецу и поэту Вальмики, в энциклопедии "Мифы народов мира" "Рамаяна" названа "народным эпосом". - Прим. ред.]

Тебе это будет трудно понять. Есть две формы религии: культовая, традиционная религия - старая, гнилая, превратившаяся в руины, - и другая форма, религиозность, которая всегда рождается свежей.

Я называю первую религию "древней"; вторую я называю "вечной". Под вечным я не подразумеваю старое, под вечным я подразумеваю то, что всегда ново, в каждое мгновение свежо, как роса, что не в руинах, что ново, как утреннее солнце. Старая религия установлена и становится сектой. Новая религия - революционная, бунтарская. Это не статус-кво, она хаотична. Старая религия становится рабством, новая религия становится прокламацией свободы. И интересно то, что все новые религии постепенно становятся старыми, а все старые когда-то были новыми. Это затрудняет объяснение.

Тулсидас был символом старой религии, древней религии, религии, которая в прошлом была молодой. В дни Рамы она, наверное, была молодой; теперь история стала очень старой. Тулсидас - человек знания, а не человек разума. Он богослов, а не будда. Он великий поэт. Тулсидас не получился бы и из тысяч Сахаджо вместе взятых. Его литература, его слова, его работа уникальна, но он не пробужденный человек. И если соединить вместе миллион Тулсидасов, даже тогда не получится свежести одного слова Сахаджо.

У Сахаджо другое качество: она говорит из собственного опыта. Она поднимается от самого источника. Тулсидас заимствует, поэтому я никогда не говорил о Тулсидасе. Я не говорил о нем умышленно. Много раз ко мне приходили и говорили:

- Ты говоришь о Кабуре, Нанаке, Дадуду и даже тех людях, имен которых никто не слышал - Сахаджо, Дайе - даже о них. Почему ты не говоришь о Тулсидасе? Он живет в каждом индийском сердце.

Я не упоминал его умышленно. Я знаю, что он живет в каждом индийском сердце, но он там живет по неправильным причинам. Он живет там, потому что старый гнилой индийский ум его там удерживает.

Тулсидас поддерживал мертвую религию. Он был богословом, не бунтарем. Он не несет такого огня, как Кабир, Сахаджо, Фарид, - только пепел. Одно время, может быть, в нем был огонь - во времена Рамы. Тулсидас - это только последователь сгнившего пути. Он следует традиции. У него есть место в индийском сердце, потому что в умах большинства людей есть место для мертвой религии. Люди мертвы. Мертвых привлекает мертвое. Но у мертвых нет места для Кабира. И Сахаджо не производит большого впечатления. Чтобы получить от них впечатление, тебе нужно стать живым. Если хочешь, чтобы они были в твоём сердце, тебе придется изменить сердце. То, что они просят у тебя, очень дорого, но, чтобы повторять стихи Тулсидаса, ничего не требуется. Он просто дает выражение твоего ума лучшим языком. Это твои выражения. Он не говорит ничего другого, он представляет уже готовые верования в красивой одежде. Он тебе нравится. Он выражает твой ум.

Поэтому "Рамаяна" Тулсидаса вошла в каждый дом - она представляет каждый дом. Она представляет толпу, толпа слепа, и ее численность огромна. Он ничего не знает о себе, но выражает ваши древние концепции и верования очень красивым языком. Он не говорит ничего

нового, он повторяет ваши слова.

Если ты понимаешь вещи правильно, если Тулсидас тебе нравится, это означает, что ты пытаешься избежать внутренней революции. Это труп религии, из которого давным-давно ушла жизнь. Именно поэтому индуистское общество приняло Тулсидаса с великим уважением и благодарностью.

Но Кабир - это проблема, Сахаджо - это проблема. Они приносят свежие новости из дома Бога. Их индивидуальность возникает свежей, как утро. Лишь немногие смогут их узнать. Их смогут узнать лишь те, у кого есть стремление и способность стать новым, - те, кто готов пройти с ними через огонь. Некоторые люди смогут узнать их состояние, но песни их флейт не привлекут миллионы; лишь немногие избранные пойдут по их путям. Да, может случиться и так, что однажды их пути тоже станут старыми. Тогда их окружают богословы и начнут создавать традицию - тогда к ним присоединятся миллионы людей.

Когда религия становится старой, люди присоединяются к ней, потому что в мертвой религии уже не нужно меняться. Напротив, мертвая религия тебя спасает. Она не меняет тебя - она тебя спасает, защищает. Именно это случилось с Нанак. Голос Нанак был голосом бунтаря, но в голосе сикхской религии нет никакого бунта. Теперь это проторенная тропа. Нанак зажег огонь, но теперь сикхи такие же, как и индуисты, мусульмане, христиане; теперь все кончено. Когда Нанак начал свой бунт, с ним были очень немногие; очень немногих - их можно сосчитать по пальцам - он привел в трепет.

Слово *сикх* родилось от слова *шишья*, ученик. Он нашел нескольких учеников, которые были готовы учиться, которые были готовы идти с ним, куда бы он их ни повел; в глубокую ли темноту или свет, в день или ночь, и каким бы ни был результат, они были готовы с ним идти. Религия сикхов родилась из этих нескольких учеников. Но время идет, все становится организованным и превращается в секту. Богословы собираются, продолжают объяснения, формируются церкви и храмы, все устанавливается и тупеет. Огонь бунта погашен пеплом богословия. Любовь к медитации забыта, и священные писания становятся важнее. Пока был Нанак, он был важнее всего, теперь важна книга *Гуру Грантха Сахиб*. Оригинальное, безмысленное существование потеряно; теперь акцент на словах. Теперь люди и священники сидят и читают. Может быть, они хорошо читают, объясняют, может быть, они хорошо поют, но где голос Нанак? Теперь есть только книга. Книга зависит от тебя: ты можешь придать ей такой смысл, какой тебе понравится. Нанак от тебя не зависит. Ты не можешь придать Нанаку свой смысл; он слишком живой. Поэтому мастер потерян, и теперь у них в руках осталась только книга мастера.

Это происходит во всех религиях. Те, кто ходил с Махавирой, были совсем другие люди - их храбрость, их смелость... Тогда нужно было ходить голым. Толпа могла побить тебя камнями. Теперь есть джайны - джайн сидит в храме и поклоняется: он слушает, что сказал Махавира, но не вносит в свою жизнь никаких перемен. Он убил Махавиру. Он не умер с Махавирой и не стал новым - он убил Махавиру. Он сделал древним его - и себя заодно. Тулсидас поддерживал религию *статус-кво*, мертвую религию. Тулсидас был богословом, и великим богословом; его слава в богословии. Но это не его опыт, он не знает себя. Поэтому я отложил Тулсидаса в сторону, я избегаю его намеренно. Людей Тулсидас интересуется именно по тем причинам, по которым я его избегаю. Людям интересно, потому что он правит миллионами сердец. Даже неграмотные люди в деревнях повторяют его стихи. По этой причине он интересуется людей. Он знаменит, его работа "*Рамачарит Манас*" переведена на многие языки мира. Ты удивишься, узнав, что ее перевели даже в такой стране, как Россия. Россия не имела ничего общего с религией, но перевела "*Рамачарит Манас*" Тулсидаса.

Им немного страшно переводить Кабира - Кабир слишком бунтарский даже для русских

революционеров. Но они не боятся переводить "Рамачарит Манас" для так называемых русских революционеров. Это поддерживает статус-кво: что бы то ни было, пусть остается как есть. Это должно быть принято, не трансформировано.

Тулсидас - индуист. Сахаджо не индуист. Кабир и Нанак не индуисты, не мусульмане и не христиане. Просветленный человек никогда не бывает индуистом, мусульманином или христианином - а толпа всегда состоит из индуистов, мусульман и христиан.

Толпа ходит по установленным дорогам, суперхайвэям. Мудрецы ходят по тропам, лесным тропам. Мудрецов не толпы; львы не ходят стадами. Мудрец один. Он вошел в свое одиночество. Деликатный цветок одиночества расцвел у него внутри. Очень немногие люди смогут поднять глаза на такую высоту, чтобы увидеть его, но только они смогут увидеть этот цветок. Толпа всегда отвергает мудреца, потому что толпе мудрец всегда кажется причиной проблем. Все было в порядке, а он все перевернул с ног на голову. Все шло гладко, а этот человек появился и стал говорить:

- Что в этих писаниях? Что в этих храмах? Что в этих поклонениях и молитвах?

Он поднял новый голос. Тебе как-то удалось установить порядок, и тут приходит мудрец, и все идет кувырком.

Поэтому помни: даже среди мудрецов не все мудрецы. Признанные правительством мудрецы - не мудрецы - такие, как правительственный мудрец Виноба Бхаве. Я называю их правительственными мудрецами. Они не только не мудрецы, они чистой воды политики. Они живут расчетливо. Они видят, куда дует ветер, и поворачивают паруса в соответствующую сторону. Они говорят все, что люди хотят, принимают. Эти так называемые святые получают признание. Их признает и правительство. Если такой святой заболит, к нему тут же прибежит премьер-министр, потому что такого рода святой принадлежит политике. С ним общественные устои остаются крепкими и непоколебимыми.

Но Кабир, Даду, Фарид, Сахаджо - они поколеблют их. Они разрушат все эти устои. Они докажут, что все, что ты считал правильным, неправильно. А к тому, что ты всегда считал неправильным, они разбудят интерес. Они захотят вывести тебя за пределы себя. Их работа будет хирургической, они удалят тебе многие части. Они не могут положить цепи на твои раны - но признанный правительством святой сделает это. Они оказывают первую помощь, их работа - "скорая помощь". Если ты упадешь, они помогут тебе подняться и наложат повязку. Настоящие мудрецы - хирурги: они хирургически удаляют части, которые находят неизлечимыми. Ты должен быть к этому готов.

Сахаджо идет прямо к не-двойственному, потому что она не несет никаких предвзятых идей, которые должна доказать. Сахаджо - в поисках истины. Если истина не-двойственна, она окажется не-двойственной. Если истина одна, она такой и окажется. Но Тулсидас не ищет истину.

Вот случай из жизни Тулсидаса - мы не знаем, насколько это правда, но это кажется правдой. Говорят, что когда он пришел в Матхуру, его привели в храм Кришны. Он отказался поклониться в знак почтения. Он сказал:

- Я не поклонюсь, пока у него в руках не будет лука и стрел.

Кришна стоял с флейтой в руках, а Тулсидас был преданным Рамы. Как он может поклониться Кришне? Такая бедная преданность, такая слабая преданность, такая поверхностная, такая узколобая, что не может даже поклониться Кришне, потому что он - преданный Рамы. История очень интересна. Кто бы ни рассказал эту историю, или кто бы ее ни преувеличил, наверное, они были сумасшедшими. История говорит - чтобы сделать приятное Тулсидасу, - что Кришна взял в руки лук и стрелы. Статуя изменилась, флейта

исчезла, и у него в руках появились лук и стрелы! Кришна стал Рамой, и Тулсидас поклонился.

Это странное событие. Он не кланяется богу, он просит бога поклониться ему. Тем самым он говорит:

- Сначала исполни мои ожидания, приди в соответствие с моими идеологиями во всех их видах и формах, и тогда я поклонюсь.

Разве это почтение? Может ли почтение ставить условия? И бог изменил форму!

В этой истории Тулсидас кажется очень подлым; бог тоже кажется великим хитрецом. Откуда такая готовность? Если бы Тулсидас не поклонился, какие бы это создало проблемы? Этот бог, кажется, был очень заинтересован в людских поклонах и готов выполнить ради них любое условие. Он готов пойти на компромисс и взять в руки лук и стрелы, так ему хочется, чтобы ты поклонился.

Ни бог этот не кажется слишком Божественным, ни преданный - очень преданным. Это история человеческого эго. В этой истории эгоисты и преданный, и бог.

Тулсидас был дуалистом. Он теоретик, богослов, который всегда следует теории. Он уже верит в какую-то теорию, теперь он только ее подтверждает. Он уже решил, как должен выглядеть Рама, он уже решил, что у него должны быть лук и стрелы. Он уже это решил. Теперь он должен только последовать этой теории. Он не находится в чистом поиске истины - он уже знает истину! В теории он предположил, какой должна быть истина, и теперь навязывает на истину свою исходную посылку.

В Раджастанском университете есть психолог, который проводит исследования по реинкарнации. Кто-то привел его ко мне. Он сказал:

- Я хочу провести научные исследования и доказать реинкарнацию.

Я просто спросил - он не мог понять - я сказал ему:

- Она будет доказана, когда будет доказана. Но веришь ли ты в реинкарнацию?

- Конечно! - сказал он. - Я верю в перерождение и теперь пытаюсь его доказать.

Я сказал:

- Слушая тебя, я оказался в затруднении. Как ты можешь принять существование реинкарнации, не доказав его сначала? Ты уже его принял, а теперь доказываешь! Твои доказательства будут фальшивыми - ты отберешь только те данные, которые подтвердят теорию, и отбросишь все те, которые ей противоречат. Разве это научный метод? Это очень предубежденный ум. Ты все равно что судья, который заранее решил, что кто-то вор, и теперь доказывает, что он вор. Он запишет все доказательства, которые доказывают, что ты вор, и отбросит доказательства того, что ты не вор. Он согласится со свидетелями, которые скажут, что ты вор, и забудет свидетелей, которые скажут обратное. Разве это способ что-нибудь доказать? Это не научный ум.

Он немного встревожился, потому что называл себя ученым. Он оказался в затруднении.

Есть два типа искателей истины. Один уже принял заранее, какой должна быть истина, не зная ее, - теперь ее нужно только доказать. Второй тип - это люди, которые говорят: "Мы не совсем знаем истину, поэтому мы ее ищем. Если бы мы знали заранее, какая она, зачем бы было ее искать? Мы откроем себя, раскроемся и очистимся. Мы очистим глаза, прибавим света в светильниках и увидим, какая истина. Тогда, что бы мы ни увидели, мы это примем.

Эта вторая категория - настоящие искатели.

Сахаджо - настоящий искатель, Тулсидас - нет. Тулсидас индуист, Сахаджо религиозный человек. Тулсидас полон верований, Сахаджо от них свободна. И Тулсидас остановился на

двойственности, а Сахаджо достигла недвойственности, *адвайты*.

Когда я говорю о Тулсидасе, Сахаджо или других людях, помни: меня не заботят эти люди - меня заботишь ты. Когда я объясняю Тулсидаса или Сахаджо, в этом вся моя цель - пожалуйста, не становись Госвами Тулсидасом. Если хочешь кем-то стать, стань Сахаджо.

Мне не интересно кого-то критиковать и анализировать. Мне это не нужно. Если я это и делаю, то из-за тебя, потому что внутри тебя тоже есть обе возможности. Может быть, ты начнешь поиск истины с верования: тогда весь твой поиск будет отравлен. Отбрось все верования. Только те, кто идет в полной наготе, освободившись от всей одежды верований, могут двигаться к истине. Это люди, которые говорят Божественному:

- Приди как ты есть. У нас нет собственных предрассудков, мы хотим знать тебя таким, как ты есть. Мы хотим знать тебя в твоей подлинной природе. Мы ничего не хотим навязывать, мы ни на чем не настаиваем. Мы не хотим заранее создавать образ того, каким ты должно быть. Откройся как есть.

Этот путь будет трудным, потому что в нем не будет места для эго. У эго не будет почвы. Но тому, кто идет к истине, *придется* отбросить эго.

*В поиске и исследовании, мой друг,
Кабир исчез сам.*

Если ты исчез, как могут сохраняться твои верования? Как ты можешь быть религиозным, как могут сохраниться священные писания? Как могут сохраниться индуистские, мусульманские, христианские ярлыки? Если ты растворился, лишь тогда ты узнаешь, что такое предельная реальность. Пока ты есть, Бога нет. Когда есть Бог, тебя быть не может. Когда тебя нет, есть предельное.

На сегодня хватит...

9. Мастер дал мне глаза

*Сахаджо говорит: во сне за одно мгновение
может пройти пятьдесят лет.*

*Когда глаза открыты - это иллюзия;
иллюзия - жизнь в теле.*

Мир подобен последней утренней звезде.

*Сахаджо говорит: он быстро исчезает,
как жемчуг росы,
как вода из твоих ладоней.*

*Из дворцов, сделанных из дыма,
ум создает свое королевство:
все это призрачные тени.*

Сахаджо говорит: это никогда не может быть правдой.

*Бог один, со свойствами или без -
я подумала, поняла и увидела.*

*Мой мастер дал мне глаза,
и, увидев, я убедилась.*

Сахаджо говорит: у Божественного много измерений.

*Оно проявленное, оно непроявленное;
по своей природе вода и лед - одно,
солнце и свет - одно.*

*Милостью моего мастера Чарандаса
все сомнение исчезло.*

Все слова и аргументы рассеяны.

Сахаджо осталась, естественная.

Обычно ты думаешь, что нерелигиозный человек сомневается, а религиозный верит. Но и религиозный человек сомневается, и нерелигиозный верит. Религиозный человек верит в Бога и сомневается в *сансаре*, обычном обыденном мире; нерелигиозный человек верит в *сансару* и сомневается в Боге. Количество веры и сомнения в них одинаково, различны только направления. Если вера имеет неправильную направленность, человек может заблудиться. И даже в сомнении, если оно имеет правильную направленность, человек может испытать опыт истины. Ты не испытываешь истину только в вере, ты не заблудишься, сомневаясь, - все зависит от направления. Все религиозные люди сомневаются в реальности мира, все нерелигиозные люди верят в эту реальность. Поэтому не думай, что ты можешь узнать только в вере, иначе узнали бы даже атеисты. И не думай, что заблудишься, сомневаясь, иначе заблудились бы даже теисты.

Ни сомнение не препятствует, ни вера не приводит тебя к предельному. Даже сомнение, правильно направленное, поможет тебе прибыть, и даже вера, неправильно направленная, поможет тебе только заблудиться. В конечном счете роль играет именно направленность.

Атеист и теист - люди одного и того же типа: атеист стоит на голове, теист стоит на ногах. Атеист стоит вверх ногами - он верит там, где нужно сомнение, и сомневается там, где нужно доверие. Именно поэтому в любой момент атеист может стать теистом, а теист - атеистом. Сколько времени тебе потребуется, чтобы перевернуться с головы на ноги или с ног на голову?

Трудно ли перейти из одного состояния в другое?

Однажды вечером в океане произошел небольшой случай. Солнце село, и лишь за мгновение до этого рыба была очень счастлива и радостна, танцуя в его лучах в бесконечных просторах океана. Она танцевала, она плавала, и не было ни печали, ни боли. Рыба была так естественна и невинна. В ее уме не было ни малейших следов сомнения. Но через мгновение она встретила атеиста, который все испортил.

Все остальные рыбы избегали рыбу-атеиста, но эта рыба была новенькая и ничего не знала. Когда к ней приблизился атеист, она выслушала его из вежливости. Рыба-атеист сказала ей:

- Зачем ты танцуешь? Почему ты так счастлива? Что ты празднуешь? Кажется, ты слепой верующий, как все обычные рыбы. Нет никакой радости, все это иллюзия! И этот океан, в котором ты считаешь, что находишься, - в котором ты плаваешь, прыгаешь и наслаждаешься - ничего подобного нет. Ты когда-нибудь видела океан?

Молодая рыба испугалась. Она никогда не слышала об этом океане и никогда не видела его. Когда кто-то рождается в океане, вырастает в океане и никогда не выходит из океана, нет возможности увидеть океан. Чтобы видеть, нужна некоторая дистанция, отделенность, промежуток. Ее глаза были созданы этим океаном, ее окружал океан. Рыба может видеть океан, только если между ней и океаном есть расстояние. Но такого расстояния не было.

Рыба никогда не слышала об этом океане. Рыба-атеист рассмеялась:

- Точно так же, как люди слепо верят в Бога, рыбы верят в океан. Но нет ни Бога, ни океана. Посмотри, открой глаза и посмотри! Ты молода - что заставляет тебя так бояться? Со всех сторон нас окружает великая пустота. Нет ничего реального, кроме смерти.

Молодая рыба оглянулась по сторонам. Конечно, вокруг была пустота. Солнце почти село. Вокруг была только синева океана - она казалась пустым небом. И на расстоянии, сколько хватал глаз, голубой океан был погружен во тьму. Со всех сторон спускалась темная ночь.

И в ее уме возник вопрос:

- Где же океан?

Она посмотрела вниз в бездонную пустоту. Она испугалась, все ее тело задрожало, каждая клетка тела встревожилась. Если она упадет в эту пустоту, кто ее спасет? Она совершенно забыла, что до сих пор плавала в этой пустоте и никогда не падала. Она совершенно забыла, что мгновением раньше была счастлива, радостна, и эта пустота никогда ее не тревожила. Но в тот день, когда она внимательно оглянулась вокруг, она испугалась, и, как парализованный человек, не могла больше плавать, даже если бы захотела. Она потеряла храбрость, ей стало очень страшно. Всюду вокруг царило молчание. Ночь становилась все темнее. Всюду была только пустота; если она упадет, что случится? Ей нужна какая-то поддержка. Она оглянулась по сторонам и сказала:

- Что мне делать? За что держаться? Никого нет.

И она подумала, что поддержит себя, держась за собственный хвост. Она изогнулась и попыталась поймать свой хвост, но не смогла - она не занималась хатха-йогой - и испугалась еще больше.

И история говорит, что океан молча наблюдал все это. Он рассмеялся и сказал:

- Глупая рыба, разве ты не видишь океан? Ты часть этого океана.

Ему было жалко рыбу, которая оказалась в такой беде. Мгновением раньше она была полна радости доверия. А теперь, через мгновение, поднялся дым сомнения, облака сомнения закрыли небо. В конце концов океан не мог больше молчать, и он сказал:

- Слушай, идиотка, ты никогда раньше не падала - кто тебя поддерживал? Почему ты

должна внезапно упасть сегодня?

Эта идея падения присуща сомнению. Доверие тебя спасает, невидимые руки поддерживают тебя со всех сторон. Когда возникает сомнение, кажется, что все эти поддерживающие руки исчезают, и открывается бесконечная бездна.

Рыба испугалась. Она сказала:

- Кто ты? Океана нет, это только слепая вера рыб.

Океан рассмеялся. Он сказал:

- Есть только океан. Рыбы приходят и уходят. Верующие, неверующие, слепые верующие - все они приходят и уходят, но океан остается всегда. Мгновенному кажется, что оно существует, и оно сомневается в вечном! Если ты хочешь во всем сомневаться, усомнись в себе! Однажды тебя здесь не было, и однажды снова не будет. Океан был всегда и будет всегда. Сомневайся в мгновенном и верь в вечное.

Быть атеистом значит верить в преходящее и не доверять вечному.

Человек в такой же ситуации, как эта рыба. И больше, чем всегда, - в этом веке, потому что многие питали твое сомнение, и ты никогда не встречал никого, кто питал бы твое доверие. А у тех, кто думает, что питает твое доверие, самих нет доверия. Есть люди, которые дают тебе сомнение прямо, и есть люди, которые дают тебе сомнение косвенно.

Атеисты давали тебе сомнение, но даже так называемые теисты в мечетях, храмах, гурудварах, церквах - когда ты наблюдаешь за ними, твое доверие не растет. Их поведение не создает в тебе музыки доверия. Аромата доверия нельзя найти в том, как они живут, а найти можно только запах сомнения. Ты не чувствуешь, что они испытывают доверие. Ты не находишь в них танца доверия - ни в их жизнях, ни в их существе, ни в походке, ни в сиянии глаз - нигде. Может быть, они умнее тебя и у них более четкая логика, может быть, у них более развитый интеллект и они им поддерживают свое верование в Бога - но, касаясь их, ты не чувствуешь, что они познали Бога.

Атеисты есть атеисты, но ваши храмы и мечети тоже равнозначны атеизму. Голоса скрытых атеистов, кажется, доносятся даже оттуда. Человек окружен атеизмом, материализмом. Что же делать?

Может быть, тебе снова и снова говорили: перестань сомневаться, доверяй больше. Я этого не говорю. Я говорю, что сомнение тоже красиво, только придай ему правильную направленность. Сомневайся в преходящем. Используй сомнение, это очень драгоценная алхимия. Все, что дал тебе Бог, осмысленно. Сомнение тоже осмысленно, у отрицания тоже есть цель; в том, чтобы сказать "нет", тоже есть определенная ценность.

Но отрицай то, что этого заслуживает. Я не говорю, что ты должен уничтожить сомнение, потому что это тебя покалечит. Ты удалишь половину своей души. Тогда у тебя будет только одно крыло, и ты не сможешь летать. Ты никуда не придешь с одним крылом. Поэтому я говорю тебе: использовать сомнение наравне с доверием. Это твои две ноги - но используй их в правильном направлении. Вопрос только в направлении, только его нужно изменить. Эта небольшая перемена будет иметь большое значение.

В сутрах Сахаджо говорится то же самое:

Сахаджо говорит: во сне за одно мгновение может пройти пятьдесят лет.

Когда глаза открыты - это иллюзия;

иллюзия - жизнь в теле.

Это правильное использование сомнения. Тебе нужно сомневаться, не поклоняться какому-то Богу. И ты не найдешь лучшего объекта для сомнения, чем окружающий тебя мир. Сначала усомнись в нем.

*... во сне за одно мгновение
может пройти пятьдесят лет.*

Ты никогда не замечал? - ты на мгновение задремал, работая в офисе или читая газету, глаза закрылись лишь на мгновение, и ты задремал, но, прежде чем заснуть, посмотрел на часы на стене. Проснувшись, ты увидел, что не прошло и минуты, но за это мгновение тебе приснился длинный сон. Сон был такой длинный, что если бы он произошел на самом деле, прошло бы пятьдесят лет. Во сне ты был маленький... состарился... женился, появились дети, играла музыка, свадьба... ты проснулся под звуки музыки. Ты видишь на часах, что не прошло и минуты. Такой долгий сон приснился тебе за такое короткое мгновение.

Ученые соглашаются, что время относительно, и твой опыт времени меняется каждый день. Когда ты счастлив, время проходит быстро. Когда ты печален, время идет медленно. Когда ты счастлив, ты не осознаешь, что прошли часы - они кажутся секундами. Когда ты несчастен, когда жизнь кажется бременем и ты печален - мгновения идут как часы. Время вообще не движется... ночь кажется бесконечной.

Время зависит от твоего ума. Чем более ты бессознателен, тем больше снов у тебя в уме - в той же пропорции. Чем более ты сознателен, в той же пропорции, тем меньше тобой владеет снов. Если бессознательное глубоко, за мгновение тебе могут присниться многие годы. Если осознанность глубока, тотальна, время исчезает. Нет никаких лет; время исчезает! Спроси Махавиру, Будду, Иисуса - все они говорят, что в опыте *самадхи* время исчезает. В состоянии тотальной удовлетворенности времени нет. Время есть в состоянии глубокой бессознательности - бесконечное время. И ты где-то в промежутке - иногда бессознательный, иногда осознанный; иногда счастливый, иногда несчастный. Время кажется бесконечным, когда ты печален.

Христиане говорят, что ад вечен; как только ты в него падаешь, ты уже никогда не выбираешься. Бертран Расселл привел очень научный аргумент. Он написал книгу против христианства, "Почему я не христианин", и привел в ней много аргументов. Один из них - и этот аргумент кажется очень важным - "Если сосчитать все грехи, которые я совершил в своей жизни, и даже те, о которых думал, самый строгий судья не дал бы мне наказания больше пяти лет". Христиане верят только в одну жизнь, поэтому это нетрудно. Но христианство кажется абсурдным. "За эти небольшие грехи меня бросят в вечный ад? Не могу этого понять. Это наказание кажется гораздо больше необходимого. Кажется, христианство только и ждет, чтобы тебя схватить! Какие грехи ты уже совершил?"

Если обдумать аргументы Расселла, они кажутся правильными. Может быть, ты украл у кого-то деньги, может быть, забрался в чей-то карман, может быть, никому не сказал, когда нашел деньги на земле, и оставил их себе, может быть, посмотрел с похотью на чью-то жену, может быть, с завистью посмотрел на чей-то дом, может быть, кого-то оскорбил, может быть, с кем-то поссорился - вот и все твои грехи. Они очень незначительны и не стоят ни гроша, и за эти грехи ты должен вечно страдать в аду! Ни один христианин не может ответить Расселлу, потому что этот аргумент очень ясен. Расселл говорит, что сколько бы грехов ты ни совершил, наказанию должен быть предел. Неограниченное наказание за ограниченные грехи?

Но у меня есть и другие причины. Расселл уже умер. Если бы он был жив, я сказал бы ему, что он ничего не понял. Он упустил то, что имел в виду Иисус. Когда Иисус сказал, "ад вечен", он имел в виду, что страдания так много, что мгновение может показаться вечностью. Время

растягивается интенсивностью страдания. "Вечность" не означает буквально вечность, это просто символ. Боль так интенсивна, что ночь кажется нескончаемой, вечной. Слово "вечность" используется, чтобы подчеркнуть глубину страдания. Это слово ничего не говорит о длительности времени. *Слово "вечность" относится к глубине страдания во времени.* Если ты в аду даже мгновение, это мгновение покажется нескончаемым. Вот и весь смысл. Мгновения боли становятся вечными. Мгновения счастья проходят мгновенно. В мгновение блаженства времени нет. Именно поэтому те, кто познал блаженство, говорят, что оно безвременно, вне времени; там время кончается.

Кто-то попросил Иисуса рассказать что-нибудь о царстве Бога - которое полностью отличается от царства мира, - и вот что сказал Иисус: "Там не будет времени"... В царстве Божием не будет времени, это одно из фундаментальных отличий царства Бога от царства Земли. Время длится пропорционально твоей боли. Время растягивается вместе с твоей болью и сжимается с радостью. В абсолютной боли время становится вечным. В абсолютной радости время становится несуществующим.

Сахаджо говорит: во сне за одно мгновение может пройти пятьдесят лет.

За одно мгновение сна может пройти пятьдесят лет. Но думал ли ты когда-нибудь, что то, что ты называешь пятьюдесятью годами... кто знает, может быть, во сне это одно мгновение? Это придает сомнению правильную направленность.

Вот древняя китайская история. Сын императора умирал - единственный сын. Приближался его последний момент; врачи сказали, что теперь он не может выжить. И император три дня сидел рядом с ним без сна. Его сын умирал, и каждый вздох мог стать последним. Он очень любил единственного сына; все его надежды и мечты были о нем. Он был его будущим. Старый император плакал, но ничего не мог сделать, все было уже сделано. Ни одно лекарство не помогало, ни один врач не мог ничего сделать. Болезнь была неизлечимой. Он был обречен.

Император сидел рядом с ним, и на четвертый день - он не спал три ночи - он задремал. Ему приснилось, что у него много дворцов, и великое королевство, простирающееся по всему миру... он один правит миром... у него двенадцать молодых здоровых и красивых сыновей, и их сила и ум были несравненны... ступени дворца инкрустированы бриллиантами и изумрудами неизмеримой ценности... он очень счастлив... нет никакого горя... Пока он спал, сын умер, и жена громко заплакала. Его сон был нарушен, и он увидел перед собой труп. Он был еще под властью сна... дворцы потускнели, золотые дворцы, сияющие на солнце... двенадцать сыновей с их силой, красотой и здоровьем; он еще видел последний отблеск радости, созданной сном. А здесь его сын только что умер. Все плакали и рыдали.

Император растерялся. Он не мог думать. На мгновение он растерялся. Жена подумала, уж не сошел ли он с ума, потому что у него на глазах не было слез, он не плакал, никак не высказал ни горя, ни малейшего признака печали. Жена испугалась. Она потрясла мужа и спросила:

- Что с тобой?

Она знала, что смерть сына причинит ему ужасную боль. Она подумала: "Наверное, он сошел с ума! Он что, не в себе? Лишился дара речи?" Она сказала:

- Скажи что-нибудь!

И император рассмеялся. Он сказал:

- Я перед великой дилеммой: кого я должен оплакивать? Только что у меня было двенадцать молодых сыновей, золотые дворцы, всевозможные удовольствия, и все это исчезло за мгновение. Должен ли я плакать об этом или о сыне, который только что умер? Потому что, когда у меня были те двенадцать, я забыл об этом. Я совершенно не знал, что у меня есть сын здесь. Теперь я с этим сыном и забыл о тех двенадцати. Что же правда?

Сахаджо говорит: во сне за одно мгновение может пройти пятьдесят лет.

За одно мгновение сна может пройти пятьдесят лет. Пятьдесят лет твоей жизни - это не более чем мгновение сна. Сколько людей прожили эту жизнь? Бесчисленное количество людей побывало на этой земле. Им снились такие же сны, что и тебе. Как и тебе, им приходилось гнаться за властью и престижем. Они сражались, они умирали. Они испытали удовольствие и боль, приобрели друзей и врагов, и тоже все делили на свое и чужое. Все это исчезло. Ученые говорят, что на том самом месте, где ты сейчас сидишь, на участке, где может стоять человек, похоронено по крайней мере десять человеческих тел. В этой почве люди превратились в пыль. Если не сегодня, то завтра ты превратишься в такую же пыль. В конце остается только прах. Все мечты исчезают. Прах во прах. Но в промежутке - мир сновидений. Если хочешь сомневаться, сомневайся в нем! И удивительно, что люди не сомневаются в этом мире, но сомневаются в вечном.

Люди приходят ко мне и говорят:

- Мы не слепые верующие. Мы образованные, интеллектуалы. Мы изучали логику и не можем поверить в существование Бога.

Я говорю им:

- Забудьте о Боге. Если вы действительно образованны, если вы интеллектуалы и изучали логику, каково ваше представление об этом мире?

- Мир реален, - говорят они.

Что это за логика? Это абсолютная слепота.

Если ты научился сомневаться, тогда сомневайся и смотри на свою жизнь, и ты найдешь, что между этой жизнью и сном нет никакой разницы. Что ты называешь сном? Когда он есть, он кажется реальным. Когда ночью тебе снится сон, кажется ли он ложным? Он ложен, когда ты просыпаешься, потому что ты знаешь, что это был сон. Все, кто проснулся на этой земле, утверждают то же самое: что мир - это сон. Проснулся ли Будда, Сахаджо, Кабир или Фарид, после пробуждения этот мир становится сном. После пробуждения человек осознает, что гнаться за деньгами или властью - иллюзия ума.

Сахаджо говорит: во сне за одно мгновение может пройти пятьдесят лет.

Когда глаза открыты - это иллюзия;

иллюзия - жизнь в теле.

И когда у тебя открываются глаза, ты узнаешь, что все это было ложным. Такова жизнь в теле - именно так устроена жизнь в теле. Жизнь в этом теле кажется реальной, только пока глаза закрыты. Когда глаза открываются, ты понимаешь, какие сны и иллюзии ты носил, какие иллюзии ума принимал за реальность. Все это волны мыслей, просто вибрации мыслей - они пришли и ушли. Теперь от них не осталось и следа, как будто кто-то что-то написал на воде; надпись на воде - она еще не окончена, а уже исчезла.

*Когда глаза открыты - это иллюзия;
иллюзия - жизнь в теле.*

Если тело кажется тебе реальным, покажется реальным и мир. Обе реальности идут вместе. Если ты сомневаешься в мире, ты усомнишься и в реальности тела, потому что тело - часть мира. Если ты сомневаешься в реальности тела, ты усомнишься и в мире, потому что мир - это продолжение тела. Когда-то этого тела не было, это определено. Однажды этого тела не будет, это тоже определено. Только волна между двумя пустотами, маленькая волна, и ты веришь, что эта волна реальна. Ты никогда в ней не сомневаешься. И существование, спрятанное за всеми этими волнами, - называй его Богом, называй его душой, называй его освобождением, - в нем ты сомневаешься.

Нет, я не считаю атеиста очень логичным. Тот, кто очень логичен, несомненно станет теистом. Атеист все еще учит азы. Если он идет в логику глубже, когда сомнение становится интенсивным и приобретает остроту, он увидит то, что говорит Сахаджо: *Когда глаза открыты - это иллюзия; иллюзия - жизнь в теле.*

*Мир подобен последней утренней звезде.
Сахаджо говорит: он быстро исчезает...*

Это очень красивый символ: *Мир подобен последней утренней звезде*; мир - это последняя утренняя звезда на рассвете. Видел ли ты когда-нибудь, как утром исчезают звезды и вот осталась только одна? Она вот-вот исчезнет; она видна лишь на мгновение, и ты пытаешься увидеть, куда она исчезла. Только что она была, теперь ее больше нет.

Мир подобен последней утренней звезде. Сахаджо говорит: он быстро исчезает. Мир точно утренняя звезда, которая исчезает утром. Она не остается надолго; она на грани исчезновения. Только одно мгновение осознанности, и ее больше нет. Таким же образом, все, чего ты с таким трудом достиг, исчезло. Ты даже не можешь здесь обосноваться, прежде чем тебя ловит смерть.

*Мир подобен последней утренней звезде.
Сахаджо говорит: он быстро исчезает,
как жемчуг росы,
как вода из твоих ладоней.*

Даже жемчуг бледнеет рядом с каплей утренней росы на травинке. Утром восходит солнце, и капли росы на траве побеждают красотой даже настоящий жемчуг... *Как жемчуг росы.* Она выглядит как жемчуг, но только по видимости; на самом деле это росинка. Сколько она проживет? Небольшой ветерок, и росинка исчезнет в пыли. Стоит появиться лучу солнца, и росинка испарится... *Как жемчуг росы, как вода из твоих ладоней.*

Если ты пытаешься держать воду в ладонях: ладони наполнены, но скоро вода начнет просачиваться сквозь пальцы. Не прошло и мгновения, а руки пусты. Когда ты чувствуешь, что все достигнуто, руки начинают пустеть.

Посмотри глубоко на преходящее - это первый шаг к тому, чтобы познать вечное. Тот, кто узнал мгновенное, нашел критерий узнавания вечного. Тот, кто не узнал мгновенного, никогда не сможет узнать вечное.

Ты должен научиться узнавать мгновенное. Посмотри глубоко на то, что приходит и уходит, что проявляется и исчезает. Цветок расцветает утром и увядает вечером. Смотри внимательно на

мгновенное: сейчас есть красота, завтра красоты не будет. Молодость была и прошла. Постепенно тем, кто внимательно смотрит на мгновенное, становится ясно одно: искать здесь истину - это безумие. Как может быть истина в том, что не продлится? Определение истины - это то, что есть всегда. Определение истины - это постоянный, непрерывный поток. С ним ничего не может случиться. Он всегда такой же, как и был, неизменный. Ничто не может разорвать его непрерывность. Но чтобы это узнать, ты должен глубоко увидеть мгновенное. В узнавании, что мгновенное мгновенно, понемногу начинает возникать узнавание вечного. Видя тщетное, постепенно ты начинаешь видеть и проблеск важного. Видя неправильное, ты узнаешь правильное. Нет другого пути.

И помни еще одно, потому что это часто понимают неправильно. Когда я говорю, что мир мгновенный, не соглашайся с этим слишком легко. Или когда Сахаджо говорит: "Во сне за одно мгновение может пройти пятьдесят лет. Когда глаза раскрываются, все это ложно; такова жизнь в теле". Не соглашайся немедленно, потому что тот, кто согласится немедленно, не получит собственного опыта. Если это твой собственный опыт, он приведет тебя к истине. Ничего не случится благодаря заимствованному опыту.

В определенном смысле ты тоже слышал, что мир мгновенен, но это не помогло тебе узнать что-то о вечности истины. Ты не видел мгновенности, ты только слышал о ней. Ты не осознал ее, ты поверил в нее. Кто-то другой это сказал, это заимствовано, мертво. Так говорят писания, так говорят мудрецы, но это не пришло из твоего собственного опыта. Это не зрелый опыт. Ты не познал это, проходя через опыт сам, ты это предположил. Никто не познает истину, предполагая. Познание есть опыт. Верование, самое большее, прикроет твое невежество; оно не исчезнет.

Мир подобен последней утренней звезде.

Сахаджо говорит: он быстро исчезает,

как жемчуг росы,

как вода из твоих ладоней.

Из дворцов, сделанных из дыма,

ум создает королевство:

все это призрачные тени.

Сахаджо говорит: это никогда не может быть правдой.

Все это игра ума - из дворцов, сделанных из дыма - как будто кто-то делает дворцы из дыма. Иногда, может быть, ты видишь, что облака в небе принимают определенные формы. Они могут принимать столько форм. Иногда кажется, что часть облака стала слоном, но продолжай внимательно наблюдать: не успел ты увидеть слона, как он исчез. Сколько может существовать слон из облака? Иногда кажется, что облака формируют дворец, но на твоих глазах этот дворец рассеивается.

Из дворцов, сделанных из дыма, ум создает королевство. Все эти царства ума - сны; это воображение и стремления, желания ума - все это дворцы из дыма.

Сахаджо использует очень свежие, уникальные символы. Это девственные символы. Они не затасканы. Наверное, она выбрала их из своего знания. Она не поэт, она мистик. Она не цитирует поэзию, она - сама поэзия. Она не имеет ничего общего со словами; то, что она познала в молчании и пустоте, течет к вам при помощи слов. Сами слова как бумажные кораблики: в них она посылает опыт пустоты. Слова - это посланцы, почтальоны. И дело не том, чтобы сделать их красивыми; это девственные символы.

Из дворцов, сделанных из дыма... тот, кто видел иллюзии ума, нашел, что они как дым.

Сколько игр создает ум! Как он предполагает то, чего нет, как забывает то, что есть! Каждый раз он терпит поражение, но все же не просыпается. Чего бы ты ни хотел, в достижении этого ты терпишь поражение, но все же не можешь проснуться. Это удивительно. Ты только начинаешь просыпаться, а ум создает новый дворец. Он говорит:

- Старый оказался ложным, не беспокойся о нем. Это другие тебе помешали; у тебя много врагов. Ситуация была неблагоприятной. Тебе не улыбнулась удача. Ты не приложил достаточных усилий - именно поэтому ты не получил того, что хотел.

Ум никогда не говорит тебе, что поражение в самой природе желания. Ум приводит причины и говорит, что ты потерпел поражение по этим причинам:

- Если бы приложил больше усилий, то добился бы успеха. Но ты не приложил таких усилий, недостаточно потрудился, а конкурент был хитрее, умнее. Ты простой человек: ты тоже должен быть немного хитрее. Ты должен был использовать правильные средства, тогда ты бы тоже был хитрее.

Ум найдет тысячу и один повод для своих неудач. Но он не позволит тебе увидеть одно - поражение в природе желания, желания никогда не сбываются. Он дает тебе поводы. Он говорит:

- Не совершай ту же ошибку в следующий раз. В следующий раз лучше подготовься к соревнованию.

Но никто никогда не добивается успеха. Александры и Наполеоны тоже покидают этот мир с пустыми руками. Богатые тоже бедны. Люди, которые сидят на высоких тронах и занимают высокое положение, - такие же нищие внутри. Люди становятся великими богословами, много знают, и все же внутренняя темнота не исчезает. Как в пословице "Темнота под светильником".

Из дворцов, сделанных из дыма,

ум создает королевство:

все это призрачные тени.

Сахаджо говорит: это никогда не может быть правдой.

Точно как когда кто-то видит луну в озере... луна реальна, но луна в озере нереальна. Или когда ты видишь собственное отражение в зеркале - отражение в зеркале может выглядеть безмерно красивым, но все же это не истина. *Все это призрачные тени... и, как тени, это никогда не может быть правдой.* Истина никогда не в тени, мир - это тень истины. Когда ты находишь что-то, что кажется реальным, но нереально, значит, это тень. Ты бежишь, и тень бежит за тобой. Если я попытаюсь поймать твою тень, то не смогу поймать тебя, хотя обратное верно: если я поймаю тебя, будет поймана и тень.

Я слышал:

Маленький ребенок играл во дворе. Он пытался поймать свою тень. Может быть, это было солнечным утром или зимним днем - он пытался подкрасться к своей тени и поймать ее. Перед дверью остановился факир, собираясь попросить еду, и стал наблюдать за ребенком. Ребенок хотел поймать тень, но у него не получалось, ведь когда двигался он, двигалась и тень. Тогда он двигался еще решительнее, но тень двигалась вместе с ним. Ребенок заплакал, слезы покатались у него из глаз. Он чувствовал себя побежденным. Мать попыталась его утешить, говоря, что тень нельзя поймать. Но как ребенок может понять что-то о тени или иллюзии? Ребенок сказал:

- Я хочу ее поймать! Если я не могу ее поймать, поймай ее для меня. Я ее хочу.

Ребенок был не готов признать поражение.

Факир наблюдал все это, стоя у дверей. Он подошел и попросил мать подождать. Он взял ребенка за руку, положил его руку ему на голову и сказал:

- Видишь?

Как только он положил руку на голову, ребенок увидел, что то же самое сделала и тень. Он радостно засмеялся, потому что поймал свою тень.

Нет другого способа поймать тень. Если хочешь поймать тень, ее можно поймать только внутри самой тени. Ваши политики, богатые, уважаемые люди - люди, которые думают, что поймали что-то в мире, просто кладут руки на голову. Им кажется, что они поймали тень. Все эти люди в Дели, Лондоне, Париже и Вашингтоне просто сидят, положив руки на головы, и им кажется, что тень поймана. Те, кто не смог ее поймать, плачут - потому что пытались поймать тень прямо. Но оба действия глупы. Плакать было со стороны ребенка глупо. Теперь он смеется, он счастлив, потому что поймал тень, победил, - и это тоже в равной степени глупо. Но вторая глупость опаснее первой, потому что если в первой и есть какая-то доля реальности, во второй ее нет вообще.

Все это призрачные тени. Сахаджо говорит: это никогда не может быть правдой. И у тени есть своего рода существование. В конце концов, она есть. Но это тень, не реальность - не увлекайся слишком тем, чтобы ее поймать.

Я слышал, что во время поста рамадана Мулла Насреддин шел по тихой дороге. Мусульмане с нетерпением ждали восхода луны; когда они увидят луну, пост закончится. Он остановился у колодца, чтобы попить воды, и спустил ведро в колодец, потому что подумал, что луна в колодце. Он сказал:

- Боже мой! Вот так проблема! Люди смотрят в небо, а луна застряла в этом колодце. Если ее никто не вынет, миллионы людей умрут от голода.

И он забыл, что собирался пить воду, и попытался вытащить луну из колодца ведром. Это была очень трудная работа, потому что как только ведро касалось воды, луна раскалывалась на части.

То же самое с миром: если ты пытаешься ловить вещи, они начинают раскалываться. Если ты пытаешься держать их в кулаке, они становятся как ртуть и выскользывают у тебя из рук.

Он пытался изо всех сил, испробовал все возможные способы, погружая ведро очень осторожно. В конце концов в определенный момент тень луны оказалась в ведре. Он сказал:

- Получилось, я совершил добродетельный поступок. Теперь я ее вытащу.

Он попытался ее вытащить, но из-за его предыдущих судорожных попыток веревка зацепилась о камень. Он тянул изо всех сил, но она не поддавалась. Он подумал:

- Кажется, она очень тяжелая. Мне одному это не под силу, но, кажется, вокруг никого нет. Мне придется справиться самому, приложить больше усилий.

Он потянул еще сильнее. Когда он дернул изо всех сил, веревка порвалась - как это обычно и бывает. Он упал и ударился головой о камень у колодца. Когда он открыл глаза... в небе он увидел луну. Он сказал луне:

- Все в порядке. Даже если я пострадал, по крайней мере ты свободна и миллионы человеческих жизней спасены.

Но очень немногим людям так везет - чтобы веревка порвалась, чтобы упасть, удариться головой и поднять глаза к небу и увидеть настоящую луну.

Только когда ты тотально побежден в жизни, ты поворачиваешься и начинаешь смотреть на Божественное. Когда жизнь становится сплошной неудачей и ты падаешь навзничь, лишь тогда твои глаза поднимутся к небу. Иначе ты будешь продолжать пытаться вытащить луну из колодца. Когда ты не можешь ее поймать, ты думаешь, что все, что тебе требуется, - это еще немного искусства.

Но отражения луны нереальны, хотя и кажутся реальными. Именно поэтому мудрецы называли мир *майей*, иллюзией. Божественное есть реальность, а мир - это его отражение. Это отражение истины называется *майя*, иллюзия.

*Из дворцов, сделанных из дыма,
ум создает королевство:
все это призрачные тени.
Сахаджо говорит: это никогда не может быть правдой.
Бог один, со свойствами или без -
я подумала, поняла и увидела.
Мой мастер дал мне глаза,
и, увидев, я убедилась.*

Бог один, со свойствами или без - я подумала, поняла и увидела. Но пока не совершен первый шаг путешествия к Божественному, Бог остается только словом. Пока мир не стал тщетным, Божественное не может быть важным.

*Два дня назад со мной был друг, который привел своего сына. Он сказал:
- Мой сын очень разумный. И хорошо, что он принял санньясу, но нужно позаботиться и о том, и о другом - и о мире, и о санньясе. Он должен быть успешным в том мире, и в этом.*

На поверхности это кажется совершенно правильным, что ты должен быть успешным и в том мире, и в другом, - но пока ты видишь успех в этом мире как успех, ты не будешь искать успеха в другом мире.

Я согласен, что не нужно бежать от мира. Ты можешь быть *санньясином*, тотально живя в мире. Но пока ты живешь в мире, ты должен осознавать одно: что успех в мире - это не успех. Это луна в колодце - отражение. Человек должен жить в мире и быть санньясином, другого пути нет. Где еще ты можешь жить? Мир везде. Любое место - это продолжение мира. Куда ты убежишь? Бежать некуда. Но да, есть пространство, чтобы проснуться.

Проснуться - значит увидеть, что гнаться за вещами этого мира не значит получить настоящую луну. Если ты должен быть в этом мире, будь в нем. Если там будет толпа, будь в толпе, в этом нет ничего плохого. Какой смысл напрасно расстраивать толпу? Они думают, что успех возможен в мире. Именно это сделал факир, положив руку ребенка ему на голову. Это ребенок - зачем заставлять его напрасно плакать? Он счастлив, пытаясь поймать свою тень. Поэтому факир прибег к уловке: поймал тень, положив руку ему на голову.

Но ты должен проснуться для истины, что успех в мире - это совсем не успех. Весь этот так называемый успех - только трата усилий. Весь этот так называемый успех - пустая трата времени. Весь этот успех означает, что ты продаешь себя, чтобы купить мусор. Однажды ты найдешь, что купил и принес домой весь рынок, но ты сам потерялся где-то в этом рынке. Все спасено, кроме тебя самого.

Бог один, со свойствами или без -

я подумала, поняла и увидела.

Если тебе становится ясна мгновенность мира, твои глаза поворачиваются к Богу и открываются. И эти глаза могут видеть то, что *со свойствами или без, Бог один*. Ты видишь, что, со свойствами или без них, Бог один. Бог индуистов, бог мусульман, бог христиан становится видимым как *одно*. Те, кто видит разных богов, - знай, что их глаза еще не видят Божественного, потому что Бог один. Луна одна, колодцев тысячи. И в тысячах колодцев тысячи разных отражений. Один колодец мусульманский, и в нем мусульманское отражение. Другой колодец индуистский, и в нем индуистское отражение. В одном колодце грязная вода, в другом чистая, и все отражения разные. Один колодец построен из мрамора, другой из обычной грязи и даже не обложен камнями. Эти различия могут создать и различия в отражении. Но то, что отражается, всегда одно. Отражений может быть много, но истина одна.

Бог один, со свойствами или без. Можешь назвать это *сагун*, с атрибутами, потому что всё - его атрибуты; ты можешь назвать его *ниргун*, без атрибутов, потому что то, у чего атрибуты всё, не имеет атрибутов. Тот, чьими атрибутами является всё, за пределами атрибутов. Ты можешь сказать, что его руки полны, ты можешь сказать, что его руки пусты, - ведь наполненность и пустота - это два названия одного и того же состояния. Если хочешь, увидь его в зелени деревьев, узнавай его в каждой цветке, увидь его в каждой звезде. А если хочешь, ищи бесформенное существование, скрытое за зеленью, звездами, луной и горами. Если хочешь, найди его проявления или его существо. Если ты видишь его существо, он лишен атрибутов; если ты видишь его выражения, он с атрибутами. Если ты видишь его одежды, они очень нарядны, очень красочны. Если идешь в него глубже, все цвета исчезают, и остается предельная пустота.

Бог один, со свойствами или без - я подумала, поняла и увидела. Но этот опыт достигается *видением*. Если бы его можно было найти только мышлением, его нашли бы мыслители. Его нельзя достичь только мышлением. Многие продолжают думать о Боге, но мышление ни к чему их не приводит, потому что мышление - это только паутина ума. То, что постигается умом, является миром. Стараться постичь Божественное мышлением - это все равно что пытаться поймать тень и продолжать ее упускать.

Сама мысль - это тень. Как можно поймать истину тенью? Ум должен быть пустым, без единой мысли - вот в чем смысл медитации. Никто никогда не переживает предельное путем мышления. Предельное познается в медитации. Медитация - это состояние не-мысли. Когда все движение ума останавливается и возникает не-мысль, когда озеро абсолютно спокойно и погружено в глубокое молчание, ты соединен с предельным.

Я подумала, поняла и увидела. Сахаджо использует три слова: *видение, понимание и мышление*. Некоторые люди пытаются познать истину мышлением. Они не могут ее познать. Они становятся философами, они создают философию, они обсуждают великие философии. Если говорить с ними о мышлении, они распространяют великую сеть мыслей, но в сети мыслей никогда не ловится рыба Божественного. Как бы ни была велика их сеть, рыба никогда не попадается.

Есть некоторые люди, которые пытаются пережить ее, *понимая*. Понимание приходит с опытом жизни. В жизни бесконечное множество опытов, и сущность всех опытов - понимание. Молодой человек хочет познать Бога мышлением, старый человек хочет познать Бога пониманием. Он говорит: "Мы видели мир" - но мир есть тень. Как может опыт тени привести тебя к предельному? Человек должен быть свободен как от мышления, так и от понимания. Мысли питает образование. Именно поэтому каждый выходит из университета, полный великих мыслей. Старые люди над ним смеются. Они говорят: "Обожди немного. Посмотри мир, тогда узнаешь".

Я слышал: один человек защитил диссертацию по сельскому хозяйству в университете Дели. В качестве последнего экзамена перед ученой степенью его послали в деревню сделать полный отчет о ферме, чтобы проверить, практичны ли его знания. Он упомянул в отчете все: количество деревьев, объем урожая, размеры поля, объем урожая, производимого этим размером поля, сколько было посеяно, сколько продано. Он сделал все подсчеты, но одного не мог понять. Крестьянин смеялся над его методами работы и совершенно ему не помогал. Он говорил:

- Ты очень осведомленный человек.

Тогда, посмотрев на дерево, студент сказал:

- Это дерево в таком состоянии, что я не думаю, что на нем вырастут яблоки в этом году.

- Я тоже уверен, что оно не даст никаких яблок, - сказал крестьянин, - потому что это не яблоня.

Таким образом он смеялся над статистикой студента.

В хижине был козел, старый козел с длинной бородой. Молодой человек никогда не выходил из университета. Он изучил сельское хозяйство по книгам, он провел всю жизнь в библиотеке университета и не мог узнать животное. С бородой! Он спросил:

- Кто это?

- Ты скажи, кто это, - ответил крестьянин. - Ты знающий человек. Я только бедный крестьянин, что я знаю?

Студент отправил телеграмму в университет с описанием козла: "Он старый, с бородой; пожалуйста, объясните мне, кто это".

Пришел ответ: "Идиот, это крестьянин! Ты даже его не смог узнать?"

Он старый, с бородой... с точки зрения секретаря факультета, наверное, это крестьянин. Он подумал, что студент не смог узнать даже крестьянина - это уж слишком!

Одна жизнь проживается по книгам, другая переживается на жизненном опыте. Из книг ты можешь получить идеи, но не понимание. Понимание достигается в плохих и хороших опытах жизни. В этом разница между знанием и мудростью, между мышлением и пониманием. Но Сахаджо говорит, что если бы предельное могло быть познано только через понимание, все старики познали бы его. Если бы предельное могло быть познано через мышление, его познали бы все мыслители. Но кажется, его не достигают ни старики, ни мыслители, ни молодые люди. Значит, нужно третье.

" Я видела: я пришла к видению путем мышления и понимания". Было использовано мышление, было использовано понимание, но оба они послужили цели этого видения.

*Бог один, со свойствами или без -
я подумала, поняла и увидела.
Мой мастер дал мне глаза,
и, увидев, я убедилась.*

Мастер не дает тебе мысли. Или, если он дает мысли, он делает это, чтобы помочь открыть глаза. Не дает мастер и понимания - но, если он дает понимание, то лишь для того, чтобы поддержать в тебе то, что может открыть глаза. Самое существенное - открыть глаза.

Глаз, который видит мир, отличается от глаза, который видит Божественное. Поэтому, каким бы ясным ни было твое понимание и знание мира, ты не сможешь познать Бога теми же

глазами. Это другое измерение. И что-то может случиться, лишь если твои глаза откроются.

Как открыть глаза? Помощь мира может быть только негативной помощью. Не добившись успеха в мире, ты можешь узнать тоску, ты можешь узнать страдание, и через это страдание, тоску и чувство поражения в твоём уме может возникнуть жажда искать то, что за пределами мира. Только такую помощь можно получить от мира.

Путем мышления ты можешь усомниться в мире, но так ты не найдешь доверия к Божественному. Но, усомнившись в мире, легко будет перейти к доверию к Божественному; это будет естественно. По крайней мере, ты свободен от несущественного, и есть пространство для осмысления. Точно так же, если кто-то хочет создать сад, сначала он выпалывает сорняки и вырывает траву. Затем он копает яму в несколько футов глубиной и бросает в нее ненужные корни. Таким образом не создашь сад, но теперь становится возможным создать сад. Если ты оставишь сорняки и попытаешься создать сад, он будет разрушен, потому что сорняки растут быстрее. Неправильное всегда обгоняет правильное. Если ты оставишь траву и сорняки и посеешь какие-то семена, ты никогда не узнаешь, где посеяны семена цветов.

Один человек купил дом по соседству с Муллой Насреддином. У Насреддина был очень красивый сад, и соседу тоже захотелось иметь такой сад. Он сказал Насреддину:

- Я посеял кое-какие семена, и теперь взошли ростки, но выросла и трава. Как мне отличить одно от другого и определить, где трава, а где проросший цветок?

Насреддин сказал:

- Это очень просто - вырви все. То, что вырастет снова, трава, а то, что не вырастет, - настоящее, всходы семян. Траву не нужно сеять, она растет сама. Поэтому вырви и то, и другое, и ты точно узнаешь, что есть что.

Если хочешь посадить сад, сначала нужно совершить негативную подготовку: вырвать траву, выкорчевать корни и расчистить почву. Но сад еще не готов, это только начало работы. Теперь придется посеять семена.

Мышление и понимание могут это сделать - могут заставить усомниться в мире, вот и все. Но даже если случится только это - это удача. Потому что с девяноста девятью из ста этого не происходит. Иногда даже кажется, что понимание уводит людей прочь. Не только молодые, но и старые ловятся в сети мира. В молодом человеке есть некоторое желание принять санньясу, в старом не остается даже его. К старому человеку приближается смерть, и им с такой силой овладевают подобные мысли: "Осталось несколько дней, я должен насладиться ими. Осталось всего несколько дней... есть ли время заботиться о Боге и тому подобном? Посмотрим, когда-нибудь в другой раз... жизнь прошла, и в эти несколько дней я должен насладиться еще немного".

Нет предела глупости так называемых мудрых людей. Иной молодой человек рискует и становится на путь санньясы; старые не могут набраться храбрости.

Именно поэтому - удивительно! - все великие санньясины мира были молоды, когда покинули дом. Будда и Махавира были молоды - видел ли ты когда-нибудь, чтобы старый человек становился таким санньясином, как Будда или Махавира? Тебе не найти ни одного имени. Старые люди набираются опыта в мире, и этот опыт топит их.

Поэтому ты не можешь достичь при помощи только мышления или только опыта. И мышление, и опыт мира бесполезны. Да, это может случиться: используя то и другое, ты можешь прийти к пониманию того, что в тебе есть глаз, который закрыт, третий глаз, который закрыт. Если он откроется, может быть, ты сможешь получить проблеск Божественного, может быть, ты сможешь получить проблеск истины.

Мой мастер дал мне глаза. Мастер не дает мыслей. Не дает он и понимания. Мастер дает способность видеть, он дает глаза. Как он это делает? Это очень деликатно и тонко.

Как мастер дает тебе глаза?

Мастер дает тебе возможность видеть своими глазами. Точно так же кто-то поднимает ребенка на плечи и говорит: "Видишь?" Ребенок видит далеко, сидя у кого-то на плечах, а стоя на земле, ничего не видит. Сидя у кого-то на плечах, он видит далеко. Мастер сначала поднимает тебя на плечи и дает несколько возможностей видеть его глазами. Он дает тебе свои глаза и говорит:

- Посмотри немного моими глазами.

Например, когда я говорю с вами, я говорю не для того, чтобы заставить вас думать. Что получится, если заставить вас думать? - у вас и так слишком много мыслей. Когда я говорю с вами, я даю вам возможность видеть моими глазами. Это тоже *видение*; так можно *видеть*. Если ты получаешь проблеск, глядя моими глазами, это создаст жажду в твоих глазах. Если однажды ты можешь смотреть чьими-то глазами, тогда... глаза другого не твои собственные, но прозрения, которые случаются благодаря глазам другого, могут быть началом открытия твоих собственных глаз.

Пойми это так: это как молния темной ночью. Вспыхивает молния, и на мгновение ты видишь все - дорогу, деревья, горы. Снова становится темно. Но ты знаешь, что дорога есть. Тебе по-прежнему придется брести ощупью во тьме, тебе по-прежнему придется искать, и страх упасть останется прежним, но, по крайней мере, ты уверен, что дорога есть. Если ты смотрел глазами мастера, в тебе возникает доверие: путь есть. Если ты живешь рядом с мастером, понемногу аромат наполнит твои ноздри, и ты начнешь чувствовать, что то, что случилось с ним, может случиться и с тобой. Все, что возможно для одного человека, возможно и для другого.

Если ты рядом с Буддой, Махавирой или Кришной, блаженство их жизнью заразительно. Иногда они тебя встряхнут, даже если ты сам этого не знаешь, и это тебя разбудит. И если ты сможешь немного открыть глаза, в тебе появится доверие. Когда маленький ребенок начинает ходить, его поддерживают руки матери. Ребенок должен ходить сам, но благодаря поддержке он чувствует себя в безопасности. Он думает:

- Теперь я не упаду, со мной мама.

Он все же упадет, упадет много раз, но каждый раз, когда он поднимается после очередного падения, шансы снова упасть будут все ниже. И мать постоянно уверяет его:

- Иди, не бойся. Ты можешь ходить точно так же, как я.

Таким же образом мастер протягивает тебе руку. Он знает, какая способность скрыта у тебя внутри, нужно лишь немного поэкспериментировать. Может быть, ты испугался. Много, много жизней ты не открывал глаз, через который видно Божественное. Может быть, ты забыл его. Может быть, если кто-то тебе напомнит, внезапно... Ты все еще не можешь вспомнить, но если ты остаешься рядом с ним, в его присутствии, это бьет тебе в какой-то центр. Эти удары должны быть постоянными. Поэтому *сатсанг*, нахождение в присутствии мастера, - продолжительный процесс.

*Мой мастер дал мне глаза,
и, увидев, я убедилась.*

Умом можно познать только сомнение. Мысли... мысли... мысли... ничего определенного. Ты усомнишься даже в мыслях, в которых уверен. Часто ты говоришь: "Я уверен, я знаю точно", - если ты о чем-то говоришь, что знаешь это точно, значит, в этом есть какое-то сомнение. Ты

готов бороться и убивать за свои мысли. И это тоже показывает, что где-то внутри ты не уверен.

Решимость - это совершенно другое. Решимость есть, когда нет никаких сомнений. А сомнение исчезает только с исчезновением мыслей... *Увидев, я убедилась...* когда нет мышления, есть *видение*. Тогда происходит *даршан, видение*. Тогда ты не думаешь.

Только слепой думает, что существует свет. Человек, у которого есть глаза, просто видит его. *Мой мастер дал мне глаза, и, увидев, я убедилась*. И где есть *видение*, там уверенность. Где мысли, там замешательство. Под мыслями струится поток неуверенности. Нужно *видение*. Никто не может думать о предельном. Ты либо видишь предельное, либо нет, нет речи о веровании. Это дело *даршана* - или прямого восприятия предельного.

*Сахаджо говорит: у Божественного много измерений.
Оно проявленное, оно непроявленное...*

Он видим, он невидим.
Все измерения - его, и все же ни одно измерение - не его.

*По своей природе вода и лед - одно,
солнце и свет - одно.*

Это очень красивые слова: *по своей природе вода и лед - одно*. Есть ли какая-нибудь разница между водой и льдом? Есть ли какая-нибудь разница между водой и снегом? Нет никакой разницы. Или... *солнце и свет...* есть ли какая-нибудь разница между солнцем и солнечным светом? Таким же образом, есть ли какая-нибудь разница между Божественным и его творением? Или между солнцем и солнечным светом? Есть только Божественное. Оно везде. Оно в солнце, оно в солнечном свете; солнечный свет - это продолжение Божественного. Безграничная Вселенная, которую ты видишь, - это продолжение. Есть ли какое-нибудь разделение между Творцом и творением? Есть ли какое-нибудь разделение между танцором и танцем? Есть ли какое-нибудь разделение между певцом и песней? Одно проявлено, другое непроявлено. Песня очевидна, певец скрыт; танец очевиден, танцор скрыт. Творение проявлено, а Творец непроявлен - но он скрыт в каждом его атоме!

*Сахаджо говорит: у Божественного много измерений.
Оно проявленное, оно непроявленное;
по своей природе вода и лед - одно,
солнце и свет - одно.
Милостью моего мастера Чарандаса
все сомнение исчезло.
Все слова и аргументы рассеяны.
Сахаджо осталась, естественная.*

Милостью моего мастера Чарандаса... Те, кто познал, всегда говорят, что они познали не своими усилиями, но милостью мастера. Те, кто познал, поняли, каким крошечным было их усилие - капля пыталась стать океаном. Если бы это должно было случиться только их усилиями, этого бы никогда не случилось.

Пойми правильно только одно: если ты пытаешься познать предельное своими усилиями, ты никогда его не познаешь. Даже если ты приложишь усилие, оно будет неправильным, потому что неправилен ты. Даже если ты движешься, то по неверному пути. Ты полон ложных

желаний, и, что бы ты ни делал, все неправильно, потому что неправилен *ты*. Как может правильное родиться из неправильного? Если бы было возможно, чтобы правильное рождалось из неправильного, не нужно было бы искать правильное. Поэтому, что бы человек ни делал, он не сможет познать истину только своими действиями.

Итак, есть два пути. Это может случиться милостью и благословением Божественного - но ты совсем не знаешь Божественного. Даже если его милость изливается, ты не знаешь, как ее использовать. Даже если бы перед тобой зажгли светильник, ты так слеп, что продолжал бы стоять с закрытыми глазами. Если оно постучит в твои двери, ты скажешь, что, наверное, дует ветер. Ты не сможешь его узнать.

Милость Бога уже постоянно изливается на тебя, но ты не можешь ее узнать, ты не можешь ее принять. Ты не можешь увидеть его, как рыба не может увидеть океан. Именно поэтому мастер так важен в поиске истины - мастер видим для тебя.

В определенном смысле мастер - это чудо. Он чудо, потому что в одном смысле он точно такой же, как ты, и все же совсем не такой. Бог совершенно не похож на тебя - не может быть никакого моста. Он не проявлен, ты проявлен. Он бесконечен, ты ограничен. Он не-мысль, ты мысль. Он везде, ты где-то. Не может быть никакой встречи. Он так безграничен, а ты так крохотен, какая может быть связь? Как может капля встретить океан?

В мастере происходит чудо. Он как ты, и все же не как ты. С одной стороны, мастер - капля росы, с другой - океан. Именно поэтому мастер - самое чудесное явление в этом мире. В определенном смысле он человеческое существо, и в то же время это не так. С одной стороны у него есть такие же стены, как у тебя, с другой стороны, его двери открыты... он - открытое небо.

С мастером могут быть отношения. И с помощью мастера постепенно может произойти связь с Божественным. Вот почему Сахаджо говорит: *Я могу оставить Бога, но не покинуть своего мастера* - потому что без него не было бы связи с Богом. *Милостью моего мастера Чарандаса все сомнение исчезло*. Сомнение не исчезнет в мышлении, как бы ты ни пытался думать. Твое мышление - это попытка приподнять себя за шнурки. Как бы ты ни пытался, ты можешь немного подпрыгнуть, но затем снова окажешься стоящим на земле. Чтобы помочь тебе встать, нужна какая-то другая рука. И эта рука должна быть похожа на твою, чтобы ты мог ее узнать. И все же это должна быть рука предельного, которую ты можешь узнать немного, но не совсем. Немного ты можешь узнать, а еще немного останется за пределами твоего узнавания.

Мастер есть тайна. Ты понимаешь его и все же не можешь его понять. Именно поэтому те, кто думают, что понимают мастера, ошибаются; и те, кто думают, что вообще не поняли мастера, тоже неправы. Лишь те, кто чувствуют, что понимают немного, и в то же время немного остается за пределами их понимания, связаны с мастером. То немногое, что ты понимаешь, придаст тебе уверенности. То немногое, чего ты не можешь понять, выведет тебя за пределы самого себя, и в этом случится трансценденция.

Милостью моего мастера Чарандаса все сомнение исчезло... "Я получила *видение*, мои глаза раскрылись. Я узнала его, смотря глазами мастера, - мир исчез, истина открылась". Тогда начинает работать твое собственное зрение. Как только это начинает происходить, как только кто-то знакомит тебя, тогда...

Все слова и аргументы рассеяны...

Тогда не осталось сомнений, тогда не о чем спорить. Больше нет ни теизма, ни атеизма. Нет ни мусульман, ни индуистов.

... Сахаджо осталась, естественная.

И с того дня Сахаджо стала естественной. До этого все было вверх дном, все было в замешательстве. Теперь она пришла в покой. Теперь ничего не нужно делать. Теперь, что бы ни случилось, это поклонение, молитва. Кабир сказал: "Что бы я ни сказал, это имя Божественного. Когда я ем, я поклоняюсь Божественному" - теперь только Божественное есть внутри и снаружи. "Когда я иду, я окружаю Божественное почитанием" - теперь я не хожу в храм или мечеть, чтобы обходить вокруг Бога. Теперь я просто обхожу, и это акт круга почитания Божественного.

*... Все слова и аргументы рассеяны.
Сахаджо осталась, естественная.*

Будет хорошо, если ты поймешь слово "естественный", потому что быть естественным - это последний цветок религии - *сахадж самадхи*, естественное просветление. Ты в мире, но даже там ты не естествен - ты очень сложен. Ты одно, а показываешь что-то другое. Ты одно, а говоришь что-то другое. Ты идешь в храм, но и там ты не естествен. И там ты проливаешь фальшивые слезы, и там ты не снимаешь маски. И там, когда ты поклоняешься или молишься, в этом нет ни подлинности, ни естественности.

Везде одно лицемерие. Везде один обман. Везде ты пытаешься изобразить что-то такое, что на самом деле не ты. "Естественность" означает, что, где бы ты ни был, ты есть. Теперь ты ничего не прячешь и ничего не изображаешь. Если ты хорош - ты хорош, если ты плох - ты плох. Если ты красив - ты красив, если ты уродлив - ты уродлив. Во всем, чем бы ты ни был, есть гармония, ведь ты узнал, что быть естественным - значит быть единым с Божественным. Чем более ты неестествен, тем дальше от него. Чем больше ты пытаешься кем-то быть, тем дальше уходишь от собственного подлинного существа. Лао-цзы говорит: "Никто так не необычен, как обычные". Они так обычны, что не знают, обычны они или нет.

Кто-то спросил дзэнского мастера Бокудзю:

- После того как ты стал просветленным, что было твоей духовной практикой?

Бокудзю сказал:

- Я рублю дрова в лесу, я ношу воду из колодца. Когда я голоден, я ем. Когда я хочу спать, я сплю - ничего больше.

Но этого достаточно. Это значит быть естественным.

Тебе это трудно, тебе будет тяжело это понять. Из-за вашего эго вы создали облако славы вокруг ваших так называемых святых. Это из-за вашего эго. Их руки должны творить чудеса, из их рук должны выходить амулеты. Вы не можете принять святых, вначале не превратив их в фокусников. И если они станут вашими святыми, им придется согласиться быть фокусниками. Это взаимный сговор. Ты говоришь:

- Пока ты не готов быть фокусником, я не признаю тебя святым.

И если кто-то хочет, чтобы ему поклонялись, он должен стать фокусником - тогда между ним и тобой воцарится гармония. Ты уже фальшив, и те, кого ты выбираешь себе в гуру, соглашаются с твоими условиями. Вы уже лицемеры, и вы делаете лицемерами своих гуру. В этом мире удивительнее всего то, что редко ученики следуют гуру; чаще всего гуру следуют ученикам. Вы диктуете правила: как гуру должен себя вести, как поступать, когда ему вставать, когда ложиться спать, что он должен есть, что он должен пить. Вы это диктуете.

Ученики сами определяют поведение джайнских монахов.

Один святой, джайнский монах, захотел встретиться со мной. Он написал в письме:

- Я очень хочу встретиться с тобой, но ученики мне не позволяют.

Твои ученики не позволяют тебе ко мне прийти? Это уже слишком - ученики не позволяют мастеру прийти! Какая же может быть причина? Я сказал ему:

- Посмотри глубоко. Ученики не могут тебя остановить. Должна быть другая причина. Есть условие, условие, которое они тебе поставили: "Если ты согласишься с нами, мы согласимся с тобой. Пока ты следуешь нам, мы твои ученики. В тот день, когда ты перестанешь нам следовать, все кончено". И я сказал: "Ты слаб. Ты стал гуру так дешево. Ты хочешь прийти ко мне учиться медитации? И у тебя не хватает храбрости даже на поиск медитации? Твои ученики говорят нет, потому что ученики думают: "Если наш мастер пойдет учиться медитации еще к кому-то, зачем мы принимаем его как гуру?" Поэтому перед учениками гуру должен показать, что медитирует, он будет учить их медитации, сам ничего не зная о медитации. И этому монаху не хватает храбрости или искренности в жизни пойти на поиски медитации. Если нужно, ради поиска медитации он должен отбросить свой статус гуру. Ты учишь мир отречься от денег, а за что ты держишься сам?"

Я сказал ему: "Отбрось это! Медитация лучше. Ты снова найдешь последователей. И какая проблема, если у тебя вообще не будет последователей?" Пришел ответ: "Ты не знаешь, что я стал санньясином в детстве. Я необразован и не могу зарабатывать на жизнь. Я не работал сорок лет! Если я оставлю своих последователей, мне придется трудно".

Теперь это стало способом добычи пропитания и крова. Ни ты не гуру, ни они не ученики. Они знают, что они твои хозяева, потому что кормят тебя. И ты тоже это знаешь. Они дают тебе еду, и, если ты сидишь над ними, это только представление. Ты советуешь другим отречься от мира, но сам не можешь даже набраться храбрости отречься от этой защищенности! Может быть, тебе придется рыть канавы на дороге, но, по крайней мере, ты будешь зарабатывать свою еду. Многие зарабатывают на жизнь таким образом. Но тебе не хватает храбрости.

Ваши гуру стали бессильными, в них не осталось никакой силы. Они совершенно беспомощны. Вы держите их над собой, но они только марионетки, и нити в ваших руках. Они танцуют, когда вы заставляете их танцевать, они говорят, когда вы заставляете их говорить.

Быть естественным значит, что теперь нечего изображать. Ты счастлив таким, какой ты есть. И в тот день, когда ты счастлив и доволен своим существом и поглощен своей природой, - в тот день ты поглощен Божественным. В тот день рыба находит океан. Океан был всегда, дело было только в том, чтобы стать с ним одним. Когда рыба знает себя, она знает океан, потому что действительный факт в том, что рыба *есть* океан.

Чем более ты естествен, тем более ты становишься *сиддхой*, тем, кто достиг. Быть естественным - значит состояться. Но ты хочешь прославить свои достижения. Ты хочешь, чтобы случались чудеса.

Люди приходят и говорят:

- Если ты совершишь какие-нибудь чудеса, к тебе придут миллионы людей.

Что мне делать с этими миллионами людей? Я не фокусник. Они говорят:

- Нет, мы говорим это, потому что миллионам людей это принесет пользу.

Может быть, миллионам это принесет пользу, может быть, нет, но для меня это будет вредно. А если это вредно для меня, как я могу принести им пользу?

Естественно, что, когда ты становишься простым, на идиотов ты не будешь производить впечатления. Лишь те, кто сам движется к простоте, будут интересоваться тобой. Чтобы производить впечатление на идиотов, нужны особые методы. Если их глупые умы удовлетворены, это их впечатляет.

Это случалось много раз. Каждый день, путешествуя по этой стране, я сталкивался со многими идиотами. Даже если я что-то отрицал, они не готовы были это принять.

Один человек схватил меня за ноги и сказал:

- Дай мне стакан воды из твоих рук. Я уверен, что желудочная боль, от которой я страдаю семь или восемь лет, будет исцелена прикосновением твоих рук.

Я сказал:

- Сначала пойми, что у меня самого болит желудок! Я пью воду своими руками, но он не исцеляется. Как ты исцелишься? Если нужна помощь, я вызову врача. Отбрось эту идею.

Но чем больше я отказывался, тем больше он думал, что я не хочу его благословить. И держал мои ноги еще крепче. Он говорил:

- Я умру, а отсюда не уйду. Я уверен; чем больше ты отказываешься, тем более я уверен, что в этом что-то есть.

Я увидел, что эффект обратный - его вера возрастает! И в вере есть опасность: если эта вода его излечит, это опасно. Если она его не излечит, нет проблем, дело закрыто - у тебя продолжает болеть желудок, я иду домой. Но если он исцелится, чего я побаивался, это создаст настоящие проблемы. Я решил, что лучше дать ему воды, но случилось то, чего я боялся. Выпив ее, он сказал:

- Боже мой! Боль исчезла.

Этот человек идиот. Его боль ложная. Я не говорю, что он не страдает, он действительно страдал восемь лет. Но его страдание было воображаемым. Через два года, когда я снова приехал в этот город, мне сказали, что он творил чудеса. Он бережно хранил стакан, который я ему дал, и стал давать воду из этого стакана другим людям. А мне он сказал:

- Твоей милостью многие люди излечены.

Вот это глупый ум. Сначала он создает болезнь, потом с той же глупостью создает и лекарство. Он начинает делать воображаемые вещи. Это - причина всех болезней. Люди приходят и говорят:

- Мы видели ауру вокруг тебя.

Может быть, это какие-то проблемы с глазами. Может быть, оптическая иллюзия. Или, может быть, ты видел слишком много изображений святых в календарях с нарисованными вокруг них аурами. Может быть, это впечаталось в твой ум слишком глубоко, и ты спроецировал это. Но, пожалуйста, не впутывайте в это меня. Тогда ты говоришь:

- Но как мне тебе поверить, я видел это своими глазами!

Ваши глаза слепы. Какая гарантия в том, что вы видите? Но если я это отрицаю, они не готовы согласиться, потому что они могут склониться к моим ногам, только если увидят вокруг меня ауру. Это условие их эго. Если они не видят ауры, какой смысл кланяться мне? Они могут стать моими учениками, только если доказано, что я не обычный мастер - что у меня в руках появляется пепел, амулеты, швейцарские часы - только тогда. Их эго будут удовлетворены.

Есть определенный разряд идиотов, и эта толпа идиотов навязывает свою глупость даже своим гуру. Я называю мастером только того, кто не допускает никакого навязывания. Лишь тогда он может вам помочь, лишь тогда он может вывести вас за пределы сомнения. Хотя гуру легко и удобно говорить, что все, что вы говорите, правильно, потому что тогда не будет проблем ни у него, ни у вас. Оба вы партнеры в этом ложном сне. Ваш мир уже ложен, и вы создаете ложных гуру из своего мирского ума. И с этими фальшивыми гуру вы ожидаете осознать истину!

Ищи естественного, потому что в нем скрыто Божественное. Оно совершенно естественно. Оно естественно, как растения, птицы, животные, луна, звезды, горы и водопады. Если ты находишь кого-то, кто естествен, не покидай его присутствия. Не беспокойся о его ауре и не

ожидай от него никаких чудес.

*Милостью моего мастера Чарандаса
все сомнение исчезло.
Все слова и аргументы рассеяны.
Сахаджо осталась, естественная.*

И тогда ты приходишь к естественному бытию.

Будь естественным. Будь грациозным. Если ты становишься естественным, ты становишься правдивым. Понимай слово "естественное" как синоним "Божественного". Если нет твоей неестественности, нет никаких болезней, нет никаких обманов, нет никакой *сансары* - колеса жизни и смерти. В тот день, когда ты становишься естественным, в твоей жизни будет дождь нектара, дождь без облаков.

Дайа говорит: "Когда видишь, ум охватывает безмерная радость". Ты просто становишься естественным, и тогда нет ни малейшего промедления. Ты становишься естественным, и вот "бесконечный свет без освещения". Тогда есть бесконечный свет, который ничего не освещает. Это свет без источника. Он ниоткуда не приходит, он всегда есть. Он вечен, и это "дождь без облаков".

Никаких облаков не видно в небе, и идет ливень, изливается нектар, потому что нектар - это природа существования. "Ум охватывает безмерная радость" - и ты танцуешь, охваченный радостью, потому что не осталось никакого отчаяния. Отчаяние было в твоей слепоте. Отчаяние было в твоём эго, в твоей неестественности. Это ушло. Дайа говорит: "Когда видишь, ум охватывает безмерная радость". И теперь, видя благодать, истину всюду вокруг, ты танцуешь, охваченная безмерной радостью...

... ливень без туч.

На сегодня хватит...

10. Медитация, душа преданности

Первый вопрос:

Природа духовного поиска, кажется, за пределами моего понимания. Иногда все поиски кажутся тщетными, и в этот момент я переживаю глубокое расслабление. Но в следующий момент с такой же интенсивностью я чувствую, что цель далека, и даже само путешествие еще не началось. Разве таким должен быть духовный поиск?

Истина близка, ближе самого близкого. И в то же время далека, дальше самого далекого. Она близка, потому что это твоя природа, и далека, потому что это природа всего существования. Капля - это океан и в то же время не океан. Капля - это океан, потому что то, что есть капля, в большем масштабе есть океан. Капля не океан, потому что у капли есть ограничения, но есть ли ограничения у океана?

Однажды духовный поиск приводит тебя к точке, в которой кажется, что все достигнуто, и все же ничто не достигнуто. Если ты посмотришь на себя, то почувствуешь, что все достигнуто; если смотришь на истину, то чувствуешь, что путешествие еще даже не началось. И это хороший опыт, это показывает, что ты достиг очень ценной точки. Те, кто чувствуют, что все достигнуто, и одновременно не чувствуют, что ничто не достигнуто, используют эти достижения как питание для эго. Те, кто чувствуют, что ничто не достигнуто, и одновременно не чувствуют, что достигнуто все, - они испытывают разочарование эго. Если эго успешно, оно говорит, что все достигнуто; если оно разочаровано, оно говорит, что все потеряно. Но язык эго - это либо достижение, либо утрата, оно выбирает одно из двух. В мгновение отсутствия эго, когда ты становишься пустым, достижение и потеря имеют одинаковый смысл. Лишь тогда происходит опыт великой тайны жизни. Когда происходит этот опыт, не бойся. Назови его счастливым мгновением. Танцуй, будь полон благодарности.

Ты можешь также почувствовать, что путешествие даже еще не началось. Прекрасно чувствовать это, потому что как может начаться путешествие к Божественному? Все, что начинается, должно прийти к концу. Когда ты начинаешь путешествие к Божественному, это означает, что ты заинтересован в том, чтобы довести его до конца. Начиная путешествие, ты тем самым устанавливаешь ему предел. Ты начал с одного конца, а другого достигнешь в какой-то день; это только вопрос времени. Но ты, несомненно, устанавливаешь предел Божественному.

Если ты чувствуешь, что прибыл, тогда, может быть, ты к чему-то и прибыл, но это не Божественное. То, что ты держишь в кулаке, не может быть запредельным. То, что можно держать в кулаке, в словах, в пределах ума, то, что становится твоим опытом, не может быть Божественным. Это может быть твое воображение или умственная концепция. Это может быть Кришна, Христос, Будда или Махавира - плод твоего воображения. Это может быть твоя философия о теории души, вселенской душе и брахмане, но не истина.

Истина уже достигнута. И никогда не бывает так, что ты чувствуешь, что полностью ее познал. Ты можешь испытать ее вкус, но голод никогда не кончается. По мере удовлетворения голода он становится все сильнее и сильнее. Точно так же, если кто-то льет гхи, очищенное масло, в огонь, с одной стороны, кажется, что жажда огня удовлетворена, с другой - что эта жажда все время растет. Именно поэтому влюбленный в Божественное кажется абсолютно безумным. С одной стороны, он говорит, что Божественное здесь и сейчас, с другой - совершает усилия, чтобы его достичь. Мирскому человеку это кажется нелогичным: если Божественное уже достигнуто, прекрати все эти разговоры о том, чтобы его достичь! И если это твоя внутренняя природа, его никогда нельзя найти. Как ты можешь найти то, чем не являешься?

Мирским людям религиозный человек кажется абсолютно безумным. Он пытается достичь в будущем того, что, как он говорит, у него уже есть, или пытается достичь того, чего нельзя достичь полностью. Он отправляется в путешествие, которое, кажется, имеет начало, но не имеет конца. Когда ты начинаешь переживать такие мгновения, чувствуешь, что тебя окружает этот аромат, будь счастлив, что у тебя есть оба эти чувства. Не выбирай. Ты можешь сказать:

- Ты уже достигнут, и в то же время тебя нужно искать.

Великий американский мыслитель Альфред Уайтхэд произнес очень ценные утверждения. Я сообщу вам некоторые из них. Первое: "Религия - это поиск, который кажется нескончаемым". Религия - это надежда, которая кажется Полярной звездой где-то в далеком небе - она приглашает, но ты никогда не достигаешь ее. Религия кажется такой непостижимой, что каждый, кто ее постигает, также чувствует, что понять невозможно. Она таинственна. Именно поэтому религия называется *таинством*. Если ты попытаешься ее разгадать, будешь разгадан *ты*, но ее разгадать ты не сможешь. Ты станешь расслабленным, ты станешь совершенно необремененным, ты будешь танцевать в предельной радости - но тайна останется тайной.

И если это слишком беспокоит тебя, позволь мне сказать, что в тот день, когда ты исчезнешь, будет еще больше тайны, и не останется никакого ищущего и ничего, кроме тайны, которую ты воспринял, начав путешествие. В тот день тайна проявится тотально. В тот день тайна будет изливаться отовсюду. Наука разрушает тайну. То, что познает наука, познано навсегда, исследование закончено. И все же религия всегда открывает новые двери к тому, что мы уже знаем. Мы можем пройти в одну дверь - и раскроется десять новых. Дерево религии, его ветви и их ответвления продолжают разветвляться бесконечно. Человек входит в тайну религии, но никогда ее не покидает.

Это событие прекрасно. Если ты чувствуешь это, прими это как милость Божественного. Духовный поиск продолжается именно так.

Второй вопрос:

Ты сказал, что мышление препятствует видению и что понимание тоже может быть препятствием. Есть ли место для мышления и понимания в реализации истины?

Единственная функция мысли - это понять тщетность мысли. Единственная мудрость понимания - понять, что понимания недостаточно. Точно так же, как ты удаляешь один шип за другим, ты можешь удалить одну мысль за другой. Это можно сделать.

Никто не может достичь истины мышлением. Мышление - это препятствие к переживанию истины. Если ты удалишь это препятствие, ты можешь сказать в определенном смысле, что мышление тоже помогло: теперь препятствия больше нет, оно удалено - это помощь именно такого рода. Обычные мыслители остаются запутанными в мыслях. Великие мыслители освобождаются от мышления. Когда мышление идет глубоко, вскоре становится ясно, что невозможно познать истину путем мышления. Подумай: ты не знаешь Бога, у тебя нет опыта истины, нет никакого понимания о том, что такое жизнь, - что ты будешь делать в мышлении? Как ты будешь думать об этом? Как ты будешь думать об этой истине, которой ты совершенно не знаешь? Ты можешь повторять заимствованные писания, чьи-то слова, но можно ли назвать это мышлением? Это просто повторение. Как ты сможешь прибавить к этому что-то новое?

Мышление никогда не оригинально. Мышление всегда старое и застывшее. Мышление никогда не ново и не может быть новым. Если я спрошу тебя о чем-то, чего ты не знаешь, как ты будешь об этом думать? Для мышления существенно *знать*. Если что-то уже познано, лишь тогда может начаться мышление. А если ты уже знаешь, какая необходимость думать? Какой смысл думать о том, что ты уже знаешь? А о неизвестном думать нельзя.

Поэтому мышление похоже на жующего жвачку буйвола: он пережевывает проглоченную траву, возвращая ее в рот. Мышление - это жвачка. Ты что-то читаешь в книге, что-то от кого-то слышишь и теперь пережевываешь это. Но не рождается ничего нового. Все мысли мертвы, из них не прорастает никакая жизнь.

Бог - это непостижимое. Ты ничего не сможешь узнать путем мышления. Путь к познанию - *не-мышление*. Отбрось мышление, отбрось все, чему научился, забудь о том, что когда-нибудь слышал. Очисти ум от всего, что понял. Будь чистым, как зеркало, и смотри в лицо миру без всякой ряби мысли на поверхности ума. Что бы ни отразилось в этом неподвижном зеркале, это образ предельного.

Мышление может помочь уничтожить другие мысли. Я говорю с тобой: все, что я говорю, станет для тебя мыслью, хотя это мой опыт, это мое видение. Когда я что-то тебе скажу, это станет мыслью. Ты меня услышишь, и, если эти мысли создадут препятствие, тогда своими словами я создаю препятствие. Но я говорю в надежде, что, если ты поймешь, этот шип мысли извлечет другие шипы мысли, которые уже утвердились в тебе.

Иногда яд необходим, чтобы нейтрализовать другой яд. Когда в теле есть инфекция, ты идешь к врачу, и он впрыскивает тебе вирус той же болезни. Когда в твое тело вводят вирус, все тело мобилизуется и готовится бороться с болезнью. Оно начинает сопротивляться. В самом этом усилии сопротивления ты уничтожаешь болезнь. Может быть, у тебя есть опыт колючки: если тебе в ногу втыкается колючка, ты вынимаешь ее другой колючкой. Большинство аллопатических лекарств состоят из ядов. Болезнь - это яд, и, чтобы ее уничтожить, нужен другой яд.

Мышление - это препятствие. Чтобы его удалить, я даю тебе какие-то новые мысли. Используй их как колючку. Это не значит, что ты должен выбросить свои мысли и заменить их моими - это было бы глупо. Тогда ты вытащил бы одну колючку и воткнул другую в ту же рану. Обе колючки должны быть отброшены. Мысли, которые твои, и мысли, которые я тебе даю, - выбрось и то, и другое, чтобы стать безмысленным.

В этом польза мышления - другой пользы нет. Его польза негативна. Разумный человек использует мышление для отрицания. Идиот, неразумный человек, использует мысли позитивно - и из-за этого позитивного использования запутывается в мыслях. Ты можешь выйти за пределы, только используя мысли негативно.

Третий вопрос:

Ты сказал, что необходимо пройти через опыты жизни. Такие люди, как я, которые стали санньясинами, не пройдя через свет и тьму, взлеты и падения жизни - что будет с нами?

Первое: моя концепция *санньясы* не против мира. Поэтому, участвуя в моей *санньясе*, ты не уходишь от света и тьмы жизни. Напротив, мир был как жар горячего солнца, а теперь для тебя есть место и прохладной тени. Став моим *санньясином*, ты не выбыл из мира: напротив, ты приобрел *санньясу*.

Это поможет тебе понять правильно. Для тебя существовал только жар мира, а теперь я дал тебе также и прохладу *санньясы*. Ходи по этому жару, когда чувствуешь в себе силы, а когда устанешь, отдохни в тени. Я не отнимаю у тебя мир, я даю тебе медитацию. Я ничего у тебя не отнимаю, я только что-то даю. Поэтому у тебя даже больше возможностей опыта. Если бы ты оставался только в мире, у тебя были бы лишь опыты мира - теперь у тебя будут и опыты *санньясы*. И, когда ты освободишься от обоих, лишь тогда ты станешь настоящим *санньясином*.

В уме ты по-прежнему думаешь, что *санньяса* против мира, как бы я ни старался сказать обратное. Все же тебе трудно понять, что и свет, и тьма - это игра одного и того же солнца. Тень

приятна, жар неприятен, но зимой приятен жар и неприятна тень. Ты можешь понять, что свет и тень как два крыла, но ты не можешь понять, что это игра одного и того же солнца. Из него рождается жар, из него рождается и тень. Помни, в тот день, когда свет исчезнет из мира, одновременно с ним исчезнет и тьма. Тьма не может существовать без света. Ночь не может существовать без дня. Вечер не может существовать без утра. Смерть не может существовать без рождения. Как может быть старость без молодости? Они взаимосвязаны, в них движется одна и та же энергия. Первое, что нужно понять: мир - это жар и только жар, беспокойство и еще больше беспокойства, напряжение и еще больше напряжения, и понемногу это становится твоей второй натурой.

Мулла Насреддин пришел в студию, чтобы сфотографироваться. Когда он сел, фотограф сказал:

- Сэр, пожалуйста, отбросьте на мгновение напряжение, тревогу и беспокойство, этот мертвый внешний вид, эту печаль. Потом вы можете вернуться в свое естественное состояние. Позвольте мне сделать фотографию, и можете возвращаться в естественное состояние.

Это неестественное состояние стало естественным. Тревога должна быть неестественным явлением, естественным должен быть покой. Можно понять, если беспокойство происходит в определенных ситуациях, однако это беспокойство не должно быть стилем жизни. Но тот, кто остается только в мире тревог, напряжений, мыслей, проблем, сложностей, планов на будущее, поражений, борьбы, соревнования, противостояния, ревности, зависти, жадности, желания, гнева, - постепенно он забудет, что бывают и мгновения радости.

Поэтому, если я дам тебе тень, отняв жар, эта тень будет неполной, потому что глубокий опыт тени случается лишь тогда, когда ты возвращаешься с жара, усталый и изнуренный. Если ты все время сидишь в тени, даже тень не принесет облегчения. Когда ты возвращаешься домой, усталый и изнуренный, даже хижина ощущается как дворец. Именно поэтому я говорю: не беги от мира. Да, попытайся создать тень медитации, чтобы, когда ты устаешь, ты мог погрузиться в медитацию. Когда ты возвращаешься, беспокойный и встревоженный, ты сможешь отдохнуть под крышей медитации.

Первое: я не отнял у тебя мир, я дал тебе нечто большее. Именно поэтому я часто говорю, что древние пророки учили не отречению, но глубокому наслаждению жизнью. Забудь обо всех остальных - я, несомненно, учу великому наслаждению. Я говорю, что Богом можно наслаждаться. Если ты наслаждаешься только миром, ты ничем не наслаждаешься; ты начал запутываться в грязи и мусоре. Ты поднимаешь камни и гальку, когда рядом есть бриллианты и изумруды. Ты продолжаешь пить воду из грязной реки, когда рядом течет чистый горный родник. Дело только в том, чтобы открыть глаза, протянуть руку, встать и немного пройтись, и ты найдешь источник кристально чистой воды. Ты сидел в грязных канавах и пил из них воду. Мир - это грязная канава, набитая людьми, и многие купаются в ней - в ней плавает грязь многих людей.

Медитация - как высокогорный водопад в Гималаях. Я не отнимаю у тебя твою грязную канаву, потому что отнимать ее бессмысленно. Если твоя привычка все пачкать не прекратится, ты сделаешь грязным и гималайский водопад. Пока ты не сделаешь его грязным, ты не поймешь, что из него стоит пить.

Человек шел по улице. Он упал и потерял сознание. Был жаркий полдень, солнце стояло в зените. Вокруг собралась толпа. Улица была в районе торговцев благовониями. Лавочнику

стало жалко этого человека, и он прибежал с самым дорогим своим ароматом - потому что Аюрведа говорит, что, если бессознательность очень глубока и человек не может из нее выйти, если его встряхнуть, - он очнется, если вдохнет очень сильный запах. Он принес сильный запах, очень ценный, капля которого стоила тысячу рупий, и поднес его к носу человека. Человек пошевелился, но не пришел в сознание. Вместо этого, казалось, он стал проявлять признаки сильного беспокойства.

Вокруг собралась толпа. Кто-то сказал:

- Подождите, так вы его убьете. Я его знаю. Подождите! Этот аромат ему ничем не поможет.

Возле потерявшего сознание лежала корзина с грязным куском ткани. Этот человек попросил воды, разбрызгал ее по грязной корзине и поднес к лицу пострадавшего. Человек глубоко вдохнул и пришел в сознание. Он был рыбаком, который возвращался домой с рынка, где продавал рыбу; его корзина пахла рыбой. Это был единственный запах в его жизни, который он воспринимал как аромат. Это был его любимый запах, он был ему знаком.

Он встал и сказал:

- Брат, если бы тебя здесь не было, эти люди убили бы меня! Не знаю, сколько я был в лапах этих негодяев. Они заставляли меня вдыхать такие отвратительные запахи, что все мое существо содрогалось. Я хотел закричать, но не мог. Я не мог издать ни звука. Я хотел сделать жест руками, но не мог, потому что был без сознания. Эти негодяи подносили к моему носу странные запахи. Как хорошо, что ты пришел и дал мне понюхать рыбу, и я пришел в себя.

Если ты бежишь от мира, пока еще незрел, пить из гималайских источников будет невозможно, если только сначала ты не сделаешь их грязными.

Я не отнимаю у тебя мир, я не отделяю тебя от него. Напротив, мое усилие здесь в том, чтобы подвести гималайский поток в мир, туда, где находишься ты. И ты должен уметь различать - это грязная канализация, а это - чистый поток. И такой выбор должен делаться не из жадности, но из понимания, из знания. Медленно, постепенно ты разовьешь вкус и начнешь распознавать чистую воду. Ты начнешь наслаждаться ароматом. Ты научишься узнавать тухлые запахи канав. Поэтому не говори: "Такие люди, как я, которые стали санньясинами, не пройдя через свет и тьму, взлеты и падения жизни, - что будет с нами?" Было бы правильнее спросить: "Что бы было, если бы мы не стали санньясинами?"

Я за то, чтобы испытать все. Я за то, чтобы пережить все опыты, настолько, что, даже если в уме возникает желание сделать что-то неправильное, сделай это. Тебе придется страдать от последствий, от этого я не могу тебя спасти. Если хочешь злиться - злись. Если хочешь двигаться в секс - двигайся в секс. Если хочешь быть жадным - будь жадным, - от последствий придется страдать тебе. Ты не можешь этого избежать, тебе придется страдать. Но если есть желание потакать - потакай, потому что, если ты этого не сделаешь, семя желания останется в тебе, и это будет привлекать тебя снова и снова. Непрожитые желания хуже прожитых. Все, что не прожито, имеет более сильную хватку, чем прожитое. Когда ты пережил, познал и понял, ты свободен от этого.

Поэтому узнай мир правильно. Спешить некуда. Познай рыночную площадь правильно, чтобы в тот день, когда ты повернешься к ней спиной, ты даже не вспоминал о ней, чтобы не было желания оглядываться назад. Не должно быть желания оглянуться даже раз, с этим должно быть полностью покончено. Это достижение не происходит волевым решением. Это достижение случается в глубоком опыте, познании. Такое понимание осеняет тебя, только когда ты это прожил. Потому что однажды ты подумаешь: "Что ценного во всем этом мусоре?" - и не потому, что я это говорю, не потому, что это говорит Сахаджо или Кабир, Веды или Упанишады. Ты

узнаешь это; эти Упанишады возникнут в тебе. Эти Веды будут твоими собственными Ведами. Ты узнаешь, что все это тщетно. Ты видел жизнь, ты испробовал ее со всех сторон и не нашел ничего, кроме страдания, яда. В тот день яд выпадет у тебя из рук. В тот день твоя *санньяса* будет результатом опыта мира, не отречением от него. В тот день твоя *санньяса* будет не против мира. Прежде этого *санньяса* останется противостоящей миру, как бы я ни объяснял. Ты чувствуешь, что делаешь что-то другое. В тот день, когда ты узнаешь, что мир исчез и исчезла *санньяса*, в тот день, когда со всей двойственностью будет покончено, только в тот день случится настоящая *санньяса*. Тогда ты выйдешь за пределы обоих. Тогда ты испытываешь на опыте, что и жар, и тень принадлежат одному и тому же солнцу. Тогда ты узнаешь, что и мир, и *санньяса* - это игры ума, одного и того же эго. В этот день ты освободишься от них обоих.

Человек, который свободен от мира, свободен и от *санньясы*. Это покажется тебе несколько трудным для понимания, потому что не соответствует математике и логике. Ты думаешь, что *санньясин* - это тот, кто отрекся от мира. Если ты спросишь меня, я скажу, что для того, кто отбросил мир, отброшена и *санньяса*. Точно так же, когда проходит болезнь, ты отбрасываешь лекарство. Если болезнь прошла, а ты продолжаешь носить с собой лекарство, люди назовут тебя сумасшедшим.

Ты скажешь:

- Болезнь прошла, у меня больше нет туберкулеза, но я буду носить с собой эти лекарства в бутылочках. Я собрал все рецепты и сделал из них священное писание в бархатном переплете и с золотой лентой. Теперь я буду носить его с собой. Я сохраню бутылочки и рентгеновские снимки, хотя болезнь и прошла.

Мир прошел, а ты все еще носишь с собой *санньясу*? Ты что, сумасшедший? Если ты встретишь такого сумасшедшего, скажешь ли ты, что болезнь прошла? Теперь он стал жертвой худшей болезни. Туберкулез был и то лучше - по крайней мере, он был излечим. Кто теперь излечит эту болезнь? Эти снимки и рецепты, эта одержимость рецептами и бутылочками - пустыми, полными, полупустыми старыми бутылочками - кто теперь освободит тебя от них? От них нет лекарства ни в одной медицинской книге.

Но, к счастью, этого не происходит. Когда болезнь излечена, ты прекращаешь принимать лекарство. В тот день, когда болезнь проходит, ты выбрасываешь лекарства в окно.

Санньяса - это лекарство от болезни, называемой "мир". Когда мир исчез, зачем сходить с ума и сохранять *санньясу*? Она должна исчезнуть вместе с миром, она была другой стороной той же монеты. В тот день, когда нет ни того, ни другого... если ты спросишь меня, я скажу, что случилась настоящая *санньяса*. Настоящая *санньяса* за пределами *санньясы*. Она трансцендирует сама себя.

А ты спрашиваешь: "Пожалуйста, скажи, что будет с нами". Если ты войдешь в *санньясу* глубже, ты будешь растворен, исчезнешь, будешь стерт. Останется лишь предельное, тебя не останется. Если ты сбежишь до этого времени, ты сохранишься и не познаешь предельного. Все это усилие в том, чтобы тебя утопить. Если ты влюбишься в меня, это тебя утопит, ты будешь стерт. Я не позволю тебе сохраниться как эго - я применю все средства, чтобы потопить твою лодку в реке, потому что эго - это препятствие. Если ты доберешься до берега, ты снова создашь мир; ты не знаешь ничего другого. Если случится так, что ты утонешь посреди реки, знай, что доберешься до такого берега, на котором больше не сможешь создать мир.

Лишь те, кто готов утонуть, могут быть связаны со мной. Те, кто хочет спастись, почувствуют во мне огромную опасность. Для них есть другие места, другие люди, которые дадут им методы спасения. Я даю тебе метод исчезновения. Я учу этой смерти, потому что знаю, что лишь когда ты умрешь, когда ты исчезнешь, на тебя низойдет великая жизнь. Лишь тогда океан низойдет в твою каплю. Что будет тогда? - ты исчезнешь. Ты не спасешься.

Если ты мне это позволишь - ты исчезнешь. Если ты сбежишь с полдороги - это твое несчастье.

Четвертый вопрос:

Сахаджо говорит, что садхана, духовная практика, должна быть тайной - "мир не должен знать". Ты говоришь то же самое. Но мы показываем ее, нося санньясинскую одежду и малу. Пожалуйста, поясни это.

Человек - это такая болезнь, что, если ему помочь с одной стороны, это повредит ему с другой; если ему помочь с другой стороны, хуже станет с первой. Когда Сахаджо говорит, что мир не должен знать, болезнь излечена с одной стороны, но с другой усилилась.

Пойми обе стороны. Человек на самом деле не заинтересован в духовных практиках, он только хочет показать, что ими занят. Это часть человеческого эго. Если есть возможность показать это, ничего не делая, - это очень дешево. Медитировать трудно, но перебирать четки легко. Что общего имеет медитация с перебиранием четок? Четки ты можешь перебрать очень легко, в медитации же будет трансформирована вся твоя жизнь. Тогда медитация случится внутри, и никто даже об этом не узнает. Поэтому радость, которую могло бы почувствовать эго, если бы люди подумали, что ты великий медитирующий, будет невозможна.

Медитацию трудно испытать. И удовольствия от того, что люди знают о тебе как о медитирующем, не произойдет. Но с четками произойдет и то, и другое, и не нужно давать себе труда медитировать - просто возьми в руки четки и продолжай перебирать, и новость о том, что ты великий медитатор, распространится во всей округе, во всех соседских городах. Некоторые люди делают специальную сумочку, чтобы класть туда руку и перебирать четки внутри. С ней удобнее. Тогда, даже если ты не повторяешь молитв, никто об этом не узнает. И люди думают: наверное, он пользуется четками, если носит их в сумке. Иногда он их перебирает, и ты не знаешь, действительно ли он их пересчитывает, или делает что-то другое. Ты не уверен, правда ли он повторяет имя Бога, *Рама-Рама*, потому что четки в руке скрыты в сумочке, и он продолжает без конца. Может быть, он не считает бусины, может быть, он просто шевелит рукой, но люди все равно считают его великим медитирующим.

Тысячи и тысячи людей заинтересованы в том, чтобы показать, что они в духовном поиске, хотя не имеют никакого настоящего интереса к поиску. Мудрецы, такие, как Сахаджо, говорят: *но мир не должен знать*. Делай что-то, чтобы никто об этом не знал, потому что если ты только показываешь, ничего не происходит внутри. Пусть знают *лишь ты и Бог* - этого достаточно. Это дело между тобой и Богом. Не нужно объявлять об этом посреди рынка, не нужно бить в барабаны. Если хочешь повторять *Рама-Рама* - повторяй. Но нет необходимости устанавливать микрофон и производить шум двадцать четыре часа и делать жизнь соседей невозможной.

Здесь, в Индии, когда человек двадцать четыре часа повторяет писания, он делает это в микрофон. Таким образом он наслаждается, мучая соседей под прекрасным предлогом повторения имени Рамы, чтобы никто ничего не мог сказать. Трудно что-то возразить против религии. Никто не может даже сказать: "У наших детей экзамены, не поднимайте такого шума". Экзамены - мирское дело, а детям принесет пользу повторение имени Рамы. Оно поможет им сдать экзамен. Подняв столько шума на пути, эго получает большое удовлетворение.

Поэтому Сахаджо сказала: "Нет, это дело между тобой и Богом - Бог не глухой". Нет необходимости устанавливать звукоусиливающую систему. Даже губы не должны двигаться. Почему не должны двигаться губы? - диалог может произойти от сердца к сердцу.

Но тогда человек подхватывает другую болезнь. Люди, которые ничего не делают, лентяи, бездельники, бездарности, если спросить их, они скажут: "Мы даже не двигаем губами. Мы

говорим с Богом от сердца к сердцу. Разве нужно показывать это другим? Мир не должен знать, это должно быть в тайне". Они только скажут, что это должно быть в тайне, они не скажут больше ничего. Они скажут: "Именно поэтому мы не носим оранжевое, чтобы никто не знал. Мы не берем в руки четки, чтобы ни перед кем ничего не изображать. Мы остаемся в лавке, зарабатываем деньги, но внутри продолжается общение сердец". Это второй вид хитрости.

Либо ты показываешь, что ты религиозный человек, каким на самом деле не являешься, либо притворяешься, что ты религиозен внутри, и поэтому об этом никто не знает. Люди первого типа будут осуждать других за то, что они не ходят в храмы, не поклоняются; они нерелигиозны, они будут страдать в аду. Люди второго типа будут осуждать первых, говоря: "Так ты носишь оранжевое?носишь *малу*? Это показное представление! Ты попадешь в ад". Оба состояния больны.

Теперь я перед дилеммой: кого из них я должен поддерживать? Если я скажу тебе: делай это молча, ты будешь счастлив, потому что тогда не будет проблем, тогда вообще не нужно будет ничего делать. Ты можешь быть *санньясином*, сидя молча или вообще ничего не делая. Тогда нет никаких проблем, кто узнает? Это на руку твоей хитрости. Если я скажу тебе: делай это громко, скажу, что все должны видеть и знать, что ты делаешь внутри, - говоришь ты *деньги-деньги* или *Рама-Рама*, по крайней мере, пусть это будет заметно, - ты скажешь: "Тогда люди узнают, а мудрецы говорят противоположное". Тогда я решил сделать нечто наполовину внешнее, наполовину внутреннее: вы носите оранжевое и *малу* снаружи, а медитация и *санньяса* продолжаются внутри. Вас нужно спасти от обеих болезней.

Ты такой неподлинный и хитрый, что можешь найти способ схитрить во всем. Поэтому я решил, что некоторое представление приемлемо, нет проблем. Когда будет нужно, оранжевую одежду можно будет отбросить. Сколько времени это займет? - не пройдет и секунды. Когда я почувствую, что пришло время, я попрошу вас ее отбросить. Сколько времени потребуются, чтобы бросить *малу* в океан или в колодец? Это нетрудно. Она тебя не связывает. Но прямо сейчас нужно и кое-что показное снаружи, чтобы у тебя не было шанса быть ленивым, чтобы тебя не поймала эта лень.

Один друг принял санньясу. Он сказал:

- Я пьяница. Подумай немного, прежде чем дать мне санньясу.

Я сказал:

- Если бы я думал, прежде чем давать санньясу, я не дал бы ее никому!

Тогда я был в такой же ситуации, как и один из моих профессоров.

У меня был профессор философии, который никогда не проверял экзаменационные работы. Он говорил: "Если я их проверю, никто не сдаст" - и это так и было. Если действительно тщательно проверить - а предмет был философия, - было бы очень трудно сдать этот экзамен. Поэтому он ставил оценки, не проверяя, с закрытыми глазами - десять, пятнадцать, двадцать... просто придумывая оценку. Я был его студентом, и он давал мне эти бумаги. Я был студентом первого курса и проверял работы студентов второго. Он давал их мне, чтобы я ставил оценки. Он говорил:

- Если я оценю эти работы, никто не пройдет экзамен. Единственный способ позволить студентам его сдать - это ничего не проверять.

И я сказал этому *санньясину*, что если я буду слишком вдаваться в детали, то никому не смогу дать *санньясу*. И я решил не беспокоиться об этом - кто бы ни пришел, я дам *санньясу*

каждому. Ты пьешь алкоголь? - нет проблем, можешь продолжать пить. Пусть это беспокоит тебя. Почему я должен беспокоиться? Пьяница принял *санньясу*, что в этом плохого? В любом случае, только больной пойдет в больницу, только больной будет искать лекарство. Только плохой хочет быть хорошим. Если я поставлю условие, что сначала ты должен отбросить плохое и стать хорошим и тогда я дам тебе *санньясу*, это будет значить, что лекарство получают только те, кто уже выздоровел. Поставить такое условие было бы слишком жестоко. Ты пьешь алкоголь - это твоя проблема. Я даю тебе *санньясу*. Пьешь ты или нет после того, как стал *санньясином*, это твоя забота.

Давать или не давать *санньясу* пьянице - это для меня не проблема, я просто ее даю! Насколько я вижу, вы все пьяницы! Кто-то пьет обычный алкоголь, кто-то другой пьет алкоголь власти, кто-то еще пьет алкоголь денег или еще какой-нибудь алкоголь. Каждый пьян, потому что у каждого заплетаются ноги. Поэтому я даю вам *санньясу* и не думаю об этом.

Он пришел ко мне через восемь дней и сказал:

- Теперь ты для меня все усложнил. Теперь я боюсь идти в винный магазин, потому что люди косятся: "Оранжевая одежда! Свамиджи! Почему ты здесь?"

Он сказал:

- Вчера мне пришлось солгать. Я сказал им, что пришел проверить, кто в округе пьет, а не затем, чтобы что-то купить себе. И мне пришлось вернуться домой с пустыми руками, ничего не купив!

Если ты в оранжевой одежде и с *малой* на шее становишься в очередь в кино, кто-то тебе поклонится, кто-то коснется твоих ног - тебе придется убежать! Это будет проблемой.

Эта одежда немного выведет тебя из лени. И даст тебе шанс помнить. Будет напоминание: я посвящен в *санньясу*. Снова и снова ты забудешь, потеряешь, и тогда другие тебе напомнят. Кто-то уважительно приветствует тебя, кто-то поклонится. И Индия странная страна, ей все равно - если на тебе любая оранжевая одежда, все будут касаться твоих ног. Это очень эффективное средство. Индия тоже осознала тот факт, что *санньясину* нужно напоминать, чтобы он был достоин уважения. Это глубокая алхимия, в этом есть секрет. Вот этот секрет: мы уважаем тебя, потому что ты достоин уважения. Теперь попробуй быть достойным этого уважения. Куда бы ты ни пошел, ты всегда найдешь кого-то, кто разбудит, встряхнет тебя. Даже если ты стоишь перед зеркалом, оранжевая одежда и *мала* напомнят тебе. Прямо сейчас ты в глубоко бессознательном состоянии, и эти небольшие средства напоминания будут полезны.

И будет совершенно нетрудно их отбросить. В любой день я могу сказать: достаточно, отбросьте это. Сначала ты отбросил мир, теперь отбрось и *санньясу*. Выпрыгни из всей этой чепухи. Немного снаружи, немного внутри... медитация для внутреннего применения, одежда для наружного. Одежда только для наружного применения, медитация внутри. *Мала* снаружи, любовь внутри. Имя снаружи, безмянное внутри. Насколько я знаю, если бы внутреннее и внешнее действительно были двумя разными вещами, мы могли бы их разделить. Но они не отделены, они вместе. Где кончается внешнее и начинается внутреннее? Все пересекается с нахлестом, все объединено. Твое внешнее - это также и внутреннее, а внутреннее выходит наружу. Так покрась их в один цвет. Пусть огонь медитации горит внутри, и пусть цвет огня будет твоим внешним цветом. Это будет хорошо.

Именно поэтому я согласен с Сахаджо... *Мир не должен знать*. Зачем с кем-то говорить о медитации? - питай ее внутри. Но эта одежда - не медитация. Одежда это мир. В любом случае тебе придется носить какую-то одежду. Сейчас ты носишь одежду мирского человека; я предлагаю тебе носить одежду *санньясина*. Если хочешь выбрать одежду, лучше одежда

санньясина. Если ты готов ходить голым, я согласен! - отбрось даже одежду *санньясина*. Но тебе придется что-то носить - ты выберешь какой-то цвет, какой-то стиль. Тебе придется где-то находиться, в храме или в доме - человек должен где-то быть. Поэтому, если он должен где-то быть, я скажу: будь в храме. Зачем быть в доме? Или если ты можешь превратить дом в храм, это тоже красиво. И я создал мост между ними.

Нет необходимости отделять внешнее от внутреннего. Каким бы ни было внутреннее, спрячь его; каким бы ни было внешнее, не нужно его рекламировать. Когда ты носишь оранжевую одежду, не нужно ходить и звонить в колокола. Но если кто-то на тебя смотрит, не нужно и прятаться, отскакивать за угол, чтобы тебя никто не видел. Будь естественным - этого достаточно.

Пятый вопрос:

Пожалуйста, пролей немного света на взаимосвязь благодати и того, чтобы быть ее достойным.

Быть достойным недостаточно, но человек не может принять благодать, не будучи достойным. Ты принимаешь благодать не только потому, что достоин. В этом сложность. Это нужно понять немного глубже. Быть достойным значит, что тебе это причитается. Но с идеей о достоинстве вмешивается эго: "Я достоин, я этого заслуживаю". Когда ты чувствуешь, что достоин, вскоре ты выставишь требование. И если ничего не получишь, начнешь жаловаться. Если ты получаешь, ты не благодарен, потому что чувствуешь, что заслужил это.

Во время смерти Кабир сказал:

- Я отказываюсь умереть в Каши. Доставьте меня в Магхар.

Было поверье, что даже осел, если он умирает в Каши, достигнет освобождения, мокши, небес. И даже просветленный человек, если он умирает в Магхаре, в следующей жизни становится ослом. И Кабир сказал: "Я умру в Магхаре". Почему он так захотел?

Кабир сказал:

- Если я достигну освобождения только потому, что умер в Каши, где же тогда милость Бога? - ... это присущее Каши свойство, что, умирая там, ты входишь в мокшу, это гарантировано... - Поэтому я умру в Магхаре, и тогда, даже если я стану ослом в следующей жизни, это будет моей собственной ответственностью. Если я достигну освобождения, это будет милостью Бога.

Это очень глубокая история. Он умер в Магхаре, но до тех пор всю жизнь жил в Каши. Это послание всем нам, утверждение, указание. Он указал, что, даже если человек достигает освобождения из-за своего достоинства, это все еще эго. Только если оно достигнуто Божией благодатью, оно реально.

Поэтому в каждом, кто чувствует себя достойным, начинает возникать тонкое эго: "Теперь я заслужил, я должен получить благодать". Если он ее получит, он не почувствует благодарности, но если он ее не получит, он будет жаловаться. А там, где нет благодарности, нет и опыта Божественного. Когда нет благодарности, когда есть эго, глаза закрыты, слепы. Сердце не пробуждено, оно спит. Поэтому быть достойным необходимо, но не достаточно.

Я не говорю, что ты должен попытаться сделать что-то, чтобы стать недостойным. Не нужно испытывать Бога! Прими свою достойность естественно. Скажи Ему: "Теперь со своей стороны я готов, нет никаких жалоб. Если Божественное не пережито, несомненно, это из-за какой-то проблемы с моей стороны. Наверное, в моей достойности чего-то не хватает. Если

Божественное пережито, это такое безграничное явление, а моя вместимость так мала, моя достоинность так мала, что невозможно думать, что все это было получено только из-за того, что я достоин. Это Его сострадание ко мне. Он показал мне свою милость". Поэтому каждый, кто познал Божественное, всегда говорил, что дело не в том, чтобы быть достойным.

Я всегда рассказываю историю Иисуса.

Богатый человек утром позвал рабочих поработать в саду. Пришли несколько человек, но оставалось еще немного работы для других. И днем он позвал еще рабочих. Несколько человек пришло днем, но все еще было недостаточно людей. Оставалась еще работа, он хотел все закончить тем же вечером, и он послал привести еще людей. И пришли еще рабочие, когда солнце уже садилось.

И вечером он дал всем плату за работу. Одну сумму он дал тем, кто пришел утром, такую же тем, кто пришел днем, и такую же тем, кто только что прибыл; они едва начали работать и почти ничего не сделали. Утренние рабочие очень рассердились. Они сказали:

- Это несправедливо! Мы работали целый день, а получаем наравне с теми, кто только что пришел. Они получили то же самое, это несправедливо.

Естественно, они работали целый день и ожидали получить больше, чем другие.

Богатый человек сказал:

- Достаточно ли за вашу работу то, что я вам дал? Я дал вам, что обещал.

- Достаточно, - сказали они. - Мы получили то, что заработали. Но эти люди ничего не сделали. Нам самим не на что пожаловаться, нам достаточно. Но эти люди ничего не сделали.

- Не беспокойтесь о них, - сказал он. - Деньги мои. И я распределяю их свободно, и у вас нет причин расстраиваться. Я даю их им не за работу, но потому, что у меня их слишком много. У меня есть такое право.

Иисус говорил, что, когда преданный и мудрый встанут перед Богом, мудрый всегда будет чувствовать:

- Я работал с самого утра, тяжело работал целый день, а мы оба получили одну и ту же награду. Все эти преданные вообще не работали, они пели, раскачивались и танцевали, и все же получили то же самое.

Иисус говорил, что Бог скажет им:

- Разве вы не получили то, что заработали? Не беспокойтесь о них. Я даю им от своего изобилия. Я не могу от этого удержаться.

Есть два типа людей, которые познают предельное: люди великого разума и преданные. Мудрые говорят: "Мы познали, потому что были достойны". Преданные говорят: "Мы познали его милостью". Именно сердце преданного создает концепцию милости. Ум мудрого говорит об усилиях. Мудрый подсчитывает, преданный не ведет никакого счета. Преданный говорит: "Я не достоин, и все же ты продолжаешь изливать на меня свою милость".

Ливень без туч...

Бесконечно сияет, не освещая!

Если ты внимательно наблюдал человека знания, ты найдешь, что он отрицает

существование милости и отрицает существование Бога. Махавира не принимает Бога. "Потому что, - говорит он, - все достигнутое есть плод наших действий, не нужно вносить Бога. Каждый, кто совершил добро, заработал добродетель. Каждый, кто совершил зло, заработал грех. Кто поступил правильно, заработал правильное. Кто поступил неправильно, заработал неправильное. Что посеешь, то и пожнешь. Зачем вносить Бога?" В том, что говорит Махавира, есть реальность. Вот эта реальность: если ты вносишь Бога, это вызывает замешательство. Замешательство будет в том, что Бог иногда будет давать тем, кто не заслужил. Предположим, в истории Иисуса вместо богатого человека компьютер, и компьютер должен произвести подсчет. Если бы вместо мастера был компьютер или менеджер, он произвел бы подсчеты. Он посмотрел бы, кто работал шесть часов, и дал бы ему шесть рупий; кто работал четыре часа, получил бы четыре рупии, а кто работал час - рупию. Это правильно, потому что менеджер всегда думает как менеджер.

"Если Бог тоже ведет счет человеческих действий, как бухгалтер, и дает им соответственно, - говорит Махавира, - зачем он тогда вообще нужен? Самого закона достаточно: кто положит руку в огонь, тот обожжется". Есть ли где-нибудь какой-то Бог, который дожидается, пока ты не положишь руку в огонь, и обжигает ее? Тот, кто отдергивает руку, спасается - сидит ли где-то Бог, который решает: да, ты отдернул руку, значит, я тебя спасу? Если ты положишь руку в огонь, то обожжешься; вытащи руку - и сохранишь ее.

И Махавира говорит: "Теории кармы достаточно. Незачем вносить сюда Бога". И если ты его внесешь, возникнет проблема. Проблема будет в том, что теперь подсчитывает существо, которое понимает и чувствует; оно стоит между вами. Иногда оно к кому-то почувствует жалость, иногда возникнет сострадание. Бог не машина, не менеджер. Он будет хозяином, а хозяин дает от изобилия. Что тогда ты будешь делать? Возникнет неопределенность.

Первая опасность в том, что те, кто ничего не сделали, тоже получают. И вторая, худшая, в том, что те, кто что-то сделали, могут ничего не получить. В истории Иисуса те, кто сделал, получили, и те, кто ничего не сделал, тоже получили. Но история может иметь другое продолжение: те, кто ничего не сделал, получили больше, а те, кто что-то сделали, - меньше, чем заслужили. Потому что, возможно, хозяин в тот день был рассержен, не счастлив.

Вносить кого-то опасно. Махавира сказал: "Отложите Бога в сторону. С Богом в мире не может быть порядка. Если есть Бог, есть и хаос".

Удивительно, что Индуисты говорят, что хаос был бы без Бога. Если бы не было Бога, кто тогда позаботился бы о порядке вещей? Махавира говорит, что, если бы был Бог, было бы трудно позаботиться о порядке вещей. Без Бога все управляется законом природы. Тогда не было бы сердца, которое могло бы вмешаться, или почувствовать жалость, или на кого-то рассердиться, которому кто-то может не понравиться, которое может в кого-то влюбиться, спасти преданного и утопить плохого человека. Ничего подобного не было бы. Обо всем заботился бы закон природы. Расчет был бы ясным и простым.

Именно поэтому в писаниях Махавиры нет места поэзии, это чистая математика. Читая книги Махавиры, кажется, что читаешь книгу по инженерному делу или медицине, учебник по математике или логике. Чистая математика - все научно. Все дело в расчете. Иногда я чувствую, что, может быть, именно из-за математики Махавиры все джайны стали лавочниками, занятыми расчетами. Эти расчеты проникли так глубоко, что те, кто ему последовал, стали лавочниками и торговцами. Все остальное забыто, осталась только способность подсчитывать.

Человек знания говорит: "Я достиг, потому что был достоин". И в конце человек знания скажет: "Есть только я, Бога нет". Махавира говорит: "Душа есть Бог"; вот что он этим хочет сказать: "Есть только я, никакого Бога нет". Это чистейшее выражение пути знания.

Преданный достигает милостью. Он говорит: "Я недостоин". Путь преданного - это чистая

поэзия. Он говорит: "Если бы мы должны были спасти себя сами, то не смогли бы этого сделать; мы смогли бы только утонуть. Если мы спасены, это Ты нас спас. Если мы тонем, это наше действие". Он говорит: "Недостатки мои, а все, что правильно, происходит правильно из-за Бога". Приходит мгновение, когда его благодать растет, и растет, и растет, и остается лишь Бог, и преданный исчезает. Преданный говорит: "Есть только Ты, меня нет". Мудрый говорит: "Есть только я, Тебя нет". Оба достигают одного и того же состояния, недвойственности, но у каждого из них разные выражения.

В этом контексте еще один вопрос:

Ты сказал, что Бог достигается либо усилием, либо благодатью. Сахаджо поет песни благодарности за благословения мастера, Кабир поет песни о своем мастере Рамананде. Какой мастер благословил тебя? Испытал ли ты опыт предельного просветления без благословений мастера? Пожалуйста, скажи что-нибудь об этом.

Я объяснил вам оба пути, путь знания и путь преданности. Мудрый достигает, потому что достоин, преданный достигает в молитве. Мудрый осознает предельное в тяжком усилии; он его зарабатывает и предъявляет на него права. Он познал собственными усилиями. Поэтому религия и культура, которой дал рождение Махавира, называется *шрамансанскрити*, культура усилия. Это означает достижение в усилии, не в милости. Именно поэтому Махавиру зовут Шраман Бхагван Махавира - тот, кто познал предельное собственными усилиями.

Мудрый говорит: "Я получил опыт предельного тяжкими усилиями, отречением, добродетелью; не бесплатно, не из-за чьих-то благословений. Я его заработал". Он предъявляет на него права.

Преданный говорит: "Я молился, поклонялся, танцевал, пытался упросить и убедить Тебя, Бог. Я недостойн, поэтому я танцевал, чтобы доставить Тебе радость. Я пел песни, прославляя Тебя. Я доставил Тебе радость, и Ты был вне себя от счастья. Тебе было так приятно, что в интимное мгновение любви Ты отдал мне всего себя. Я был недостойн, но получил Твоей милостью".

Это два разных пути. Есть третий путь, скрытый между ними, который содержит сущность обоих. Обычно о нем не говорят, потому что о нем трудно говорить. Но ты спросил меня, и поэтому мне придется тебе о нем рассказать.

Есть путь медитации, который между двумя первыми. Он очень тонок, самый тонкий. Очень трудно понять медитацию, но все же попытайся. Человек знания говорит: "Я познал, потому что был достоин", преданный говорит: "Я познал милостью", но оба они соглашаются - они достигли. Медитирующий говорит: "Я никогда не терял". Медитирующий говорит: "Нет вопроса о том, чтобы достичь. Все уже здесь. Это сама наша природа. Потеря была только иллюзией. То, что ты что-то потерял, было только твоей идеей" - точно как рыба забыла, что она в океане, точно так же. Она *есть* океан. Ты живешь, дышишь, просыпаешься, спишь, сидишь, стоишь, рождаешься и умираешь в Боге. Ты никогда не можешь быть от него отделен ни на мгновение, потому что Бог означает все существование. Бог означает эту безбрежную энергию, эту тотальность.

Медитирующий говорит: "Прежде всего, я никогда не терял Бога, поэтому оба подхода неправильны: найти его в усилии или в милости. Он никогда не был потерян". Ты просто просыпаешься и находишь его. Пока ты спал, он казался потерянным, когда ты проснулся, становится ясно, что ты никогда его не терял.

Когда ты спишь, тебе кажется, что ты потерял, - но и тогда ничто не было потеряно, ты просто спал. Точно как когда ты засыпаешь с горячей лампой - лампа продолжает гореть, твой

сон ее не гасит. Хотя в твоих глазах собираются сны, никакие сны не могут погасить лампу. Ты заблудился, ушел далеко прочь, забыл, что есть лампа. И все же, когда глаза открываются, ты находишь, что лампа по-прежнему горит. Скажешь ли ты, что снова нашел лампу? Она никогда не была потеряна, поэтому сказать, что она найдена, неправильно. Лампа была всегда. А то, что есть всегда, и есть Бог.

Медитирующий говорит: "Я только заснул, я никогда его не терял" - потому что, если что-то действительно потеряно, пережить это невозможно. То, что можно потерять, не может быть твоей внутренней природой. Тогда это было бы словно что-то у тебя в руке, что ты теряешь; ты можешь это найти и снова потерять. Можешь ли ты потерять биение своего сердца? Даже сердце может остановиться, но внутреннее качество твоего сознания не может быть потеряно.

Когда ты засыпаешь, ты все равно существуешь, хотя и не знаешь, что существуешь. Проснувшись, ты узнаешь. То, что скрыто во сне, возвращается в пробуждении. То, что забыто во сне, вспоминается в пробужденном состоянии.

Медитирующий говорит: "Бог не был потерян, я только забыл его. И вспомнить его достаточно. Медитации достаточно". Поэтому в видении медитирующего Божественное переживается не потому, что он его достоин, - потому что оно уже с тобой. Каким бы ты ни был недостойным, оно уже пульсирует у тебя внутри. Поэтому нет речи о том, чтобы быть достойным его. Не может оно быть достигнуто и *милостью*, потому что нет "другого", чтобы давать из милости. Есть только ты. Ты и получающий, и дающий. Ты и искатель, и искомое - ты оба. Ты и путь, и цель, ты и то, и другое. Медитирующий говорит очень глубокую истину, но ее очень трудно выразить. Когда преданный достигнет, он поймет, что медитирующий говорит правду: предельное уже доступно внутри. И мудрый тоже поймет, что это открыто, обнаружено, но не создано. Так, лежит камень, и приходит скульптор и создает статую - статуя была скрыта внутри камня.

Кто-то спросил Микеланджело... Был камень, который лежал много лет, потому что другие скульпторы выбросили его, думая, что он бесполезен. Из этого камня Микеланджело создал статую Иисуса. Когда статуя была окончена, кто-то сказал:

- Ты поразителен! Никто не хотел этот камень. Его выбросили. Другие скульпторы решили, что он ни на что не годится, он странной формы. Но из него ты создал великое произведение искусства.

Микеланджело сказал:

- Я его не создал. Статуя была спрятана внутри камня - я просто удалил ненужные куски вокруг нее. Я просто открыл ее, я ее не создал. Она была спрятана, закрыта, я ее открыл. Она была скрыта, я открыл ее; я сделал только это. Я не творец, я только удалил наружные слои и открыл ее.

Когда медитирующий говорит: "Ты не можешь быть никем другим, только тем, кто ты в это мгновение. Само твое существование есть Бог, поэтому нет речи о милости или усилии", ты приходишь в ужасное замешательство. И ты будешь в еще большем затруднении: "Что же теперь делать?"

Если ты понимаешь меня правильно, я говорю, что только медитирующий может утверждать чистую истину. Преданный скажет то же самое языком любви: тогда это превратится в благодать. Человек знания скажет то же самое языком духовной дисциплины: тогда используются такие слова, как "быть достойным", "заслужить", "карма", "добродетель", "усилие". Медитирующий говорит то же самое - но только медитирующий может понять язык другого медитирующего. Тебе будет очень трудно понять, что это никогда не было потеряно.

Люди приходят ко мне и говорят:

- Ты говоришь, что это никогда не было потеряно. Тогда почему мы должны это искать?

Я спрашиваю их:

- Почему вы задаете этот вопрос - должны ли вы искать?

Я говорю, что это никогда не было потеряно. Когда это становится твоим опытом, тогда дело закончено, завершено. Тогда искать нечего. Но ты, наверное, чувствуешь, что ничего еще не нашел, и все же хочешь отбросить поиск. Тогда отпадут даже шансы найти.

Медитация - это чистое выражение религии. Знание - это выражение через ум, преданность - это выражение через сердце, медитация - это ни сердце, ни ум. Знание - это ум, любовь - это сердце; медитация за пределами обоих. Медитация - это трансценденция.

Поэтому не спрашивай меня, как я достиг просветления. Ни милостью, ни усилием, - но, проснувшись, я нашел, что никогда не терял. У меня не было мастера, потому что мастер нужен, лишь когда тебе приходится принять чью-то помощь в своем поиске. И я не занимался никакими духовными практиками, потому что духовные практики требуются только в случае, когда ты должен приложить какое-то усилие. Я никогда не прилагал усилий и никогда не молился. Я никогда не поклонялся ни в каком храме и никогда не складывал руки, молясь какому-то Богу в небе. И у меня не было никакого мастера.

Что тогда я делал? Я делал только одно - я пытался понять себя, пытался узнать, кто я. Я пытался ощупью пробраться внутрь себя, чтобы найти, кто я. Пока я ощупывал и исследовал таким образом, темнота уменьшилась. Я стал чувствовать себя, чувствовать, что "я есть". Это чувство стало расти. Сначала в светильнике горело очень маленькое пламя, потом оно стало распространяться и в конце концов стало светом, огромным, как солнце. Но я не нашел его через благодать или усилие. Идя внутрь себя, я нашел, что оно уже там. Оно никогда не было потеряно. Я сидел в самой точке назначения и просто задремал.

Я часто рассказываю историю:

Пьяный возвращался домой. Он был очень пьян. Он нашел дорогу домой автоматически. Он следовал по одному и тому же маршруту каждый день, поэтому не нужно было никакой осознанности.

Тебе тоже не нужно никакой осознанности - ты идешь домой, думая о тысяче и одной вещи. Ты поворачиваешь налево, потом направо, велосипед автоматически поворачивается, и ты въезжаешь в гараж. Тебе не нужно об этом думать, это происходит автоматически.

Человек был пьян и, спотыкаясь, в конце концов добрался до дома. Стоя перед домом, он внимательно пригляделся, его ли это дом. В ночной темноте для пьяных глаз все дрожит и расплывается. Он испугался. Он подумал:

- Кажется, это не мой дом. Раньше он никогда так не выглядел.

Если глаза наблюдателя меняются, тогда меняется наблюдаемое. Если ты пьян, восприятие меняется.

Поэтому он неуверенно постучал в дверь. Мать открыла дверь, но он не узнал даже собственную мать. Как может в пьяном состоянии произойти узнавание? Он коснулся ее ног и сказал:

- Добрая женщина, сделай мне одолжение - пожалуйста, отведи меня домой.

Мать сказала:

- Сын, ты что, сошел с ума? Я тебе говорила тысячу раз перестать пить. Но это уже слишком! Ты что, не узнаешь меня, родную мать? Ты что, не узнаешь свой дом?

Собралась толпа, пришли соседи, и они попытались ему все объяснить. Но можно ли что-то объяснить пьяному? Если бы он мог понять, он бы понял. Его приходится убеждать. Но если ты попытаешься что-то объяснить, пьяный поймет что-то другое. Ты что-то скажешь, а он услышит что-то другое, найдет другой смысл.

Пьяный очень испугался и сказал:

- Вы все меня убьете. Дома меня, наверное, ждет мать. Какие странные вещи вы говорите. Разве я не узнал бы родную мать? Разве я не знаю свой дом? Сколько бы я ни выпил, я не настолько пьян!

Но все пьяные говорят одно и то же. Убедить пьяного, что он пьян, очень трудно, он не согласится. А когда пьяный принимает, что пьян, знай, что он больше не пьян. Иначе он не смог бы принять, что пьян. Как может тот, кто пьян, согласиться, что он все еще пьян? Если сумасшедший принимает, что он сумасшедший, знай, что он излечен. Отправь его домой, нет необходимости держать его в сумасшедшем доме. Настоящий сумасшедший никогда не признает себя сумасшедшим. Он будет говорить, что весь мир сумасшедший, но только не он сам.

Этот пьяный говорил каждому:

- Вы все, кажется, слишком много выпили. Разве я не знаю свой дом? Отведите меня домой, братья.

Он стал плакать и бить себя в грудь. Сосед, который возвращался из бара, проезжал мимо на повозке. Он сказал.

- Садись. Я отвезу тебя домой.

Мать закричала:

- Не садись в эту повозку! Он тоже пьян, иначе как он может предлагать отвезти тебя домой? Твой дом здесь.

Но совет соседа понравился пьяному... тот человек, наверное, был мастером. Этот человек, который поможет ему вернуться домой... спаситель.

- Все эти подлые люди пытаются одурачить меня.

И он уехал с другим пьяным в повозке.

Ты в таком состоянии. Ты стоишь перед своим домом. То, что у тебя прямо перед глазами, это Бог, а ты спрашиваешь: "Куда идти? Как мне искать? Какие средства использовать? Кому молиться?" Кто-то найдет для тебя повозку. Он скажет: "Садись, мы едем туда. На самом деле, именно этим мы и занимаемся - мы можем тебя отвезти, это наша работа. Мы отвозим блуждающих вокруг людей туда, куда им нужно". Ты встретишь того или иного гуру, в этом нет никаких сомнений.

Мастер у тебя внутри. И даже если ты принимаешь кого-то как мастера, прими только того, кто пытается разбудить мастера у тебя внутри, не того, кто говорит о том, что доставит тебя куда-то в другое место.

Было бы лучше, если бы пьяный сделал так, как предлагала мать. Она говорила:

- Это твой дом, и я твоя мать.

Утром, снова придя в сознание, он нашел бы, что это правда. Но если кто-то тебе говорит, что ты уже там, где ты должен быть, это тебе не понравится. Ты скажешь:

- Я не согласен. Я должен изменить себя. Должна случиться революция, трансформация. А этот человек говорит мне, что я уже там! Лучше пойти еще куда-нибудь и поискать другого мастера.

Люди приходят ко мне, и если я им говорю: "Просто примите себя. Как вы есть, вы хороши,

вы красивы, вы есть истина. Как вы есть, вас достаточно - будьте благодарны за то, какие вы есть. Ничего не нужно делать, просто примите свое существо", они начинают оглядываться по сторонам и говорить: "Ты хочешь сказать, ничего не нужно делать?" Это им не нравится. Рано или поздно они уйдут к другому мастеру, который им скажет, что сделать, - который предложит им делать *ширшасану*, стойку на голове. Это им понравится. Как будто есть какая-то связь между стойкой на голове и просветлением. Ты прекрасно выглядишь, стоя на ногах. Стойка на голове не прибавит тебе красоты, ты только будешь выглядеть глупо. Если хочешь скрыть свою глупость, можешь назвать это как-то красиво - *ширшасана*. Ты будешь делать странные упражнения: сгибать руки и ноги. Если хочешь поступить в цирк, это полезно, но какое отношение это имеет к Богу?

Такие, как вы есть, вы хорошие, вы красивые. В это самое мгновение вы там, куда хотите попасть.

Если идея куда-то попасть отброшена и ты расслабляешься в этом мгновении, ты *прибыл*. Если ты держишься за идею куда-то попасть, тебе придется бежать целую вечность. Это история бесконечных жизней; это твоя агония; беги, есть цель, которой нужно добиться в будущем! Пока ты ее не достигнешь, ты беспокоен.

Ты никогда не достигнешь, потому что, чего бы ты ни достиг, это породит цель в будущем, еще дальше. Это как горизонт. Это мираж.

Я не стал просветленным ни чьей-то милостью, ни собственным усилием. Я просто проснулся и увидел, что я никогда этого не терял. Именно это я называю *сахадж-йогой*, естественным путем. Именно это Сахаджо называет *сахадж гати*, легким путем. Чарандас дал ей имя Сахаджо. "Сахаджо" значит простая, легкая, естественная. Ничего не нужно достигать, ничего не нужно искать. Но язык Сахаджо - это язык преданного; именно поэтому она говорит о милости. Язык Махавиры - это язык человека знания, поэтому он говорит о тяжелых усилиях, духовных практиках.

Если хочешь понять, что говорю я, все мое послание в медитации. А медитация за пределами и преданности, и знания. Медитация - это душа преданности, медитация - это душа знания. Преданность - это одно тело, знание - другое, но душа их обоих - медитация. Преданный становится медитативным в молитве. Человек знания становится медитативным в своей духовной дисциплине.

Но если ты спросишь тех, кто познал, все они скажут одно - и это медитация. Только выражения разные: Сахаджо поет песни любви, Махавира говорит о пути знания.

Я хочу дать вам чистое золото, не украшения. Махавира тоже использует золото, но делает украшения знания. Сахаджо тоже использует золото, но делает украшения любви, преданности. Я не хочу давать вам украшений, я хочу дать вам чистое золото. Имя этого золота - медитация.

Седьмой вопрос:

Никто не с Сахаджо, Сахаджо ни с кем. Но такие мудрецы, как Сахаджо, славят и радость сатсанга, пребывания с мастером. Почему такое противоречие?

Никакого противоречия нет. Это кажется противоречием, но это не так. *Никто не с Сахаджо, Сахаджо ни с кем...* Сахаджо говорит: ни кого-то нет с ней, ни она ни с кем-то. Несомненно, Сахаджо описывает *сатсанг*, восхваляет его славу: поиск мудреца, поиск *сатсанга*. Тогда тебе становится трудно понять, что если человек... "ни с кем", тогда кого искать и зачем? Но ты не понял смысла *сатсанга*, отсюда замешательство.

Сатсанг значит быть с человеком, в обществе которого ты *понимаешь*. *Никто не с Сахаджо, Сахаджо ни с кем. Сатсанг* просто значит быть рядом с человеком, с которым ты

осознаешь свое одиночество. Толпа - это не сатсанг. Ты играешь в карты в клубе: это не сатсанг, потому что ты забываешь свое одиночество. Это наркотик, интоксикант. Ты сидишь в кинотеатре: это не сатсанг, там большая толпа. Ты топишь себя, забываешь себя. Ты себя беспокоишь, тебя беспокоит чувство одиночества. Тебе скучно, и ты пытаешься утопить это в обществе кого-то другого и забыть себя.

Сатсанг случается, когда ты сидишь с человеком, в присутствии которого ты не можешь забыть себя, но можешь только вспомнить себя. Это не интоксикант, но будильник. Сатсанг значит быть в присутствии человека, с которым ты осознаешь свое одиночество, свое чистое существо. Если тысяча людей сидят в сатсанге, даже тогда нет толпы. Каждый сидит один. Каждый сидит в своем одиночестве.

Однажды случилось так, что Будда остановился за городом. Императором этого города был Аджатшатру, и, как все императоры, тот был всегда испуган и полон сомнений. Его министры сказали:

- Ты должен пойти и встретить Благословенного. Он прибыл, он остановился за городом. Такие моменты очень ценны. Приличия требуют, чтобы ты пришел и встретился с ним.

Аджатшатру сказал:

- Сколько там человек? Почему они там?

Он спрашивал все, что может спрашивать политик, производя одновременно тысячу подсчетов.

Министры сказали:

- С ним десять тысяч монахов.

В конце концов, сопоставив все факты, Аджатшатру отправился в путь. Добравшись до рощи, где в тени манговых деревьев остановился Будда со своими десятью тысячами монахов, он внезапно остановился. Он вытащил меч и сказал министрам:

- Я чувствую здесь какой-то заговор. Вы мне сказали, что здесь десять тысяч человек, но я не слышу ни одного голоса. Эта манговая роща кажется абсолютно пустой. Здесь никого нет. И, конечно, здесь нет десяти тысяч человек. Там, где десять тысяч человек - целая колония, рыночная площадь.

Министры рассмеялись. Они сказали:

- Вложи обратно свой меч. Ты не знаешь Будду и его монахов. Здесь десять тысяч, но каждый из них один. Здесь нет толпы. Пойдем, не бойся.

В панике и страхе Аджатшатру пошел дальше и увидел десять тысяч человек, сидящих под деревьями небольшими группами - и все же все они были индивидуальностями, одиночками. Он подошел к Будде. Он сказал:

- Я никогда не видел ничего подобного. Что все эти люди здесь делают? Почему эти десять тысяч человек так молчаливы? Почему они не разговаривают?

- Они пришли ко мне научиться молчанию, - сказал Будда, - не научиться говорить. Они пришли ко мне, чтобы быть одиночками.

Сатсанг значит пространство, в котором ты можешь быть один. Ищи общества того, кто разбудит тебя и сделает тебя одиночкой.

Никто не с Сахаджо, Сахаджо ни с кем - когда ты это знаешь, это и есть сатсанг.

На сегодня хватит...